ОТ СОЛДАТА ДО ГЕНЕРАЛА

Воспоминания о войне

Том 13

Академия исторических наук

ОТ СОЛДАТА ДО ГЕНЕРАЛА

Воспоминания о войне

Том 13

Москва
Академия исторических наук
2010

УДК 82-92 "1941/45"
ББК 84Р7-4
О80

О 80 От солдата до генерала. Воспоминания о войне. Том 13. — М.: Академия исторических наук, 2010.-499 с.

ISSN 1818-6688 (print)
ISSN 1818-6696 (on-line)

ISBN 978-5-903076-20-8 (т.13)
ISBN 5-903076-05-X

В настоящем томе публикуются воспоминания советских участников боевых действий Второй мировой войны, подготовленные ими в рамках целевой программы Академии исторических наук. В томе представлены в авторской редакции воспоминания 50-ти ветеранов войны, проживающих в городе Ухта.

Эта книга является источником для научных исследований, бесценным материалом при подготовке новых учебных пособий и литературных произведений, а также полезной людям, интересующимся военной историей.

Многотомник является некоммерческим изданием и распространяется по установленному Академией перечню получателей. Первыми получателями являются 50 ветеранов-авторов статей и 50 их студентов-помощников, организаторы и преподаватели университета, а также библиотеки университетов, школ и организаций. По четыре экземпляра предназначены для передачи бесплатно в каждый регион России - по одному экземпляру в библиотеки музея, университета, ветеранской организации и главы исполнительной власти субъекта Российской Федерации. Предусмотрены бесплатные экземпляры для библиотек руководителей государств и зарубежных университетов. 100 экземпляров передаются ветеранам для вручения музеям подшефных школ, а также студентам - для вручения музеям учебных заведений, в которых они еще учатся или уже закончили. Начиная с 7-го тома, книга издается в 1000 экземплярах.

На Web-странице **www.ainros.ru** Академии исторических наук размещаются все тома для бесплатного чтения и копирования.

Издание тома осуществлено на средства ООО «Газпром трансгаз Ухта» (генеральный директор, депутат Государственного Совета Республики Коми Захаров Анатолий Алексеевич)

УДК 82-92 "1941/45"
ББК 84Р7-4

ISSN 1818-6688 (print)
ISSN 1818-6696(on-line)

ISBN 978-5-903076-20-8 (т.13)
ISBN 5-903076-05-X

Посвящается величию
Подвига Солдата
Великой Отечественной войны

Дорогой читатель!

Перед Вами книга солдатских мемуаров. Это волнующие, искренние, простые и правдивые рассказы опаленных войной защитников Отечества. С честью и достоинством они прошли через огонь и дым пожарищ величайших сражений, народ назвал их Солдатами Победы.

Никто не забыт! Ничто не забыто!

Оглавление

Предисловие к изданию

Во всемирной истории Вторая мировая война занимает особое место. Главным героем священной войны с фашизмом стал советский солдат. В грозный час смертельной опасности он не дрогнул, не пал духом, не склонил голову перед захватчиками. Не щадя себя в яростных и ожесточенных боях, сражаясь за каждый рубеж и высоту, он остановил врага у стен Москвы, обескровил отборные войска, покорившие Европу, а затем отбросил их на сотни километров, одержав первую историческую победу под Москвой.

Это он окружил и уничтожил крупнейшую группировку врага под Сталинградом, разгромил его хваленые танковые армады на Курской дуге, форсировал Днепр, освободил блокадный Ленинград, все наши земли, а затем и народы Восточной Европы, штурмом взял Берлин, водрузил Красное знамя над рейхстагом и принес народам мира Победу. Она стала возможной в результате великого единения армии и народа, большой организаторской деятельности ВКП(б) и всех государственных органов, подвига солдата и труженика тыла, партизана и подпольщика. Эта слава на века, радость и гордость, слезы и горечь утрат, клятва помнить павших в боях, наука побеждать - урок недругам, зарящимся на чужие земли. Победа - это Знамя, которое объединяет всех людей Земли.

Выдающийся полководец и Маршал Победы Г.К. Жуков высоко оценил роль солдата в этой войне: «Кровью и потом солдата добыта Победа над сильным врагом. Он умел прямо смотреть в глаза смертельной опасности, проявил высшую воинскую доблесть и героизм. Нет границ величию его Подвига». Свой знаменитый труд «Воспоминания и размышления» прославленный маршал посвятил советскому солдату.

Всемирно-историческое значение Великой Победы в послевоенный период описано и доказано арсеналом фундаментальных военных трудов по истории, исследованию и изучению опыта Второй мировой войны.

Вместе с тем в военной мемуарной литературе преобладают воспоминания полководцев и видных военачальников. Даже мемуары командующих армиями стали

появляться лишь в последнее десятилетие. Крайне редко издаются солдатские мемуары рядовых, сержантов, старшин, командиров взводов, рот, батальонов и им равных в различных родах войск и служб.

Не бывает армий без солдат, а боя - без бойцов. Именно они составляют основную массу непосредственных участников боевых действий, исполнителей замыслов и решений командиров и начальников. Лицом к лицу встречались они с врагом, смерть ходила рядом, но им выпало жить. Они - носители и первоисточники самой подробной, детальной, объективной и достоверной информации, интеграция и анализ которой позволяли командирам и штабам получить наиболее полную, правдивую и обоснованную оценку хода и результатов боя.

Первыми, кто пытался собрать и издать солдатские мемуары, были известные писатели С.С. Смирнов и К.М. Симонов. Их выступления по телевидению, радио и в печати пользовались большой популярностью, но по ряду объективных причин, таких, как значительная стоимость работ и недостаточный материально-технический уровень издательской базы, эта работа продолжения и развития не получила. Были и причины субъективные, к которым следует отнести недооценку значения солдатских мемуаров.

Память о войне неподвластна времени, интерес к героическому подвигу армии и народа продолжает возрастать. Открываются новые страницы патриотизма, геройства, стойкости, силы духа, верности долгу, мужества, чести и доблести. В них - ключи к решению многих задач, стоящих перед современным обществом.

Народная мудрость гласит: чтобы понять и оценить настоящее и предвидеть будущее, надо знать и помнить прошлое. Память о войне направляет наши мысли на патриотические дела в интересах народа и государства.

Празднование 60-летия Великой Победы подтвердило важное значение солдатских мемуаров как источников новых знаний о войне.

Редеют ряды ветеранов, и поэтому становится бесценной фронтовая, подлинная и достоверная, простая солдатская правда о войне. В этой связи потребность собрать, сохранить и

издать воспоминания всех участников боевых действий стала еще более актуальной.

Большой размах и авторитет в стране приобрело ветеранское движение. Ветеранские организации вместе с учебными заведениями стали ведущей силой в решении задачи воспитания у молодого поколения высокого чувства патриотизма, долга и готовности к служению Отечеству.

Благодаря помощи и активному участию Московского комитета ветеранов войны проведена работа по созданию многотомной серии воспоминаний всех участников боевых действий Второй мировой войны - от солдата до генерала. Для оказания помощи в подготовке воспоминаний к каждому ветерану прикрепляется студент учебного заведения. Совместная работа ветеранов и студентов имеет огромное воспитательное значение.

Достигнутый уровень компьютеризации учебных заведений и современная полиграфическая база способствуют решению задачи издания воспоминаний всех участников войны. Стало возможным с высоким качеством и в короткие сроки издавать серию книг до 50 воспоминаний в каждом томе с фотографиями ветерана и студента. За счет спонсорской помощи предпринимателей и организаций предыдущие тома издавались в количестве 750-850 экземпляров. По просьбе ветеранов и студентов, начиная с 7-го тома тираж увеличен до 1000 экземпляров: безвозмездно по 2 экземпляра передаются ветеранам и студентам, а остальные 800 экземпляров в библиотеки ведущих университетов, музеев, ветеранских организаций и глав исполнительной власти всех регионов России, а также в библиотеки ведущих зарубежных университетов мира.

Опыт взаимодействия ветеранской организации 4-й гвардейской танковой армии, Московского комитета ветеранов войны в целом и факультета военного обучения Московского авиационного института (государственного технического университета) по подготовке воспоминаний ветеранов войны стал использоваться в 2003-2005 годах факультетами и кафедрами военного обучения еще четырнадцати российских высших учебных заведений:

- Московского авиационно-технологического университета,

- Московского государственного горного университета,
- Московского государственного лингвистического университета,
- Московского государственного строительного университета,
- Московского государственного технического университета им. Косыгина,
- Московского государственного университета природоустройства,
- Московского инженерно-физического института (государственного университета),
- Московского энергетического института (технического университета),
- Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова,
- Российского государственного технологического университета им. К.Э. Циолковского,
- Московского государственного агроинженерного университета им. В.П. Горячкина,
- Кубанского государственного аграрного университета
- Кубанского государственного технологического университета,
- Кубанского государственного университета.

С октября 2003 года на кафедре истории Московского авиационного института была проведена работа по привлечению к этому движению студентов-первокурсников. Добровольная активность студентов кафедры превзошла все ожидания – только за один семестр они способны подготовить материалы на целый том. Их работа представлена в 7-м томе.

Приобретенный опыт использован университетами и молодежными организациями Москвы, Московской, Смоленской и Тамбовской областей, который представлен в 8-м томе, а Краснодарского края в 9-м томе настоящего издания.

По инициативе Межвузовского центра по историческому образованию в технических вузах Российской Федерации (директор центра - профессор В.С. Порохня), Федеральное агентство по образованию Министерства образования и науки Российской Федерации письмом от 1 октября 2008 года № ФАО-14868/12-16 рекомендовало

учреждениям высшего профессионального образования России провести работу по привлечению преподавателей истории и студентов для создания каждым Вузом своего тома. Благодаря такому предложению, в учебном процессе российских университетов внедряется новая элективная форма учебно-исследовательской работы студентов, которая позволит оказать помощь всем российским ветеранам войн в подготовке рукописей их мемуаров для публикации в настоящем издании. На момент издания 13 тома для публикации в Академию исторических наук поступили мемуары ветеранов-фронтовиков Великой Отечественной войны, в подготовку которых осуществили:

- Липецкий государственный технический университет;
- Воронежский архитектурно-строительный университет;
- Калужский филиал Российского государственного аграрного университета МСХА им. К.А Тимирязева;
- Кемеровский филиал Российского торгово-экономического института;
- Московский государственный текстильный университет им. А.Н. Косыгина;
- Брянский государственный университет;
- Брянский государственный технический университет;
- Брянская государственная сельскохозяйственная академия;
- Саратовский государственный социально-экономический университет;
- Ивановский государственный энергетический университет;
- Ивановский государственный архитектурно-строительный университет;
- Ухтинский государственный технический университет;
- Казанский государственный технический университет им. А.Н. Туполева;
- Кубанский социально-экономический университет.

В конце 2008 года Академия исторических наук совместно с кафедрой истории Московского авиационного института и Местной общественной организацией «Общество воинов-интернационалистов Афганистана района

«Басманный» города Москвы провели эксперимент по подготовке ветеранами воспоминаний об их участии в боевых действиях в 1979-1989 годах в составе Ограниченного контингента Советских войск в Афганистане. В результате этого эксперимента создан 11-й том мемуаров «От солдата до генерала. Воспоминания о войне». В настоящее время кафедра истории МАИ работает над подготовкой мемуаров участников боевых действий во Вьетнаме и Корее.

Это вселяет уверенность в реальности девиза создания многотомных мемуаров «От солдата до генерала. Воспоминания о войне»: «Никто не забыт, ничто не забыто».

Работа студентов с ветеранами продолжается, ее результаты будут основанием для издания очередных томов.

Шоль Евгений Иванович
Президент Академии исторических наук
Пархоменко Владимир Иванович
Председатель Совета ветеранов 4-й гвардейской танковой армии, генерал-майор в отставке

Предисловие к 13-му тому

Тогда, шестьдесят пять лет назад, победив в смертельной схватке с врагом, наш народ отстоял саму возможность жить. С тех пор память об этом стала для нас необходимым условием жизни. Победа задала особый общенациональный календарь новейшей истории России. Она стала источником духовной силы для мирной, созидательной работы во всю послевоенную эпоху. Мы дорожим ею, как одним из величайших достижений страны. Мы сознаем себя наследниками победителей.

Человеческая память – это не статический носитель информации. Она живая. И для поддержания своей жизни она требует специальных усилий: нравственных, интеллектуальных, даже физических. Чтобы помнить трагические страницы истории Великой Отечественной войны, их надо перечитывать, изучать и постоянно дополнять, вновь и вновь обращаясь к архивам, научным исследованиям, мемуарам и, наконец, к устным свидетельствам очевидцев. И в этом отношении проект «От солдата до генерала» особо ценен. История войны должна быть как можно подробнее записана.

Я хорошо помню то время, когда тема войны почти ежедневно звучала на радио и телевидении, на всевозможных встречах ветеранов войны со школьниками, студентами, рабочими коллективами. Затаив дыхание, мы слушали «…об огнях-пожарищах, о друзьях-товарищах…». И все, что мы зовем любовью к Родине, в такие часы концентрировалось для нас в чувстве сопереживания этим поседевшим героям. Мы восхищались, гордились, сострадали, исполнялись решимости быть достойными их великого подвига.

С каждым годом мы все острее чувствуем потребность запомнить каждое слово ветеранов о войне. И кому, как не студентам университетов, надлежит стать их верными помощниками в святом деле восполнения летописи Великой Отечественной войны. Это лучшая из возможных форм изучения отечественной истории. Это прекрасное средство нравственного, патриотического воспитания. Поэтому на предложение Академии исторических наук об участии в проекте «От солдата до генерала» кафедра истории и культуры Ухтинского государственного технического университета

откликнулась не просто с готовностью, но с самым горячим энтузиазмом.

Воодушевление преподавателей легко передалось студентам, ведь в России, наверное, нет человека, для которого война не была бы одной из важнейших тем семейного предания. Разговор о войне – это всегда еще и воспоминание о своих дедушках, бабушках, родственниках. Сто пятьдесят студентов университета встретились и побеседовали с 65-ю ветеранами войны. Записи этих бесед, воспоминания ветеранов и составили очередной том многотомника «От солдата до генерала».

Заслуживают отдельного внимания впечатления студентов об этих встречах. Более всего их поразила жизнестойкость ветеранов. «Люди с такой закалкой не могли не победить», - так отозвался о них один молодой человек. Это правда, и эту мысль можно и должно продолжить: наших ветеранов отличает какое-то удивительно светлое восприятие жизни. Закалённость, даже суровость их духа проистекают от любви к жизни и к людям, к Родине, которую нельзя отдать на поругание врагу, а потому бить врага следовало крепко, воевать – на совесть.

Книга, которую читатель держит в руках, свидетельствует об этом. Уверен, никого не оставят равнодушными эти бесхитростные рассказы. Здесь много живых картин человеческой скорби и радости.

Да, эта книга будет очень полезна студентам. Читая ее, я как-то особенно остро прочувствовал, что все ее герои во время войны были совсем молодыми людьми. Почти все они на войну пошли в семнадцать, восемнадцать, девятнадцать, двадцать лет. Сегодня в этом возрасте наши дети поступают и учатся в вузах. А тогда война стала одним большим университетом для всех молодых людей. И диплом у них был один на всех – Победа.

Ветераны – наши лучшие учители. Когда думаешь об их Подвиге, стыдно становится за все наши кризисы, за те страхи, которые они нагоняют на нас. А ведь, наверное, сотой, тысячной доли того духа победителей, который стяжали наши ветераны, хватило бы, чтобы разделаться со всеми кризисами нашего времени.

Я глубоко благодарен всем, кто сделал эту книгу возможной, и прежде всего – всем ветеранам, чьи воспоминания составили его. Конечно, для меня как ректора Ухтинского государственного технического университета особенно ценно читать здесь воспоминания ветеранов, работавших в университете: Лидии Федоровны Мисихиной, Михаила Егоровича Уляшева, Гамира Шамсутдиновича Хусаинова.

Я благодарю сердечно студентов, собравших эти воспоминания, а также преподавателей и сотрудников кафедры истории и культуры, руководивших студентами: А.Н. Кустышева, В.Н. Бубличенко, О.И. Беляеву, Т.И. Шемиченко, В.В. Юрченко, Т.А. Корнет. Спасибо редакции газеты «НЭП» и лично президенту корпорации «НЭП» Д.А. Алексееву: часть материалов была передана нам журналистами газеты. Большое спасибо Ухтинской городской организации ветеранов войны, труда, вооруженных сил и правоохранительных органов, лично председателю Э.В. Леканову, ответственному секретарю И.Г. Виричевой, а также В.И. Свиридову. Спасибо С.Л. Данилюку за большую помощь в компьютерной обработке фотографий. И, конечно, я искренне благодарю генерального директора ООО «Газпром трансгаз Ухта» Анатолия Алексеевича Захарова за финансовую помощь, благодаря которой и состоялось издание этой книги.

Будем учиться у ветеранов! Будем всегда с благодарностью помнить их Подвиг. И будем, как они, побеждать!

Цхадая Николай Денисович,
Ректор Ухтинского государственного технического университета, председатель Совета ректоров вузов Республики Коми, профессор

Память о войне не должна уходить со временем

Мы удивляемся тому, что не любят ветераны вспоминать о войне. Но, ведь, это для слушателя или читателя воспоминания чужого человека – как увлекательный рассказ. А для каждого ветерана – сама жизнь. Им приходится возвращаться к трагическим событиям военного времени и заново переживать то, что хочется похоронить в своей памяти…

Великая Отечественная война была страшной и жестокой. А солдаты ее были обычными людьми, такими как мы с вами. Очень многие из них были совсем молодыми… И сердце каждого солдата вмещало огромную надежду на то, что он победит, выйдет живым из боя, и что доживет до того дня, когда умолкнут взрывы! Дома, на родине, их с такой же огромной надеждой ждали матери, жены, дети.

С того дня, когда закончилась Великая Отечественная война, прошло 65 лет. Возраст даже самых юных участников войны сегодня весьма почтенный. К горькому сожалению мир устроен так, что с течением времени изменяется многое: уходят события, отодвигаются в прошлое эпохи, уходят из жизни люди… С каждым годом редеет строй ветеранов Великой Отечественной. И надо успеть отдать им хотя бы долю того тепла и уважения, которого достойны люди, самой дорогой ценой – ценой своей жизни отстоявшие свободу своего Отечества.

В 10-тысячном коллективе «Газпром трансгаз Ухта» сегодня 42 ветерана и 217 тружеников тыла, блокадников и узников концлагерей. Находясь на заслуженном отдыхе, они уже не работают на производстве. Но вклад их в развитие и становление предприятия неизмеримо высок. В Обществе «Газпром трансгаз Ухта» это хорошо понимают и знают поименно каждого из живущих ныне ветеранов Великой Отечественной войны.

Чтобы память о подвиге ветеранов не меркла со временем, еще 10 лет назад в «Севергазпроме» (ныне ООО «Газпром трансгаз Ухта»), в честь 55-летия Победы в Великой Отечественной войне, была издана книга о ветеранах – участниках войны. В книгу вошли воспоминания более 200 бывших солдат и офицеров, в разное время работавших в

нашем коллективе. Прошло десять лет и сегодня из наших героев осталось в строю 42 ветерана…

Не забыты те, кто ушли из жизни, не дожив до сегодняшнего дня. Память всех ветеранов, работавших в нашем коллективе, увековечена в музее боевой славы ООО «Газпром трансгаз Ухта», залы которого были торжественно открыты еще в 1999 году. За годы его существования там побывало более 10000 ухтинцев и гостей города. Большинство из посетителей – молодежь: школьники, студенты, молодые специалисты.

Это радует не только ветеранов войны, но и наших коллег, которые родившись спустя годы после окончания Великой Отечественной, тем не менее, на себе ощутили последствия военного времени. Радует потому, что подвиг воинов-защитников – это пример глубокого патриотического отношения к своей стране, к земле? на которой мы живем, которую искренне любим. Это пример высокой воспитательной силы. Если молодежь уважает подвиг защитников Отечества, значит, с будущим этой страны все в порядке.

Память о войне не должна уходить со временем. Мы хорошо понимаем, как важно сохранить каждую частичку знаний об ужасах войны с фашизмом для ныне живущих молодых и завтрашних, еще не рожденных, поколений россиян. Именно поэтому в День Победы в нашем коллективе снова будет настоящий праздник, полный торжества Победы и преклонения перед подвигом тех, кто сумел её завоевать. И главными участниками праздника снова станут ветераны Великой Отечественной войны, которых мы никогда не забываем в нашей повседневной жизни.

Каждый новый проект, призванный увековечить память о событиях Великой Отечественной войны, о подвиге людей, отстоявших свободу своего Отечества, всегда находит поддержку коллектива Общества «Газпром трансгаз Ухта». Поэтому мы приняли самое заинтересованное участие в финансировании издания книги воспоминаний ухтинцев – ветеранов Великой Отечественной войны.

Новая книга – зримое подтверждение тому, что память жива. Это благодарная память поколений людей, не знавших войны, но хорошо понимающих, насколько трудная и

трагическая судьба досталась их отцам и дедам, насколько хрупок мир вокруг нас, и как бережно надо относиться к мирным завоеваниям героев Великой Отечественной.

Захаров Анатолий Алексеевич,
генеральный директор ООО «Газпром трансгаз Ухта»,
депутат Государственного Совета Республики Коми

Связь поколений

Меняется время, меняется жизнь, меняются даже праздники, но никогда не померкнет подвиг народа в Великой Отечественной войне, праздник Победы.

Мы помним, что в годы войны на фронт ушло 13 тысяч 487 ухтинцев, почти каждый третий из них погиб в боях.

Одним из них был Николай Дмитриевич Маринченко. На фронтах Великой Отечественной войны с июля 1942 года он сражался под Ленинградом и на Курской дуге. Погиб 12 июля 1943 года. Командиру взвода 457-го стрелкового полка (129-я стрелковая дивизия, 63-я армия, Брянский фронт) лейтенанту Маринченко Н. Д. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 августа 1943 года присвоено звание Героя Советского Союза посмертно.

Из нашего города ушел на войну и человек, награжденный впоследствии всеми тремя орденами Славы – Василий Андреевич Забоев (скончался от ран 14 ноября 1945 г.). В городе Ухте до 1993 года жил Александр Митрофанович Язов, который за свои ратные подвиги также был награжден орденами Славы 1-й, 2-й и 3-й степеней.

Сейчас в городском округе проживают 190 участников войны. Все они, наши фронтовики, подарили нам этот День Победы, который с новой силой вызывает сильнейшее чувство гордости за свою страну и ее народ.

Книга «От солдата до генерала» включает в себя воспоминания ухтинцев, участников Великой Отечественной войны. Ее выход стал возможен благодаря подвижнической работе студентов Ухтинского государственного технического университета, которые в канун 65-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне (1941-1945 гг.) встречались с живыми участниками этого грандиозного сражения и записали их воспоминания. Сегодня ценность подобных материалов неимоверно возрастает, в связи с тем, что фронтовиков становится все меньше.

Герои книги – смелые, честные люди с пламенными сердцами, ставшие в суровое время на защиту своего Отечества. Их молодость была опалена войной. Время берет свое. Многое стерлось из памяти ветеранов. Сегодня за дымкой минувших лет можно не разглядеть какие-то детали.

Однако события на Волховском, Центральном, Белорусском, Украинском и других фронтах, где воевали наши земляки, оставили в их сознании такой неизгладимый след, что кажется, как будто это было только вчера, а не 65 лет назад.

Эти события тайна памяти раскрывает живым словом очевидцев, людей, имеющих боевой опыт, испытанных в различных условиях на верность Родине. Воспоминания людей, прошедших Великую Отечественную войну, отличаются от того, как освещается война в средствах массовой информации: они более откровенны, эмоциональны, они – «живые», воспроизводят события войны без купюр и прикрас. Ветераны учат: мало быть патриотом России, мало презирать смерть ради выполнения долга, надо еще обладать высокой человечностью, способностью в своей, пусть и небольшой, роли видеть то грандиозное, чему служишь. И такую откровенность, вероятно, следует поощрять и принимать в духовный арсенал общества. Вот он - «момент истины».

Я уверен, что современная молодежь, общаясь с ветеранами, мысленно ставит себя на их место и учится у них также беззаветно любить свою Родину, а при необходимости – защитить ее. Это своеобразная связь поколений. Она важна современному обществу, поскольку укрепляет его через формирование у молодого поколения активной гражданской позиции.

От всех ветеранов войны хочется сказать слова благодарности ректору Ухтинского государственного технического университета, профессору Цхадая Николаю Денисовичу за организацию работы по патриотическому воспитанию студенческой молодежи, генеральному директору ООО «Газпром трансгаз Ухта», депутату Государственного Совета Республики Коми Захарову Анатолию Алексеевичу, благодаря финансовой поддержке которого стало возможным издание этой книги.

И, конечно же, мы выражаем признательность преподавателям кафедры истории и культуры УГТУ, прежде всего Кустышеву Андрею Николаевичу и Бубличенко Владимиру Николаевичу, их студентам.

«Я помню, я горжусь» - эта фраза стала лейтмотивом их работы по сбору воспоминаний. И для каждого из них – это не

пустые слова, а проявление гордости за Россию, основой которой является историческая Память.

Книга «От солдата до генерала» – это реальный вклад учащейся молодежи Ухтинского государственного технического университета в подготовку празднования 65-летия Победы в Великой Отечественной войне (1941-1945 гг.).

Хочется верить, что воспоминания ухтинских ветеранов прочтут многие, а искренние строки авторов никого не оставят равнодушными.

Леканов Эдуард Васильевич,
Председатель Ухтинского городского Совета ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов

Пока не захоронен последний солдат

История города складывается из судеб его жителей, их больших и малых дел, их отношения друг к другу, к своей земле, к памяти о прошлом. В Ухте с ее трагической и героической историей всегда культивировалось трепетное отношение к подвигу народа и подвигу отдельной личности.

Наш молодой северный город не был непосредственно затронут войнами и революциями, но среди его жителей – в настоящем и прошлом – немало фронтовиков, ленинградцев, переживших блокаду, узников фашистских концлагерей – всех тех, по чьим судьбам Великая Отечественная война прошла самым жестоким образом. Конечно, в городе всегда с глубоким уважением чествовали ветеранов, но лишь недавно, в стенах Ухтинского государственного технического университета, появилось новое для Ухты общественное движение – поисковое.

В истории советского периода найдется немного событий, абсолютная ценность которых признавалась бы столь безусловно и единодушно. Великая Отечественная война занимает среди них особое место. Уже в ходе боевых действий наметились, как минимум, две тенденции освещения ее событий. В первую очередь основное внимание уделялось обобщению боевого опыта войск, но одновременно с этим существенное место отводилось пропаганде массового героизма бойцов и командиров на полях сражений. Указанные тенденции сохранились и в последующие годы. Однако, под влиянием идеологических установок советского руководства изучение событий Великой Отечественной войны стало носить тенденциозный, идеализированный и односторонний характер, негативные явления замалчивались, созданные мифы глубоко вошли в сознание общества. Введение в научный оборот новых источников создало для исследователей более благоприятные условия для объективного изучения периода Великой Отечественной войны. Расширилась тематика и постановка проблем, наметились новые подходы в освещении известных событий.[1]

Развитие традиций по увековечению памяти о защитниках Отечества, установлению имен и судеб погибших бойцов Красной Армии – это не только дань памяти

народному подвигу, но и необходимое условие разработки новой научной концепции отражения Советским Союзом фашистской агрессии. Поэтому появление поисковых отрядов именно в вузах, имеющих серьезную научную базу, представляется совершенно закономерным.

В силу объективных и субъективных причин многие из бойцов остались незахороненными, считаются пропавшими без вести, их родственники не имеют сведений о фронтовой судьбе своих близких. Поисковые отряды призваны ликвидировать такие пробелы. Их участниками становятся молодые люди – школьники и студенты, которые стремятся ближе прикоснуться к событиям прошлого, искренне и бескорыстно оказать помощь в восстановлении исторической справедливости.

Датой зарождения поискового движения в городе Ухте следует считать апрель 2006 года, когда по инициативе директора музея Е.А. Зеленской, заведующего кафедрой истории и культуры А.Н. Кустышева и при поддержке ректора, профессора Н.Д. Цхадая преподавателем вуза В.Н. Бубличенко в Ухтинском государственном техническом университете был сформирован поисковый отряд «Ухтинец». В его состав вошли два преподавателя и четверо студентов (А. Гончаров, А. Николенко, А. Носов, Е. Терентьев).

Созданию отряда предшествовала подготовительная работа, которая началась летом 2005 года и была связана с проведением краеведческой экспедиции в г. Холм Новгородской области, где в годы войны сражался и попал в плен наш земляк Федор Калинович Брагин. Собранный материал стал основой для доклада студентки УГТУ Елены Толстиковой, с которым она выступила на республиканской конференции «Политические репрессии в Коми и на Севере России: организаторы и жертвы. [2]

Фронтовая судьба Ф.К. Брагина во многом показательна. Он оказался участником ожесточенных боев зимой-весной 1942 г. на стратегически важном участке Северо-Западного фронта в Старорусском районе Новгородской области. К моменту его прибытия в действующую армию успешное наступление 3-й и 4-й Ударных армий из района Осташкова в направлении Торопца, Великих Лук и Холма позволили советским войскам нанести поражение войскам противника.

В ходе дальнейших боевых действий в районе Залучья и Холма образовались внутренний и внешний фронты окружения Демянской группировки немцев численностью около 70 тыс. человек. [3] Упорные бои в этом районе вели к значительным потерям с обеих сторон, а болотистая местность не всегда позволяла похоронить погибших. Многие из них пропали без вести и остались не похороненными. Об этом свидетельствуют результаты Вахты Памяти в 2004 году, когда поисковые отряды «Северная звезда» и «Поколение» из Республики Коми совместно с поисковиками Новгородской области «Долина» в районе Рамушевского коридора подняли останки 68 воинов Красной Армии. [4]

В одном из боев Ф.К. Брагин был тяжело ранен. Товарищи считали его погибшим, но он остался жив и попал в плен. После освобождения из него получил шесть лет спецпоселений. Наказание отбывал на одном из лагпунктов Ухтижемлага. После этого остался жить на Севере. Только в 1993 году по ходатайству председателя общества «Сосногорский мемориал» Г.И. Устиловского Федор Калинович был реабилитирован и получил статус участника войны.

Планируя участие отряда «Ухтинец» в весенней Всероссийской Вахте Памяти 2006 года, организаторы рассчитывали, что многообещающим районом для проведения поисковых работ может стать участок на стыке Северо-Западного и Калининского фронтов (граница Новгородской и Псковской областей). Во-первых, это позволяло продолжить начатое в 2005 году изучение фронтовых судеб наших земляков. Во-вторых, открывалась возможность расширить район поисковых работ. Наконец, в-третьих, за организацию работ на линии Калининского фронта выступал председатель совета ветеранов 28-й Невельской Краснознаменной стрелковой дивизии И. П. Конюхов.

Отметим, что еще в ходе Торопецко-Холмской наступательной операции с 22 января 1942 года 3-я Ударная армия была передана в состав Калининского фронта. [5] Сформированная же в середине декабря 1941 – начале апреля 1942 г. в Котласском районе из жителей Коми АССР, Архангельской, Вологодской и Кировской областей 28-я стрелковая дивизия (нового состава) к началу Великолукской

наступательной операции входила в состав именно этой армии. [6] Совместно с ухтинскими поисковиками на Вахту Памяти – 2006 выехал отряд «Наследие» (г. Сыктывкар, руководитель С.В. Таскаев) и радиоклуб «Парма» (г. Сыктывкар, руководитель С.А. Вахнин).

Отряд «Ухтинец», прибывший на место ведения поисковых работ в г. Великие Луки, был размещен в окрестностях бывшей деревни Креплянка на позициях, где, начиная с конца ноября 1942 г., держали оборону бойцы 9-й, а затем 19-й гвардейских стрелковых дивизий. Сформированные в основном из сибиряков, эти подразделения отражали основной удар оперативной группы противника «Шевалери», которая пыталась прорваться к окруженному гарнизону в г. Великие Луки.

Предварительная разведка местности показала наличие на высотах и склонах разветвленной линии обороны. Несмотря на то, что с момента окончания в этом районе боевых действий прошло немало времени, на местности просматривались углубления от блиндажей, траншеи, пулеметные гнезда, углубления одиночных окопов. На отдельных позициях видны следы раскопок. Возможно, здесь велся поиск незахороненных бойцов Красной Армии. Детальное изучение позиций позволило сделать вывод о том, что на высотах находились советские позиции, а на противоположной низменности в сторону к Новосокольникам – немецкие. Впрочем, в ходе боя ситуация менялась. Населенные пункты, которые располагались в зоне боев, переходили из рук в руки.

Как указывает исследователь О.Ф. Бондаренко-Снитин, гвардейцы-сибиряки, отражая контрнаступление фашистских войск на рубеже Демя-Пупково-Алексейково-Борщанка-Креплянка, несмотря на значительные потери, дрались хладнокровно и яростно, стремились удержать рубеж, удобный для обороны на высотах. [7]

Об одном из эпизодов боевых действий у деревни Креплянка рассказывается в воспоминаниях генерала армии А.П. Белобородова «Всегда в бою». Он вспоминает, что этот населенный пункт был им хорошо известен. Во время прорыва на северо-запад в обход Великих Лук 27 ноября 1942 г. 18-й гвардейский полк разгромил в лощине у деревни штаб вражеской части, в которых было помещено руководство 9-й

гвардейской дивизии. Однако 3 декабря оно вынуждено было покинуть блиндажи в связи с тем, что противник прорвался через Креплянку к своей группировке.

Однажды в ходе проведения разведки четверо бойцов во главе со старшим сержантом Р.В. Рьяновым взяли в плен группу немецких солдат у лощины близ этой деревни. А.П. Блобородов описывает это так. «Старший сержант и его бойцы Хромов, Жидеев, Шориков и Моруввяничев подползли поближе и, взяв автоматы на изготовку, встали над краем лощины. «Руки вверх!» - скомандовал Рьянов. Солдаты выполнили команду, но тут выскочил из блиндажа офицер. Он крикнул: «Фойер!» («Огонь!») - и, заметив замешательство своих подчиненных, выстрелил в одного, который все еще стоял с поднятыми руками. Солдаты схватились за автоматы, но разведчики их опередили и первыми открыли огонь. Оставшиеся в живых гитлеровцы второй раз за эти десять минут подняли руки вверх. Разведчики доставили в штаб дивизии пятерых пленных, в том числе фельдфебеля, и 19 трофейных автоматов.

На допросе выяснилось, что застигнутая в лощине группа солдат - не взвод, как думали разведчики, а целая рота 138-го немецкого горнострелкового полка, точнее ее остатки. Пленные рассказали, что, по слухам, к ним в подкрепление прибыла из Невеля целая пехотная дивизия, что прибывают и другие части. Их номеров они не знали». [8]

Контратаки красноармейцев сопровождались потерями личного состава. В ходе боя некоторые из них оставались на поле и числились пропавшими без вести. Останки одного из таких безымянных героев поисковики отряда «Ухтинец» обнаружили недалеко от траншеи. Он лежал практически на поверхности земли. Наиболее вероятной причиной его смерти стал разрыв снаряда, который разорвал атакующего пополам. Личность погибшего установить не удалось: ни смертного медальона, ни личных вещей у него обнаружено не было. Остались безымянными и два бойца, которых ухтинские поисковики подняли из окопов, расположенных на высоте у бывшей д. Креплянка.

Одной из наиболее важных находок Вахты Памяти – 2006 для отряда «Ухтинец» стал смертный медальон, который был обнаружен в одном из блиндажей. Он был без формуляра,

но его наличие свидетельствовало о том, что, несмотря на приказ НКО №138 от 15 марта 1942г. [9], который отменил солдатские медальоны, в конце 1942 г. они, тем не менее, у бойцов имелись.

Базовым лагерем поисковых работ во время весенней Всероссийской Вахты Памяти-2007 для сводного отряда поисковиков из Республики Коми, в который входил отряд «Ухтинец», стал берег Комшанского озера (Борковская область Великолукского района Псковской области). Именно здесь, в окрестностях расположенной поблизости Святой горы (позднее была переименована в Красную гору), осенью 1943 г. вели ожесточенные бои с противником бойцы 28-й Невельской стрелковой дивизии. Результатом поиска на отвалах стала эксгумация с глубины 10-15 см останков бойцов Красной Армии. Были подняты и их личные вещи (нагрудные знаки «Гвардия», «Отличный снайпер», ложки, хлорницы, противогазы и др.) В общей сложности за время Вахты Памяти-2007 поисковики сводного отряда подняли тела восьми бойцов. Личности ни одного из них установить не удалось.

Боевые действия в 1942-43 гг. на территории Великолукского района отличались ожесточенностью и значительными людскими потерями. Так, только в результате наступательной операции 3-й Ударной армии по окружению и ликвидации группы войск противника в г. Великие Луки потери личного состава насчитывали 31 674 человека убитыми и 72 342 человек ранеными. [10] Совместными усилиями отряда «Ухтинец» и поисковиков из Республики Коми в течение 2006-2007 гг. были обнаружены останки 11 советских бойцов. Их захоронили с воинскими почестями. Фронтовые реликвии, которые были найдены отрядом «Ухтинец» на местах боев, стали основой для экспозиции по истории Великой Отечественной войны в музее Ухтинского университета. В Великолукском районе проходила и поисковая экспедиция 2008 г.

Во время Вахты Памяти-2009 в состав отряда «Ухтинец» входило уже 15 человек. Поиск шел в районе д. Мясной Бор Новгородской области. История этого населенного пункта – одна из самых трагических страниц Великой Отечественной войны. Здесь в апреле 1942 г. в окружение попала 2-я Ударная

армия Волховского фронта. При попытке прорвать окружение погибли сотни тысяч советских солдат. Местные жители, которые были свидетелями тех трагических событий, рассказывают, что в этой лесной болотистой долине погибло столько людей, что не хватало места для того, чтобы похоронить все трупы. В небольшом радиусе от Мясного Бора на сегодняшний день обнаружено около 11 тысяч человеческих останков. По предположениям в этих лесах и болотах Новгородской области находятся останки до 500 тысяч человек, что, на наш взгляд, является преувеличением, вызванным, прежде всего масштабами находок во время ведения поисковых работ в данном районе.

Долгие годы о солдатах 2-й Ударной армии было не принято говорить, поскольку они ассоциировались с именем генерала Власова, который сдался в плен и стал предателем, а его поступок распространялся и на бойцов всей армии, в отличие от своего командира честно выполнивших свой долг перед Родиной. С другой стороны судьба 2-й Ударной не вписывалась в официальные требования по освещению событий Великой Отечественной войны.

Поисковые работы в районе Мясного Бора ведутся уже длительное время – как отдельными поисковиками-энтузиастами, так и отрядами из разных городов России и зарубежья - но до полного их завершения еще очень далеко. В 2009 г. усилиями работавших в Новгородской области поисковых отрядов из Великого Новгорода, Татарстана, Алтайского края, Республики Коми (это сотни поисковиков) были подняты останки 383 бойцов, найдено 17 солдатских медальонов, одна красноармейская книжка, одна медаль. Установлены имена семи солдат. Бойцы отряда «Ухтинец» подняли останки пяти воинов, нашли личные солдатские вещи, которые также пополнят экспозицию музея УГТУ.

Летом 2009 г. ухтинские поисковики вели раскопки в Великолукском районе Псковской области в районе сельского поселения «Борковская волость». Их лагерь располагался на берегу р. Ловать в непосредственной близости от с. Дубневичи. Именно в этом районе в ходе Великолукской операции вела боевые действия 28-я Невельская стрелковая дивизия. Для советских бойцов основную опасность представляли укрепленные позиции, которые располагались в

радиусе трех высот: Красной и Черной горы, а также Пресняковской высоты. Противник укрепил эти позиции, поэтому при их взятии подразделения советских войск несли значительные потери. Многие из них остались не захороненными и остались лежать на поле боя. В ходе поиска бойцам отряда «Ухтинец» удалось поднять останки пяти безымянных героев Великой Отечественной войны. Таким образом, в общей сложности за период с 2006 г. по 2009 г. ухтинскими поисковиками было обнаружено и передано для захоронения 21 останков советских воинов.

Работу поисковиков нельзя назвать легкой, но ее необходимость для общества и государства не вызывает сомнений. Когда ухтинские следопыты уезжают в очередную экспедицию, они получают наказ своих земляков узнать о фронтовой судьбе родственников, пропавших без вести на Псковской или Новгородской земле. Такие просьбы пока выполнить не удалось. В то же время на местах боев, где велся поиск, еще остались необследованные позиции. На них потенциально могут находиться погибшие и непогребенные защитники Отечества, в том числе, возможно, и жители Республики Коми.

Поиск ведется и другими способами. Совсем недавно четверо студентов нефтегазопромыслового факультета УГТУ сумели найти в Интернете архивные материалы, позволившие выяснить военную судьбу нашего земляка, лейтенанта Александра Агафоновича Шарагина, который согласно данным военкомата и сведениям, представленным в «Книге Памяти Республики Коми», до этого момента считался пропавшим без вести. Они установили обстоятельства и дату его гибели, нашли место его захоронения. По обнаруженным данным А.А. Шарагин попал в окружение и был расстрелян немцами в 1942 г. под Феодосией.

Полученные сведения сообщили младшему брату Александра Шарагина, Михаилу Агафоновичу; наши студенты записали его военные воспоминания. Эта работа проводится в рамках подготовки материалов для сборника воспоминаний участников Великой Отечественной войны «От солдата до генерала», который будет издан Академией исторических наук России к 65-й годовщине Победы. В сборник войдут воспоминания ухтинцев.

Поисковое движение имеет смысл, пока не будет захоронен последний солдат и пока остаются безымянные герои. Поиск будет продолжен.

Библиографический список

1. См. например: Боле Е.Н., Сметанин А.Ф. Мобилизация людских ресурсов на фронт в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945.(На материалах Коми АССР) – Сыктывкар. 2005; Герасимова С.А. Первая Ржевско-Сычевская наступательная операция 1942 года (новый взгляд) // Вопросы истории-2005-№5-С.16-29; Ломагин Н.А. Ленинград в блокаде – М. 2005; Лопуховский Л.Н. Прохоровка. Без грифа секретности – М. 2006; Рощевская Л.П. Радиевая промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны (на материалах пос. Водный Ухтинского района Коми АССР) // Коми АССР в годы Великой Отечественной войны – Сыктывкар. 2006.С. 130-140; Сапоговская Л.В. Золотые ресурсы СССР в военно-экономическом противостоянии 1939-1945 годов (постановка проблемы) // Вопросы истории-2005-№5-С. 3-15 и др.

2.Толстикова Е.А. Две жизни солдата Федора Брагина // Политические репрессии в Коми и на Севере России: организаторы и жертвы. Материалы региональной научной конференции (Сыктывкар, 28-29 октября 2005г.) – Сыктывкар. 2006. С. 128-130

3. На Северо-Западном фронте. 1941-1943 / Под ред. П.А. Жилина – М. 1969. С. 8

4. Великая Отечественная война в судьбах жителей Коми республики // Труды Коми отделения Академии военно-исторических наук. Вып. 3. – Сыктывкар. 2005. С.117

5. На Северо-Западном фронте…С. 9

6. Смородов В.М. Ступинский бастион – Великие Луки. 2005. С. 29

7. Подробнее см.: Бондаренко-Снитин О.Ф. Сибиряки в «северном Сталинграде» // Вклад сибирских воинских формирований в разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом (Материалы конференции) – Новокузнецк-Тверь-Великие Луки. 2006. С. 146-147

8.http/ militera.lib.ru / memo / russian /beloborodov 2/ index.html

9. Мерцалов А. Один к пяти //Родина-1991- № 6/7- С.137
10. Бондаренко-Снитин О.Ф. Указ. соч.С. 151

Кустышев Андрей Николаевич,
канд. ист. наук, заведующий кафедрой истории и культуры УГТУ
Бубличенко Владимир Николаевич,
канд. ист. наук, доцент кафедры истории и культуры УГТУ

История поискового отряда «Ухтинец» в фотографиях

Поисковые будни. Великолукский район Псковской области.

Эхо войны. В.Н. Бубличенко и А.В. Гончаров во время вахты памяти. Великолукский район Псковской области. 2006 г.

Боец поискового отряда «Ухтинец» Е. Терентьев у могилы неизвестного солдата. Село Борки, Псковская область, 2007 г.

Поисковики и ветераны войны с ректором УГТУ
профессором Н.Д. Цхадая, 2009 г.

Поисковый отряд «Ухтинец» у памятника в Мясном бору,
Новгородская область, 2009 г.

Бойцы поискового отряда, студенты УГТУ на Поклонной горе, Москва, 2009 г.

Артеев Митрофан Ананьевич

На пороге Рейхстага я постоял всего несколько минут

Я родился 8 ноября 1924 года в селе Ижма Коми АССР. В 1941 году я услышал по уличному радио, что немецко-фашистские войска напали на Советский Союз. Помню, что мы не испугались. Тогда нас воспитывали в духе, что наша армия непобедима. К тому же боевые действия шли далеко от Республики Коми, да и думали, что война закончится быстро.

Шел первый год, как я жил в Ухте. К тому времени я закончил девять классов, отучился в ФЗО (фабрично-заводское обучение) на токаря и был отправлен работать на УМЗ в Ухтинский комбинат НКВД. Мои родители оставались в родном селе Ижма. Там война застала моего младшего брата и двух сестер. Старший брат Прокопий, младший лейтенант, погиб в боях с белофиннами еще в 1940 году под Выборгом. Другой брат Василий служил в армии на Дальнем Востоке с 1939 года. Вначале 1941-го он уже думал о том, что уволится в запас и приедет в Ижму. Только вернуться на родину ему пришлось после войны, да таким путем, о котором он и подумать не мог, – через Берлин. Такой же путь был уготован и мне.

Мы даже не знали, что на протяжении всей войны всегда воевали рядом друг с другом: два брата, один танкист, другой радист, участвовали в боях в Западной Белоруссии, на Украине. Вместе освобождали Брест, Варшаву и многие другие европейские города, но встретились только в главном логове гитлеровцев – столице Германии. Василий воевал в танковой бригаде с первых дней войны, участвовал в самых первых сражениях под Брестом, а меня призвали в армию только в 1942 году.

Вместе с другими новобранцами меня отправили в Архангельск, где я провел три месяца в школе младших командиров, учился в группе радиотелеграфистов. Потом я попал сразу на Центральный фронт в артиллерийский минометный полк. Из Подмосковья мы двинулись на оккупированный немцами Запад.

В нашей дивизии было несколько радистов. Задача – обеспечить радиосвязь со штабом дивизиона и между отдельными группами войск. Передавали радиотелеграммы из части в часть. Мы поддерживали пехоту во время боевых действий, были непосредственно рядом с полком, иногда сидели вместе с солдатами в окопах и траншеях. Радиостанции были большие, тяжелые, весили несколько килограммов. Для питания использовали огромные батареи и таких же внушительных размеров аккумулятор. Приходилось тащить все на себе: и станцию, и автомат, и мешок с продуктами.

При отступлении я надевал радиостанцию на себя, поскольку потерять ее было смерти подобно – могли расстрелять. Так что с ней мы были неразлучны. Нередко противник запускал шумы на разных частотах, чтобы оборвать такую нужную связующую нить. Потом много драгоценного времени уходило, чтобы скорректировать другого радиста на смену частоты или к переходу на запасную волну.

Со временем я набил руку по установке антенны, которую обычно ставил чуть выше травы. От этого искусства всецело зависела слышимость, а значит, четкость и точность информации. Ответственность была колоссальная, сосредоточенность максимальная. Вокруг гибли мои товарищи, десятками, сотнями, а я не должен был отвлекаться, надо было настраивать частоты и соединять командиров частей. Потом я перестал обращать внимание на взрывы

снарядов, танки, постоянный обстрел и даже на немцев, которые иной раз были совсем близко.

Удивительно, но за период войны, я ни разу не был ранен, осколки снарядов только несколько раз царапнули мою одежду.

Нас зовет Отчизна, нас зовут братья-поляки!

В начале 1945 года настрой сменился, появились воодушевление, сладостное предчувствие победы. С освобождения Варшавы и началось, по сути, победоносное шествие нашей армии.

С 14 января по 3 февраля 1945 года я участвовал в Варшавско-Познаньской операции войск 1-го Белорусского фронта, проведенной совместно с 1-й армией Войска Польского. 16 января мы переправились через Вислу и захватили важный стратегический плацдарм. Уже вскоре город был взят в кольцо.

Мы наступали в южной группе войск, а соединившись с северной группой, вышли в тыл варшавской группировке противника. Продолжали стремительно продвигаться вперед, перерезали дороги, ведущие из Варшавы. Гитлеровцам грозило полное окружение. Уже через три дня столица Польши стала свободной. Мы все братались с поляками. После того как танки с пехотинцами на броне прорвались в направлении главного вокзала Варшавы, польские солдаты сбросили флаг со свастикой с горевшего семнадцатиэтажного небоскреба и водрузили двухцветное знамя народной Польши.

Я до сих пор не могу забыть худых и заморенных людей, которых мы освобождали из немецких концлагерей. Они были разных национальностей: русские, поляки, евреи, цыгане… и все братались с освободителями. Еще я помню безрадостную картину освобожденной Польши: по обочинам дороги двигалась бесконечная вереница людей. Худые, усталые, они возвращались в родные места.

Я участвовал и в знаменитой Берлинской наступательной операции.

На пороге Рейхстага

Помню, что наступление длилось больше трех недель: с 16 апреля по 8 мая 1945 года. 25-26 апреля я в составе

стрелкового батальона, усиленного танками, артиллерией и саперами, штурмовал Берлин.

Немцы тщательно продумали оборону города и хорошо подготовились. Чем ближе мы подходили к центру, тем оборона становилась плотнее. Окна и двери многих зданий заделывались и превращались в амбразуры для ведения огня. Улицы перекрывались мощными баррикадами толщиною до четырех метров. В городе было очень сложно воевать, чуть ли не в каждом доме прятались немецкие снайперы.

Я выходил на связь с частью в определенное время. Узнавал, когда планируется связаться вновь, через 10 или через 20 минут. Это было принципиально важно. Удивительно, но на улицах Берлина в первый раз за все время войны я случайно встретил своего старшего брата Василия. На пороге Рейхстага я постоял всего несколько минут, поскольку радистов срочно перебросили в другое место.

Ранним утром 1 мая над Рейхстагом был поднят штурмовой флаг 150-й стрелковой дивизии, однако бой за Рейхстаг продолжался еще весь день. Я помню, что искал нужную радиочастоту и вдруг на иностранном языке прозвучало: «Гитлер капут!» Рассказал всем ребятам, но почему-то верилось с трудом. Потом, уже мы были где-то возле реки Одер под Берлином, 8 мая, тоже по радио, я узнал о Победе. Мы кричали «ура!», плакали от счастья и обнимались, стреляли из винтовок и салютовали. Это была великая радость, которая до сих пор изливается слезами счастья.

После Дня Победы я еще больше года служил старшиной дивизиона в немецком городке Ратенове. В 1947 году мобилизовался и вернулся сначала в Ижму, а потом приехал в Ухту на УМЗ (ухтинский механический завод). Вскоре стал работать в геофизических экспедициях оператором сейсморазведочной аппаратуры. В 1948 году я женился. У нас с женой трое детей – два сына и дочь. Сегодня у меня три внучки.

Боевые награды: «За освобождение Варшавы» и «За взятие Берлина».

Октябрь 2009 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказали помощь

Хазиев Игорь Хамитович, *студент 1-го курса нефтегазопромыслового факультета Ухтинского государственного технического университета*

и

Пашинская Татьяна Андреевна, *журналист Издательского Дома «НЭП».*

Афанасьев Иван Михайлович

В ночное время высадились на западный берег Чудского озера

Я родился 7 июля 1923 года в селе Мамыль (ныне Знаменка) Троицко-Печорского района Коми АССР, в семье крестьянина. До 1935 года учился в местной начальной школе и окончил там 4 класса. Для продолжения повышения общеобразовательного уровня надо было поступить в среднюю школу в райцентре, в селе Троицко-Печорск, который находился за 120 километров от нашего села, но ввиду плохого материального положения в семье мои родители не смогли отправить меня для дальнейшего обучения. С 1935 года по 1937 год выполнял посильную домашнюю работу.

В 1936 году, 16 декабря, умерла моя мать от послеродового осложнения, и на плечах моего отца осталось восемь маленьких детей (самая старшая была моя сестра Феодосия, ей было 16 лет). Новорожденного мальчика назвали Николаем. До года его приходили кормить грудью разные сельские женщины.

Весной 1937 года с согласия моего отца Афанасьева Михаила Леонтьевича я покинул своё село Мамыль и прибыл в село Троицко-Печорск в поисках работы. Но 14-летнего

парня на работу не брали, и нашелся только один руководитель, Дубов Николай Васильевич, который учёл моё семейное положение и устроил меня на работу учеником токаря на судоремонтные мастерские, прикрепил меня к опытному мастеру, токарю 6-го разряда Пименову Алексею Ивановичу.

В сентябре 1937 года поступил учиться в пятый класс в вечернюю школу «Колхозной молодёжи» и в 1940 году окончил там 8 классов. Весной 1940 года по моей просьбе я был переведён на работу в плавсостав Печорского речного пароходства на полупассажирский колёсный пароход «Георгий Иванов» кочегаром.

Утром 22 июня 1941 года один из членов команды, который находился в «Красном уголке» нашего парохода, выбежал на палубу и крикнул со всей силы: «Война!». После этого многие из членов команды парохода забежали в Красный уголок к радиоприёмнику и слушали сообщение Молотова о вероломном нападении гитлеровской Германии на Советский Союз. Осенью 1941 года наш пароход стал на зимовку в деревне Няша-Бож Ижемского района Коми АССР.

В январе 1942 года призывная комиссия Ижемского района дала мне отсрочку от призыва в армию на три месяца в связи с моей болезнью (воспаление лёгких), и только 1 апреля 1942 года я был призван в армию в возрасте 18 лет.

Из-за отсутствия железной и автомобильных дорог от станции села Ижма до посёлка Чибью (ныне город Ухта), расстояние почти 200 километров мы, группа новобранцев в количестве 150 человек, сделали марш-бросок пешком по бездорожью в апрельскую распутицу. С прибытием в посёлок Чибью, 3 апреля 1942 года, состоялось формирование маршевой роты и отправка на место дислокации.

5 апреля 1942 года мы прибыли в город Вологду, в расположение воинской части 391-го запасного стрелкового полка. Нас, новобранцев, помыли в бане, выдали военное обмундирование. Через 2 дня мы приняли воинскую присягу, и сразу же начались занятия по строевой подготовке. Далее прошло распределение курсантов по родам войск, я был включен в штаб взвода артиллеристов противотанковых орудий. Во взводе имелось всего 4 орудия 45-мм пушек. Занятия начались на второй день прибытия в полк, проходили

по 10 часов в сутки и закончились в конце июня 1942 года. Состоялся выпуск курсантов, мне было присвоено звание младшего сержанта, должность командира орудийного расчета.

В начале июля 391-й запасной стрелковый полк, после трёхмесячной боевой подготовки личного состава из вновь прибывших красноармейцев, двинулся на Волховский фронт. Посадка производилась на железнодорожном вокзале города Вологды в товарные вагоны, в «теплушки». Наш железнодорожный состав следовал до места назначения более 2-х суток. В пути состав подвергся бомбардировке с воздуха немецкой авиацией. Поезд остановился. Все, кто находились в вагонах, выбежали оттуда и залегли по обеим сторонам от железнодорожной насыпи. Когда закончился авианалёт, стали собирать убитых и раненых солдат и офицеров. Их оказалось более 20-ти человек. После этого была команда «по вагонам», и состав двинулся дальше до пункта своего назначения. Прибыли туда 3 июля 1942 года.

Утром того же дня к нам в теплушку стали подходить представители воинских подразделений, как мы догадались, они были с Волховского фронта. Спрашивали и предлагали записываться по родам войск. Я записался в противотанковую артиллерию. Офицер (по званию капитан) сказал мне, что я поеду с ним в 1250-й стрелковый полк. «У нас, - говорит,- есть в полку одна батарея 45-мм орудий, и требуется туда пополнение». В тот же день наш капитан выбрал много солдат разных воинских специальностей, и к вечеру нас увезли на бортовых машинах на место дислокации воинской части полка.

В пути следования мы узнали, что 1250-й полк входит в состав 376-й стрелковой дивизии 2-й Ударной армии. Наш полк и другие подразделения 376-й дивизии стояли в районе деревни Мясной Бор Ленинградской области и выручали другие части 2-й Ударной армии, выходящей из окружения

В нашей 45-мм противотанковой батарее всего было 4 орудия. Я принял по акту второй орудийный расчёт из 5 человек. Через несколько дней получил ещё двоих человек из вновь прибывших из Восточной Азии. Все орудия находились в заранее подготовленных укрытиях и выкатывались на пятачок только для отражения вновь выявленных огневых

точек противника. Батареей командовал старший лейтенант Бочаров.

Бои под Мясным Бором продолжались примерно до середины июля 1942 года, а потом пошли разговоры, что генерал Власов сдался в плен к немцам и увёл с собой часть подразделений 2-й Ударной армии. К 1 августа, после трёхмесячных боёв, в районе деревни Мясной Бор наш 1250-й стрелковый полк (и в целом 376-я дивизия) заметно поредел по численности. После этих боёв наш полк был переброшен в район станции Синявино и Рощи Круглой.

27 августа рано утром из тысячи орудий и миномётов началась артиллерийская подготовка. Наша 45-мм артиллерийская противотанковая батарея приняла в этом бою самое активное боевое участие. Все поставленные задачи перед батареей по уничтожению огневых точек противника были выполнены с честью. Как сейчас припоминаю, только из моего второго орудия было выпущено около 40 снарядов (бронебойных и шрапнелью). При этом были уничтожены 3 пулемётные точки, повреждено 2 танка и много живой силы противника.

После артподготовки пехота двинулась в атаку с криком «Ура!» от станции Липки до опорного пункта Вороново. Наши части углубились в сторону противника до 10 километров, а затем наступление было приостановлено. Нашим войскам так и не удалось захватить станцию Синявино и Рощу Круглую. Мы заняли оборону.

Волховским фронтом командовал генерал армии Кирилл Афанасьевич Мерецков. Он часто бывал в наших полках, не стеснялся говорить с рядовыми солдатами, всё подбадривал нас, шутил, говорил, что скоро будем праздновать День Победы. Его слова сбылись 9 мая 1945 года.

С 27 августа 1942 года и до 18 января 1943 года на этом участке фронта продолжались упорные, кровопролитные бои с переменными успехами обеих сторон. Поздно осенью 1942 года 376-я стрелковая дивизия своими полками отчасти была передана 2-й Ударной армии. 376-й стрелковой дивизией командовал тогда генерал Аргунов, а 2-й Ударной армией - генерал Романовский.

Частичный прорыв блокады Ленинграда

К исходу дня 16 января 1943 части 2-й Ударной армии, в том числе и 1250-й полк, с боями вышли в район Рабочего посёлка №5 станции Синявино. Оставалось расстояние 200-300 м. для того, чтобы наши части соединились с Ленинградским фронтом. Наша артиллерийская батарея находилась вместе с пехотой 1250-го полка.

Была дана команда, чтобы ни на шаг не отставать от пехоты. Пришлось нам орудия катить руками вслед за пехотой по бездорожью и болотистой местности, что, безусловно, выматывало наши силы до предела, но, несмотря на это, артиллеристы были готовы отразить любые преграды противника.

Хорошо помню день 18 января 1943 года, утром рано началась артиллерийская подготовка со всех видов орудий в сторону противника в районе станции Синявино и Рощи Круглой. Эти сильно укреплённые опорные пункты противника явились тогда «кровавой мозолью» для наших воинских подразделений, то есть они явились тормозом для наступления наших войск. И вот около 12 часов дня наша пехота 1250-го стрелкового полка и другие части 376-й и 372-й дивизии ворвались в Рабочий посёлок № 5, на станции Синявино и Рощу Круглую, тем самым соединились с войсками Ленинградского фронта. В результате этих боёв было очищено южное побережье Ладожского озера, где образовался коридор до 10 километров между южным берегом Ладожского озера и оборонительной линией противника.

Таким образом, после длительных боев войска Волховского и Ленинградского фронтов надёжно и прочно соединились, тем самым прорвали блокаду Ленинграда, и спустя 15-17 дней после прорыва уже пошли поезда на Ленинград с продовольствием, топливом, боеприпасами и оборудованием.

После овладения нашими войсками выгодных для себя огневых позиций на Синявинских высотах в Роще Круглая и других укрепленных пунктах полки 376-й и 327-й стрелковой дивизий заняли временную оборону для наращивания сил и средств по подготовке к новым наступательным операциям на запад.

2 февраля 1943 года в результате артиллерийского и миномётного обстрела со стороны противника я был легко ранен в левое плечо. Десятки солдат были убиты и ранены из нашей воинской части.

Находился на излечении в полевом госпитале №3350. Госпиталь находился в расположении Волховского фронта, и в связи с этим выздоравливающих солдат и сержантский состав из госпиталя направляли в войска по усмотрению штаба Волховского фронта. Поэтому 27 февраля 1943 года я, имея звание сержанта, был направлен в другую войсковую часть, в 1-ю стрелковую роту 4-го батальона 380-й отдельной стрелковой бригады 59-й армии Волховского фронта командиром стрелкового отделения.

Мы стояли в обороне. В нашей роте, да и в самом батальоне, явно не хватало людей, оружия и боеприпасов. Наши воинские части пополнялись, в основном, из маршевых рот и военнослужащих, прибывших из госпиталей. Наш полк находился на невыгодном оборонном рубеже: болото, вода, открытая местность легко простреливались противником. По этой причине командование полка решило вытеснить гитлеровцев с выгодных позиций, и 14 июля 1943, после короткой артподготовки, атаковали противника на небольшом участке фронта и добились блестящих успехов.

Но война есть война, и в этом коротком бою были раненые и убитые, в том числе и я был тяжело ранен в левую руку с повреждением костей и тяжело контужен. Вскоре очутился в военном госпитале города Рыбинска. Лечился в госпитале 5 месяцев, при выписке дали инвалидность 3-й группы ввиду потери слуха на левое ухо.

При формировании маршевой роты на Волховский фронт 10 января 1944 год я скрыл инвалидность от представителя маршевой роты и был зачислен в действующую армию в миномётную роту 82-мм миномётов командиром отделения, точнее, командиром миномётного расчёта. Это отдельная миномётная рота под командованием старшего лейтенанта Самсонова входила в состав 559-го стрелкового полка 131-й стрелковой дивизии 59-й армии Волховского фронта под командованием генерала Мерецкова.

Ещё 17 января 1944 года все части 59-й армии прорвали первую полосу обороны противника, а 20 января заняли

штурмом город Новгород. Город лежал в руинах, уцелели только несколько домов, гражданских людей почти не было видно в городе.

После этих боёв нашу дивизию, в том числе наш полк и роту перебросили к берегам реки Нарва (Эстония). Там, на западном берегу Нарвы, оборону заняли гитлеровцы. Наш полк занял оборону на восточном берегу, в районе немецкого плацдарма «треугольная роща». Мы, миномётчики, расположились в лесном массиве в 2-х километрах от плацдарма немцев. Город Нарва находился на западном берегу одноимённой реки в руках у немцев. Наши воинские части пехоты сходу попытались захватить город Нарву, атаковав его по льду в феврале месяце, но попытка не увенчалась успехом, полк понёс большие потери. На льду реки остались сотни убитых солдат и офицеров. Зимой 1944 г. так и не удалось подобрать и похоронить убитых на льду бойцов ввиду пулемётного обстрела местности, и только весной вместе со льдом они уплыли вниз по реке Нарве.

В обороне под Нарвой навсегда запомнился поход за картошкой в нейтральную зону фронта, между «треугольной рощей» и наблюдательным пунктом нашего полка, в том числе и миномётной роты. 4 апреля 1944 года была плюсовая температура воздуха. Рано утром выпал густой белый туман, видимость была на 2 метра. Заранее мы разведали, что на «нейтралке» имеются бурты картофеля, закрытые сверху соломой и досками. Идею нам подкинул наш командир роты старший лейтенант В.Н. Самсонов из Иркутска. Сказал, что картошка на «нейтралке» так и ждёт смелых солдат. Идея комроты была мною принята. Я сказал: «Если завтра утром будет такой же туман, то разрешите, товарищ старший лейтенант, взять из роты 3-х бойцов и сделать рывок на «нейтралку» за картошкой». Просьба была одобрена.

Рано утром 5 апреля выдался точно такой же густой туман, и мы, 4 бойца, вооружившись автоматами, гранатами и вещмешками двинулись к буртам картофеля. Но, не доходя до места, услышали шорох и разговор людей. Я скомандовал: «Ложись». Когда легли на землю, мы увидели, что внизу от земли примерно на 80 см, тумана нет, и в шагах 15 от нас идут нам навстречу четверо немецких солдат. Я в ту же секунду скомандовал по-немецки: «Хальт» (по-русски: «Стой»).

Немцы залегли и увидели нас с автоматами в руках. Лежали без движения обе стороны, так как понимали, что огонь открывать бессмысленно. Они тоже шли к бурту за картофелем. Через пару минут один из немцев хриплым голосом сказал, показывая в сторону бурта: «Картоска». Чувствуя, что опасность миновала, я вслед за немцем крикнул: «Да, да, картошка». После чего бросились к бурту с картошкой, раскидали общими силами доски, солому и сучья деревьев, набрали картошки полные мешки и двинулись, мы и немцы, в свои расположения. Рассеивание тумана застало нас в пути отхода в своё расположение. Вот так почти 100 кг картошки досталось нам без единого выстрела.

Полностью река Нарва очистилась от льда в середине мая 1944 года. Река стала в два раза шире, чем зимой. План наступления для форсирования реки и взятия города Нарвы никто точно не знал, кроме командования фронта и дивизии. И только 25 июля, после 2-х часовой артиллерийской подготовки из тысячи орудий, миномётов и «Катюш», а впоследствии под прикрытием нашей авиации, пехотинцы нашего 559-го полка 131-й стрелковой дивизии начали форсировать реку Нарву на лодках. Поднялся сильный ветер, образовались сильные волны на реке. Лодки были перегружены пехотой и вооружением. Волны захлёстывали лодки, и люди тонули, не доезжая до берега. Такая участь настигала примерно каждую десятую лодку, а их на реке было сотни.

Несмотря на это, выбравшиеся на берег противника полки нашей 131-й дивизии штурмом заняли город Нарву и продвинулись вперёд на 5-6 километров, и в лесу, 0,5 километров восточнее Хоови, разгромили оставшихся немцев и сотни солдат и офицеров взяли в плен. На этом Нарвская операция завершилась.

На второй же день после этой операции, 26 июня 1944 года, наш 559-й стрелковый полк, в том числе и нашу миномётную роту, на автомашинах перебросили к берегам Чудского озера, в район города Гдова. В этом районе начались усиленные тренировки по форсированию Чудского озера на катерах Балтийского флота. Тренировки продолжались в течение десяти дней. Озеро форсировали на катерах, 40 километров правее от места тренировки. Внезапно, в ночное время высадились на западный берег Чудского озера без

единого выстрела, благодаря грамотному руководству советского военного командования на данном участке фронта.

После форсирования Чудского озера наши части двинулись в наступление по направлению к городу Тарту на территории Эстонии, а 16 августа 1944 года я получил третье по счёту ранение в обе ноги и был отправлен в военный госпиталь № 02047 города Пскова. На излечении в госпитале находился недолго, до декабря 1944 года. 10 декабря был направлен в 380-й отдельный зенитный артиллерийский дивизион на должность командира орудия. Дивизион находился в городе Пскове на защите города от воздушного нападения немецко-фашистских захватчиков.

С прибытием в дивизион, я доложил капитану (фамилию его я не запомнил), что командовать зенитным орудием я не способен ввиду потери слуха на левое ухо из-за предыдущего ранения на Волховском фронте. Командир поблагодарил меня за честное признание и назначил третьим номером четвёртого орудийного расчёта (заряжающим). За время службы в зенитной артиллерии г. Пскова было совершено всего два налёта на город немецкой авиацией, но зенитные установки не дали им бомбить город, и бомбы падали за городом бесцельно. В данной воинской части находился до демобилизации из вооруженных сил Советского Союза.

В октябре 1945 года был демобилизован в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 сентября 1945 года (для имеющих три и более ранений).

Особый личный героизм в боях с фашизмом в годы войны мне проявить не удалось, воевал наравне с честными и добросовестными воинами, отдавал все свои силы, энергию и военные знания для полной победы над врагом вместе с советским народом.

Участвуя в боевых действиях на фронте, особенно запоминаются и до сего времени помнятся неоднократные кровопролитные и упорные бои на узком участке фронта в районе ст. Синявино и Рощи Круглая, где впоследствии была прорвана блокада Ленинграда 18 января 1943 года. Между боями на фронте рядовые и сержанты в блиндажах и окопах разговаривали и мечтали в основном о быстрейшей победе в этой войне, частенько запевали любимую песню солдата «Эх, как бы дожить бы до свадьбы-женитьбы, и обнять любимую

свою». Один из рядовых с горечью говорил: «Пишу письма через день-два своей любимой девушке Кате, а ответов на письма не получаю. Наверное, она позабыла меня, полюбила другого парня», а другой солдат пожаловался, что оставил свою маму, у которой было серьезное заболевание сердца: «Как она сейчас, один бог знает». Во время одного из привалов я тоже рассказал свою личную историю. Получил письмо от старшей сестры Феодосии и узнал, что в декабре 1944 года от двухстороннего воспаления лёгких умер мой отец, и поскольку уже не было в живых нашей мамы, теперь там, в деревне, остались семь детей-сирот, самой старшей был 21 год, а самой младшей 8 лет.

Часто бывало, чтобы развеять грустные воспоминания, «загибали» всякие, даже вульгарные смешные анекдоты и долго шутили и смеялись над этими анекдотами…

Боевые награды:

орден Отечественной войны 1-й степени;

медаль «За оборону Ленинграда» (был награждён за прорыв блокады Ленинграда в районе станции Синявино 18 января 1943 года);

медаль «За боевые заслуги» (был награждён за освобождение города Новгород 20 января 1944 года);

медаль «За отвагу» (был награждён за штурм города Нарвы 25 июля 1944 года);

медаль «За Победу над Германией» (был награждён в честь Победы над Германией в ВОВ).

В послевоенный период, в разное время, военным комиссариатом города Ухты от имени правительства Советского Союза и Российской Федерации я награждён 14-ю юбилейными медалями, посвященными Победе в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов.

Ноябрь 2009 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь ***Тюфякова Марина Владимировна,*** *студентка 1-го курса нефтегазопромыслового факультета Ухтинского государственного технического университета*

Балбуцкий Михаил Кузьмич

Дальномерщик корабельной артиллерии

Я родился 1 ноября 1926 года в крестьянской семье в п. Туров (ныне город) Гомельской области, Республики Белоруссии, по национальности белорус. Вероисповедание - христианин.

Мне было полтора года, когда репрессировали моего отца.

В феврале 1934 года с мамой приехали к отцу в посёлок Чибью (ныне город Ухта). В том же году пошёл в первый класс 1-й средней школы. Проучился 4 года. В связи с переводом отца на разные участки строительства железной дороги.

5-й класс окончил в посёлке Княжпогост, 6-й в посёлке Коряжма Архангельской области, 7-й класс окончил в городе Котласе.

21 июня 1941 года все мы, семиклассники, получили свидетельство об окончании неполной средней школы. 22 июня почти всем классом рано утром пошли в поход на природу. Вернулись к обеду и сразу почувствовали, что в городе что-то произошло. Заметили, что у столбов, на которых висели радиорепродукторы, толпились люди. Так мы узнали о войне. Через несколько дней, на семейном совете решили, что мне надо идти работать, так как, если отца возьмут на фронт, я

буду основным кормильцем семьи. Семья: мать, бабушка, брат (6 лет), сестра (4 года).

Отец устроил меня учеником токаря, и проработал я до октября 1943 года. В это время прибыли представители с Северного фронта, и всех котласских мальчишек собрали в военкомате. Мы прошли медицинскую комиссию и самых здоровых отобрали для отправки на фронт. 3-го ноября 1943 года мы уехали в сторону Мурманска. В конце ноября прошли повторную комиссию, на которой определили каждому его будущую специальность. Я был направлен в учебный отряд Северного флота, который находился на Соловецких островах.

Через 2 месяца после моего призыва умер отец. Но я узнал об этом только спустя месяц (из письма моему другу от его матери). Меня вызвал начальник учебного отряда генерал-майор Броневицкий, который хорошо знал моего отца по лагерю, где они вместе отбывали срок, и сказал, что помог бы мне проститься с отцом, если бы мать сообщила мне в тот же день.

По окончании учёбы я получил специальность дальномерщика-визирщика и в июне 1944 года был зачислен в экипаж эскадренного миноносца «Грозный», ставшего впоследствии Краснознаменным за свои боевые заслуги.

Наш корабль вместе с другими кораблями (иногда и в одиночку) выполнял задания по поиску и уничтожению фашистских подводных лодок, вступал в бой с надводными кораблями противника, авиацией, помогал артиллерией нашим войскам при освобождении городов. В этих боевых походах я принимал участие как дальномерщик корабельной артиллерии (была такая морская специальность по измерению расстояния до противника).

Корабли эскадры Северного флота также осуществляли охрану наших торговых пароходов и транспортных судов союзников от немецких подводных лодок и самолётов. Об одном из многих караванов Валентин Пикуль написал в книге «Реквием каравану PQ-17». С Валентином Пикулем (юнгой в то время) мне довелось познакомиться в учебном отряде на Соловках и служить на эскадренном миноносце «Грозный» до конца войны.

Очень хорошо помню случай. Нашей эскадре было дано задание сопроводить в Белое море в Архангельск три

транспорта с женщинами, освобождёнными из плена, а их было несколько тысяч. Немцы, как нам сообщили, направили против нас около двух десятков подводных лодок. Чтобы увеличить число жертв, немцам нужно было прорваться внутрь охраняемого каравана. Они торпедировали идущий впереди нас эсминец, но войти внутрь каравана и сделать своё черное дело не смогли. В бой вступили артиллеристы и минеры. Этот район был обстрелян ныряющими снарядами и минами. В ходе боя, нашему кораблю удалось спасти только семь моряков с затонувшего эсминца, державшихся за плотик: была кромешная тьма, но прожектора включать было нельзя – жертв было бы больше. Команда корабля во время боя действует как один организм, и отличить героизм одного человека от другого невозможно.

После войны киносъёмки фильма «Повесть о «Неистовом» были проведены на эсминце «Разумный», на который я и был впоследствии переведён. На Северном флоте я прослужил пять лет. В конце 1948 года по приказу Верховного Главнокомандующего в составе спецотряда лучших корабельных специалистов я был направлен в город Одессу на приемку военных кораблей из бывшей фашистской Италии. Я был в экипаже, принимавшем итальянский крейсер, которому было впоследствии дано название «Керчь».

Прослужив год на крейсере, в конце декабря 1949 года я был переведен в состав спецотряда в город Николаев принимать новейший по тем временам эскадренный миноносец «Буйный», строительство которого заканчивалось на верфях завода «61 коммунар».

Прослужив на флоте ровно семь лет, 1-го октября 1950 года был демобилизован. После поездки на родину в Белоруссию, в апреле 1951 года приехал в город Ухту, город нашего детства, где впоследствии встретил своих друзей, оставшихся в живых после этой войны. Месяц, проработав токарем на одном из предприятий, был приглашён работать мастером в посёлок Водный. В 1954 году стал работать на вновь организованном заводе «Прогресс» токарем, затем слесарем, шофёром, инженером-механиком, а последние 15 лет, перед уходом на пенсию - инженером-конструктором.

За время службы был награждён медалями «За оборону советского Заполярья», «За победу над Германией в Великой

Отечественной войне 1941-1945 гг.», орденом Отечественной войны 2-й степени, многими юбилейными и памятными медалями и знаками, в частности, медалью «За доблестный труд» в ознаменование 100-летнего юбилея и дня рождения В.И. Ленина.

Вместе с женой Екатериной воспитали сына и дочь, которые подарили нам двух внучек и двух внуков. Все получили высшее образование. А внуки в свою очередь подарили нам двух правнучек и двух правнуков.

Годы, проведённые на службе (7 лет), вспоминаются с теплотой. Нас окружала постоянная забота старших и по званию, и по возрасту. Хотя служба на флоте в суровых климатических условиях была тяжёлой, но она никого не тяготила - все с великим патриотизмом к Родине с честью её несли. Когда мы были молодыми, нам старались подложить лучший кусок во время приёма пищи, потому что многие были ослаблены от недоеданий на гражданке. В работе по кораблю давали работу полегче. Когда мы были уже ветеранами, также заботились о молодом поколении.

Октябрь 2009 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Архипов Антон Андреевич,*** *студент 1-го курса нефтегазопромыслового факультета Ухтинского государственного технического университета.*

Богуславский Григорий Иванович

Мог заряжать 25 снарядов в минуту

Я родился 20 октября 1926 года на Украине, в деревне Федоровка Генического района Херсонской области. До войны отучился в школе, закончил семь классов в 1941 году. После окончания седьмого класса пошел работать в колхоз.

О начале войны узнал 22 июня 1941 года, когда фашисты начали бомбить Крым. Меня призвали в Красную Армию, как сейчас помню, 23 февраля 1944 года. Отправили в город Мелитополь, там всех солдат погрузили в вагоны и повезли в Харьковскую область, город Богодухов, в запасной полк минометчиков. В Богодухове нас обучали почти месяц. Из запасного полка, после обучения, нас опять погрузили в вагоны и повезли, а куда - никто не знал.

Доехали до Москвы, объехали её, и все начали говорить, что нас повезут на север. Ехали мы где-то неделю в эшелонах, бывало, целыми часами стояли, пропуская военные поезда. Потом, подходя к Ленинграду, поезд остановился в лесополосе часов в десять утра. Командиры говорят, чтобы мы открывали обе двери в вагонах, и если начнется обстрел, чтоб выскакивали и укрывались в лесу. Стояли мы там до вечера; только солнце село, поезд пошел медленным ходом, чтобы сразу остановиться, если будут в нас стрелять.

В то время Ленинград был взят немцами в кольцо, и наши войска его прорывали. Вдруг поезд остановился, один снаряд взорвался, за ним другой. Только потом я понял, что первый был перелёт, второй - недолёт, а третий прямо в цель должен попасть. Мы после первого взрыва все попрыгали из вагонов. Я выскочил из вагона, смотрю - лежит мертвый немец, смотрю дальше - а там наши солдаты убитые лежат. Все усыпано телами, то рука торчит, то нога чья-то. Тогда я в первый раз увидел трупы солдат.

Нам повезло - ни один снаряд не попал в наш эшелон. Всю ночь мы ехали с остановками. Проедем немного, остановимся, и так почти сутки. Приехали в Ленинград на товарную станцию. Вышли из вагонов - везде разруха, все дома побиты. Но дороги были чистыми. Нас построили в колонны, человек по пятьдесят, и мы пошли. Одну колонну туда, другую сюда. По дороге нас расформировывали.

Меня сначала на мелкокалиберную зенитную артиллерию направили, в 169-й зенитно-артиллерийский полк, так как у меня семь классов образования.

Через пару недель меня забрали, одного, и привезли в запасной полк. Только зашел, расположился, а вечером приехали на машине офицеры и опять забрали меня. Была ночь, и ехали мы от аэропорта до Пулково. В батарею приехали уже утром. Подходит ко мне комбат и спрашивает, насколько я силен, есть ли мускулы. Я отвечаю, что сила есть. Он меня спрашивает, откуда я родом. Говорю, что я деревенский. Комбат улыбнулся и сказал, что сила есть, так как в деревне пашут здорово. Говорит, отправляйся на первый расчет, там командир орудия Зайцев, вот ему-то и доложишь. Зайцев сказал мне, что я буду заряжающим. Он меня и обучил этому делу.

Дивизион стоял рядом с аэропортом и обсерваторией. Вот здесь и началось моё военное дело.

Москва-Сортировочная

Я был рядовым. Командиром орудия - Василий Зайцев, сержант. Командир батареи - капитан, но, к огромному сожалению, не помню ни его имени, ни фамилии, ни отчества. Командир полка по фамилии Наритай был в звании

полковника. Осенью 1944 года нашу батарею перебросили из Пулково в город Красное село. Там я и начал воевать. Батарея наша стояла около сортировочной станции, там сортировали вагоны. Мы эту станцию называли «Москва-Сортировочная». Там мы прикрывали железную дорогу и Ижевский завод от атак противника. Героизм проявляла вся батарея. От нас зависела целостность и возможность снабжения оккупированных городов нашей Родины, и мы не щадили ни себя, ни немцев.

Орудия в деле

А было это так: имелся у нас прибор наведения (ПУАЗО - прибор управления артиллерийским зенитным огнем), который фиксирует самолеты врага, и уже с этого прибора передают все координаты, скорость, высоту и азимут самолета на то орудие, которое находится на территории огня, а на пушке мы уже все сами совмещаем и открываем огонь.

Самое тяжелое для меня лично было вести ночной заградительный огонь. Каждой пушке дается азимут от семи до десяти, от нуля до семи, от семи до четырнадцати, и наводчик туда и ведет пушку. Тяжело было быстро заряжать, так как снаряд весил пятнадцать килограммов сто граммов, не доведешь снаряд - затвор не закроется, а это значит, что самолет тебе не подбить. Нам выдавали перчатки. Вот отработал заградительный огонь - и перчатки все изорваны, руки в ранах. Когда заградительный огонь ведется, все небо озаряется красным цветом. А как это красиво, да еще и ни один самолет не может пролететь! Снаряд в воздухе взрывается на той высоте, на которой нужно. На снаряде имелась вращающаяся головка, и подносчик снарядов стоял с ключом и ждал, когда крикнут высоту. Только крикнут, например, семьдесят пять метров - подносчик поворачивает головку ключом на определенный угол и подает мне снаряд, я заряжаю. Огонь. И снаряд взрывается на семидесяти пяти метрах.

Орудия наши находились в землянках, только ствол пушки торчал. Так как орудия были в землянках, а город Ленинград стоит на болоте, то в землянку сильно прибывала вода. Приходилось вычерпывать вручную ведрами, по триста

вёдер за ночь вытаскивали. Это была одна из самых тяжелых работ. Но зато нас с воздуха не заметишь. А когда пикирующий самолет шёл на пушку, чтобы уничтожить батарею, мы открывали огонь, и ни один самолет не мог пролететь и снять координаты нашего расположения.

Враг не дремлет

Помню, однажды пришел приказ с координатами на уничтожение самолета, летевшего на нашу пушку. А у нас не было заявки от вышестоящего командования на пролет самолета через территорию, которую охраняли непосредственно мы. Но самолет показался нам подозрительным, и не случайно. Оказалось, что это был наш самолет, захваченный немцами. Нам приказал командир орудия открыть огонь. И мы его открыли.

Наводчик у нас был, звали его Фёдором; он быстро навел, я зарядил снаряд, дернул затвор, выстрел - и самолет с немецкими разведчиками загорелся и стал падать. Мы его сбили. К слову, я мог заряжать 25 снарядов в минуту, но это было очень тяжело. После этого случая приехал из дивизии руководитель и стал выяснять, кто сбил самолет противника. Командир батареи сказал, что выстрел сделан из первой пушки, на которой был я. Нам объявили благодарность от командования. Сказали, что мы уничтожили немецких разведчиков с фотоаппаратами. Они хотели снять координаты нашего месторасположения.

Праздник живота

Тяжело было с питанием. Нам давали суп из крапивы с чечевицей (одна водичка) и шестьсот граммов хлеба. После такой еды даже в туалет сходить не можешь. Вот и мучились. Помню, была весна, а я на посту, возле орудия, на снарядных ящиках сижу. Смотрю - козёл выскочил на дорогу, а стрелять без разрешения нельзя. Слышу, сзади мне говорят, чтобы я стрелял. Рядом комбат стоит. Я выстрелил из винтовки, козёл прыгнул в сторону. Комбат говорит: «Эх ты, стрелок, а ещё Ворошиловским называешься». Я ему говорю, что я попал. Комбат послал меня посмотреть на козла, а сам встал на пост.

Козёл метров на восемь отскочил и упал. Большой такой. Я вернулся обратно и попросил солдат в помощь, чтобы этого козла дотащить, одному не справиться. Вот это праздник у нас был, повар наварил на всю батарею козлятины. Наелись все до отвала.

После таких минут мы пели песни, такие как «Катюша», «Если завтра война, если завтра в поход».

Победа и парад в Ленинграде

Закончил военные действия 9 мая 1945 года под Ленинградом, в Красном селе, что под Пулково. О конце войны узнал ночью, и мы всеми орудиями сделали шесть залпов в честь Победы. После этого ещё где-то полгода я служил при этой же пушке. 24 июня 1945 года участвовал в параде в Ленинграде. Демобилизовался в 1950 году и поехал на родину. До 1950 года работал в полку на восстановлении города. За всю войну я не был ранен ни одного раза и из родных никто не погиб.

Был награжден медалью «За победу над Германией», орденом Отечественной войны 2-й степени, медалью Жукова, вручен знак «Фронтовик 1941-1945».

Ноябрь 2009 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Мысаков Сергей Владимирович****, студент 1-го курса факультета безотрывного обучения Ухтинского государственного технического университета*

Бондарь Николай Васильевич

Любой ценой доставить патроны с левого берега Волги

Я родился 21 января 1923 года в местечке Хощевато Одесской области УССР. Отца за то, что отказался вступать в колхоз, арестовали, и больше его наша семья не видела и ничего о нем не знает. Мать умерла в 1936 году. Рос и воспитывался я в детском доме. Находился он в г. Первомайске, всего в 70-ти километрах от румынской границы. Перед самой войной закончил 9 классов, вступил в комсомол. Детский дом оставил во мне самые добрые воспоминания. В нем царил дух товарищества и уважения друг к другу. Благодаря добрым учителям там же научился играть на духовых инструментах, учился в художественной школе.

Когда объявили войну, то наш детский дом срочно эвакуировали на восток. До Днепропетровска шли пешком, потом нас погрузили в товарняк, и эшелон проследовал до Сталинграда. В Сталинграде не задерживались, а отправились до станции Чир. Так война быстро вошла в мою жизнь. Вот уж никак не думал, что немцы дойдут до Волги, а мне совсем скоро придется защищать этот город.

К этому времени мне исполнилось восемнадцать, и отправился я в Нижнечирский военкомат. 14 сентября 1941 года я был призван в армию и зачислен в 5-й кавалерийский запасной полк, который базировался под Камышиным. В мае полк влился в 13-ю ордена Ленина Краснознаменную стрелковую дивизию. В составе 39-го стрелкового полка участвовал в обороне и освобождении Сталинграда.

На дивизионном митинге, который состоялся 12 сентября, комсомольцы письменно поклялись отстоять Сталинград. А двумя днями раньше нас тайно перебросили в селение Нижняя Ахтуба, в пойму реки Ахтуба, где она впадает в Волгу. Ночью на баржах нас стали переправлять на правый берег.

Черное небо, пепел, огонь, ревущие «Хейнкели», штурмующие все живое, куда-то бегущие обезумевшие люди - так встретил нас Сталинград, в котором, как нам сказали, нет никаких воинских частей, кроме слабо вооруженной дивизии НКВД. Роту капитана Подкопая, куда я был зачислен, высадили южнее нефтебазы с задачей выбить немцев из железнодорожного автовокзала. Отчетливо помню этот бой, как я бросил в разбитое окно две гранаты, ворвался во внутрь и увидел на полу трупы двух немецких солдат.

Так начался мой Сталинград. С 14 по 16 сентября нам удалось отбить у немцев универмаг, мельницу, вокзал, Мамаев курган. Правда, ненадолго. Ими снова завладел противник. Но остались полоски земли, где 200, где 300 метров от берега Волги, там мы держались как можно ближе к немцам в расчете на то, что своих они бомбить не будут.

К 17 сентября – на исходе боеприпасы. Оставалось по диску на автомат и по 50 патронов на штык. Меня, финна Бориса Тампио, Павла Сердюкова и Николая Лаврушкина вызвали в штаб. Дали приказ: найти лодку и любой ценой доставить патроны с левого берега Волги.

Лодку мы нашли. Прикинули - тонны три выдержит. Четыре гребца - четыре весла. Ночью переплыли Волгу. Пока загружались, рассвело. Но ждать ночи не было мочи. Не выходила из головы мысль, что солдаты там без патронов. Была ни была, решили рискнуть и в наглую, на виду у наших и немцев, погребли. Немцы не ожидали такого и поначалу даже растерялись. Зато потом началось: пальба из всех видов

оружия - рвались снаряды, свистели пули, летела шрапнель. Но бог нас миловал. Все остались живы, патроны доставлены.

Вот за это я и получил первую медаль «За отвагу». Теперь каждую ночь мы делали по два рейса. Первым доставляли снаряды, вторым - продукты, а обратно вывозили раненых. Нашим причалом был длинный настил на сваях, где, как египетские пирамиды, громоздились горы соли. Рядом с соляными бункерами ложбина, или овраг, который со стороны города выходил к Волге.

Погрузив в лодку трех раненых солдат и гражданскую женщину, в час ночи мы отправились на противоположный берег. Нас засек, высветил прожектор, немцы открыли ураганный минометный огонь. Пришлось причалить и укрыться за затонувшей баржей. А поутру по ложбине на стыке двух полков, 42-го и моего 39-го, немцы прорвались к Волге.

Завязался бой. Пока он шел, а мы, конечно же, тоже в него втянулись, лодку с ранеными унесло. Мы обнаружили ее на третий день под носом у немцев. Ночью, забравшись по горло в воду, мы тихонько отбуксировали, точнее, притолкали ее к своим. В живых осталось в лодке два бойца. Женщину и солдата похоронили в траншее. Сколько их, безымянных, только на моей памяти.

Служил я автоматчиком, постоянно находился на передовой линии фронта, и было много случаев, когда смерть смотрела мне в глаза.

Однажды в самом городе ходили в атаку. У меня в диске осталось три патрона. Ну, думаю, выпущу их и заменю диск. Отстрелял. Гляжу: из-за груды битого кирпича целится в меня немец. Отчетливо вижу его глаза. Подумал: конец, но, видимо, раньше, чем подумал, упал. И упал раньше, чем немец выстрелил. Пуля зацепила лишь мочку уха, а целил он точно в лоб! В общем, опять повезло.

Довелось мне побывать и связным у командира роты. А это вечный риск. Солдата–окопника хоть мать сыра земля прикроет, а ты весь на виду, под обстрелом, да на мушке у снайпера. Причем, если ты ходил в тыл передать устное распоряжение, то назад тащишь или патроны, или еду. Во-первых, для пользы дела, во-вторых, чтобы доказать, что ты был там, куда тебя посылали.

Помнится, дело было в начале февраля. Паулюс уже сдался, а вместе с ним и остатки его армии. Меня как самого молодого послали к реке за водой. Схватил я два ведра и пустился по ложбине к Волге. На склоне недалеко от берега реки сидят сотни полторы сдавшихся в плен немцев: жалкие, небритые, в тоненьких шинелишках, пилотках замерзают от холода. На улице-то морозно. Шлепнул я одного из них ладонью по плечу и говорю радостно так: «Гитлер капут?». «Гитлер капут» – согласно кивает головой немец.

Набрал воды, остановился у блиндажа командира нашего полка полковника Щура. Здесь тоже пленные немецкие солдаты. Сам Щур на улице, рядом с ним Воронов (в будущем главный маршал артиллерии) и наш комдив Александр Ильич Родимцев.

Гляжу - держась за выступ бревна и покачиваясь, стоит мордатый немецкий генерал. Как выяснилось, заместитель Паулюса, который, в отличие от шефа, долго не хотел сдаваться, пока ему не пригрозили полным уничтожением, и вот, сдавшись, напился с горя. Пока я разевал рот, пленные немцы опустошили у меня оба ведра. Тоже ведь люди. Пришлось топать на Волгу снова.

3-го февраля 1943 года на Мамаевом кургане состоялся митинг, который как бы ознаменовал окончание Сталинградской битвы. Позже я узнал, что из 18-ти тысяч солдат 13-й армии А.И. Родимцева, сформированной под Камышиным, в живых осталось только 380.

Сталинград после боев представлял из себя полностью разрушенный город. В одном из фильмов о Сталинградской битве есть эпизод, когда офицер в доме Павлова проводит политзанятия. Читающий газету солдат – это я.

Наша дивизия участвовала в битве на Курско-Орловской дуге. Если Сталинград был пеклом войны, то Курская дуга – адом.

В одном из боев под совхозом «Свекловичный» получил ранение в голову. После лечения был направлен в военно-авиационное училище г. Джизаг Ташкентской области Узбекской ССР в 11-ю авиационную школу пилотов. В ноябре 1944 года закончил ее и был направлен в авиационное училище г. Тамбова инструктором летной подготовки.

Весть об окончании войны застала меня в Тамбове. Утром и днем 9-го мая 1945 года летал на самолете УТ-2 по селам Тамбовской области и разбрасывал листовки-извещение об окончании войны, о нашей Победе. Может быть, эта служба в училище и позволила мне остаться в живых.

Я награжден орденами Великой Отечественной войны 1-й и 2-й степени, двумя медалями «За отвагу» - за освобождение Сталинграда и бои на Курской дуге, медалью «За оборону Сталинграда» и юбилейными медалями всех рангов.

Ноябрь 2009 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь ***Третьякова Анна Сергеевна,*** *студентка 1-го курса факультета экономики и управления Ухтинского государственного технического университета*

Борозинец Майя Ивановна

Наступила тишина, от которой заломило в ушах

Воспоминания о войне, конечно же, постоянно преследуют каждого фронтовика. Имена, лица тех, с кем прошёл нелёгкие фронтовые годы - мёртвых и живых – невозможно забыть. Они в сердцах наших навеки. Память о них взывает: война не должна повториться!

Я родилась в городе Уфе 1 декабря 1924 года. По национальности я русская, по вероисповеданию – атеистка. Была членом ВЛКСМ, КПСС, КПРФ.

До войны, после окончания 7 классов школы, я поступила в Уфимский геологоразведочный техникум. В конце 30-х начале 40-х годов в Башкирской АССР решающую роль играли геологи, так как на территории республики шёл поиск нефти и формировалось второе «Баку».

Сегодня многими публицистами умышленно в сознание людей внедряются мысли, что предвоенные годы были годами сплошного страха, уныния и поголовного террора. Но я, как и многие мои сверстники из поколения 30-х годов, вспоминаем предвоенные годы как годы безоблачного пионерского детства с походами и кострами, а отрочество особо значимо для меня вступлением в ряды Ленинского комсомола.

Было 20 июня 1941 года. Принарядившись, повторяя параграфы Устава комсомола, мы всем классом отправились в Ленинский райком ВЛКСМ города Уфы, где в торжественной обстановке нам были вручены комсомольские билеты.

20 июня – радость, а 22 июня – все светлые мечты и чаяния разрушены одним коротким страшным словом – ВОЙНА!

С этого известия для нас началась новая жизнь – тревожная, напряжённая. Пошёл новый отсчёт времени.

Война круто изменила всю жизнь в стране. Была объявлена мобилизация на борьбу с фашизмом. Мне и подружкам не сиделось дома. Как большинство юношей и девушек, которым ещё не исполнилось 18-ти лет, толпились мы у военкоматов с просьбами отправить на фронт. Нам было обидно, что война кончится, врага разобьют без нас. И никто тогда не предполагал, какими полными кошмаров, крови, ужасов окажутся долгих 1418 военных дней и ночей.

В марте 1943 года я добровольно вступила в ряды Красной Армии и была зачислена курсантом в Военное авиационное училище разведчиков в городе Давлеканово Башкирской АССР, которое закончила с отличием в сентябре 1943 года по специальности фотограмметриста-дешифровщика и была направлена в 1-ю Воздушную армию на 3-й Белорусский фронт. Звание моё – старший сержант. В то время рота фотограмметристов вошла в состав 3-го Белорусского фронта, с которым я и прошла всю войну вплоть до штурма Кенигсберга в апреле 1945 года.

А начиналось всё золотом осеннего листопада, провожавшего в сентябре 1943 года разведчиков, нас, восемнадцатилетних девчат, восемь месяцев упорно и настойчиво обучавшихся меткой стрельбе, зубривших военные уставы, постигавших нелегкую науку дешифрования. По всем фронтам разбросала судьба моих подруг. А мы, шестеро девчат, получили назначение на 3-й Белорусский. Спрятав направления в карманы своих новеньких гимнастёрок, где на попутках, а где пешком, отправились к местам назначения.

Страшное лицо войны открывалось перед нами. Мы увидели в полном обличии всю ужасную трагедию многострадальной земли Смоленщины за два с лишним года

оккупации: выжженные дотла деревни с одиноко торчащими трубами. Казалось, вымерло всё живое. Начинались холода, дожди, приближалась зима, но ничто не могло истребить волю человека к жизни. Оставшиеся в живых выкапывали ямы, обкладывали их чем только могли и начинали снова строить жизнь именно на том же месте, как бы доказывая врагу его бессилие.

Первым городом, который увидели мы в прифронтовой полосе, был старинный Рославль. Собственно, города-то и не было, остались одни кирпичные коробки, зияющие мёртвыми глазницам пустых окон. Невольно набегали на глаза слёзы.

После долгих мытарств мы добрались до места назначения, но нашей воинской части на месте не оказалось: она ушла на Запад. И вновь – пешие походы и попутные машины. Через несколько дней пути мы, уставшие и голодные, оказались на большой узловой железнодорожной станции, запруженной вагонами, платформами, санитарными поездами. Только расположились отдохнуть, как услышали гул летящих самолётов.

«Воздух!» – крикнул кто-то. Свистящий вой пикирующих бомбардировщиков, оглушающие разрывы бомб, треск горящих вагонов прижали нас к земле. Кажется, целую вечность длился этот кошмар. Но вот затихли моторы улетевших фашистских стервятников, и на какой-то миг наступила тишина, от которой заломило в ушах. Однако миг прошёл, и жуткая картина открылась нам: кучи развороченной земли, искореженные рельсы, разбитые и горящие вагоны, а среди всего этого – распластанные окровавленные человеческие тела с неестественно белыми костями. Душераздирающие крики, стоны неслись из этого кромешного ада.

Зачастую на войне бывает так, что какая-то неведомая сила бросает тебя именно туда, где твоя помощь всего нужнее. И вот мы уже помогаем перевязывать стонущего бойца, находя так нужные ему ласковые слова. На многих раненых страшно взглянуть, ибо перед тобой разорванное безжалостное силой войны бесформенное человеческое тело, но в нем ещё теплится жизнь, и её надо сохранить. Всю ночь помогали мы медперсоналу санитарного эшелона ликвидировать последствия вражеского налёта. Под утро, обессиленные,

свалились сами и тут же заснули мёртвым сном. Отдохнув, двинулись в свою часть, которую вскоре и догнали.

Ещё неоднократно приходилось переживать бомбёжки и артобстрелы, но ночь на железнодорожном узле врезалась в память навечно.

Удивительной способностью обладает память человека – высвечивать из далёкого времени лица людей, отдельные факты, события, заставляя заново переживать отошедшее прошлое, ставшее историей.

В моей памяти особо яркими воспоминаниями остались события конца 1944 года. Вся территория нашей страны к этому времени уже была очищена от гитлеровских захватчиков. Позади – истерзанная войной Смоленщина, Белоруссия (край партизанской славы), Латвия, Литва, Польша. Впереди – фашистская Германия.

Войскам нашего 3-го Белорусского фронта предстояло сокрушить форпост немецкой военщины на востоке – Восточную Пруссию, которая всегда служила очагом германской агрессии. Именно отсюда ещё в XIII–XIV веках немецкие псы-рыцари начинали свои захватнические походы, а в начале XX века здесь была создана система крепостей с целью ведения агрессивной войны против России. К разгрому этого осиного гнезда немецкого милитаризма готовились все рода войск.

Помню, в сентябре 1944 года, нас, дешифровщиков из различных полков 1-й Воздушной армии, собрали в городе Каунасе для того, чтобы познакомить с тем, как выглядит на фотоснимках тщательно организованная система полевых и долговременных укреплений, как причудливо сочетаются новейшие оборонительные постройки с модернизированными сооружениями прежних эпох. Мы впервые в своей практике столкнулись с обороной противника такого типа. До этого нам приходилось дешифровать отдельные вражеские колонны, аэродромы, скопления танков и полевые линии обороны.

Но вот она, чужая земля, ощетинившаяся бесконечной линией траншей, проволочными заграждениями в 5-6 колов, противотанковыми рвами, бетонами и деревянными надолбами, каменными строениями, приспособленными к обороне, оборонительными сооружениями и командными пунктами, построенными из бетона и железобетона. В их

числе имелись огневые точки для станковых и ручных пулемётов, артиллерийские наблюдательные пункты, убежища, часто замаскированные сараями, кустарниками, травой. На территории врага находилось большое количество превосходных аэродромов, отличные шоссейные асфальтированные дороги и густая сеть железных дорог. Они тянулись вдоль всей границы Восточной Пруссии до побережья Балтийского моря и предназначались для обороны Восточной Пруссии – главного плацдарма Германии на востоке.

Знакомясь с аэрофотоснимками, запечатлевшими эти оборонительные рубежи, все понимали, какие тяжёлые, напряжённые бои предстоят нашим войскам, чтобы ликвидировать центральную восточно-прусскую группировку немцев. И эти бои не за горами.

Действительно, не успели мы вернуться в свои полки, как войска Красной Армии в октябре 1944 года, прорвав долговременную оборону противника, начали наступление на территорию Восточной Пруссии, но, встретив сильное сопротивление, закрепились на достигнутых рубежах и стали наращивать силы для следующего удара. Наземные части перешли к обороне, но авиация продолжала активно наносить удары по врагу, одновременно ведя детальную разведку обороны противника.

Почти при каждом вылете лётчики подкидывали нам, работавшим в разведке 1-й Воздушной армии, интересные данные, позволяющие тщательно изучать передний край обороны противника. Внимательно, до боли в глазах рассматривали через лупу снимки вражеских оборонительных рубежей, быстро дешифруя, наносили на карты будущие цели. Важно отметить каждый ориентир во вражеской обороне, чтобы он помог отважным советским бойцам точнее выполнить боевое задание.

13 января началось наступление войск 3-го Белорусского фронта в направлении Инстенбург, Кенигсберг. Но как обидно было лётчикам, что низкая облачность и густой туман прижали самолёты к земле, не давая возможности поддержать наступление пехоты, танков и артиллерии. Лишь на следующий день наша авиация поднялась в воздух, нанося сокрушающие удары по фашистским оборонительным

объектам, по их группировкам, пытавшимся контратаковать советские наступающие части.

После прорыва второй линии обороны наши войска вклинились вглубь Восточной Пруссии, достигли Кенигсберга и в конце января 1945 года охватили его полукольцом, прижав врага к морю. Но взять сразу Кенигсберг не удалось. Потребовалось более 2-х месяцев, чтобы прорвать сложную систему обороны и выйти на ближайшие подступы к нему. Сам город также представлял из себя крепость.

В 6 км от Кенигсберга шла главная линия обороны, состоящая из 12-ти основных и 3-х вспомогательных крепостных фортов, построенных в XIX веке. Между ними тянулись противотанковые рвы и траншеи. Были приспособлены к обороне отдельные здания, замки, парки, кладбища, сооружены уличные баррикады. Внутри города имелось ещё кольцо внутренних фортов, посадочные площадки для самолётов, были сооружены прямо на улицах. Гарнизон крепости насчитывал более 100 тысяч человек.

На удержание Кенигсберга в своих руках фашисты возлагали большие надежды, этим они хотели сохранить свой «престиж», так крепко подорванный победами советских войск.

Учитывая возможности сильного сопротивления гарнизона, наше командование заранее подготовило всё необходимое для осуществления своих планов по захвату крепости. Был изготовлен макет города с учётом рельефа местности, на этом макете проводились занятия с командирами частей, которые должны были участвовать в штурме города. Создавались штурмовые группы для атаки фортов и отдельных опорных пунктов, подвозились боеприпасы, готовилась авиация. Перед началом наступления всем офицерам, вплоть до командира взвода, были розданы подробнейшие карты с единой нумерацией кварталов и объектов оборонительных сооружений. Немало пришлось поработать и дешифровщикам, принимая непосредственное участие в подготовке этих карт.

И вот 6 апреля 1945 года в 12 часов начался штурм Кенигсберга. В первой половине дня наша авиация боевых действий не вела вследствие неблагоприятных погодных условий. Но уже во второй половине дня и во все

последующие три дня и три ночи, пока продолжался штурм немецкой твердыни, наши воздушные соколы беспрерывно наносили массивные бомбовые сокрушительные удары, уничтожая отдельные узлы сопротивления, живую силу и технику противника, содействуя наступающим войскам. Видя бесцельность дальнейшего сопротивления, гарнизон крепости 9 апреля в 21 час капитулировал во главе с комендантом генералом Ляш.

Кенигсберг пал. До 42 тысяч немецких солдат и офицеров было убито в боях за город. Свыше 92 тысяч немцев сдалось в плен.

Хотя весной 1945 года чувствовалось, победа на пороге, пришла всё же она неожиданно.

Известие об окончании кровопролитной, такой долгой боевой страды, я как раз и встретила в Восточной Пруссии. Месяц прошёл, как сокрушилась фашистская твердыня – крепость Кенигсберг. Позади разбитые города и сёла. До основания разрушенные Смоленск, Орша, Минск, истерзанная, искалеченная, но не убитая, не покорённая земля родная.

А сейчас, в майские дни 1945 года, штаб нашей 1-й Воздушной армии дислоцировался в городе Растенбурге. Дом, где мы жили, типичный немецкий кирпичный дом с черепичной крышей, над которой деревья сомкнули свои древние кроны, находился на окраине города. Рано-рано утром 9 мая мы проснулись от каких-то беспорядочных выстрелов.

Выглянули осторожно на улицу. Помню, рассвет еле-еле брезжил. Надо было поскорее выяснить, чем вызвана стрельба. Нам показалось странным, что стреляли главным образом вверх, как-то беспорядочно, из самого разнообразного оружия: слышались и пистолетные хлопки, и винтовочные выстрелы, и пулемётная дробь.

Ну, думаем, что-то не так: или какая-то недобитая немецкая часть прорывается к своим (надо сказать, что тогда много бродило немцев и в одиночку, и группами), или высадились в расположение нашего аэродрома вражеские парашютисты. Командир взвода лейтенант Голубев дал команду, чтобы мы занимали оборону, как было предусмотрено в нашем распорядке. Рассредоточились, притихли… И тут с улицы донеслось тяжёлое, но такое

долгожданное слово, кто-то во весь голос, громко-громко скандировал не переставая: «Ка-пи-ту-ля-ция!!! Ка-пи-ту-ля-ция!!!» Наберёт воздуха и опять: «Ка-пи-ту-ля-ция!!!» Мы выбежали на улицу. А там: взвиваются ракеты, гремят выстрелы, приведено в действие всё, что может издавать звуки – патефоны, гитары, аккордеоны. Все обнимаются, целуются, несмотря на чины и звания, поздравляют друг друга, осыпая пахучими веткам сирени.

Помнится: необычайно буйно цвела тогда сирень, кажется, никогда больше я не видела такого неистового её цветения. А день-то!!! Ясный, прозрачный!!! Настоящий Победный день!!! Хотя уже прошло много лет, но отчётливо видится: в вышине перемешались пожар света и зарево рассвета. Необыкновенно яркое солнце собрало, скопило силы и вот теперь льёт свои лучи на исстрадавшуюся, израненную за четыре военных года землю, на людей, уже давно живущих мечтой об этой минуте. Трудно, очень трудно передать словами чувства, владевшие нами в те часы.

И вдруг, помню, кто-то заметил: на улицах Растенбурга не видно его жителей – немцев. Особого значения в те минуты этому не придали – настолько сильным было чувство победы, какой-то непривычной раскованности, счастья, свободы, торжества.

На следующий день, осмотревшись, увидели – большинство окон в домах изнутри занавешены, а двери почти всюду заперты. Попробовали достучаться в соседний дом. Но никто не реагировал на наш стук. Что такое? Мы никак не могли понять, в чем дело. Жили с нами по соседству пожилой немец с женой. У нас с ними сложились нормальные человеческие отношения, и мы уже забеспокоились – не случилось ли какой беды со стариками, почему они второй день не выходят из дома, не разделяют с нами радости окончания войны.

Неоднократно беседуя с соседом, мы знали о его отрицательном отношении к милитаристской политике Гитлера, а его жена без злобы на русских оплакивала сына, погибшего в начале войны под Москвой, проклиная все правительство, понимая, насколько огромна вина немцев за страдания, причинённые народам земли. Мы стали стучаться настойчивее – нам открыли.

Из разговора со стариками узнали: немцы, услышав о капитуляции, решили, что теперь им всем придет конец. Русские начнут каждого встречного стрелять, вешать, душить, как поступали их солдаты, и они, помню, несколько раз повторяли: «Капут, капут». Вот и запрятались, затаились, выжидая, не произойдёт ли каких перемен в обстановке. Мы успокоили стариков, внушили, что советские воины мстить немецкому народу за злодеяния фашистов не собираются.

Прошло несколько дней, и жизнь в Растенбурге вошла в нормальную колею, немцы перестали прятаться, а когда мы через месяц покидали город, перебазируясь на новое место, то многие пришли проводить нас.

Осматриваясь с высоты прожитых лет, я думаю: именно в те далёкие майские дни Победного 1945 года и начался трудный процесс прозрения, переосмысления геббельсовской пропаганды в умах немецкого народа.

Именно так проходил мой боевой путь через аэродромы, расположенные около передовых позиций наших войск. Это – Смоленщина–Жваненки (1943 год октябрь – ноябрь), затем Старинки, Шаталово, в 1944 году – Литва, Ораны, Каунас, затем Восточная Пруссия – Кенигсберг и, наконец, в мае 1945 года я закончила войну в Растенбурге.

Награды и медали я получила следующие: "За боевые заслуги" (1944 год); "За взятие Кенигсберга" (1945 год); "За победу над Германией в Великой Отечественной Войне" (1945 год) и другие юбилейные награды.

После войны, в 1946 году, я пошла учиться в Башкирский педагогический институт и закончила его в 1950 году по специальности учитель русского языка и литературы. Потом до 1961 года я работала преподавателем, завучем и директором школ в Башкирии. В это время, в 1954 году, вышла замуж за Борозинца Ленфрида Григорьевича, который являлся жителем блокадного Ленинграда. С 1961 года по 1977 год я работала преподавателем, а после заведующей отделением в медицинском училище БАССР. А уже с 29 ноября 1977 года я работала библиотекарем читального зала в Ухтинском индустриальном институте. 24 сентября 1980 года я ушла на пенсию.

После войны моя жизнь не закончилась, а словно началась с нового листа, но всё же нельзя забывать, что война

– всегда противоестественное состояние человека. Поэтому мы, пережившие ужасы войны, обязаны донести до сознания тех, кто не испытал войны, живую быль полувековой давности.

Июнь 2009 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказали помощь студентки 1-го курса нефтегазопромыслового факультета Ухтинского государственного технического университета

Ходенко Диана Витальевна

и

Панова Лилия Олеговна

Вергунов Вениамин Алексеевич

Наша «самоходка» на восточных окраинах Берлина вступила в бой

Я родился 19 декабря 1926 года в селе Ларьяк Тюменской области Ханты-Мансийского автономного округа, в семье служащего, по национальности - русский, член КПСС с 1954 года. С 1945 по 1954 гг., состоял в комсомоле.

До начала Великой Отечественной войны учился в 8 классе средней школы имени М. Горького в селе Александрово Новосибирской области (ныне - Томской).

О начале войны я узнал от взрослых, которые слушали по радио выступление министра иностранных дел СССР В.М. Молотова. Я в этот момент возвращался из магазина, куда меня мать посылала за хлебом, и случайно забежал в тамбур одной из столовых, где мужчины прятались от дождя.

В ряды Красной Армии меня призвали в конце апреля 1944 года Александровским райвоенкоматом Новосибирской области.

Сначала мы, призывники, плыли на пароходе почти четверо суток до Новосибирска. Потом нас распределили по разным воинским частям. Я с небольшой группой односельчан попал в город Красноярск (в/ч 205786-ш), где готовили пулеметчиков, снайперов, пэтээровцев (ПТР - тяжелое ружье

для стрельбы по танкам). Меня определили в минометный взвод (82-мм батальонный).

Но перед отправкой на фронт прибыла группа старших офицеров из Уральского военного округа и набрала 200 человек со средним и неполным средним образованием, но имеющих специальность тракториста или шофера для обучения в другом роде войск - бронетанковом.

В июле 1944 года мы по железной дороге прибыли в г. Челябинск (в/ч 36376), в 13-й УПТСА (учебный полк тяжелой самоходной артиллерии).

На следующий день нас построили в шеренгу перед штабом полка. Вышел к нам гвардии полковник Левадный, прихрамывая на одну ногу (видимо, инвалид войны), и сказал: «Приветствую вас, ребята, я рад, что ко мне прибыли сибиряки. А теперь признавайтесь - у всех из вас есть ложки?» Мы сначала не поняли «юмора». «Но картошки и мороженой капусты у нас достаточно», - добавил он. Все засмеялись. Позднее стало ясно, что питание было очень скромное, хотя нас обеспечивали по курсантской норме.

Итак, в течение 6 месяцев шли теоретические и практические занятия. Учебные классы размещались в землянках, где стояли столы и скамейки, освещение было электрическое.

В этот период военной службы вспоминается случай: однажды ночью нас подняли по тревоге и ускоренным шагом «прогнали» до железнодорожного вокзала, где посадили в пригородный поезд и высадили на какой-то станции. Выдали специальные инструменты и вместе с другими солдатами заставили тушить пожар, который пылал на территории базы с боеприпасами (снаряды в ящиках, мины, патроны, гранаты и другое военное имущество).

Жертв не было. Но кое-кто из ребят умудрился извлечь из гильзы большого калибра артиллерийский порох (похож на макароны) и привезти с собой в часть. Спрятали его в пустом металлическом баллоне, который валялся недалеко от землянки.

И вот в один «прекрасный» день после перекура (все выходили на свежий воздух, проветривая помещение) произошло непонятное: наш баллон, как ракета, взлетел и полетел, затем упал на площади, от нас примерно в 100

метрах. Немедленно началось расследование, но безрезультатно, никто не признался, и дело закрыли. Позднее мы узнали, что один курсант бросил в тот баллон окурок, отчего произошло возгорание пороха.

Осенью мы участвовали в уборке урожая в подсобном хозяйстве нашего полка, где выращивали картофель, капусту, морковь и другие огородные культуры.

В декабре, перед новым 1945 годом, состоялся выпуск молодых специалистов бронетанковых войск с присвоением званий - от младшего до старшего сержанта. Вскоре началось формирование экипажей: командиры (лейтенанты) САУ-152 прибыли из г. Загорска (Московская область), механики-водители (лейтенанты) - из военного училища г. Челябинска, а наводчики, заряжающие и замковые (сержанты) готовились на месте. Характерно, что мы сержанты - были все родом из Новосибирской и Омской областей, а также из Красноярского и Алтайского края.

Меня и еще одного товарища (оба - старшие сержанты) оставили обучать ребят 1927 года рождения, прибывших из Тамбовской и Пензенской областей. Но мы отказались и просили командование отправить нас на фронт. Наша просьба была удовлетворена лишь через 3 дня. Я тут же был зачислен в состав экипажа САУ-152 (командир - Оганесян, по профессии - учитель). Быстро пролетели дни практических занятий (тренировок), приближенных к боевой обстановке.

И вот, в январе 1945 года, наш отдельный 396-й полк тяжелой самоходной артиллерии (командир подполковник Ануфриенко) прибыл в действующую армию и был включен в состав 5-й Ударной армии (командующий генерал-лейтенант Берзарин) 1-го Белорусского фронта (полевая почта № 32544).

12 января 1945 года наши войска, вместе с Войском Польским, освободили столицу Польши - г. Варшаву. В это время наш полк принял первый бой севернее Варшавы, поддерживая наступление танков и пехоты. Первое ощущение, конечно, было тревожное, когда находишься внутри бронированной машины с ограниченным обзором поля боя. Лишь частые команды командира глушили «плохие» мысли.

В нашем экипаже служило 5 человек, из них трое были русские, один - армянин, один - украинец. Во время боя о

результатах стрельбы из пушки мы узнавали из разговора между командиром и наводчиком благодаря специальному устройству, вмонтированному в танкошлем. Причем командир машины еще мог иметь связь (зная пароль) с соседними экипажами и со штабом полка через радиостанцию, дальностью действия 40 км.

Продвигаясь на Запад, я обратил внимание, что повсеместно мало было видно гражданского населения, даже в крупных населенных пунктах. Причина - люди прятались под воздействием «геббельсовской» пропаганды. Им говорили, что с востока идут варвары, насильники и т.д. Правда, иногда к нам приходили пожилые поляки и немцы, предлагая нам молоко и яблоки, но нам нельзя было брать что-либо у мирного населения. Характерно, что некоторые из них старались общаться с нами на ломаном русском языке, заявляя, что они были в плену, в России, в Первую мировую войну.

В ходе Висло-Одерской наступательной операции наш полк понес большие потери (до 30%) в боевой технике и людях. В частности, наша САУ-152 дважды выходила из строя от повреждения ходовой части.

Длительное время мы стояли перед водной преградой (р. Одер, 60 км от Берлина), опасаясь контрудара с севера, со стороны Прибалтики, где еще оставались большие силы немцев. Да и тылы отставали от передовых частей армии. Это стало известно нам позднее.

Мне посчастливилось видеть, где-то в начале апреля 1945 года, командующего 1-м Белорусским фронтом Г.К. Жукова, проезжавшего через нашу воинскую часть в открытом автомобиле под охраной мотоциклистов-автоматчиков.

Как известно, Берлинская наступательная операция началась в середине апреля 1945 года. К этому времени были построены понтонные мосты через реку Одер. Причем более мощный - нашими саперами, а второй, послабее, польскими саперами - для прохода автомашин и пехоты. Все это происходило недалеко от городов Кюстрин и Лансберг.

Наш полк, из-за большого ремонта техники и ожидания пополнения, смог переправиться через р. Одер только 19 апреля. При форсировании р. Одер, а также в тяжелых боях

при взятии Зееловских высот (ключ к Берлину), наша машина (и еще 3) - почему-то не участвовали.

25 апреля, с подходом пехоты, наша «самоходка» на восточных окраинах Берлина вступила в бой. На борт машины был посажен десант из 8 пехотинцев.

Вообще в уличных боях, как правило, бронетанковые части брали часто на борт машины десант для прикрытия, т.к. из любого окна дома могли бросить связку гранат или мину.

Мы очень переживали, когда видели, что через несколько часов на броне оставались по один-два солдата с автоматом или винтовкой в руках. Кто-то был убит, а кого-то сбросило с машины взрывной волной.

27 апреля неожиданно выбыл из нашего экипажа механик-водитель из-за ранения в руку в момент «погружения» во внутрь «самоходки».

Немедленно к нам направили из штаба полка нового механика-водителя, причем в звании капитана, участника обороны Сталинграда, награжденного тремя боевыми орденами. Экипаж в обновленном составе продолжил вести огонь по врагу.

В дни штурма фашистского логова - Берлина, сильно бомбила наша авиация и самолеты союзников. Кроме этого, хорошо обстреливали огневые точки противника наши танкисты и артиллеристы. Разрушения были огромные: горели жилые дома и производственные объекты. Немцы дрались отчаянно. Ночью можно было наблюдать перебегающих улицу немцев, переодетых в гражданскую одежду. При задержании их пехотинцами оказывалось, что среди них были не только солдаты, но и офицеры.

Хорошо помню, как 28 апреля вечером, в момент небольшого затишья, к нашей машине подошли две француженки (угнанные в Германию) и попросили что-нибудь из продуктов. Мы, конечно, им дали хлеба и консервов. Они нас поблагодарили и ушли. Буквально через несколько минут к нам подошла американская автомашина («Студебеккер») и привезла боеприпасы. Мы успели отобрать и погрузить лишь три комплекта снарядов с гильзами, как попали под минометный обстрел. Погиб механик-водитель Завьялов, родом из Горьковской области, а меня ранило в левую ногу. Тут же ребята оказали мне первую помощь (сделали

перевязку), погрузили в какую-то бортовую автомашину вместе с механиком и отправили в ближайший медсанбат.

Впервые я испытал на себе наркоз перед началом операции. На следующий день я уже оказался в госпитале в каком-то районе Берлина. Позднее выяснилось, что это микрорайон называли Мальсдорф или Каульсдорф, вроде бы.

Короче говоря, День Победы я встретил на больничной койке. Обидно было, что не дошел до Рейхстага каких-то 400-450 метров. Но каждый раз я успокаивал себя тем, что остался живым. Лишь через месяц я смог написать письмо домой матери и сестрам. Указать свой адрес - Берлин, госпиталь № 41742, хозяйство Горбачева.

В госпитале в одной из палат нас, раненых, лежало 12 человек, причем все разных возрастов и званий. А буквально через стенку - два генерала, оба - Герои Советского Союза. В госпитале в штате военного медперсонала работали две гражданские девушки, которые ухаживали за нами. Они в 1942 году были угнаны в Германию: одна - с Украины из г. Харькова, вторая - с Белоруссии, г. Мозыря. Питание в госпитале было организовано очень хорошо. К обеду давали даже 50 г водки или 100 г красного вина, правда, только первые два месяца.

В течение первых месяцев лечения я дважды получал письма от ребят родного экипажа. Они сообщали, что после взятия Берлина (2 мая) самоходный артполк срочно перебросили в Австрию, где шли бои по ликвидации крупной группировки врага. Сейчас они готовят машины к погрузке на платформы и отъезду на Родину.

С горечью вспоминаю нелепую гибель при автокатастрофе первого коменданта г. Берлина, генерал-лейтенанта, бывшего командующего 5-й Ударной армией Берзарина в июне 1945 года. Его похоронили в Москве на Новодевичьем кладбище.

К нам в госпиталь часто приезжали артисты - концертные бригады. Они, несомненно, поднимали настроение как у раненых, так и у работников госпиталя.

К нам разрешали приходить голодным немецким детям, которые приносили с собой уже поспевшую красную смородину и бумагу для писем. Небольшая корзина ягод стоила 5 марок, это меньше 3 рублей в то время. Мы

ребятишкам отвечали взаимностью, т.е. передавали им хлеб, сахар, масло и другие продукты. Они оставались по истечении рабочего дня у многих раненых по разным причинам.

18-19 июля 1945 года всех раненых специальным поездом перевезли в г. Познань (Польша), где расформировали по разным госпиталям в зависимости от вида ранения.

На следующий день нас попросили медсестры помочь обклеить стекла окон бумажными лентами. Дело в том, что готовился мощный взрыв вблизи старинной крепости, где не сдавались немцы в течение нескольких месяцев. В ночь на 21 июля прогремели три взрыва, от которых вздрогнул весь город. В подземелье крепости с большой силой хлынула вода, немцев стало затапливать, они вынуждены были выйти на поверхность и сдаться в плен. Это около 150 человек. Об этом мы узнали от приехавшего в госпиталь мотоциклиста-почтальона.

Однажды мы стояли у главных ворот для проезда автомашин и другой техники. Я видел проходящую мимо большую колонну поляков, возвращавшихся из плена. Многие из них приветствовали нас, высоко поднимая вверх руку.

В Польше (г. Познань) я находился на излечении в госпитале №1776 хозяйства Эпштейна до осени.

3 сентября 1945 года - в это время закончилась война с Японией - меня выписали из госпиталя с заключением о моей непригодности к строевой службе.

Домой я возвращался через Варшаву, где неожиданно встретился на перроне разрушенного железнодорожного вокзала с односельчанином Шмараевым Петром, который тоже возвращался на родину с каким-то незнакомым сержантом, награжденным двумя орденами Красной Звезды.

Далее по железной дороге я ехал через Брест, Минск, Москву, Новосибирск - до Томска. Затем удачно сел на пароход, уходящий в последний рейс на север, так как закрывалась навигация на реке Обь. На пристани села Александрова меня встречали отец и сестра. Мама в это время готовила праздничный стол. Отец - участник взятия Кенигсберга (ныне Калининград) - демобилизовался из армии раньше и приехал домой еще в августе месяце.

За активное участие в боевых операциях наш экипаж САУ-152 дважды представлялся к правительственным

наградам, а именно: офицеры были награждены орденами Красной Звезды, а мы, сержанты, - медалями «За отвагу» (март) и знаком «Отличный артиллерист» (апрель).

Осенью 1946 года, когда я учился в Дорожно-механическом техникуме, Томский горвоенкомат вручил мне медали «За взятие Берлина» и «За победу над Германией». Кроме этого, у всех членов экипажа была благодарственная грамота от имени Главнокомандующего товарища Сталина, но я свою не сохранил.

Спустя 38 лет после войны меня неожиданно пригласили в Ухтинский горвоенкомат и вручили медаль «За боевые заслуги». Видимо, из-за смены места жительства эта награда многие годы искала меня. Ранее я проживал в Томской области, затем на крайнем севере западной Сибири (17 лет), а сейчас - в Республике Коми (с 1966 года).

Наш экипаж подбил два танка, один из них «Тигр», подавил своим огнем из пушки около 50 огневых точек противника (доты, дзоты, артиллерийские и пулеметные позиции, автомашины с грузом и другое).

К сожалению, до сих пор не могу понять, почему мы не смогли эффективно использовать крупнокалиберный пулемет (ДШК), установленный на башне САУ-152 для стрельбы по воздушным целям противника.

В заключение хотелось бы сообщить о моих публикациях в печати. Ранее я писал небольшие заметки в газетах «Заполярье» (г. Воркута), «Ухта» (г. Ухта), особенно ко Дню Победы, к очередной годовщине празднования Дня Советской Армии и Военно-морского флота, ко Дню артиллерии и т.д. Последний материал воспоминаний можно прочитать в книге «Время выбрало нас», изданной по инициативе Водненского совета ветеранов войны и труда (г. Ухта) в 2000 году.

В настоящее время принимаю участие в ветеранском движении, являюсь членом Ухтинского городского совета ветеранов войны и труда. По месту жительства член Водненского совета ветеранов, руководитель секции по военно-патриотической работе с молодежью.

В 2008 году награжден знаком «Почетный ветеран Республики Коми».

Ноябрь 2009 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказали помощь

Ильясов Руслан Ильясович, *студент 1-го курса факультета безотрывного обучения Ухтинского государственного технического университета*

и

Шмитов Сергей Валерьевич*, студент факультета информационных технологий Ухтинского государственного технического университета*

Гвоздик Владимир Петрович

Встретились под Тихвином, в противотанковом рву

Я родился 23 июля 1923 года в деревне Игрушки Крупского района Минской области. По национальности – русский, православный.

Детство мое связано с поселком Чибью. Мой отец в 1929 году пришел сюда с комплексной экспедицией для добычи промышленной нефти на бескрайних просторах севера. Он, заключённый ГУЛАГа, был специалистом по эксплуатации нефтяных скважин. Его реабилитировали в 1932 году. Отец попросился домой, а начальник Ухтпечлага Яков Моисеевич Мороз сказал ему: «Ты, Петр Матвеевич, нужен мне здесь как столб, который держит небо!» Отец был большим специалистом по буровым. Вызвали его семью из Белоруссии, и в августе 1935 года моя мать приехала в поселок Чибью с тремя сыновьями: Володей, Андреем, Михаилом. Маму принял в управление Я.М. Мороз. С его сыновьями я учился в школе.

Как только мы приехали, я пошел в школу, в 5 класс. Летом 1941 года я закончил ухтинскую школу №1, а уже осенью вместе с одноклассниками примерил солдатскую шинель.

Я помню всех моих одноклассников, ушедших на фронт, поименно: Георгий Панин, Николай Солдатов, Геннадий Чехович, Антонина Грузинкина, Иван Колотий, Геннадий Мадзюк, Сергей Моключенко, Анатолий Дятьков, мой родной брат Андрей Гвоздик. Многие фамилии увековечены на мемориальном знаке, установленном в Детском парке в память о выпускниках школы №1, павших на фронтах Великой Отечественной.

Я мечтал стать летчиком, как старший брат Василий (погиб в боях под Краснодаром), но по иронии судьбы моя мечта не осуществилась.

Площадь у клуба Косолапкина

То воскресенье я запомнил на всю жизнь. По радио, чёрная «тарелка» такая была, сказали, что в 12 часов будет передано экстренное правительственное сообщение, поэтому надо всем собраться у клуба имени Косолапкина. Отец ушел сразу, а мы с братьями пошли в школу, оттуда строем на площадь, где стояла грузовая машина. Борта были открыты, и там находилось руководство города, висел репродуктор.

На площади было очень много народу. Пришли мы, выпускники средней школы №1, студенты техникума, работники предприятий, другие жители посёлка Чибью. Все ждали, что нам скажут. И вот слышим: «Внимание, внимание! Передаём экстренное сообщение Правительства». Выступал тогда Молотов. Он сказал, что 22 июня 1941 года фашистская Германия без объявления войны вероломно напала на нашу Родину. Ровно в четыре часа бомбили Киев, Минск, Брест.

Помнится, на полуторку поднялись несколько человек из политотдела, начальник промысла Рубанов, по-моему, начальник Ухткомбината. Они говорили, что мы свою Родину защитим, враг будет разбит и победа будет за нами.

Представьте себе, какое это произвело впечатление. Воскресенье, бархатная такая погода, на улице солнце - и вдруг война! О ней и разговоров-то не было. Люди учились, трудились, выпускники готовились поступать в вузы. Я лично мечтал попасть в авиацию. Помню, со мной стояли Катя Ломарева, Усминская, Козловский Роман, Сальниковы, то есть те, чьи имена сейчас на обелиске в школе №1. И мы тогда договорились, что обязательно пойдём на фронт.

На второй день народ атаковал военкомат. Комиссар Султанов вышел и сказал: «Идите, работайте, когда надо, вызовем».

Мы поспешили в военкомат, но нас на фронт не брали - годами не вышли. Колотий Иван все подгонял нас. Мы, говорит, тут засиделись, глядишь – и война кончится. Но первых провожали на станции Чибью призывников 21-го года рождения, а нас взяли в 1942-м, и то добровольцами.

Многие из тех, кто тогда ушёл на фронт, с честью выполнив свой долг перед Родиной, погибли. Однажды Веблый - мы с ним, а также с Левой Окуневым, Подгузовым были в артиллерии - сказал: «Ребята, умрем стоя, иначе веры нам не будет!» Все, чьи имена на обелиске, умирали стоя.

В 1942 году я был призван Чибьюским районным военкоматом в армию.

Мы прибыли в Вологду, в 91-й запасной полк, изучали стрелковое оружие и новейший 120-мм миномет. После окончания военных курсов мы получили направление во 2-ю Ударную армию. Нас погрузили в эшелон и повезли на фронт.

До фронта мы не доехали - дошли пешком в 327-ю стрелковую дивизию. Меня определили в 894-й артиллерийский полк, присвоили звание сержанта, назначили командиром расчета 120-мм минометов.

Сначала я служил в запасном полку, в тылу. Но в 1942 году уже принимал участие в боях в составе войск Волховского фронта, которым командовал генерал армии (впоследствии маршал) Герой Советского Союза Кирилл Мерецков.

Волховский фронт вел бои за Волхов, Тихвин, именно здесь я принял первое крещение в бою.

Я участвовал в боях за освобождение Волховстроя. Был ранен, лечился в медсанбате, а после выздоровления вернулся в свой полк.

На фронте в то время шли непрекращающиеся бои. Армия готовилась к решающей битве за Ленинград. И вот этот незабываемый момент настал.

Как «ленинградцы» с «волховцами» обнимались

12 января 1943 года в четыре часа утра 2-я Ударная армия, где я служил, после мощной артиллерийской

подготовки пошла в наступление – началась операция «Искра» по прорыву блокады Ленинграда.

Фашисты сопротивлялись отчаянно, наши потери были очень велики. Красная Армия продвигалась вперед буквально на несколько сотен метров в сутки. Тем не менее, 18 января в 9.30 на восточной окраине рабочего посёлка № 1 состоялась историческая встреча бойцов Ленинградского и Волховского фронтов - замкнутого кольца блокады Ленинграда больше не существовало. Встреча с родными «ленинградцами» была очень трогательной и радостной: мы кричали «ура», бросали в воздух шапки, обнимались, целовались.

В то время я уже служил в полковой разведке. Получилось это так. Как-то меня вызвал командир и спросил: «Ты, я знаю, северянин?» Услышав утвердительный ответ, удовлетворенно заметил: «Значит, охотник и на лыжах хорошо ходишь». И моя военная судьба была решена.

Во время проведения операции «Искра» я получил тяжёлое ранение, был контужен. Санинструктор перевязал меня и отправил в тыл. Потом в санитарном эшелоне доставили сначала в Свердловск. Но там свободной койки для раненого под Ленинградом бойца не оказалось. Поезд повез меня дальше, до Тюмени, где я и лечился целых полгода. После выписки назад уже не вернулся, воевал на других фронтах.

Спасительный «коридор»

В результате операции «Искра» после взятия Шлиссельбурга на южном берегу Ладожского озера был создан «коридор» шириной 8-10 километров. Это позволило через 17 дней восстановить сухопутные пути между ещё осаждённым Ленинградом и Большой землёй. Утром 7 февраля 1943 года измученные жители города со слезами на глазах встречали первый эшелон с продовольствием. Однако до полного снятия блокады оставался ещё почти год.

Этому маленькому «коридору» особенно угрожала крупная мгинская группировка противника (в районе поселка Мга, в 50 километрах от Ленинграда). В январе 1944 года Красная Армия вновь начала широкомасштабное наступление. 21 января фашистов выбили из Мги, а ещё через шесть дней величественный город салютовал своим освободителям. Но

ленинградский салют 27 января 1944 года мне увидеть не довелось. Как раз в то время я находился в госпитале.

Мы встретились под Тихвином, в противотанковом рву

С Николаем Солдатовым, моим другом детства, мы освобождали Волховстрой, Тихвин, прорывали блокаду Ленинграда. Встретились, помню, в бою при взятии Тихвина, в противотанковом рву. Я кричу: «Николай!» Он обрадовался: «Володя! Как дома?» «Да, - говорю, - писем давно не получал». И опять – вперёд, за Родину, за Сталина!

После лечения в эвакогоспитале № 3352 г. Тюмени, комиссия дала заключение, что я не пригоден к военной службе в мирное и военное время.

Демобилизовался я в сентябре 1945 года. Приехал в п. Чибью, встал на учёт, прошёл комиссию и получил удостоверение инвалида 3 группы, потом, через 2 года, дали 2-ю группу.

После демобилизации работал шофером и принимал участие в строительстве нефтепровода Вой-Вож–Ухта. А потом я поступил на курсы в седьмой отряд ВОХР МНП, закончил с отличием в звании начальника караула и был направлен в ОВНК-3 пожарной охраны на нефтеперерабатывающий завод (НПЗ), где проработал до 1976 года. После я был принят с переводом на должность заместителя начальника по противопожарной безопасности полетов в Ухтинский аэропорт. В 1981 году ушел на пенсию.

На фронте получил одно письмо от брата Андрея, в то время он воевал в Прибалтике, а где находился Михаил, я даже не знал. Оба моих брата погибли, защищая Родину. Мой старший брат Василий был летчиком, погиб он в бою под Краснодаром. Родители мои умерли. Двух сестер я нашёл в детдоме, после возвращения с фронта, воспитал, дал небольшое образование.

За участие в Великой Отечественной войне, за проявленный героизм и мужество в борьбе с фашизмом я удостоен наград:

- орден Красной Звезды, №-3611578, указ Президиума Верховного совета СССР от 12 июня 1968;

- орден Отечественной войны 1-й степени, указ Президиума Верховного совета СССР от 11 марта 1985 г. №1857855;

- медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.», указ Президиума Верховного совета СССР от 9 сентября 1945 г.;

- почетный знак «Ветеран 2-й Ударной армии», как участник боевых операций в её составе;

- почётный знак «В память битвы за Ленинград».

Май 2009 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказали помощь студентки 1-го курса факультета экономики и управления Ухтинского государственного технического университета:

Волкова Наталья Александровна

и

Жижина Екатерина Петровна

Использованы материалы Издательского Дома «НЭП».

Горнович (Савельева) Мария Андреевна

Успеть донести побыстрее раненого солдата и вернуться за другим

Я родилась 16 февраля 1922 года в селе Саблино Сасовского района Рязанской области в рабочей семье. После семилетки окончила в 39-ом году Сасовское медучилище и стала работать в районной больнице медсестрой.

Хотела я продолжать учёбу в медтехникуме, но 22 июня все планы рухнули, потому что буквально на второй день меня призвали в армию и 29 июня направили в Рязань в состав сортировочного эвакогоспиталя.

Служила я в военных сортировочных госпиталях (1381,1860) городов Смоленска, Орши, Кенигсберга, Рязани, Калуги и на Дальневосточном фронте. Медицинский персонал госпиталя состоял в основном из таких же 19-летних девчонок, как и я. Это были студентки медицинских вузов, техникумов, а также те, кто не успел закончить учёбу. Сначала было жутко от зловещего воя вражеских самолётов, от разрывов падающих фугасок. Потом привыкли к бомбёжке и разгружали вагоны с ранеными в любое время суток.

А раненых в нашем госпитале было очень много. Они прибывали со всего 3-го Белорусского фронта, за которым следовал наш госпиталь. Когда мы стояли в Смоленске, наш

госпиталь разместился в здании какого-то учебного заведения, чудом уцелевшего после многочисленных бомбёжек. И все четыре этажа этого дома были заняты «осадочниками» - бойцами с тяжёлыми ранениями живота, груди, позвоночника.

Каждый из нас, медиков, был и операционной дежурной сестрой, и санитаром, и няней, и наркологом, т.е. кем угодно. Сами сёстры приводили в порядок помещения, перекладывали печи, возили продукты, кормили раненых, отправляли письма. А когда раненому требовалось переливание крови (она не всегда имелась в госпитале), мы становились донорами. Я 18 раз была донором во время войны. И каждый раз отдавала по 450 граммов крови. Иногда приходилось сдавать её по два раза в месяц. Каждая сестра знала свою группу крови и в любую минуту готова была отдать её, чтобы спасти жизнь солдата.

Особенно тяжело доставалось нам, когда после ожесточённых боёв в госпиталь привозили много раненых. Хорошо, если приём проходил днём.

Мне не забыть, как однажды привезли в госпиталь раненого солдата, совсем мальчишку. Положили на операционный стол, я стала вводить ему наркоз. А у солдата запал язык, он начал задыхаться. И как у меня хватило сил разжать его стиснутые зубы, пальцами вытащить из гортани язык и спасти раненого. Хотя сама от пережитого страха едва стояла на ногах.

Потом, когда солдату полегчало, я сказала ему: «Ну, братец-кролик, едва вытащила тебя с того света! Ты свой язык хотел проглотить!»

Наши части освободили Смоленск и Оршу, двигались по пути наступающих армий 3-го Белорусского фронта. После того как мы узнавали, что нашими войсками взят тот или иной город, настроение поднималось и у медицинских работниках, и у раненых.

Так мы дошли до Каунаса. Здесь принимали эшелоны, сортировали раненых. Транспортабельных отправляли на восток, «осадников» лечили в Каунасе. Бои в то время шли уже у германской границы. Когда пришла долгожданная победа, наш эвакогоспиталь всё ещё выполнял свои обязанности.

С наступлением темноты оживали фашистские бомбардировщики и начинали очередной налёт. В такие

минуты я думала только об одном: нам бы успеть донести побыстрее раненого солдата и вернуться за другим.

В любую минуту может оборваться твоя жизнь, и ничего у тебя не будет. Это мысли, но здесь фронт. Фронт – это тяжёлая работа, работа под огнём. И всюду на фронте прежде всего приходилось работать, превозмогая страх и усталость. Многие и не представляют, какой это был тяжёлый труд для молоденьких девушек. Но ничего так не помогало, не взбадривало, как хорошие вести с передовой.

Смертоносное дыхание войны не минуло и меня: меня тяжело контузило. Но я превозмогла боль и продолжала помогать раненым, нежное слово «сестричка» заставляло меня вставать и оказывать помощь. Но, увы, в тот день не закончилась для меня война. Несмотря на контузию, я была в тех эшелонах, которые проехали через всю страну на Дальний Восток воевать с японскими милитаристами за прочный мир на земле. И снова кровь, стоны, чужая боль, которая становилась своей. Хорошо, что война с Японией закончилась быстро. В декабре 1945 года я была демобилизована. Началась мирная жизнь. Только поздней осенью я вернулась в родное село. Но не очень надолго. Позвали в дорогу письма, что писал и писал мне офицер-пехотинец, лежавший в моей палате. Видно крепко я запала ему в сердце. После войны он продолжил военную службу в Белоруссии. Я приняла его письменное предложение и вышла за него замуж.

В Ухту Николай Николаевич и я приехали в 1948 году. Здесь прожили самые лучшие годы, вырастили двух сыновей – Володю и Бориса. Но пережитая война подорвала здоровье: в 1970-м году Николая Николаевича не стало.

Также на фронт был призван мой брат Пётр 1923 года рождения. Но до фронта он не дошёл, потому как ещё в школе увлекался черчением, и его, как нужного специалиста-чертёжника, направили в Нижний Тагил на военный завод.

С 1948 года живу в Ухте. Два года работала по специальности, а с 1950 года и до выхода на пенсию – заведующей здравпунктом в ухтинском железнодорожном техникуме.

Всю жизнь отдала я людям. За многолетний и добросовестный труд в мирное время была неоднократно поощрена и награждена почётными грамотами.

Награды: орден Отечественной войны, медали «За оборону Москвы», «За боевые заслуги», «За штурм Кенигсберга», «За победу над Германией», «За победу над Японией», почётные грамоты «Красного Креста» РСФСР, ряда министерств, обкомов КПСС, врачебно-санитарной службы.

Октябрь 2009 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказали помощь студентки 1-го курса нефтегазопромыслового факультета Ухтинского государственного технического университета

Стебунова Ирина Юрьевна

и

Захарова Ксения Владимировна

Григоренко Григорий Митрофанович

Отдельная кабельно-шестовая рота войск правительственной связи

Я родился 21 августа 1926 года в селе Байдивка Луганской области Старобельского района. По национальности являюсь украинцем. До войны в 1941 году окончил всего семь классов, так как не было возможности продолжать обучение дальше. На тот момент я жил с отцом-шахтером в Лисичанске, который находился в шестидесяти километрах от моего родного села. Мы жили в общежитии, которое было бараком.

И вот однажды утром мы встали, и нам говорят: «Началась война». Было трудно принять такую новость, но пришлось с этим смириться.

Первое чувство после такого известия – конечно же, страх, ведь отец был молодой, а в семье, кроме меня, было еще три сестры: Клава (1924 г.р.), она была самой старшей из нас, Надя (1928 г.р.) и Рая (1937 г.р.). Мама очень переживала, плакала постоянно. Сначала мы находились в оккупированном Лисичанске, в плохих условиях для жизни, с продуктами было очень тяжело. Потом переехали снова в родную деревню, где на тот момент находились мои сестры, а также отцовские братья. Они отдали нам комнату.

И вот из этой деревни 26 апреля 1943 года на пасху меня призвали в армию. На тот момент мне было 17 лет и 8 месяцев. Сначала нас призвали как новобранцев, в основном пацанов, я был там самый младший. Отправили этапом в Пензенскую область в Силиксинские лагеря. Это был отдельный запасной полк для прохождения обучения.

Когда мы туда попали, нам было очень тяжело: жили в палатках в лесу, спали кому как придется, в основном с деревьев отрубали ветки и плели маты. Там я, правда, недолго мучился: через два или три месяца приехали так называемые «покупатели».

Мне очень повезло в том, что «покупатели» были офицеры. Они подбирали себе солдат по определенным параметрам: рост должен быть не меньше 176 сантиметров, образование - не меньше семи классов, а также надо было быть комсомольцем.

Вскоре мы узнали, что нас отбирали в войска правительственной связи МВД СССР. Мне очень повезло, что я попал в эти войска. Нас погрузили в вагоны и повезли в Воронеж. Этот город был уже на то время освобожден. Там отобрали 120 человек. Это были первые войска, которые формировались в войну для правительственной связи. Мы обеспечивали связь командующего фронтом со Сталиным.

Там, в Воронеже, мы прошли курс обучения: нас научили давать временную связь. Мы являлись солдатами 86-й кабельно-шестовой роты. А полное ее название такое: 86-я отдельная кабельно-шестовая рота войск правительственной связи МВД СССР. Наша рота подчинялась только командующему штабом. У нас было свое обеспечение, свой транспорт, свои машины, которые возили технику - провода, шесты.

Когда командующий переезжал дальше, то мы снимали эту линию, грузили всё на машины и ставили новую линию на том месте, куда он переехал. Для связи нужен был медный провод. Связь наша называлась ВЧ (высокочастотной связью) и проходила везде: в 10-20 километрах от главной линии провод шел по большим столбам, а вот дальше мы уже давали шестовую связь. Там я выполнял обязанности ломовика, то есть ломом пробивал узкое отверстие в земле на глубину 40 сантиметров, туда вставлялся шест, на котором было

укреплено два изолятора. Уже потом на эти изоляторы натягивали медный провод.

В зависимости от того, где находился командующий, мы определяли штаб и давали туда связь. И потом, пока командующий, там находился, мы охраняли эту связь. Из Воронежа мы попали на 2-й Украинский фронт. Все два года, что я служил, мы обеспечивали связь Малиновского Р.Я. со Ставкой Главнокомандующего.

С Украинского фронта мы пошли на запад: прошли Румынию, Бессарабию, Молдавию, Австрию и Чехию. Так дошли до Чехословакии, где и застало нас окончание войны.

Если честно, за все время войны нам было страшно очень редко. Служба проходила без всяких эксцессов, спокойно, мы знали свою работу, свои обязанности. А обеспечить связь командующему фронтом и связь верховному главнокомандующему – это наша главная задача.

Действительно страшно было только, когда мы переезжали. В эти моменты нас часто бомбили. Или когда бывало скопление войск, пробки, когда налетали самолеты, и все разбегались кто куда. Радовало то, что в 1943 году нам из Америки прислали новые машины – «Студебеккеры» и «форды», благодаря их скорости и маневренности мы нормально передвигались.

Был еще страшный момент. Было это до армии, в 1943 году перед Новым годом, как только освободили наше село. Тогда стали забирать в армию всех, кто не попал в армию до оккупации. Призывали, в основном, людей старшего возраста. Вот они и освобождали мой город Лисичанск, там погиб мой двоюродный брат. Потом уже сообщили оттуда, что очень многие погибли.

Моя тетя сказала: «Гриша, ты же вроде как знаешь Лисичанск, езжай туда, там где-то погиб и брат Яша». Я собрался, поехал. Там я тело своего брата нашел. Позже, когда показывали хронику осаждённого Ленинграда, я часто вспоминал, как я – мальчишка вёз на саночках окоченевшее тело своего погибшего двоюродного брата в родное село.

Как мы встретили Победу? Было нас всего три взвода. И вот однажды ночью услышали стрельбу, нас подняли по тревоге. Мы не понимали, что такое, что случилось, все кругом с автоматами, палят, кричат. И вот нам говорят:

«Победа!» На следующий день уже собрали всю роту, приготовили угощенье и пошли в лес отмечать День Победы.

Войну я закончил рядовым солдатом. Ранений не было – бог миловал. Был награжден медалью «За боевые заслуги». Также получаю юбилейные медали участника войны, всего их у меня 12.

После Победы я еще продолжал службу. Из нашей 86-й роты сформировался 92-й батальон, и до конца года мы там несли службу по наблюдению за порядком в Чехословакии. Затем наш батальон перебросили в Австрию, в город Берендорф. Там формировался правительственный полк уже не МВД, а МГБ (министерство государственной безопасности). Дали уже другую форму. В войсках МГБ я служил до демобилизации.

Эта война оставила отпечаток на всех людях, как на участниках этой войны, так и на их потомках. Воспоминания об этой войне вечны. В этой войне мы одержали победу. Конечно, это было очень трудно, много крови было пролито, было отдано много жизней за честь нашей Родины. День Победы – это наш праздник, праздник со слезами на глазах.

Ноябрь 2009 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказали помощь студентки 1-го курса архитектурно-строительного факультета Ухтинского государственного технического университета

Лозовская Надежда Юрьевна

и

Марченкова Анна Сергеевна

Гуляев Григорий Павлович

Отделение химической разведки

Я родился 31 января 1923 года в Пермской области. После окончания в 1940 году десяти классов средней школы в городе Соликамске я поступил на первый курс геологического факультета Казанского государственного университета.

О начале войны я узнал 22 июня 1941 года, когда готовился к последнему экзамену за 1 курс. Через несколько дней получил повестку из военкомата, прошел комиссию и был признан годным для службы в армии.

160 студентов пока не призывали. Военкомат запретил мне выезд из Казани на летние каникулы к родителям. Все лето я провел в городе, вместе с другими студентами занимался различными работами. Мы выгружали лес, сплавляемый по Волге, строили железную дорогу, занимались погрузочно-разгрузочными работами.

В это время из Ленинграда в Казань были эвакуированы несколько институтов Академии наук СССР, и мы разгрузили, перетащили и установили в университетских аудиториях все оборудование, принадлежащее этим институтам.

Занятия в университете начались на месяц раньше, в августе: нам хотели дать ускоренное образование. За два с половиной года студентов должны были обучить по программе, которая рассчитана на четыре года. Занимались мы

по 8 часов в день. Очень трудно было с питанием. В начале ноября мне удалось в военкомате получить открепительное удостоверение, я отчислился со второго курса университете и вернулся домой, в Соликамск.

Но чуть позже, 22 ноября, я был призван в армию и оставлен в городе в составе строительного батальона № 1270, где занимался возведением нового магниевого завода.

22 апреля 1942 года в составе большой группы я был направлен в город Кунгур Пермской области, где формировалась 231-я стрелковая дивизия. В каждой дивизии существовала отдельная рота химической защиты, которая двигалась со штабом и охраняла его, а в случае необходимости могла оказать первую помощь пострадавшим.

Мы прибыли в дивизию, нас всех построили, затем появились «покупатели» (представители родов войск). Право выбора первым получил пожилой старшина от химроты. Он отбирал солдат со средним образованием. Дело в том, что к началу Второй мировой войны в колоссальных объемах было произведено страшное оружие – боевые отравляющие вещества, вероятность применения которых была весьма велика. Отравляющие вещества и газы впервые были использованы немецкими войсками в 1915 году против французов. Однако во время Второй мировой они не применялись. После окончания войны огромное количество снарядов, авиабомб и мин, начиненных отравляющим веществом, было найдено в водах Балтийского моря.

Я попал в химические войска. В роте имелось отделение из восьми человек – химразведчиков, и я оказался среди них. Нас усиленно тренировали. Мы совершали в противогазах марш-броски с преодолением полосы препятствий, учились работать в противоипритной защитной одежде.

В июне мы погрузились в эшелон и через Северный Казахстан прибыли в Саратов, где разместились на левом берегу Волги, в двадцати километрах южнее города.

К середине июля 1942 года немецкие войска подошли к Сталинграду. Началась Сталинградская битва, самая кровопролитная в истории человечества.

В начале августа, когда немцы вышли на подступы к Сталинграду, наша дивизия численностью около десяти тысяч человек в походном порядке двинулась к Сталинграду, а нас,

троих рядовых и воентехника, оставили получить и сопроводить до Камышина груз для истребителей танков.

К нашему берегу была подогнана большая баржа, и на автомашинах стали подвозить груз - бутылки и ампулы (шары из тонкой жести диаметром 10-12 см), заполненные горючей смесью, которая при соприкосновении с воздухом мгновенно вспыхивает. Бутылки в ящиках были засыпаны песком по самое горлышко. Ампулы были упакованы в деревянный ящики размером 0,6х0,8 м и засыпаны песком. Эти ампулы использовались в новом оружии – «ампуломете», действующем по принципу охотничьего ружья. Оно представляло собой обыкновенную трубу под диаметр ампулы длиной примерно 0,8 м, один ее конец утончался под максимальный калибр бумажного патрона (6 или 8), далее размещались спусковой механизм и небольшой приклад. Все это монтировалось на деревянном лафете. Наведение производилось движением клина. Дальность полета – до 500 метров.

Вечером приплыл небольшой буксир с тремя баржами (с продовольствием, боеприпасами и теплой одеждой), захватил нашу баржу и отправился вниз по Волге.

Рано утром приплыли к городу Камышину, там уже два немецких бомбардировщика поджидали караван, но и у нас была хорошая противовоздушная оборона, из-за чего бомбы были сброшены немецким бомбардировщиком с большой высоты, не причинив нам вреда. Быстро сдав груз, мы отошли подальше от берега, пересидели день и ночью на пароходе доплыли до Дубовки. До фронта добрались на попутной автомашине.

Под Сталинградом шли ожесточенные бои. Немецкие войска рвались к Волге, чтобы перерезать «артерию», снабжавшую нашу армию кавказкой нефтью.

Здесь, на Волге, по существу, решалась судьба нашей родины. Если бы в этом сражении немецким войскам удалось одержать победу, то в войну против нас на стороне Германии вступили бы Япония и Турция.

Сталинград – город уникальный, он протянулся вдоль Волги на 70 километров при ширине всего 600 метров. Эту узкую полосу земли, застроенную домами и заводами, обороняла 62-я армия генерала Чуйкова, сдерживая

сильнейший натиск самой боеспособной 6-й немецкой армии, прошедшей победным маршем по Бельгии, Голландии и Франции, и усиленной многочисленными танковыми корпусами.

За все время боев немецким танкам только один раз удалось прорваться к Волге в районе Мамаева кургана, но ударами наших штурмовиков они были уничтожены.

Наши войска севернее Сталинграда осуществляли сильнейший нажим на немцев, стремясь оттянуть как можно больше войск, нацеленных на Сталинград, и этим оказать помощь защитникам города. Наша дивизия вступила в бой в середине августа севернее города Сталинграда в районе балки Грачи, прозванной «Долиной смерти» (юго-западнее населенного пункта Ерзовка).

Рота, в которой я служил, находилась при штабе дивизии и несла его охрану. Химразведчики, я и мой напарник-земляк Полупанов, в течение августа и большей части сентября находились на наблюдательном пункте командира дивизии, располагавшемся на расстоянии 2-3 км от нашего переднего края. Там же постоянно находились еще два разведчика из разведроты, два дивизионных и два корпусных связиста. А еще часто присутствовали представители штаба дивизии – начальник артиллерии, начальник разведки, начальник оперативного отдела, иногда и командир дивизии.

Наша задача заключалась в том, чтобы вовремя заметить начало химического нападения, оповестить войска и определить применяемые газы и отравляющие вещества с помощью мини-лаборатории (сумки химразведчика с набором индикаторов для всех отравляющих веществ). Мы вели наблюдение за возможными средствами их доставки, прежде всего за самолетами (возможно распыление в воздухе), за характером разрыва мин, снарядов, авиабомб (начиненные отравляющими веществами должны иметь цветные разрывы).

Под Сталинградом было полное господство немецкой авиации. В воздухе стоял непрерывный гул от немецких самолетов, летящих бомбить Сталинград. Над городом – сплошное марево черного дыма. Особенно варварской бомбардировке подвергся Сталинград 23 августа, когда на город сбросили свой смертельный груз более 2000 самолетов. Не забывали и нас. Каждый день немецкие пикировщики

бомбардировали наши позиции. Одна бомба чуть не накрыла меня прямым попаданием. Диаметр воронки – около 4 метров, расстояние от края воронки до края моего окопа – около одного метра. Меня спас очень плотный грунт.

Немецкие летчики-истребители от безделья хулиганили, нападали даже на отдельных людей. Так в роли «дичи» однажды оказался и я, когда солнечным днем возвращался с наблюдательного пункта в расположение своей части. Я спокойно шел, как вдруг надо мной пролетел немецкий истребитель, стреляя из крупнокалиберных авиационных пулеметов. Я сначала не понял, но при следующем заходе петлял как заяц. И только после третьего захода мне удалось найти какую-то ямку, я упал и притаился. Самолет покружил надо мной и полетел искать новую «дичь».

За время боев нашей дивизии удалось продвинуться на десять километров, но к середине октября она была полностью обескровлена и расформирована. Ее знамя и номер были направлены на Урал для формирования дивизии нового состава, а уцелевший личный состав был передан другим соединениям. Нас, группу из 15 человек, 8 ноября 1942 года передали 90-й отдельной роте химической защиты 84-й стрелковой дивизии, прибывшей с Северо-Западного фронта (из-под Старой Руссы), в которой я прослужил до конца войны.

Дивизия была кадровой, химическая рота имела свой автопарк и была полностью укомплектована оборудованием, снаряжением и имуществом для быстрой ликвидации последствий применения противником отравляющих веществ и для быстрого развертывания пунктов оказания первой помощи пострадавшим.

19 ноября 1942 года началось наступление советских войск под Сталинградом. На севере от излучины Дона наступал Юго-Западный фронт под командованием генерала Ватутина Н.Ф., на юге – Сталинградский фронт под командованием генерала Еременко А.И., прорвав оборону противника на участках румынской и итальянской армий. За 3 дня боев войска встретились, окружив 330-тысячную немецкую группировку. Они стремились сжать кольцо окружения и удалить от него внешний фронт. Наша дивизия

под командованием полковника Буняшина принимала активное участие в уничтожении окруженной группировки.

Внешний фронт находился достаточно далеко от кольца окружения, поэтому окруженные войска не предпринимали попыток прорыва.

Но немецкое командование не теряло надежды выручить окруженную группировку. В районе Котельникова была сформирована ударная группа под командованием самого опытного военноначальника генерал-фельдмаршала Манштейна. Эта группа 12 декабря 1942 года начала наступление вдоль железной дороги и за трое суток продвинулась к Сталинграду на 45 км, но была разгромлена нашими войсками.

10 января 1943 года наше командование обратилось к командованию группировки с предложением о капитуляции. Предложение было отвергнуто. Наши войска усилили нажим и 26 января вышли к Волге в районе Мамаева кургана, разделив группировку на две части. Южная группировка численностью 48 тысяч во главе с командующим генерал-фельдмаршалом Паулюсом и его штабом капитулировала 31 января. Северная группировка численностью 42 тысячи капитулировала 2 февраля.

Я был в это время в районе Сталинградского транспортного завода и видел, как из подвалов с поднятыми руками выводили немецких солдат и офицеров. После необходимой проверки их строили в многочисленные колонны под нашей небольшой охраной или вообще без охраны, двигая их на сборные пункты. Так закончилась Сталинградская битва. Под Сталинградом немецкие войска потерпели катастрофическое поражение, потеряли 3,5 тысяч танков, 12 тысяч артиллерийских орудий и минометов, 3 тысячи боевых самолетов, 1,5 миллиона солдат и офицеров, так и не увидев реки Волги.

В конце марта наша дивизия погрузилась в эшелон и была переброшена в район г. Старый Оскол. Во время боев с середины 1943 и до 1944 года я со своим напарником Соболевым, учителем из города Череповца, много времени находился на наблюдательном пункте командира дивизии. Соболев был очень скромным человеком, писал короткие рассказы о боевых буднях, о своих товарищах. Погиб в марте

1945 года в Венгрии, отбивая контратаку немцев, прорвавшихся к наблюдательному пункту.

Немецкое командование готовилось летом 1943 года взять реванш на Курской дуге за Сталинградское поражение. Наше командование тоже готовилось отразить наступление немецких войск и разгромить их. На Курской дуге было сосредоточено большое количество войск и военной техники, были созданы оборонительные рубежи на глубину до двухсот километров, в оперативном тылу был развернут мощный резервный Степной фронт. Наша дивизия входила в состав 53-й армии Степного фронта.

Немецкие войска на Курской Дуге были разгромлены. 3 августа еще продолжались тяжелые оборонительные бои, а Степной фронт уже начал наступление на Белгородско-Харьковском направлении. Наша дивизия принимала участие в освобождении городов: Белгорода, Харькова, Полтавы, Кременчуга, Александрии, Кировограда. Особенно тяжелые бои шли под Харьковом. Немцы упорно сопротивлялись, но 23 августа наши войска вошли в город, восторженно встреченные жителями.

С целью окружения и уничтожения Кировоградской группировки немцев наши войска нанесли удары на севере со стороны города Знаменки и южнее Кировограда. Наша дивизия занимала оборону на левом фланге и у горловины южного прорыва. В прорывы устремились наши танковые и механизированные соединения, стремясь окружить южную ударную группу. 23 декабря немецкие танки прорвали фронт в полосе нашей дивизии, была реальная угроза захвата штаба дивизии.

Все, кто не принимал участия в эвакуации, заняли оборону, из химроты человек 20 – на северной окраине села Новгородка, на пологом склоне в неглубоком снегу. Перед нами примерно в 400-500 метрах протекала речка, за ней, на другом берегу, стояли редкие хатки-мазанки.

Сначала было все тихо, потом быстро прошла наша пехота, чтобы достичь нового рубежа обороны и там закрепиться. Потом подошли немецкие танки, остановились на противоположном берегу реки и стали обстреливать нас прямой наводкой. Потом появились немецкие автоматчики. Мы держали оборону, пока не закончилась эвакуация.

В этом бою погибли два наших товарища - старший сержант Зеленин и сержант Мишин. Сержант Мишин, когда наша часть проходила недалеко от его дома, навещал семью. Погиб начальник оперативного отдела штаба дивизии, подполковник, руководивший обороной на этом участке. Я получил осколочное ранение в руку, но в госпиталь не поехал, отлежался в медсанбате дивизии в селе Вершино-Каменко.

Кировоград был освобожден 8 января 1944 года.

24 января 1944 года войска 1-го Украинского фронта с севера, а 2-го Украинского фронта с юга приступили к отсечению Корсунь-Шевченковского выступа. В результате ожесточенных боев 28 января войска встретились, окружив одиннадцать немецких дивизий.

Наша дивизия держала оборону на правом фланге внешнего фронта. Даже химрота находилась во второй линии обороны, на северной окраине города Шпола.

Немцы каждый вечер открывали пулеметный и автоматный огонь. И хотя это была уже вторая линия обороны, пули свистели над нашими головами.

Немецкое командование считало, что в такую весеннюю распутицу с раскисшим черноземом, какая бывает на Украине, наши войска наступать не будут, и у немцев появится достаточно времени для перегруппировки войск и укрепления обороны. Советское командование решило использовать этот расчет врага и начало широкое наступление в начале марта.

Наша дивизия наступала в составе 2-го Украинского фронта. С боями прошла двухсоткилометровый путь и вышла на подступы к Кишиневу.

Мы с Соболевым двигались в первом эшелоне, наша рота с автотранспортом безнадежно отстала. Как и все наступающие войска, жили за счет местного населения. Даже под Кишиневом, пока не прибыла наша часть, питались в основном молдавской фасолью.

Наша дивизия простояла в обороне на одном месте почти все лето. Шли обычные позиционные бои.

Хорошо потрудились саперы, построив в полосе дивизии многочисленные муляжи артиллерийских орудий и танков. И пролетающий немецкий корректировщик «Рама» наверняка фиксировал, что здесь крепкая оборона.

Мы с Соболевым постоянно находились на наблюдательном пункте, расположенном на возвышенности. Перед нами вдоль линии фронта пролегала широкая, глубокая долина с высоким противоположным склоном. По середине долины протекала речка – естественный рубеж нашей обороны. До нашего переднего края было полтора-два километра.

Примерно в трехстах метрах вниз по склону размещался наблюдательный пункт командира стрелкового полка, державшего оборону на этом участке. Там неотлучно находились разведчик и связист. Старшина разведчик с нашего наблюдательного пункта постоянно держал с ними связь. Слева от нас, в семи километрах, находился город Оргеев.

В августе наши войска начали наступление. 24 августа был освобожден Кишинев, а затем и разгромлена немецкая группировка. Наша дивизия принимала активное участие в этих боях. А в середине сентября она была переброшена через Карпаты на Западную Украину. Мы полтора месяца стояли в лесистой местности между городами Луцк и Ровно, видимо, нас готовили на Сандомирский плацдарм и далее на Германию. Но, в связи с наступлением наших войск в Венгрии, дивизия была переброшена обратно к венгерскому городу Дебрецен.

Далее двигались своим ходом, по пути останавливались в югославском городе Суботицы. Югославы приняли нас очень хорошо. Разместили всю нашу часть в большой гостинице, и мы проспали ночь на белоснежных простынях, под пуховыми одеялами, а наутро нас угостили «белой кавой» (какао с молоком).

Наша дивизия была передана 3-му Украинскому фронту, ведущему тяжелые бои в правобережной Венгрии.

Наши войска уже находились в Германии, на подступах к Берлину, но здесь, на юге, немецкое командование держало крупные силы и отчаянно цеплялось за эту территорию.

Особенно тяжелая ситуация для фронта складывалась в январе – феврале. В Будапеште была окружена крупная немецкая группировка. На севере, со стороны городов Бикчи и Касторны, рвалась к Будапешту, чтобы вывести окруженные войска, ударная группа из 9 дивизий. Самые ожесточенные

бои шли за центр венгерского авиастроения, город Секешфехервар, который переходил из рук в руки несколько раз и был взят нашими войсками 24 декабря 1944 года. Здесь большой группе немецких танков удалось прорвать наш фронт, и они несколько дней гуляли в нашем тылу.

Наша дивизия принимала самое активное участие в боях за этот город. Я находился на его северной окраине, вышел из города ночью вместе со штабом дивизии, причем передвигаться пришлось на дамском велосипеде, поэтому догнал свою часть уже к концу второго дня в 35 километрах от города.

Дивизия внесла большой вклад и в ликвидацию немецких группировок в районе озера Балатон и западнее Будапешта, а также в освобождение столицы Венгрии. Будапештская группировка немцев капитулировала 13 февраля 1945 года.

В марте наша дивизия была отведена на краткосрочный отдых в город Дунафельдвар, расположенный на правом берегу Дуная. Но отдохнуть нам довелось всего несколько дней. Поступил приказ, согласно которому нашей дивизии передали весь армейский и фронтовой автотранспорт, на который было погружено все – вплоть до повозок и лошадей. И дивизия, преодолев за ночь 250 километров, оказалась на юге Венгрии.

Здесь немецкие войска начали наступление, потеснив на 15 километров «наших братушек» (югославские и болгарские части), оборонявших этот участок фронта. Вступив в бой, наша дивизия помогла восстановить положение.

Последним крупным населенным пунктом, в боях за который принимала участие дивизия, был город Надьканижа, расположенный на западе Венгрии и взятый 4 апреля.

8 мая нам сообщили, что фашистская Германия капитулировала, война закончилась.

А 9 мая был объявлен праздник – День Победы. Для нас это было самое радостное сообщение. Одновременно был получен приказ двигаться форсированным маршем на запад и прибыть в австрийский город Грац раньше американцев. Остаток дня и всю ночь мы двигались по горным дорогам и 9 мая рано утром прибыли в город Грац. Город был украшен флагами стран победителей (Советского Союза, Соединенных

штатов Америки, Англии, Франции), полотнища которых свисали с верхних этажей зданий почти до самой земли. У всех было радостно-приподнятое настроение.

В этом городе мы пробыли недолго. Согласно решению консультационной комиссии стран-победительниц, город попадал в американскую зону оккупации.

В середине июня мы оставили город Грац, двинулись на восток, проехали через всю Венгрию и остановились в городе Арад, расположенный в Западной Трансильвании – провинции, которая до Второй мировой войны входила в состав Венгрии, а после войны была передана Германии.

Штаб дивизии разместился в бывшей турецкой крепости, расположенной в центре города, а наша часть заняла пристройки при местном большом парке.

Здесь я пробыл до 13 мая 1946 года и был демобилизован как студент второго курса высшего учебного заведения. В этом же году поступил в Молотовский (Пермский) государственный университет. После окончания университета Министерством геологии СССР был распределен во вновь организованное Туркменское геологическое управление. В предгорьях Памира на высоте 2,5 тысяч метров занимался поисками полиметаллических (свинцово-цинковых) месторождений.

Главным делом моей жизни стали поиск и разведка месторождений бокситов на Тимане. 31 год проработал в самой крупной в Союзе Ухтинской геологоразведочной экспедиции, базировавшейся в г. Ухте Республики Коми, начальником и главным геологом партии, старшим геологом отдела. В должности главного геолога геологоразведочной партии занимался поиском и разведкой бокситовых месторождений в центральных районах Республики.

Имею диплом первооткрывателя самого крупного на Евро-Азиатском континенте Средне-Тиманского месторождения бокситов, содержащего 30% общероссийских запасов этого сырья. На месторождении работают крупные рудники. Добываемые бокситы вывозятся на Уральский и Сибирский глиноземные заводы.

Май 2009 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказали помощь студентки 1 курса факультета экономики и управления Ухтинского государственного технического университета

Жгилева Мария Сергеевна

и

Кульбачная Елена Владимировна

Гурулев Лаврентий Семенович

Мой взвод - группа захвата, группа прикрытия и резервная группа

Я родился 10 апреля 1925 года в рабочей семье в Читинской области Нерченско–заводского района села Олочи. Рано остался без отца в 1930 году, его осудили как врага народа и через две недели расстреляли.

Когда мне было 15 лет, переехал с семьей из родного забайкальского села на берегу Аргуни в Игарку, прямо перед войной. Я пошел в 9 класс, и началась война. Жить стало очень тяжело, было уже не до учебы, и, чтобы помогать семье, я пошел работать грузчиком. Но такой тяжелый труд, физический труд был мальчишке не под силу, поэтому я проработал всего год, потом перешел на лесокомбинат, где было мне значительно легче.

Я подрастал: возмужал, окреп, готовился уже к службе в армии. И ждать оставалось совсем недолго. Как раз 1 мая 1943 года прямо после митинга меня призвали в военкомат.

Меня отправили эшелоном, но куда я даже и не знал. Прибыл в город Ачинск, в 212-й запасной полк. Пробыл я там до августа, пройдя подготовку маршевых рот: строевую, учился стрелять, изучали оружие. Казалось, вот-вот и на фронт попаду. Но начался набор в училище, а у меня как раз было

образование не меньше 7 классов. Я всегда хотел учиться, тут же с охотой пошел. Попал в Барнаульское военно-пехотное. Закончил его в январе 1945-го, это был момент примечательный и заметный. Только вчера я был курсантом, а сегодня - я молодой офицер, только что надевший новенькие погоны.

Целый эшелон младших лейтенантов едет на фронт. Попадаем в город Топинау (Восточная Пруссия). Путь был до города очень долгий, добирались почти месяц. Сначала были в составе резервного полка, а потом распределили нас по частям. Стал я командиром взвода разведки в 247-м стрелковом полку 84-й гвардейской дивизии 3-го Белорусского фронта.

Удержанию Восточной Пруссии германское командование придавало важное значение. Здесь издавна имелись мощные укрепления, которые в последующем совершенствовались и дополнялись. К началу зимнего наступления Красной Армии в 1945 году противник создал мощную систему обороны глубиной до 200 км. Наиболее прочные укрепления имелись на восточных подступах к Кенигсбергу. Мы получили задачу разгромить группировку противника и в дальнейшем развивать наступление на Кенигсберг.

Общий замысел заключался в нанесении фронтального удара по Кенигсбергу в обход мощных укреплений противника севернее Мазурских озер. Конечная цель наступления войск 3-го Белорусского фронта состояла в том, чтобы охватить основные силы восточно-прусской группировки немцев.

Начинаются боевые будни разведчиков. При подготовке наступления в нашу задачу входило вести наблюдение, следить за передвижениями противника, составлять донесения в штаб о дисклокации немцев. Для разгрома противника в Восточной Пруссии первым перешел в наступление наш фронт. Немцы ждали удара. Их артиллерия вела методичный огонь по боевым порядкам пехоты, готовившейся к атаке.

6 апреля 1945 г. войска начали Кенигсбергскую операцию. После мощной артиллерийской подготовки пехота и танки атаковали позиции немцев. Преодолев упорное сопротивление противника, войска продвинулись на 2-4 км, и

к исходу дня наши войска вышли на окраины города. 9 апреля гарнизон Кенигсберга капитулировал.

Завершение штурма Кенигсберга Москва отметила салютом высшей категории - 24 артиллерийскими залпами из 324 орудий. Была учреждена медаль «За взятие Кенигсберга», что обычно делалось только по случаю овладения столицами государств. В Восточной Пруссии советские войска понесли тяжелые потери. Еще больше было потеряно при уничтожении окруженных группировок.

Пополнение в ходе операции почти не поступало. Более того, значительные силы передавались на Берлинское направление, которое в кампании 1945 года было главным. Ослабление нашего фронта привело к затяжным и кровопролитным боям в Восточной Пруссии. После боев мы проверяли блиндажи, собирали документы и доставляли их по назначению.

Мой взвод состоял из 16-ти человек – группа захвата (5-6 человек), группа прикрытия (6 человек) и резервная группа. Мы получили задание взять «языка». В задачу саперов вошло обеспечение нам проходов через колючую проволоку и очистка пути от мин. Группа захвата в свою очередь должна была сделать бросок вперед, взять языка и отходить, потому, что группа прикрытия должна отстреливаться.

Группа захвата состояла из крепких, закалённых ребят, уже прошедших почти всю войну, умелых разведчиков. Им везло, но не все рейды проходили удачно. Когда уже после Победы взвод влился в обычную часть, а у меня намечалась другая служба, расстались разведчики как родные, как члены одной сложившейся семьи. Из 16 человек только двое были ранены и находились на излечении.

До меня взвод, совершивший немало дерзких, опасных боевых выходов в расположение противника, шел до Победы без потерь не только благодаря везучести, но и правильной, грамотной расстановке сил, постоянной заботе о людях, предусмотрительности, хорошему знанию обстановки, учету всех ситуаций, которые могут возникнуть в поиске. Товарищи понимали это, поэтому тепло со мной прощались.

Война закончилась для меня в небольшом городке в Восточной Пруссии. Отбирали ещё солдат для отправки на войну с Японией, но нас не взяли. Служил я в Кенигсберге.

Потом уже здесь, под Ленинградом, в Пскове, под Москвой. Дослужился до командира роты, был в звании старшего лейтенанта.

И вот попал я в город Печору, в железнодорожные войска, но это тоже был переходной этап - я попросился в Ухту. До 1957 года служил, а потом демобилизовался в звании капитана, а сейчас майор.

Фронтовая закалка и выучка дали мне умение работать с людьми, быть организатором, настоящим наставником для подчиненных, заботливым, но в то же время строгим, когда касается дела. Без этого нельзя - без дисциплины и исполнительности.

Работал я на УРМЗ (Ухтинский ремонтно-механический завод), в АТК Главка. Почти четверть века проработал в Севергазпроме. Много лет руководил большим коллективом 4-й автоколонны. Я ответственно относился к работе, и был отмечен знаком «Отличник газовой промышленности СССР». За досрочное выполнение пятилетнего плана, был награжден автомобилем «Волга».

За всё время службы награды не обошли меня стороной. Во время войны получил медаль «За победу над Германией» 26 августа 1948 года, а все остальные в мирное время: 11 марта 1985 года получил орден Отечественной войны, 7 февраля 1955 – медаль «За боевые заслуги», затем медаль «Ветеран труда». Также имею юбилейные медали.

Ноябрь 2009 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказали помощь студентки 1-го курса архитектурно-строительного факультета Ухтинского государственного технического университета:

Квитковская Анна Юрьевна

и

Другова Анна Юрьевна

Дутова (Панькова) Нина Сергеевна

Уходя на войну, не оглядывайся

Я родилась в селе Лальск Кировской области 13 августа 1919 года. Мой отец Сергей Михайлович работал сапожником в мастерской, а мама Мария Михайловна была домашней хозяйкой, занималась детьми, которых было семеро. Я самая старшая, была главной помощницей матери.

В 1937 году после окончания семи классов я поехала в Великий Устюг поступать в медицинское училище, но не прошла по конкурсу. В Лальске поступила на курсы учителей, по окончании которых стала работать учительницей начальных классов в соседней деревне.

В ночь с 21 июля на 22 июня 1941 года в Лальском парке проходило народное гулянье, и в это время было объявлено о начале войны. Дома меня все отговаривали, но несмотря на это, я, как и многие мои подруги, пошла в военкомат и подала заявление с просьбой отправить меня на фронт, но мне отказали, сказав: «Придёт время, сами вызовем!»

В апреле 1942 года пришла повестка. Я и моя подруга Наталья были первыми девчонками, уходившими из Лальска на войну. До этого забирали в основном мужчин. Два моих брата также ушли воевать. Покинули мы село весной, по бездорожью. Слякоть на дворе. За плечами вещмешок. До

железнодорожной станции 27 километров, добирались, где пешком, а где на лошади.

Отец долго кричал вслед: «Нина оглянись! Ну, оглянись же! Больше я тебя не увижу!» Очень хотелось глянуть, напоследок, на родное крыльцо, на зовущего отца, но знала, что примета такая есть: если оглянешься в момент прощания, назад к дому пути не будет. Выдержала, хоть и бежали слёзы ручьями. Примета оправдала себя. Я вернулась с фронта живая и здоровая, не получив ни одного ранения. А вот отец действительно прощался со мной навсегда. В 1943 году его не стало. Война была на переломе, и не довелось мне вырваться на отцовские похороны.

Роза, Роза! Я – Берёза

Сначала всех девушек отправили в Лузу, затем в Горький, а потом в Москву. 15 мая 1942 года я приняла присягу. Перед этим нас заставили сделать короткие стрижки, и поэтому мне пришлось расстаться со своей роскошной девичьей косой.

Девушек повыше ростом, покрупнее да поздоровее, учили на пулемётчиц, а меня с подругой определили в телефонистки. Сначала – шестимесячная учёба, потом – работа в штабе на Белорусском вокзале. Помню сейчас, как мы тогда говорили: мол, пора бы уже и делом заняться, а не только «Роза, Роза! Я – Берёза!»

Вот так я и стала служить в Особой Московской армии ПВО. С 5 мая 1943 года курсант–радист 139-го полка связи, с 10 декабря 1943 года работала телефонисткой в 21-м зенитно-пулемётном полку. После курсов радистов, которые проходили в Чернышевских казармах, была направлена в 605-й зенитно-артиллерийский полк 75-й зенитно-артиллерийской дивизии 1-го Белорусского фронта. Я тогда была отличным связистом, никаких ошибок в расшифровках приказов не допускала. Начала службу со звания рядового, закончила – младшим сержантом в должности командира отделения радиосвязи.

Московское небо я в качестве телефонистки-радистки охраняла с 10 апреля 1942 года до ноября 1944-го.

В Москве было тревожно. Во время налётов вражеской авиации объявляли положение номер один. Отдежурил ты или нет – остаёшься на посту. Бывало, по трое суток без сна. Когда линия боёв стала смещаться на Запад, нашу часть перебросили в Польшу.

Молилась и ночью, и днём

Высадили нас неподалёку от маленького хуторка, под городом Рембертов на абсолютно голом месте в ноябре месяце. Началась настоящая фронтовая жизнь. Наступали войска быстро: только высадишься, выроешь землянки, только обоснуешься – надо двигаться дальше.

В землянках жили по четыре человека. Проход был очень узкий, а высота ниже человеческого роста. Освещением служила бутылочка с фитилем, наполненная керосином. Конечно, в землянке было очень холодно. Водились мыши и крысы. Землянки приходилось строить несколько раз из-за быстрого перемещения нашей части вглубь Польши.

Был приказ штурмом брать Варшаву. Сначала шли минёры, потом пехота. Стрельба открылась такая, что земля качалась под ногами, как при землетрясении, а барабанные перепонки готовы были разорваться от шума. Я в это время на коммутаторе сидела, за пультом связи. Только и делала в промежутках между сеансами, что шептала молитвы Богу о спасении. Маленькая иконка, зашитая в лифчике, и молитвы-молитвы: «Дай Бог, чтобы не попала бомба в нашу землянку». Люди, техника двигались одним нескончаемым потоком. Немцы не ожидали такого напора. А вечерами, когда было свободное время, мы пели песни. Некоторые песни сохранились в памяти до сих пор. Одна из них «Дорогуша»:

Скучно, скучно мне здесь, дорогуша,
Я не знаю, куда мне пойти.
Не влечет меня больше другая,
Мне такой, как тебя, не найти.
У землянки, занесенной снегом,
Часто грезишься ты мне во сне.
Твое имя в лесу перед боем
Ножом вырезал я на сосне.

Вот окончим войну мы с победой
И закончим последний мы бой,
Обещаю тебе, дорогуша,
Что с победой вернусь я домой.

Эта песня о том, как парень пишет девушке письмо, была сложена в окопах. Мы часто пели ее все вместе во время затишья перед боем. Помню еще одну:

В том краю, где бор шумит зеленый,
Где под ветром низко гнется рожь,
Возле речки, быстрой и студеной,
Ты, моя любимая, живешь.
Дорогую часто вспоминаю,
Голубую кофточку с каймой,
Я вернусь к тебе, моя родная,
В тихий вечер будущей весной.
Как жила ты в горестной разлуке,
Ты мне в этот вечер расскажи,
И родные ласковые руки
Ты мне возле сердца положи.

27 января 1945 года взяли Варшаву. Перед нашим 605-м артиллерийским полком была поставлена задача охранять мост через Вислу. Огромное сооружение, 15 пролётов. Для наступающих войск это был стратегически важный объект.

В это время меня, младшего сержанта, назначили командиром отделения радиосвязи. Тогда же наградили медалью «За боевые заслуги». Служила я на совесть и всегда болела душой за своих девушек-радисток. Помню, командир мне часто говорил: «Все за своих радистов, понимаете ли, заступается». А я всегда была против, когда радиста вместо отдыха отправляли дежурить на кухне или давали другие, не связанные с их службой поручения. Даже по инструкции у радистов ответственная работа и дежурить мы были не должны. Чтобы правильно радиограмму расшифровать и передать без задержек и ошибок, нужна свежая голова.

Варшаву освободили, но поляки, которые одни из первых сдались немцам, еще немало пролили крови русских солдат, вступивших на их землю. Ходить по одному категорически запрещалось, лишь группами по 4-5 человек.

Поляки прятались в подвальных помещениях и временами стреляли в наших солдат. Они также травили продукты. Командованием запрещено было покупать что-либо с лотков у местных жителей. Более того, в помощь на борьбу с фашистскими сподвижниками были присланы войска МВД.

Столицу Польши я запомнила как разрушенный до основания город: сплошные руины и обломки. Мы разместились в чудом уцелевшем квартале, состоящем из одноэтажных домов. Ни о какой бане мечтать не приходилось: обмыться можно только растопленным снегом, который нужно было успеть собрать, не дав ему растаять на земле. Уже перед самым отъездом домой нам с подружкой очень захотелось домашней пищи, и мы купили сметану. С подругой всё обошлось, а вот мне стало очень плохо. Меня с трудом подняли в вагон, и только когда доехали до Белоруссии, мне стало лучше, подруги купили мне бутылочку молока и три яйца. Та сметана оказалась отравленной.

Война научила меня, прежде всего, обязательности и дисциплинированности. Условия жизни в армии довольно суровые. Из одежды выдавали шинель, гимнастёрку с юбкой, нижнее бельё, кирзовые сапоги, чулки, ватные брюки. А из дома прислали валенки. Работала полевая кухня. В основном готовили супы и каши. В период наступления иногда случались перебои со снабжением. Ребятам давали папиросы, а девушкам шоколадки. В праздники выдавали вино.

Снабжение во многом зависит от старшины. А в части, где я служила, он был очень хозяйственный. Достал где-то корову и снабжал бойцов молоком и сметаной. Соблюдать гигиену было трудно. Источников воды иногда не было. Приходилось растапливать снег и, укрывшись плащ-палаткой, приводить себя в порядок. Но женщина даже в суровое время остаётся женщиной. Нет, я не стала полевой походной женой, как некоторые девчата, и не торопилась познать мужских ласк, хотя никто не знал, что с нами будет завтра. Но всё-таки небольшие девичьи забавы были в военные годы и у меня, за которые, впрочем, последовали и наказания.

В Москве еще был у нас один старший лейтенант – вот рвотный порошок, говорили мы тайком. Так он нам с подругой влепил наряд вне очереди! И хоть и смешно сейчас об этом вспоминать, а тогда, ой, как обидно было.

А дело было так. Надвигались ноябрьские праздники, и мы, девочки-связистки, участвовали в художественной самодеятельности и должны были исполнять частушки. Командир батальона позвал нас и велел привести себя в порядок – съездить в парикмахерскую. Мы и поехали, и завивку сделали на волосы шестимесячную, и брови подвели. Да только вот чуть ли не единственное место в Москве, где в то время можно было красоту навести, находилось далеко, и на дежурство опоздали.

- Товарищ, старший лейтенант, разрешите заступить на дежурство!

- Не разрешаю!

Не поверил лейтенант, что старший по званию отпустил нас, девушек, в парикмахерскую и приказал волосы развить да огромный двор подмести.

Пыль оседала на шикарные наши причёски, мы сглатывали слёзы, а потом пришли доложиться:

- Двор подмели! Завились на шесть месяцев - развиться не можем!

В ответ грянул смех, и пришло прощение.

А однажды после отбоя я возле клуба с парнем сидела, да увидел нас сержант. Получила три наряда на кухне и в первый же день не успела к приходу солдат кашу доварить. На меня такой град брани из уст начальника высыпался, что, испугавшись, дёрнула огромную, наполненную кастрюлю, да и надорвалась. Причём так, что желудок опустился на 7 сантиметров, а врачи прочили ещё и безрадостную перспективу лишения материнских функций. Обошлось, слава Богу! Три дочери после войны родились, но память и боли остались на всю жизнь.

Нелёгкое возвращение

Радостную весть о капитуляции немецко-фашистских захватчиков я поймала на радиоволне в своё дежурство ещё восьмого мая. А на следующий день было всеобщее ликование и слёзы счастья на глазах! Приказ о демобилизации девушек пришёл в конце июля сорок пятого года.

В своё село я вернулась в новом обмундировании и с двумя отрезами сукна, всё это мне выдали перед

возвращением домой. Мама, когда увидела меня, свою родную дочь, живую и невредимую, бросилась мне в ноги и плакала, плакала.

Вот так и закончилась для меня война. Я была награждена орденом Отечественной войны 2-й степени, медалями «За боевые заслуги», «За освобождение Варшавы», «За победу над Германией» и 8-ю юбилейными медалями.

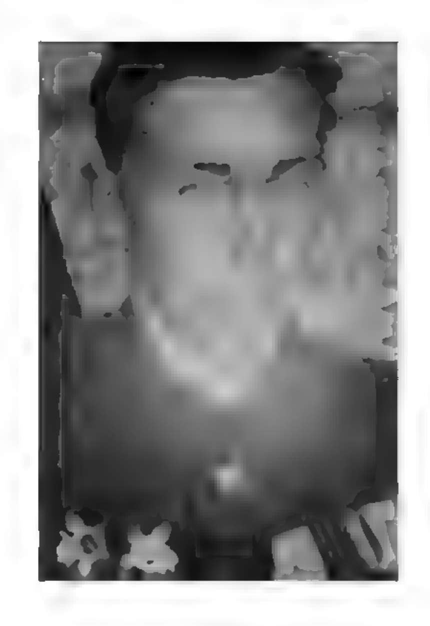
Кроме меня в годы войны служили и два моих брата Михаил Сергеевич и Георгий Сергеевич. Михаил пришёл домой инвалидом 1-й группы ещё до окончания войны. Георгий служил в армии до выхода на пенсию и дослужился до генерала.

А потом наступил мир. Он подарил мне и новый город Ухту, куда я приехала на учёбу, и любовь, когда я - ученица, а он - преподаватель, и замужество, и троих детей, и трёх внучат, и двух правнуков.

Ноябрь 2009 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь ***Родионова Анна Сергеевна,*** *студентка 1-го курса архитектурно-строительного факультета Ухтинского государственного технического университета*

Евстигнеев Юрий Александрович

Захват императора Манчжурии

Я родился 29 июля 1925 года в деревне Починок-Фёдоров Парфеньевского района Костромской области в семье служащих. Отец, Евстигнеев Александр Дмитриевич, 1900 года рождения, инженер-строитель, много сделавший в свое время для освоения Севера, умер в 1960 году. Мать, Евстигнеева Александра Николаевна, 1902 года рождения, учительница начальных классов, долгое время работавшая в школах города Ухты, умерла в 1970 году и похоронена в посёлке Водный.

В 1929 году мы всей семьёй переехали из деревни в Мурманск. В 1932 году отец был необоснованно репрессирован. В этом же году я пошёл в школу. Часто приезжал к отцу и подолгу жил у него в Ухте. Так и проходило моё кочевое детство, пока отцу не разрешили привезти к себе семью. С 1932 по январь 1943 гг. - школа.

В 1943 году, в январе, был призван в армию и был направлен в пехотное офицерское училище на ст. Дивизионная, близ Улан-Удэ, после переведен в такое же училище г. Сретенска. Проучился всего полгода до июля 1943года.

После полугодичного обучения в училище, нас, курсантов, направили на фронт. Фронту нужны были люди,

поэтому нас в июле подняли по тревоге ночью, переправили на пароме через реку Шилку, погрузили в вагоны-теплушки и повезли к огневым рубежам Великой Отечественной. Так я попал под Орел и в ночь на 29 июля 1943 года принял боевое крещение в свой день рождения - восемнадцатилетие.

Первый бой – это, пожалуй, самый страшный бой. Уже светало, и наш заранее сформированный 2-й батальон прямо с марша влился в стрелковый полк, ведущий бои на подступах к Орлу.

Я бежал с автоматом к холму, на котором чернела башня, вкопанного в землю немецкого танка. По обе стороны от меня падали, вставали и снова падали товарищи мои. А вокруг – свистело, грохотало, стонало. Было страшно! И зря говорят, что такого не бывает. Бывает. Некоторые, даже плакали.

Вдруг заговорил немецкий миномет, как мне сказали после – шестиствольный. Мины гулко лопались, именно лопались. Я схватился за левый глаз и упал. В голове шумело. Чувствовал горячее прикосновение металла к телу. Начал было терять сознание. Из шока вывело: «За Роди…». Я поднялся и побежал.

От удара по голове снова упал, не упал, а провалился куда-то, но опять вскочил….

К полудню мы продвинулись еще ближе к Орлу. Вечером на фоне еще далекой трубы, как помню, высокой такой, чудом уцелевшей и стоящей в одиночестве, мы осматривали друг друга. На моей каске выше левого виска была вмятина с пятикопеечную монету и трещина. В амуниции было много дырок больших и маленьких. А вот осколочек в левом глазу от немецкого шестиствольного миномета я носил до 1976 года, пока мне его не извлекли. Тогда врач сказал, как бы самому себе: «Удивительное дело – человеческий организм, тридцать с лишним лет выталкивал и – вытолкнул» В этот день мне исполнилось, как я уже сказал выше, восемнадцать.

С этого первого боя и началось мое участие в Курской битве. Медленно, но неотвратимо наша дивизия двигалась к Орлу. И вот – в связи с тем, что улицы города были очень узкими для танков, было принято решение об освобождении его пехотой. Она и сделала свое дело. 5 августа 1943 года Орел

был наш. 5-я стрелковая дивизия стала с тех пор именоваться Орловской.

Еще до двадцатых чисел августа немцы сопротивлялись. Затем дивизия в составе 53-й армии, которой командовал Манагаров, отрезала отход немцев на юго-запад от Харькова.

Потом была Полтава. Утром 4 сентября подразделение вышло к Днепру. На правый берег перебрались, кто как и кто на чем. Была страшенная катавасия – сплошной дым и запах горелых тел. Дальше – Кременчуг, Черкассы, Белая церковь. И все с тяжелыми боями.

Запомнилось - у Белой церкви. В каком-то угарном небе появился наш У-2. И вдруг – как коршун вынырнул «Мессер». И самое удивительное свершилось. У-2, обладая малой скоростью, стал просто кружить вокруг купола полуразрушенной церквушки, а «Мессер» выписывал квадраты. Это действо, казалось, продолжалось бесконечно. Так, ничего не добившись и, вероятно, исчерпав много горючего и сил, немецкий самолет отступился от своей затеи и исчез, не сдавшийся У-2 покачал крылышками и улетел в тыл, дальше от фронта.

Наша 5-я Орловская, которой командовал в то время Михайлицын, участвовала в Кировоградской операции и 8 января 1944 года вступила в Кировоград. А потом южнее Канева включилась в Корсунь-Шевченковскую операцию.

Был январь, но была оттепель, и мне запомнилась глубокая, именно глубокая, грязь. Пехотинцы помогали и артиллеристам, и танкистам. В это время дивизией уже командовал Галанин. А наш полк окружал, и сам попадал в окружение. Однажды даже пришлось спасать знамя полка. Эта операция была обратного действия. Но где-то в конце января немцы были окружены, а в середине месяца, кажется, числа семнадцатого, группировка была ликвидирована.

Запомнилось на всю жизнь, когда командование предъявило немцам ультиматум о капитуляции, то на наших глазах был убит наповал наш парламентер. Командование послало второго, который все же был принят немцами, и результат не заставил себя долго ждать.

Вспомнил: 14 февраля был освобожден Корсунь-Шевченковский. Был легко ранен, от госпиталя отказался, сделал перевязку в медсанбате и сам вылечился.

Потом все развивалось, как в калейдоскопе быстро – Умань, река Южный Буг, а 19 марта наше подразделение вышло к Днестру. 26 марта 1944 года были на границе с Румынией.

Ну и зрелище было. Салютовали здорово, как и положено победителям. Кажется, 12 апреля – был взят Тирасполь, а 14 июня под Черновцами был ранен в правую руку. Осколком от мины перебило приклад автомата. И если бы не приклад, мне, может быть, если и не оторвало бы кисть руки, то два пальца средний и безымянный оторвало бы наверняка. На этот раз без медсанбата не обошлось. Увезли в Красный Узел Мордовской АССР, аж до 8 августа. Уже не помню точно, но где-то в середине августа был снова в своем полку, как это ни странно.

Горячее дело после госпиталя

Это было на Ясско-Кишиневском направлении. Помню, кольцо замкнулось не то 23, не то 24 августа. Ох, и страшно было снова после госпиталя окунуться в горячее дело.

Запомнилась артподготовка при взятии Ясс. Длилась она не очень долго, в дымном мареве, в огненном пожарище. Когда еще комья земли после артиллерийских залпов не успели опуститься на землю, наше подразделение уже пошло в атаку. А немцы яростно отвечали. Был тогда контужен, ничего не слышал, но вскочил и бежал, бежал куда-то в огнище. Память заволокло чем-то, не мог вспомнить отчество своей собственной матери. Во как!

Полк отличился при взятии Фокшан и с того момента стал носить звание - Фокшанский.

После была Дербеценская операция (это уже Венгрия). Гористая местность, бурные реки, особенно Тиса. Кажется, 20 октября 1944 года был взят вроде и сходу, и вроде бы не сходу, но быстро – Дербецен.

Очень быстро подошли к Будапешту. Это как бы два города, объединенных под одним названием – Буда и Пешт. Красивейший город Европы. Сама по себе операция началась в конце октября и продолжалась, считай, до февраля 1945 года. Во время одной из атак местного какого-то значения наш взвод попал под прицельный минометный огонь, притом

неожиданный. Вроде бы и незначительная, даже не атака, а перебежка. Слышал, как лопнула, где-то под ногами мина. Меня подбросило, потом еще раз, и мне стало резать поясницу, а левая нога как бы отнялась совсем, я сел. Ну, и «перебежка» наша кончилась, и стрельба закончилась.

Когда с трудом поднялся, находившиеся рядом солдаты смеялись до слез. Что-то невероятное творилось. Все удивленно смотрели на меня, а я не понимал в чем дело. Да и боли не чувствовал, один из солдат (не то сержант, не то старший сержант, плохо помню) подбежал ко мне сзади и, показалось, что он меня ударил чем-то. Я стал терять сознание. Оказалось, что осколок стабилизатора мины торчал из моего мягкого места. Вот если бы не рванул он его из меня, а сделали бы это в медсанбате, не отправили бы в госпиталь. Было четыре осколочных ранения, включая этот злосчастный стабилизатор. Нога совсем отнялась. И меня увезли, на сей раз в Алма-Ату, где пролежал, залечивая дырки до конца января 1945 года.

И снова Будапешт, и переправа через Дунай

И снова в часть. И снова оказался под Будапештом. Хотели определить меня в штабную роту полка, того же 84-го, но я наотрез отказался. И вот примерно 10 февраля была предпринята попытка, переправиться на правый берег Дуная. Наш взвод оказался первым. А тут и началось. Мы потеряли ориентировку даже.

Клокотало и кипело вокруг. Дымилось. Мы отбили несколько атак. У каждого (а всех-то человек восемь) и оставалось по вставленному диску в автомат, а сколько там патронов, никто не знал. При очередной атаке немцев нам уже нечем было стрелять. Умирать так бездарно не хотелось. Да и помощи ждать было неоткуда. Казалось – всё.

Но тут лейтенант Коваль громко сказал так просто: «А что, ребята, мы, может, еще и повоюем.... И принесём пользу Родине...» И мы бросились в ледяную воду Дуная. Помню – вытащили меня полупотерявшего сознание и без пустого автомата, до нитки промокшего. Нажали на живот, и изо рта – струя воды. Бывает же.

Осталось нас всего пятеро. Добавили к нам еще солдат, и снова взвод ожил. Лейтенант тот утонул в Дунае.

Наша часть немного участвовала и в Балатонской операции. Но часть нашего 2-го Украинского фронта (а с октября 1944 года им уже командовал Малиновский Р.Я.) пошла в Австрию, а часть, где были мы, пошла в Чехословакию. 26 – было Брно, а раньше – 4 апреля – Братислава.

И на войне бывают забавные случаи

Под Брно был забавный случай. Ворвались в селение, название запамятовал, а там что-то вроде – не то свадьба, не то поминки. Мы чумазые ворвались в дом, спешащие хозяева подносят нам по рюмке. А дно-то в них половину рюмки занимает, мы переглянулись. Хозяева замешкались. И вот хозяйка сообразила и принесла кружки, мы враз их опустошили. Быстро покинули гостеприимный дом. Надо сказать, что в каждом селении и у каждого хозяина были погребки, так мы их называли. Там вина по несколько лет выдерживаются. Пробовал, сидишь нормально и голова свежая, а встать не можешь.

Прага

И вот пришел май 1945 года. Всё ближе и ближе развязка, но всё отчаянней дрались немцы, особенно подразделения СС. К восставшей Праге наша дивизия подошла 6 мая. А там лютовали головорезы Шернера и власовцы. И началось – кто кого, и кто как. А сколько было двурушников, одному богу известно.

Рано утром 9 мая передовые танки ворвались в город. Я спрыгнул с танка и побежал к мосту через Влтаву. Удар в ногу свалил меня. Вскочил, побежал, прикладом автомата оглушил кого-то, но точно – врага. Боль заставила сначала сесть, а потом и лечь. Откуда только миловидная сестричка появилась, а тогда и в таких ситуациях все девушки казались такими, разрезала сапог и вместе с портянкой вытащила «плевый» осколочек из ноги. Обработала и перебинтовала рану… Быстро подала сапог большего размера и сказала: «С богом!»

Тут какой-то шальной снаряд разорвался. Она прижалась ко мне, ещё рвануло, швырнуло куда-то. Когда очнулся, рядом лежала она, спасшая меня, уже мертвая. На руках я внёс её в Прагу. Она покоится, неузнанная, в братской могиле. Впоследствии я увековечил её подвиг в своём стихотворении.

День Победы

Ворвалась непогода
На ширь моей Земли.
Мы все четыре года
Дамоклов меч несли.
И, как финал сонаты,
Взорвалась тишина
Неистовей гранаты.
Окончилась война.
Но у речного вала
Алел последний бой.
Сестричка бинтовала
Меня, прикрыв собой.
Еще одним снарядом
Швырнуло от реки.
Она стонала рядом
Без ног и без руки.
Могучий гул атаки
Её не пробудил.
И я в ворота Праги
С неузнанной входил.
Ровесники-солдаты
С оружием в руках
Салют великой даты
Уже зажгли в веках.
Пылает во Вселенной
Девятый майский день,
День памяти нетленной
И праздник этот день.
Мы пережили беды
На фронте и в тылу.
Гремит салют победы!
Фронтовики, к столу!

Но самому страшному не суждено было произойти. Уже горел бикфордов шнур. Оставались мгновения до большой катастрофы. До сих пор мир не узнал имени советского воина-героя, который как в сказке, уже мертвый, и такое бывает на войне, перегрыз, иначе не скажешь, смертоносный шнур. Взрывом Праги со всеми её ценностями, с населением и советскими воинами, фашисты намеревались потрясти нашу голубую планету 9 мая 1945 года.

Но это был ещё не последний бой у меня. До середины мая продолжались стычки. Именно за Прагой был пойман дважды предатель Родины Власов.

Основная масса людей любой национальности в странах Европы – это и в Румынии, и в Венгрии, и в Австрии, а особенно в Чехословакии – доброжелательно встречали советских воинов, угощали, чем могли, приглашали к столу.

Захват императора

После быстрого переформирования 53-я армия была переброшена на восток, в Монголию. Ещё сопротивлялась Япония.

В ночь на 9-е августа в районе озера Буир-Нур перешли границу Манчжурии. Преодолели под палящими лучами солнца пустыню Гоби. Дождем встретили нас хребты Большого Хингана. Однажды меня вымыло из палатки.

Трудно было, шли по безводью. Появились даже откуда-то ослы, на которых сажали раненых и приболевших солдат. Мне тоже пришлось попробовать эту «прелесть». На нашем направлении Забайкальского фронта (кстати, им командовал Малиновский Р.Я.) боёв было мало. Основной удар приняли танкисты 6-й танковой армии.

По заданию командования участвовал в десанте по захвату императора Манчжурии Пу И. Это было в Мукдене, он собирался со своей семьёй улететь в Японию. После высадки десанта я подбежал к Пу И, приставил пистолет к его виску и сказал: «Вы в плену!» Пу И был доставлен в штаб Забайкальского фронта.

Вот вроде и конец

Ну, теперь, кажется, всё. Но нет, всякой сволоты и здесь хватало. Хунгузы, проще бандиты, напали как-то и снова контузия. Госпиталь, обострение старой контузии. А тут еще напасть – подозрение на «возвратный тиф».

Да-да. Хотя и не писали, но японцы всё же применили бактериологическую, вшивую, можно сказать, войну. Вот и пролежал в Чите с августа 1945 года до апреля 1946 года. Откуда меня комиссовали инвалидом. Долгое время я сопротивлялся своей участи, но….

Во время войны, да и после неё, я периодически выполнял особые важные задания страны. Во время войны, выполнив то или иное задание, я возвращался в свою часть. Но об этом особый разговор. Да его и не будет. Нельзя даже сейчас. Одно могу сказать – что я вообще не родился. Во как. На мой запрос в Загс Парфеньевского района мне лаконично и просто ответили: «в 1923, 1924, 1925, 1926 и 1927 годах таковой не числится». Вот так!

Жизнь после войны

В апреле 1946 года прямо из госпиталя г. Читы был комиссован и снова приехал в Ухту, и продолжал учебу. В 1947 году поступил в Первый Ленинградский медицинский институт имени Павлова, но по определенным причинам, связанных с работай в армии, был переведен в Государственный институт физической культуры имени П. Ф. Лесгафта, после его окончания снова вернулся в Ухту.

Работая в детской спортивной школе ГорОНО и в средней школе №1, одновременно был и председателем районного, а потом и городского Комитетов по физической культуре и спорту – с 1951 по 1957 годы. С 1957 года работал только в средней школе № 1 до тех пор, пока не напомнила о себе война. В 1978 году стал пенсионером по инвалидности Отечественной войны (ИОВ- 2-й группы)

Пока позволяло здоровье, сам участвовал в соревнованиях по различным видам спорта. Был даже чемпионом города Ухты среди учителей по стрельбе. И многие из моих учеников становились впоследствии

чемпионами и тренерами различных рангов. В процессе работы неоднократно выезжал со сборными командами школы, города и даже Республики Коми в различные города нашей Родины – в Тулу, Вологду, Череповец, Кострому, Свердловск и др.

Среди бывших учеников Александр Карманов – самый первый мастер спорта в Ухте, Николай Сиднев – мастер спорта по лыжам, Валерий Колесников – мастер спорта по хоккею, Ким Романов – мастер спорта по футболу, Виктор Черников – кандидат педагогических наук, декан Ухтинского индустриального института, чемпион города и Республики Коми по легкой атлетике и лыжам. Был в свое время чемпионом северо-западной зоны России в беге на 1500 метров и многие другие.

А вот о Юрии Климове надо сказать особо. Он родился и вырос в Ухте. Окончил первую Ухтинскую школу. Он и заслуженный мастер спорта, и заслуженный тренер страны по ручному мячу, многократный чемпион страны, Европы и мира. Олимпийский чемпион. В свое время входил в символическую сборную мира по гандболу. В своей книге «Хочешь стать олимпийцем?», опубликованной в 1983 году издательством «Физкультура и спорт», он вспоминает своего первого наставника. Именно с Юрия Климова и началась эра олимпийских чемпионов не только города Ухты, но и вообще Республики Коми.

В 1951 году женился. Жена – Зоя Николаевна, 1929 года рождения, долгое время работала преподавателем русского языка и литературы в школах города. Сын – Александр, 1952 года рождения, в свое время был победителем городской и Коми республиканской олимпиад по химии, учась в 8-м, 9-м и 10-м классах. Был призерам Всесоюзной олимпиады и в свое время был признан лучшим химиком республики. Окончил Московский химико-технологический институт, институт патентоведения и руководящих работников и юридический институт (заочно), кандидат химических наук. Сейчас состоит в адвокатуре Москвы.

Дочь Татьяна родилась в 1955 году. Окончила Московский университет им. Ломоносова по специальности микробиолог. Была дважды депутатом городского совета.

Со стороны сына имею внука, со стороны дочери – внука и внучку.

В свое время был членом бюро райкома и горкома ВЛКСМ, входил в совет по физкультуре и спорту республики, был председателем профкома в горисполкоме и школе №1. Был заместителем секретаря партбюро школы, несколько лет подряд был пропагандистом высшего звена в школе. Одно время был заместителем руководителя литературного объединения города. С 1985 года пою в хоре ветеранов. Трижды с ним участвовал в республиканских фестивалях. На фестивале «Салют Победа» стал его дипломантом.

Со дня основания клуба «Фронтовых друзей» являюсь его представителем. Вхожу в городской Совет ветеранов войны, труда, вооруженных сил и правоохранительных органов. Многократно за время работы, затем и общественной, награждался различными знаками, почетными грамотами и дипломами за спортивные успехи, педагогическую деятельность и за общественную работу. Имею награды и от Российского комитета ветеранов войны, и от фонда Мира. Награжден памятным кубком с гравировкой: «За огромный вклад в развитие физической культуры и спорта в МОГО «Ухта» 2009 год». Почетный ветеран Республики Коми.

Имею ордена Отечественной войны 1-й и 2-й степеней. Я получил эти награды за выполнение заданий особого значения в Германии и за форсирование Дуная. Также я был награжден орденом Красной Звезды (1944 г.), медалями «За отвагу» (две) – за выполнение особого задания, которое касалось фауст–патрона (реактивного средства без отдачи при выстреле) и взятие в плен императора Маньчжурии Пу И (1944, 1945 г.); медалями - «За боевые заслуги» (1945 год), «За победу над Германией» (1945 г.), «За победу над Японией» (1946 г.), «За взятие Будапешта» (1945 г.), «За освобождение Праги» (1945 г.), «За трудовую доблесть» (1955 г.) «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И.Ленина» (1970 г.), «Ветеран труда» (1978 г.) и юбилейными медалями.

Апрель 2009 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказали помощь студентки 1-го курса нефтегазопромыслового факультета Ухтинского государственного технического университета

Панкова Анастасия Юрьевна

и

Мелан Алена Анатольевна

Евстюнина Александра Григорьевна

Мне повезло, меня откопали солдаты

Я родилась 3 ноября 1924 года в селе Аладьино Рязанской области Чучковского (Каверинского) района СССР. Русская. Вероисповедание – православная. В партии не состояла. В комсомол приняли на фронте. Детство было тяжёлым, потому что мама умерла рано. Мне было семь лет, когда в 1933 году обрушился страшный голод. В тот год от голода умер мой младший брат. Не было ничего, что такое хлеб мы не знали, мы его просто не видели. Помню, что нам помогали знакомые, в основном, наш опекун – тётя, Анна Павловна.

В мае 1940 года я закончила семь классов средней школы, а в 1942 году поступила в Московский мукомольный элеваторный техникум на заочный факультет. Учиться так и не довелось, так как в 1943 году была призвана на фронт.

О войне было услышать страшно. 22 июня 1941 года был обычный летний день, ничто не предвещало беды. Как сейчас помню, я была обычной рабочей в совхозе, мы окапывали яблони. После работы по дороге домой нам сообщили, что началась война. Это сейчас мы знаем, что война началась в 4 часа утра, но радио тогда у нас не было, и о начале войны мы узнали вечером.

18 января 1943 года нас собрали в районном военкомате. Когда призывали, нас было 30 человек со всего района, а взяли всего 10 человек. В документах по призыву было указано – добровольцем. Но в то время мы в силу своей молодости толком и не знали, чем 18-летние девушки могли помочь фронту, да и не поверили сначала, что отправляют нас на фронт в прямом смысле этого слова. Думали, что работа нас ждала примерно такая, как рытьё окопов.

И первым пунктом нашего пути был город Тула, улица Красноармейская. Целую неделю нас обучали на поваров, затем отвезли на санпропускник (баня), здесь нас обмундировали в военную форму, и мы стали курсантами. Под Тулой был немец, были бомбежки, забитые фанерой окна.

В течение трех месяцев мы обучались поварскому делу и занимались строевой подготовкой - нас учили маршировать, отдавать честь. Через три месяца были экзамены, и мне присвоили звание «старший сержант» и должность «старший повар». После экзаменов вечером нас построили и отвезли на станцию в Тулу. Оттуда отправили в Москву на распределительный пункт.

Меня направили в 13-й РАБ (район авиационного базирования). Следующий город был Гжатск (сейчас Гагарин), там нас распределили по частям.

В Гжатске перед нами открылась страшная картина – город был в руинах, его перед нашим приездом только освободили. Я попала на 3-й Белорусский фронт, в 1-ю Воздушную армию, 663-й БАО (батальон аэродромного обслуживания). В тот момент он находился под Можайском. Командующим 3-м Белорусским фронтом был Черняховский - погиб, а 1-й Воздушной армией – легендарный командарм Михаил Михайлович Громов. В 663-м БАО я находилась с 1943 года и до конца войны, командиром батальона был Лучининов.

В БАО я работала поваром – обеспечивала летные полки питанием. Лётчиков обычно кормили в столовых, которые размещались в свободных, уцелевших после бомбёжек строениях. Солдат кормили с походных кухонь.

Продукты мы получали на складе или с машины, перебоев с продуктами не было. Питание для лётчиков было отличное, кормили их очень хорошо. По возможности мы

помогали местным жителям, всё-таки война есть война, люди погибали, и случалось, мы наготовим, а кормить некого. Находились мы у самой линии фронта. Всякое бывало: и бомбили, и стреляли, приходилось всегда быть начеку.

Лётчики переучивались летать на ИЛ-2. Со мной в части служила Маша Соленова, родом из нашего села, поэтому я чувствовала себя увереннее, так как рядом находился родной, близкий человек. Работа повара её не устраивала, позже она перешла к летчикам, была младшим специалистом, подвешивала бомбы к самолетам.

По окончании обучения лётного состава нашу часть отправили за Смоленск, на станцию Гусино, что в двадцати километрах от Орши, а там были немцы. Простояли мы всю зиму, а весной началось наступление. Сильно погнали немца.

Нас собрали и объявили, что наша часть поедет передовой. У истребителей маленький запас топлива, и летать на большие расстояния они не могли, аэродромы нужно было переносить как можно ближе к фронту. Мы приехали в город Борисов, который стоял на реке Березина. Переправа через реку была взорвана немцами, поэтому образовалось очень большое скопление разной техники и людей. Немцы начали бомбить.

Во время первого захода они сбрасывали бомбы, после этого делали второй заход и расстреливали людей пулемётной очередью. Во время одной из бомбёжек меня выбросило взрывом из машины, контузило и засыпало землёй. Мне повезло, меня откопали солдаты, хотя на поверхности оставались только ноги, а рот был забит землёй. Меня погрузили на машину и отправили в санчасть, там-то я и пришла в себя. Всё обошлось, этот момент стал моим вторым рождением.

Через час после освобождения Минска наша часть приступила к постройке взлётной полосы. Воспользоваться старым аэродромом было нельзя, так как немцы перед отступлением его весь перепахали. В первую же ночь немцы закидали нас фонарями – это такие осветительные бомбы, которые медленно опускаются на парашютах и ярко горят. Стало светло, как днём.

Навешав «фонарей», немцы начинали бомбёжку. Находились мы там сутки, поставленную задачу по постройке

аэродрома выполнили и поехали дальше. Ехали мы уже по Западной Белоруссии, названия городов я помню смутно, своё местоположение меняли очень часто. Как только строился новый аэродром и садился авиаполк, мы продолжали двигаться дальше. Были в Литве. Особо рассказывать об этом нечего, так как везде была одна картина в серых тонах: торчащие голые печки и тлеющие дома или то, что от них осталось. Каждый раз, когда нам сообщали, что мы выдвигаемся в очередное место, допустим, Минск, нам представлялся красивый город, а в действительности на месте города были одни руины.

Ранней весной 1945 года мы вошли в Восточную Пруссию. Города стояли пустые, немцы бежали. Помню, была бомбёжка, бомбили «лягушками» - это такие бомбы, которые не делали больших воронок, они разлетались осколками на поверхности. Во время такой бомбёжки наш командир получил ранение. Ему осколком оторвало ногу, когда он находился в своём вагончике. Самолетом его переправили в госпиталь.

Фамилий последующих командиров я не помню. Моей последней точкой в войне стал порт Пилау в Восточной Пруссии (ныне Балтийск). На нашем аэродроме приземлился французский авиационный полк «Нормандия-Неман», здесь мы и стояли до самой Победы.

За службу нашей части объявили благодарность. Прислали официальные документы за подписью Сталина, в которых был примерно такой текст: «Объявляем благодарность вашей части, а следовательно и вам, за взятие города Кёнигсберга и порта Пилау».

Войну закончила в Восточной Пруссии, старшим сержантом, в должности старшего повара всё в том же 663-м БАО. Вскоре пришёл приказ демобилизовать мужчин и женщин до 1905 года рождения.

Из нашего общения с французскими товарищами из «Нормандия-Неман» мне запомнилось, что им присылали в квадратных железных банках мясные консервы. Не знаю, какое там было мясо, но на банках было изображено что-то вроде лягушек. Командир эскадрильи ходил и угощал своих лётчиков этими деликатесами. Для них это был праздник, так

как они не ели нашего мяса, но хотя с удовольствием уплетали нашу домашнюю лапшу.

После приказа нас формировали по областям для отправки домой. В запасном полку мы ожидали около трёх месяцев, потому что не хватало эшелонов, так как демобилизованных было много. Здесь мы встретились с Машей Соленовой и очень обрадовались: что живы, что Победа, что едем домой! Ехали в теплушках до Москвы. Домой вернулись только в сентябре.

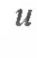
Мой средний брат в боевых действиях не участвовал. Когда его призвали на фронт, то по дороге сообщили, что война закончилась. Он остался служить на Балтийском флоте сигнальщиком. Прослужил около семи лет.

Ноябрь 2009 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказали помощь студентки 1-го курса факультета безотрывного обучения Ухтинского государственного технического университета

Афанасьева Светлана Викторовна

и

Фурман Надежда Николаевна

Истомина (Попова) Анна Николаевна

Раненых поступало 1000-1200 человек в сутки

Я родилась 15 октября 1923 года в селе Ижма, Коми АССР. Национальность – коми. Вероисповедание – православная.

В 1939 году я окончила семь классов Ижемской школы. В возрасте пятнадцати лет устроилась на работу ученицей по счетному делу в Райпотребсоюз. Проработала там три года до начала Великой Отечественной войны. Одновременно поступила на курсы «Готов к санитарной обороне» при вечерней школе. 22-го июня 1941 года сдала экзамен по этому предмету на «отлично», получила значок, в из школы на улицу и вдруг из уличного радиотранслятора услышала выступление Молотова о начале войны.

После этого объявления моя жизнь круто изменилась. С этого дня я изучала военное дело, строение пулемета, винтовок, делала светомаскировку. Меня и многих других девчонок гоняли на строевые занятия. Днем учились, а по ночам работали: разгружали баржи, катера. Мужиков не хватало, поэтому приходилось трудиться нам – женщинам.

Шел второй год войны, июль 1942 года. Нам, девчатам из села Ижма Коми АССР, пришли повестки из Ижемского

военкомата прибыть на комиссию. 17 июля были готовы пятнадцать девушек к отправке на фронт.

Повели строем по набережной улице. На берегу нас сфотографировали с военкомом. Вся Ижма пришла провожать. Нас посадили в крытую лодку, которую тащил маленький катерок. На берегу все кричали что-то, плакали, а мы пели любимую песню Чапаева «Черный ворон». Когда не стало видно Ижмы, все как-то затихли, стали потихоньку рыться в вещмешках и подкрепляться тем, что захватили из дома. В Щельяюре сели на пароход.

Карельский фронт

Долго-долго ехали на всех видах транспорта и в середине августа прибыли на Карельский фронт в 32-ю армию. Девять девушек отправили в госпиталь № 2519. Остальных распределили по другим частям.

В госпиталь мы прибыли в начале августа 1942 года. Здесь нас разделили по отделениям и назначили санитарками.

Сам госпиталь дислоцировался в поселке Огорелыши Даниловского сельсовета, Медвежьегорского района Карельской АССР в составе 32-й армии Карельского фронта. Начальником госпиталя была майор Попова Лидия Михайловна – принципиальный, требовательный, дисциплинированный командир. Комиссаром был назначен замполит Рудаков Михаил Михайлович.

Фронтовая полоса тогда шла под городом Медвежьегорском. Огорелыши стояли как на островке: кругом леса и болота, с одной стороны река, один двухэтажный дом, несколько маленьких зданий, бараки – видимо, до войны там жили лесозаготовители. Нас устроили в одном из домиков с нарами, и все девять человек жили пока вместе.

В половодье мост через реку затопило, и мы оказались в кризисной ситуации. Продукты, горючее, медикаменты не доставлялись, в связи с этим были уменьшены солдатские пайки. Мы ходили в лес, заготовляли грибы, ягоды. Однажды заблудились в болоте, и вышли только к вечеру. Пришлось даже убить несколько лошадей, чтобы накормить больных. Сами хлебали только бульон, мясо не ели. Ежедневно

проводились занятия по изучению уставов, устройству гранаты, пистолета (или нагана), шла строевая подготовка.

22 августа 1942 года приняли военную присягу. Меня распределили во второе хирургическое отделение, где начальником была Рыкова Фаина Михайловна. Раненых пока было мало, их размещали по домикам. Мы несли караульную службу по охране госпиталя – стояли часовыми в лесу, патрулировали вокруг поселка. Дежурили по суткам, заготавливали дрова, носили воду, топили печи, ходили за клюквой и брусникой для раненых, собирали мох вместо ваты, готовили напиток из хвои, сушили сено для лошадей.

По красным дням календаря своими силами устраивали вечера художественной самодеятельности. В палатах раненым зачитывались сводки советского информбюро. Тогда сообщалось, что на Карельском фронте идут бои местного значения.

Однажды узнали, что через линию фронта просочились немцы и финны. Их называли шюцкаровцами (фашистские бандиты, подстрекаемые Гитлером и его партией). Они жгли госпитали и зверски убивали раненых и медперсонал. Нам поступил приказ от главнокомандующего спать в обмундировании, чтобы в случае неожиданного нападения в ночное время успеть скрыться в лесу.

Поселок Петровские ямы (декабрь 1942 г.). Тогда уже были сильные морозы. Здесь бдительность была усилена до предела. Чаще стали бить тревоги по ночам. Засекали время, за которое мы успевали в темноте эвакуироваться в убежище. Также жили в бараках с двухэтажными нарами, в землянке было караульное помещение. За хвоей ходили на лыжах. Около села Данилово, куда мы должны были переехать, надо было сделать печь для приготовления пищи. Нас, несколько человек, послали добывать глину. Рубили землю топорами, лопатами. Здесь начальник госпиталя передала мне телеграмму, в которой говорилось о смерти моего отца.

Центральный фронт

Город Елец Орловской области (март 1943 г.). Нас направили на Центральный фронт в 48-ю армию. На разгрузку нам устанавливали строгий график, давали несколько часов. А

выгружали мы все сами – девушки, врачи, пожилые повозочные. Приходилось очень тяжело, но никто никогда не жаловался.

Госпиталь находился около моста через реку Сосна и во многих уцелевших домах по городу. Немцы неоднократно пытались разрушить мост. Каждый день в семь часов вечера налетала немецкая авиация и начинала бомбить город. От пожаров и осветительных приборов было светло как днем. Раненых поступало 1000-1200 человек в сутки. Их подвозили на машинах, лошадях, некоторые сами шли или ползли. Ругань, брань, маты, крики. Всех необходимо было распределить по местам, перевязать, накормить. Приходилось проводить сложнейшие операции прямо во время бомбежки. Порой не хватало врачей, сестер, медикаментов. Персонал буквально валился с ног.

Однажды, когда раненые уже были накормлены и уложены, я побежала в общежитие тоже поужинать. Внезапно началась бомбежка. Кругом взрывы, сыплются осколки. Я забежала в помещение, и вдруг вблизи от нас упала бомба. Рама вылетела, котелок с кашей потерялся, потолок обвалился – еле выбралась. Так и побежала в отделение несолоно хлебавши.

В этом городе была самая высокая смертность. Однажды во дворе госпиталя увидели несколько саней, которые были густо набиты трупами погибших бойцов и командиров.

Некоторые раненые приходили с передовой, минуя санбаты. Тогда уже было очень тепло. Солдатские бинты были черными от грязи и вшей. Перевязочного материала не хватало. Бинты приходилось отчищать пальцами, стирать, дезинфицировать, но ни в коем случае не выбрасывать. У тех, кто добирался долго, в ранах заводились черви. При перевязке мы вытаскивали их пинцетами.

Здесь, в Ельце, при бомбежке пострадал и госпиталь, было тяжело ранено 11 человек.

Некоторые сестры по приказу командования уехали на помощь в госпиталь города Курска. Вдобавок многие заболели тифом. А тем временем поступали все новые и новые раненые. В эти страшные дни на станции был разбит эшелон с молодыми командирами – выпускниками военных училищ, направляющимися по своим предписанным воинским частям.

Раненые и покалеченные поступали к нам всю ночь. Ясно помню, как один раненый в живот (кишки вываливались наружу) все кричал: «Добейте меня, сестрички, я вас прошу», – и тут же скончался. В тот день было очень много трупов, которые размещали в холодном подвале, а потом хоронили.

Мы, коми-девушки, устроились в маленькой комнатушке. Вскоре вблизи упала бомба, и наше жилье развалилось. Нас разместили в подвале. Девушки сутками работали в отделении, сопровождали тяжелораненых в тыловые госпитали.

Поселок Пеншино Орловской области (лето 1943 г.). Шли тяжелые кровопролитные бои на Орловско-Курской дуге. Мы устроились в сараях, а раненых разместили в церкви (немцы, находившиеся здесь до нас, устроили в ней конюшню, пришлось предварительно помещения церкви вычистить).

Село Пирогово (конец лета 1943 г.). Село Дерюгино Орловской области (октябрь 1943 г.).

Мои землячки из госпиталя были переведены в другие воинские части. С этого дня и до конца войны в составе госпиталя № 2519 нас из Республики Коми осталось четверо: я, Дуся Терентьева, Ира Артеева, Зоя Ануфриева.

Деревня Хоробичи (осень 1943 г.). Деревня Ваганичи (осень 1943 г.).

Село Перепись Черниговской области (осень 1943 г.). Я и еще несколько девушек ехали на последних машинах, где была загружена картошка в мешках, укрытая брезентом. Наступила ночь, шел снег, машина сломалась и отстала от колонны. Мы начали сильно мерзнуть и пошли погреться в село, которое недавно проехали, но нас никто не пустил. Вернувшись к машине, начали искать дрова для костра, но не нашли ни одного прутика – вокруг была голая степь. Собрали бурьян, который торчал из-под снега, облили его бензином, кое-как разожгли костер. Ели полусырую картошку, в баночках растопили снег, вскипятили и понемногу согрелись этой водой. Наконец-то машину отремонтировали, мы залезли под брезент на картошку и поехали. В село прибыли еле живые.

Жили мы в маленьких домиках, спали на самодельных двухэтажных нарах. Однажды посреди ночи нары развалились, и все, кто на них спал, свалились в одну кучу. Смеху-то было.

В другой комнате девушки ругаются из-за того, что спать хотят. А мы остановиться не можем. Так и хохотали до утра, а днем чинили нары.

Белорусский фронт

Село Еланы (январь-февраль 1944 г.). Поселение было разрушено. Жители жили в наскоро сделанных землянках, почти все болели тифом. Каждый день хоронили людей, приходилось даже самим сколачивать гробы.

Мы жили в низеньком стареньком домике, а хозяйка переехала к родственникам. Госпиталь занял почти все село. Мы ходили по домам, помогали населению лечиться от тифа, снимали одежду у больных и тут же дезинфицировали.

Тут наши медики в борьбе с тифом снова подверглись заражению. Из Коми тогда тяжело заболели Аня Артеева и Евдокия Терентьева. Они лежали в домике, расположенном отдельно от деревни, около леса. Иногда я их навещала, когда удавалось хоть на минутку оторваться от повседневных дел. Порой они были в бессознательном состоянии. Аня Артеева получила осложнение на пальцы. После выздоровления ее комиссовали и отправили домой.

Вышел приказ командования: открыть при госпитале курсы санинструкторов. Туда отправили и меня. Занятия проходили в период с 13 марта по 20 мая 1944 года. Учились очень старательно. Под помещение для учебы нам выделили сарай. Часто нам доводилось заменять медсестер. Помогало то, что в госпитале мы получили хорошую жизненную практику. Вдобавок к этому в Ижме я окончила курсы «Готов к санитарной обороне». Экзамены по всем правилам сдали на «отлично», и нам выдали удостоверения. Тогда нас четверых по приказу назначили медсестрами, немного позднее присвоили звание старшина медицинской службы.

Полесские болота (август 1944 г.). Приходилось строить множество землянок. Операционная была в палатке. Многие сильно простужались. Не избежала простуды и я. Особенно мучилась от фурункулеза, но после переливания крови все быстро прошло.

Лежать в землянках было тяжело. Чтобы спастись от комаров, жгли костры. Ночью, когда было светло, ходили по

лесам, собирали немецкие листовки, которые сбрасывали с самолетов.

Город Слоним (сентябрь 1944 г.). Город Жлобин (сентябрь 1944 г.). Город Бобруйск (сентябрь 1944 г.).

По пути приходилось видеть страшные следы войны. Все было разрушено. Пыль, смрад, трупы людей, лошадей. Навстречу вели тысячами пленных немцев. Была слышна канонада, отзвуки бомбежки. Днем прибыли в город. Его только что освободили от фашистов. Мы должны были остановиться в большой школе, но она была заминирована. От усталости еле стояли на ногах. Помню, зашли в разрушенный дом через окно и уснули прямо на полу как убитые. Позже нам сообщили, что это здание тоже было заминировано.

Город Осиповичи (сентябрь 1944 г.). Около города штабелями, как дрова, были уложены трупы немцев. В некоторых местах наша машина не могла проехать. Ночью был бой, фашисты так бежали, что не успели убрать своих сослуживцев. От трупного смрада тошнило, кружилась голова.

В самом городе к нам привезли раненых немцев. Мы получили приказ обработать и перевязать их раны. Волей-неволей пришлось выполнять поручение свыше. Немцев было много, у них даже были свои врачи. Наш персонал обслужил раненых, и госпиталь двинулся дальше на запад.

Деревня Ходевичи (сентябрь 1944 г.). Местами приходилось передвигаться пешком. В один из таких походов у меня до крови натерлись ноги, идти было невозможно. Я и еще четверо девушек отстали от своих. Мне обмотали ногу портянками. Нас догнали танки, которые двигались на передовую, и подвезли до реки. Уже темнело, мы свернули в лес и заночевали в каком-то сарае. На следующее утро мы принялись искать свой госпиталь. Я пошла без сапог, ноги очень распухли от раны. Наконец-то добрались до деревни и сразу начали работу на новом месте.

Польша

Город Орля (осень 1944 г.). Местечко Нир (осень 1944г.).

Местечко Малкина Турна (ноябрь 1944 г.). На второй день после прибытия мы приняли большой поток раненых, около 3000-3500 тысяч человек. Видимо, напряженная работа

в течение предыдущих лет, частые переезды с места на место сказались на самочувствии многих из нас. Чувствовалась усталость и сильная слабость. Обессиленные, мы лежали на нарах, желая только одного – хорошенько отоспаться. Начальник госпиталя, Лидия Михайловна Попова, сразу нашла выход из этого трудного положения и распорядилась приставить дневального к нашему общежитию. Легкораненые всячески пытались помочь нашему выздоровлению: топили печи, кормили нас. К вечеру состояние слабости немного стало проходить. Это был единственный случай за все 4 года войны.

Раненых было очень много, работать приходилось по несколько суток. Тогда еще стирали раненым обмундирование в холодной воде, делали перевязки, читали книги, писали письма за тех, кто не мог держать в руке карандаш. Медсестер не хватало, многие были в командировках, помогали другим госпиталям. Нас работа не пугала. Делали все, чтобы только поскорее приблизить победу. Иногда устраивали концерты, в которых участвовали раненые.

Местечко Грудек (декабрь 1944 г.). В изуродованном войной лесу строили землянки. Было слишком холодно, ломами ковыряли землю, долбили лед. Посередине землянки ставили большие бочки из-под бензина вместо печки. Однажды затопили так сильно, что крыша загорелась, и мы всю ночь тушили пожар снегом. Но надолго не задержались – фронт продвигался достаточно быстро.

В последний раз мы с Ирой Артеевой патрулировали лесок ночью. До нас здесь были немцы, а потом наши. Кругом траншеи в человеческий рост, ходы сообщений. Некоторые места здесь были заминированы.

Местечко Ольшевичи (январь 1945 г.). Слышна орудийная канонада. Мы, несколько человек, ночью шаг за шагом патрулировали лес. Ходили тихо, внимательно всматривались в темноту: ведь недавно здесь были враги.

Германия

Город Хохенштейн (январь 1945 г.). В город мы въезжали утром, в кузове, очень мерзли. Кое-где еще горели дома, повсюду валялись агитационные листовки, портреты

Гитлера. Улица была очень узкая, город был как будто в тумане. Кругом антисанитария, разруха, беспорядок. Спешно покидая свой город, население захламило улицы предметами домашнего обихода. И мы опять все приводили в порядок, чтобы принять раненых в соответствующие условия. Много было оставлено отравленных продуктов.

Уже позже, беседуя с немецкими гражданами, мы узнали, что их очень напугала антисоветская пропаганда. Им говорили, что придут советские войска и всех будут расстреливать. Спустя какое-то время жители сами убедились в том, что мы не убийцы и не грабители. Часто местные жители обращались к нам за медицинской помощью. Иногда немецкие дети здоровались с нами на ломаном русском языке, что было особенно приятно.

Располагались на Гитлерштрассе, в здании школы, под окнами которой гуляла пара красивейших павлинов. Здесь было много целых домов, и раненые лежали в довольно благоприятных условиях. Немцами были оставлены целые магазины с постельным бельем. Весь ветхий инвентарь мы заменили новым. Положение с медикаментами тоже улучшилось. Немцами было оставлено немало перевязочного материала, хлорной извести и других препаратов, которые мы использовали. Раненых во всех отделениях было очень много, их привозили даже из Кенигсберга. Второе отделение, в котором я работала все три с половиной года, занимало несколько зданий. Во время дежурства приходилось бегать по корпусам.

Всё, после землянок, нам казалось новым и непривычным. Недалеко от города стояла крепость, полуразрушенная от бомбежек. Мы ходили туда с экскурсией, смотрели казематы, подвалы. Рядом с крепостью находились бараки, огражденные колючей проволокой. Здесь был лагерь военнопленных. Кругом валялась солома, подушки, одеяла. Стены оклеены немецкими картинами, портретами, плакатами и какой-то похабщиной.

Город Аленштейн (10 марта 1945 г.). Меня и еще несколько медсестер направили на помощь в другой госпиталь. Нас определили в брюшнотифозное отделение. Город был разрушен до основания, госпиталь располагался в бараках, ординаторская – в маленькой церквушке. Было

огромное количество тяжелораненых солдат, многие умирали. Иногда за ночь санитары выносили по пять-шесть трупов. Были случаи, когда по ночам больные в бреду с высокой температурой вскакивали с постели. Приходилось силой укладывать их на место. Тех, которые пережили критический момент, отправляли в тыловые госпитали.

Однажды мы, четыре санитарки, пришли отдыхать в общежитие после дежурства. Комнатные и уличные двери закрывались на крючок. Спальни располагались на четвертом этаже. Под утро к нам стали ломиться в дверь. Сначала мы перепугались и забаррикадировали выход шкафом. Думали, что пришли немцы. Потом услышали радостные крики: «Девушки, вставайте, война кончилась!»

Это было 9 мая 1945 года. Мы выскочили на улицу, схватили у часового винтовку и стреляли вверх, обнимались, плакали, пели.

В День Победы в Аленштейне был дан большой вечер, но мы в нем не участвовали. Нам было не интересно, для нас все были чужими. Мы только думали, как бы быстрее попасть в свой госпиталь, который уже передислоцировался в город Эльбинг.

Город Эльбинг (10 мая 1945 г.). За нами приехала наша машина, и мы прибыли в свой родной госпиталь. Нас встречали начальник госпиталя Лидия Михайловна и замполит Рудаков – требовательный боевой командир, участник гражданской и белофинской войн. На праздничном столе впервые за войну мы увидели полные тарелки с хлебом. Было удивительно, что хлеб давали без нормы. Хотя в госпитале мы не голодали, у нас всегда был положенный паек. Даже давали махорку, но мы сразу относили ее нашим мужчинам.

Недалеко от города были сенокосные места, и мы несколько дней ездили готовить сено для своих лошадей. Тогда была очень жаркая погода. И, что удивительно, не было ни одного комара. Как-то раз водили нас строем в город на концерт. Здесь у нас был хороший «Красный уголок», где проводились лекции, политзанятия. В Эльбинге раненых было много, работали еще примерно до 10 июля.

Позже был дан приказ командованием погрузиться в вагоны, запастись продовольствием на два месяца и следовать до Москвы. Мы свернули свое хозяйство: личный состав 160

человек, лошадей 30 голов, медикаменты, оборудование, продуктовый склад, фураж, сено, заготовленные в Эльбинге.

Город Москва (14 июля 1945 г.). В пути узнали, что едем на Дальний Восток, где назревала война с Японией. Добирались в теплушках 28 суток. Путь был долгий и очень тяжелый. Когда выводили коней на водопой, сами старались помыться и постирать свои пожитки хоть в каком-нибудь водоеме. Таскали воду в вагон.

На одной из станций в Казахстане, выйдя на минутку, мы с подружкой чуть не отстали от эшелона. Кое-как заскочили в тамбур последнего вагона. Я никак не могла влезть на ступеньку, подружка тащила меня за руки, а я, зацепившись за поручень, волоклась по земле. После этого у меня еще долго болели руки и ноги. В тот день была страшная гроза, дождь лил как из ведра. Я промокла до нитки. Так ехала два часа, попала к своим только на следующей остановке.

Позже нас довольно долго держали в каком-то тупике. Говорили, что в связи с началом войны с Японией на восток ездил Сталин.

Дальний Восток

Станция Куйбышевка (11 август 1945г.). Станция Кунгур (12 апреля 1945г.). Город Биробиджан (13 апреля 1945г.).

Станция Ленинская (14 августа 1945 г.). Остановились в трех километрах от реки Амур. Мы не разгрузились и стояли в свернутом состоянии. Штаб расположился в одноэтажном доме возле реки Зея.

Госпиталь вошел в состав пятнадцатой армии 2-го Дальневосточного фронта. Жили в школе в большом зале, спали на полу. Половина медперсонала была временно откомандирована в действующие госпитали для помощи. Мы, оставшиеся на месте, поддерживали колхозы: убирали сено, копали картошку, собирали помидоры, огурцы.

15 октября был мой день рождения. Пришли с работы, сварили на улице картошку и сели за стол справлять именины. Помню, девочки качали меня на руках. Бригадир принес большой котелок с кашей и вручил мне подарок. Конечно, радовались празднику, вспоминали военные годы и горевали, что скоро расстанемся. Пели песни до глубокой ночи, а на

утро поехали обратно в свой госпиталь, где еще занимались своими делами. Я проводила занятия по оказанию первой медицинской помощи.

На этот раз победа пришла очень скоро. 2 сентября 1945 года Япония капитулировала. Уже существовали госпитали по обслуживанию пленных японцев, но наш рядовой и младший медперсонал в этот раз подлежали демобилизации.

Возвращение с войны

Город Биробиджан, Еврейская автономная область (25 октября 1945г.). Выехали в запасной полк. Нас водили на сопки собирать орехи. Поменяли изношенное обмундирование на новое. Здесь мы были несколько дней и вскоре двинулись домой.

Город Киров (20 ноября 1945 г.). В городе накупила подарков своим родственникам. Наш общий эшелон разбили на два: один поехал на север, другой – на юг.

Станция Ира-Ёль (21 ноября 1945 г.). До Ижмы оставалось 160 километров. Речки и болота, окружавшие станцию, еще не замерзли. Ехать было невозможно. Собралось уже много демобилизованных солдат. Пока ждали замерзания дороги, успели съездить в Ухту, посмотреть деревню. В этот день мы не могли уехать оттуда и стали искать военкомат. Сторож кое-как впустила нас, и мы заночевали в одном из кабинетов на столах. Утром выехали обратно в Ира-Ёль. Там ждали несколько дней. Наконец выехали на лошадях в Ижму. Отдыхали на маленьких станциях, где для нас кипятили самовары и угощали свежим хлебом.

Село Ижма (26 ноября 1945 г.).

На войне погибли родственники: муж родной тети Павел Терентьев. Двоюродный брат Попов Илья Михайлович погиб в Мурманске в 1945 году. Родной брат мамы Филиппов Иван Николаевич пропал без вести. Остались живые родственники: младший брат Попов Алексей Николаевич, который воевал на Калининском фронте, был контужен.

Награды:

-медаль «За взятие Кенигсберга», указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1945 г. Вручена 14 февраля 1947 года майором Нещадимовым;

-медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне», указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1945 г. Вручена 30 марта 1946 г, вручил капитан Завоялов;

-медаль «За победу над Японией», указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 сентября 1945 г. Вручена 7 сентября 1947 г. майором Нещадимовым;

-орден «Отечественной войны», указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1945 г. Номер ордена 5109980;

-медаль «За боевые заслуги»;

-другие юбилейные медали.

Упомянута в публикации: фотоальбом «Фронтовики Республики Коми». Тверская областная организация Союз художников России. Автор Кульдюшов И.Н., название статьи «Память огненных лет». Тверь, 1995 г. Страницы 19-21.

Апрель 2009 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь ***Шех Ирина Викторовна****, студентка 1-го курса нефтегазопромыслового факультета Ухтинского государственного технического университета*

Киреева Нелли Алексеевна

В Краснодар немцы пришли в августе 1942 года

Я родилась 17 января 1926 года в Ростовской области в городе Сальске. В семье, кроме меня, было еще двое детей: старшая сестра и средний брат.

Отец был прокурором Краснодарского края. Соратником отца был Д.П. Жлоба. В Пятигорске во время войны отца арестовали, арестовали Жлобу и всю его семью, приговорили к расстрелу по статье 58 - «троцкист». Таким образом, мой отец получил статус «врага» народа и был сослан на Север, в поселок Чибью.

Много моих знакомых, родственников выселили из своих домов, как «врагов» народа. Наш дом пострадал от официального грабежа, погрома. Но выносить было нечего, моя семья и так жила небогато. Представители власти забрали лишь отцовскую библиотеку.

Мать никуда не брали на работу, порой нечего было кушать, не во что было одеваться.

Когда я училась в школе, одноклассники не общались со мной, либо по своему желанию, либо по наставлению родителей, ведь я являлась дочерью «врага» народа. Была у меня только одна подруга, ее мать не запрещала нам общаться, иногда она водила нас в театр, в общем, относилась она ко мне очень хорошо.

Я закончила восемь классов средней школы. В возрасте 16 лет устроилась работать на шорно-сидельную фабрику в Краснодаре.

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война.

В Краснодар немцы пришли в августе 1942 года. Стояла жаркая погода, немецкие солдаты въезжали в город на мотоциклах. Началась оккупация, продлившаяся полгода. Во время нее начался грабеж: из государственных учреждений немцы тащили съестное, дорогие и полезные вещи. Они расположились в лучших домах города. Через месяц было страшно выйти на улицу: на столбах были повешены местные жители, не угождавшие немецким солдатам.

По городу были развешены объявления – «Германия ждет вас». Проникнувшись этой идеей, люди отправлялись на заработки в Германию, поскольку в городе царили голод и безработица. Самый роскошный обед состоял из борща (свекла, капуста) и кукурузной каши. Жители города забыли тогда, что такое мясо.

В феврале советские моряки освободили Краснодар. Советские власти стали узнавать у жителей, почему они не уехали в Германию.

В основном все в городе оставалось по-прежнему: голод, не было карточек на питание, работы тоже не было.

Я решила поступить в профессиональное техническое училище на электрика. Но мама отговорила меня, аргументом послужило то, что жить не на что, есть и надеть нечего, нужно искать работу. Но я понимала, что устроиться не очень реально и решила написать заявление о желании пойти на военную службу. Через несколько дней пришел ответ.

В мае 1943 года я ушла в армию. Служба началась под Краснодаром, где нас учили шагистике. Зачислена я была в 1425-й зенитный артиллерийский полк малого калибра, поставили охранять штаб полка. Но такая служба была мне не по нраву, поэтому после высадки в порту города Туапсе я попросила командира полка перевести меня на батарею, которая представляла собой штаб, на равных расстояниях от которого располагались четыре пушки. На каждую пушку было поставлено по шесть человек плюс командир орудия. Пушки выпускали заградительный залп в фашистские

самолеты, чтобы они не бомбили на Дорогобыче нефть, поселения, стратегические объекты.

После Туапсе полк направили на Таманский полуостров. В бинокль, стоя на посту, я видела Керчь. Там были немцы. Началась зима, приятного было мало: и голод, и сырость. Мы сильно мерзли, на первое время нам дали обмотки и ботинки. Из теплых вещей была только шинель. Спать приходилось на голой земле, на улице. Многие солдаты сильно простывали, сказывалось также на состоянии здоровья постоянное недоедание и недосыпание.

Несмотря на все тяготы, Красная Армия продолжала активно действовать: были освобождены Крым, Керчь. С острова Чумки в Керчь через пролив на плотах переплавлялись пушки, машины, люди.

Следом за передовыми ушел и наш полк. Нас направили в Ялту. Там мы были три месяца, жили в полуразрушенных домах.

Хорошо я помню здание «Почта», которое стояло на набережной. И на крышу этого одноэтажного здания мы затащили пушку, для того чтобы охранять порт какое-то время.

Разразилась эпидемия малярии, погубившая немалое количество солдат. Она начиналась так: высокая температура, человек сильно замерзал, температуру нечем было сбить. Как уехали мы из Ялты, эта эпидемия закончилась.

Наши пушки прицепили к тягачам, и мы отправились дальше через весь Крым. Маленьких городов я не помню. Чтобы добраться до северной части Крыма, пришлось ехать по горам, дороги были узкими, пушки чуть ли не сваливались, но мы вытаскивали их. Впервые тогда я своими глазами увидела крымских татар, которые жили на самой вершине. Татар выселяли в Среднюю Азию, потому что они были против советской власти, обещали Гитлеру подарить золотого коня.

Полк прошел весь Крым, дошел до Евпатории, затем до Львова, в Дорогобыче был поставлен охранять дорогобычскую нефть. От пушки мы никогда не отходили.

Дорогобыч – последнее место пребывания. Были мы в нем всего несколько месяцев. Нам было завидно, что часть полка двинулась через Польшу в Германию. Как мы ни

просили уйти с этой частью, нас не отпустили. Нужны были мы в Дорогобыче, охранять нефть, которая требовалась всем.

Многие сбегали в Польшу, в Германию вслед за направлявшимися туда отрядами. И из нашего полка сбежала одна девчонка, как сложилась ее судьба, я не знаю. Если ее поймали, то могли за это расстрелять. Об этом думать не приходилось, надо было слушаться командира.

Мне предлагали вступить в партию, в комсомол. Сделать это было легко, если отслужил два года и три месяца, но я не решилась. В Дорогобыче мы встретили конец войны.

На Украине командование хотело выдать нуждающимся солдатам квартиры с мебелью, предоставить рабочие места, однако, жители Западной Украины не хотели видеть на своей территории русских.

В августе прошла демобилизация. Я вернулась в Краснодар. Мама моей подруги, помогла мне устроиться в банк счетоводом, где я проработала весь следующий год.

От отца пришло письмо, в котором он говорил, что отбыл свой срок, но его не выпускают за пределы поселка Чибью (в настоящее время город Ухта). Я со своей семьей решила переехать на север к отцу, хотя отец был против этого.

Чтобы переехать в поселок Чибью, требовалось разрешение от И.В. Сталина, которое мы вскоре получили. Мы, «добровольные декабристы», уехали. После того как увиделась с отцом, я поехала на курсы по торговле в Щелково. Затем три года отработала бухгалтером-ревизором в Каджероме, потом главным бухгалтером. Однако на следующие годы заключать договор о работе не стали, поэтому пришлось переезжать к родителям в Ухту.

Жили мы в каморке барачного типа, вокруг еще оставались вышки, лагеря. Старшая сестра переехала жить в Ростов, вышла замуж, начала работать журналистом. Средний брат еще до войны поступил в ленинградский институт, но во время блокады не смог выехать к семье. Вскоре заболел и умер.

По окончании войны мне было присвоено звание «ефрейтор». Наградили медалью «За победу над Германией». Впоследствии получила орден Отечественной войны 2-й степени.

Статус дочери «врага» народа волочился за мной до тридцати лет.

Уже более половины столетия прошло после лет тяжелых лишений, болезненного расставания с близкими людьми, но до сих пор я стараюсь не вспоминать об этом жестоком времени. Я более двадцати лет не пересматривала свои армейские фотографии. Любое воспоминание о военном времени вызывает во мне глубокие душевные переживания.

Ноябрь 2009 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказали помощь студентки 1-го курса факультета экономики и управления Ухтинского государственного технического университета

Космортова Арина Михайловна

и

Ивулина Ирина Викторовна

Левин Наум Маркович

Мне приказал тянуть связь в роту

Я родился 18 сентября 1919 года в м. Любань Бобруйской области БССР в семье служащего. В 1920 году вся семья переехала в м. Уречье Слуцкого района БССР (Белоруссия). В 1937 году окончил среднюю школу и в этом же году поступил в Ленинградский политехнический институт имени Калинина.

Война застала меня далеко на востоке. 10 июня 1941 года мы, большая группа студентов Ленинградского политехнического института факультета промышленного транспорта, прибыли в город Сталинск (ныне Новокузнецк Кемеровской области) на производственную практику. Начали работать помощниками машинистов на паровозах. Гигантский Кузнецкий комбинат поразил нас своей мощью, размерами и технической оснащенностью. Достаточно сказать, что в железнодорожном цехе комбината было более пятидесяти паровозов. А через 12 дней началась война.

Утром 22 июня мы услышали по радио сообщение о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз. Потом было выступление В.М. Молотова, которое заканчивалось ставшими хорошо известными словами: «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!» И знаете, о чем шел яростный спор у нас, студентов, в первые

два дня войны? Мы спорили о том, сколько времени понадобится нашим войскам, чтобы разгромить фашистов и дойти до Берлина: целый год или хватит двух месяцев. Мы были молоды, наивны и достаточно глупы. Мы много тогда не знали о ГУЛАГе, об отходе от ленинских норм жизни.

Но мы знали другое. 30-е годы, когда я и мои сверстники начинали свою сознательную жизнь, были годами высоких свершений советского народа. При нас зажглись огни Днепрогэса, дали первые плавки Кузнецк и Магнитка, сошли с конвейеров Харьковского, Сталинградского и Челябинского заводов первые тракторы, появились на улицах первые советские автомашины, заговорили в домах и на площадях репродукторы радио, вместо лучины и керосиновых ламп в домах многих деревень и поселков зажглись электрические лампочки. Шла ликвидация неграмотности. В 1934 году были отменены карточки на хлеб, с каждым годом улучшалась жизнь народа.

Помню, как в 1929 году в наш поселок пришла первая батарея конной артиллерии. А через несколько лет в поселке и вокруг него расположились авиаполк и две дивизии: 4-я стрелковая имени Германского пролетариата (именно так!) и 4-я кавалерийская имени Ворошилова К.Е., бывшая когда-то ядром 1-й Конной Армии С.М. Буденного.

В 1933-37 г.г. 4-й Кавдивизией командовал Г.К. Жуков. Мы его наверняка видели множество раз, но кто тогда знал, что это будущий прославленный полководец. У нас на глазах менялся облик армии и её оснащение. Появились в больших количествах танки, на смену «небесным тихоходам» пришли стремительные «чайки» и «ястребки».

Мы с восхищением следили, как во время маневров в 1936 году выбрасывались тысячные парашютные десанты. Видели великолепную выправку наших пехотинцев, кавалеристов, артиллеристов, летчиков. Вот откуда была та уверенность в нашей быстрой победе.

Но вот прошли 2-3 дня после начала войны. Появились первые сводки Совинформбюро. И, вместо ожидаемых сражений за Варшаву и Кенигсберг, мы с недоумением и болью слушали и читали о боях на Рижском, Барановичском, Минском, Львовском и Киевском направлениях! Но вот пал

Минск, Витебск, вся Прибалтика. Фронт катился к Ленинграду.

Было вдвойне горько от того, что очень скоро, на 6-й день войны, фашисты были в моих родных краях, где оставались мать, отец, четырнадцатилетний братишка, множество родных и друзей. Только через четыре года я узнал об их страшной судьбе: 6 мая 1942 года их, голодных, измученных, раздетых расстреляли фашисты.

В начале августа мы по вызову института выехали в Ленинград. Откровенно говоря, это был не очень умный поступок. Начальник транспортного цеха комбината, выпускник нашего института, нас долго уговаривал остаться и предупреждал о грозивших нам опасностях. Но мы были непреклонными, да и не верилось, что с Ленинградом может что-нибудь случиться.

Я приехал в Ленинград семнадцатилетним юношей. И этот город буквально ослепил и покорил меня своим великолепием и красотой. Покорил на всю жизнь. Его дворцы, проспекты, архитектурные ансамбли, площади, сады, парки, памятники, набережные, даже чугунные ограды и уличные фонари - все эти бессмертные творения великих зодчих произвели неизгладимое впечатление, буквально ошеломили меня, как, впрочем, и всех, кому довелось ими любоваться. В Ленинграде я получил счастливую возможность побывать в великолепных музеях и любоваться великими творениями мирового искусства, в знаменитых театрах и наслаждаться искусством таких великих мастеров сцены, как Уланова, Чабукиани, Дудинская, Сергеев, Черкасов, Симонов, Корчагина-Александровская, Янет, Горин-Горяинов, Преображенская, Печковский и многих других. Я любил посещать публичную библиотеку имени Салтыкова-Щедрина, слушать лекции на самые разные темы в прекрасном лектории на Литейном проспекте. И с каждым годом росла и крепла моя любовь к великому городу, которую я сохранил на всю жизнь.

Обратный путь в Ленинград был трудным и занял две недели. Навстречу шел бесконечный поток военных эшелонов. На восток шли эшелоны с беженцами, эвакуированными заводами, ранеными.

В Ленинград мы попали чуть ли не последним эшелоном. В деканате института даже удивились нашему

приезду и немедленно отправили нашу группу «на окопы» - на Карельский перешеек. В начале сентября немцы прорвались к южным берегам Ладожского озера и Финского залива, и Ленинград оказался в полном окружении, отрезанным от всей страны. 7 сентября мы вернулись в город, а на следующий день, 8 сентября, фашистская авиация вечером впервые произвела массированный налет па город, а затем повторила его ночью.

Ожесточенные бомбежки города, приносившие огромные разрушения, продолжались каждую ночь, а часто и днем, что продолжалось весь сентябрь и почти до половины октября. А 4 сентября 1941 года было началом еще одного очень страшного бедствия: на улицах Ленинграда начали разрываться первые артиллерийские снаряды. С этого дня фашистские варвары непрерывно обстреливали город. С чисто немецкой педантичностью почти каждую минуту 900 дней и ночей подряд, до 27 января 1944 года, в разных районах города раздавались взрывы артиллерийских снарядов. Для всех ленинградцев началась новая жизнь в городе, который стал по-настоящему фронтовым.

Днем мы работали на строительстве оборонных сооружений прямо в городе, а по ночам поочередно дежурили на чердаках домов. Обязанностью дежурных было обезвреживание зажигательных бомб: пробившую крышу и упавшую на чердак «зажигалку» надо было, пока она не разгорелась, засыпать песком, либо выбросить на мостовую.

Довелось и мне дежурить на чердаках корпусов нашего студенческого городка Политехнического института на Лесном проспекте. Стоял необыкновенно теплый сентябрь. Город ночью с высоты пятиэтажного дома представлял собой феерическое зрелище: в небе гудели самолеты, по нему рыскали лучи прожекторов, в городе рвались бомбы, гремели зенитки, вспыхивали пожары, как град сыпались осколки зенитных снарядов. Было фантастически красиво и очень страшно. Надо сказать, что ни одной «зажигалки» на мою долю не досталось, но эти дежурства врезались в мою память навсегда.

Как-то в конце сентября мы небольшой группой отправились в военкомат Выборгского района выяснять, почему нас не призывают в армию. Встретили нас приветливо,

но объяснили, что студенты старших курсов по постановлению Совета Народных Комиссаров и Государственного Комитета Обороны призыву не подлежат, наша задача – продолжать учебу, ну а если понадобится – нас призовут. Вряд ли такое решение было разумным, так как ни о какой учебе и речи быть не могло. В декабре двое из нашей группы умерли от голода.

Между тем положение жителей Ленинграда начало стремительно ухудшаться. На смену теплой осени пришла редкая для Ленинграда очень суровая зима с тридцатиградусными морозами и снежными заносами. Из-за отсутствия топлива остановились все котельные, большинство заводов, почти все электростанции, встал весь городской транспорт. Замерз водопровод, не работала канализация, на лестницах домов образовались груды льда. Для освещения стали применять разного рода коптилки, в квартирах устанавливали «буржуйки», жгли мебель, книги. Чтобы добыть кастрюлю воды, многим приходилось идти за полтора – два километра. И ко всем этим невыносимым бедствиям добавились страшные муки голода.

Пять раз, начиная со 2-го сентября и до 2-го ноября 1941 года, сокращались нормы выдачи продовольствия населению Ленинграда. В июле-августе рабочие получали по карточкам 800 граммов хлеба в день, служащие и все остальные – 600 граммов хлеба. Кроме того, выдавались на месяц по 2200 граммов мяса, два килограмма крупы, полтора килограмма сахара. Работали коммерческие рестораны и столовые.

После 20-го ноября рабочие стали получать по 250 граммов хлеба, все остальные – по 125 граммов, и более почти никаких продуктов. Получишь, бывало, один раз в день маленькую тарелочку неизвестно из чего сваренной похлебки, где изредка можно было обнаружить какую-нибудь крупинку, и маленький кусочек чернющего, неизвестно из чего испеченного хлеба, глядишь на него и плакать хочется – на один раз глотнуть нечего, а на этом довольствии надо сутки жить.

В начале октября мы начали строить ДОТы и ДЗОТы прямо на территории нашего института и соседнего совхоза «Лесное» на северной окраине города. Работали бригадами по десять человек. На территории института в 1940 году было

начато строительство высоковольтной лаборатории для академика А.Ф. Иоффе. На этой стройплощадке мы обнаружили маленький прорабский домик, оборудовали в одной комнате нары, в другой – небольшую кухоньку-кладовку, перенесли туда из студгородка свои нехитрые пожитки и стали жить в этом домике. Это, наверно, нас и спасло от гибели, так как если мы, как и все, хоть и голодали, но не страдали от холода.

В домике была чугунная печка-«буржуйка», и у нас она топилась почти непрерывно. Рядом находился склад с дубовым паркетом и просмоленными сосновыми шестигранными шашками, которыми вымащивали некоторые дворы и площади, и мы их почти все сожгли за зиму. Воду же добывали, растапливая снег. Так вот и жили.

27 января 1994 года, в 50-ю годовщину освобождения Ленинграда от блокады – по Центральному телевидению была показана картина «Оборона Ленинграда». Авторы картины заявляют, что Ленинград попал в блокаду только потому, что Сталин не любил этот город, что главной заботой наших генералов было как можно больше истребить своих солдат. Бои за Ленинград изображают как сплошное триумфальное шествие фашистских войск и беспорядочное, паническое бегство частей Красной Армии, постоянно подчеркивается мастерство и умение фашистских вояк и бездарность наших воинов. И все это иллюстрируется многочисленными кадрами геббельсовской кинохроники. Тогда непонятно, почему немецкие армии, пройдя более тысячи километров от границы до стен Ленинграда, так и не сумели одолеть последние три километра и взять город и были, в конце концов, разгромлены под стенами Ленинграда. Не нашлось добрых слов у авторов картины и для того, чтобы показать стойкость и мужество ленинградцев.

Да, мы голодали. Чтобы заглушить ужасные страдания от постоянного чувства голода, жители проявляли чудеса кулинарной изобретательности: разыскивали плитки столярного клея и варили из них и кожаных ремней студень, сдирали обои и вываривали из них клейстер, мастерили силки и охотились за грачами и воронами.

К декабрю 1941 года в городе не осталось ни одной кошки, ни одной собаки – их попросту съели. Но расчеты

гитлеровцев на то, что под влиянием голода люди потеряют человеческий облик, превратятся в зверей, истребляющих друг друга, что в городе возникнет хаос, не оправдались. Голодало более двух с половиной миллионов человек, но в городе сохранялся безупречный порядок. Более того, при таких совершенно невероятных испытаниях – страшном голоде, жизни без воды, света и тепла, при постоянных обстрелах воля ленинградцев не была сломлена. Никакими мерками нельзя измерить страдания ленинградцев, неисчислимы их жертвы. Но каждый из них, даже самый больной и слабый, старался сделать хотя бы что-нибудь, чтобы внести свой, пусть маленький, но вклад в дело защиты города.

В ноябре нашей бригаде поручили затесывать колья для проволочных заграждений. Профессионалу-плотнику, чтобы затесать с одного конца двухметровый сосновый кол, требуется полторы-две минуты; таким, как мы, редко державшим в руках топор в обычных условиях – до десяти минут. Нам же установили норму – десять кольев за шесть часов работы. И с этой детской нормой мы еле справлялись – не было сил поднять топор. Сделаешь два-три взмаха и садишься на пятнадцать-двадцать минут отдыхать, а бывало, и в обморок падали.

Жатва голода была ужасной. Смерть настигала людей повсюду: на улице человек вдруг падал и больше не поднимался; в квартире ложился спать и не вставал; падал у станка на заводе, на лестничной клетке и т.д. По улицам вереницей шли люди, тащили саночки с покойниками. Хоронили без гробов: чаще всего, выбившись из сил, бросали покойников на полпути.

Работники коммунального хозяйства объезжали улицы, подбирали покойников и увозили на кладбища, где команды МПВО взрывали землю и опускали десятки и сотни трупов в могилы, часто не зная имен погребенных.

Только на одном Пискаревском кладбище похоронено более шестисот тысяч погибших в блокаду людей – население большого города.

Единственной ниточкой, связывающей Ленинград со всей страной, была дорога через южный залив Ладожского озера шириной тридцать два – тридцать четыре километра. К середине декабря Ладожское озеро, наконец, замерзло, лед

окреп и по ледовой дороге, получившей название «дорога жизни», двинулись в Ленинград бесконечные колонны машин с боеприпасами, продовольствием и всем необходимым.

Никто из блокадников никогда не забудет день 25 декабря 1942 года. Утром, как обычно, мы отправились в булочную и с удивлением увидели, что приветливая продавщица отрезает по карточкам ИТР по 350 граммов хлеба вместо 250, а всем остальным – по 200 граммов вместо 125, и надо было видеть радостные улыбки, которые впервые появились на изможденных лицах голодных людей! Не ахти какая прибавка, но люди обнимали и поздравляли друг друга. К ним возвратилась вера и надежда на лучшие времена, а это было дороже хлеба.

После ленинградской блокады я многие годы никак не мог избавиться от мучительного страха перед голодом. Я панически боялся опоздать на обед или остаться без ужина и ничего не мог с собой поделать. Только где-то к концу 50-х годов этот страх, наконец, пропал.

Остается добавить, что, когда нас взвесили перед эвакуацией, мой вес был 46 килограммов.

С началом функционирования ледовой дороги началась и эвакуация «лишнего» населения из Ленинграда. В конце февраля 1942 года дошла очередь и до нас. Я не буду описывать трудный для истощенных людей путь к Финляндскому вокзалу, далее по железной дороге к Ладожскому озеру, и ночной переезд на открытой машине в тридцатиградусный мороз через Ладогу. Наконец был сформирован большой состав из специально оборудованных товарных теплушек, который был заполнен студентами, профессорами и преподавателями Ленинградских вузов. И мы отправились в утомительное полуторамесячное путешествие. Никто не знал, куда нас везут.

В начале апреля 1942 года мы прибыли в Пятигорск. Остановлюсь только на одном очень печальном для меня эпизоде пути. Во второй половине марта (точное число не помню) наш эшелон прибыл в Сталинград. И большинство попутчиков разбрелись кто куда, так как на больших станциях мы всегда подолгу стояли. В вагон зашла какая-то комиссия: майор медицинской службы, мужчина и женщина в гражданской одежде – все в белых халатах. Они осмотрели

нехитрое оборудование теплушки, нары, поговорили с нами, записали какие-то замечания, после чего женщина отсчитала и отдала старосте вагона пачку бумажных листков по числу пассажиров; на каждом листке простым карандашом столбиком было написано: «1 булка, 1 рис, 1 какао» и стояла какая-то замысловатая подпись. Нам объяснили, что каждый может пойти в продпункт станции и получить по этим запискам указанные в них продукты.

Мы с товарищем уже собрались идти, как вдруг нас «осенило»: а нельзя ли приписать впереди по двойке, и отправились искать продпункт. У дежуривших там девушек в военной форме без знаков отличий не возникло никаких сомнений, и они тут же выдали каждому по 21 сдобной булочке, 21 пакетику с отварным рисом, 21 маленькому быстрорастворимому какао. С таким сказочным по тому времени богатством возвратились мы в свой вагон.

До этого я был осторожным. Но здесь не выдержал. Не помню, сколько булочек и пакетиков с рисом съел, сколько кружек какао выпил. Кончилось это очень плачевно: высокая температура, жесточайший понос, частая потеря сознания. Хорошо, что эшелон дальше шел быстро, на больших станциях не останавливался, и меня нигде не высадили. По-настоящему очнулся я на койке в 1-й городской Пятигорской больнице у подножья горы Машук, и не помнил, как туда попал. Только через месяц, в начале мая, я полностью пришел в себя. Таков был окончательный финал моей ленинградской эпопеи.

А через три недели, в конце мая, после окончания краткосрочных (двухнедельных) курсов я уже работал трактористом в одной из бригад совхоза № 21 «Большевистская искра» Бурлацкого района Ставропольского края, вблизи станицы Сотниковской. Рядом работала полевая бригада, составленная из студентов Ленинградских институтов: электротехнического и 2–го медицинского.

К 1 сентября 1942 года мы должны были возвратиться в Пятигорск и оттуда выехать в Тифлис для продолжения занятий в институтах. Увы, этим планам не суждено было осуществиться. Обо всем этом, быть может, не стоило бы писать, если бы это не было связано с первой встречей с

немцами еще до того, как я попал в 369-й запасной стрелковый полк.

Трактористом, естественно, я первое время был никаким и не стал бы им, если бы не по-настоящему дружественная и братская помощь всей бригады, состоявшей полностью из запорожских трактористов, эвакуированных в 1941 году из Украины в Ставрополье.

В июле началась уборочная компания. Хотя я родился и вырос в сельской местности, но никогда раньше не видел таких огромных полей пшеницы. Сцепом из двух колесных тракторов ХЗТ мы с напарником тащили комбайн «Сталинец» (самоходных комбайнов тогда не было) и за день успевали сделать всего шесть кругов. Работали по-настоящему самоотверженно полный световой день, а по ночам готовили машины к следующему дню.

Увы, завершить уборку не довелось. Буквально через несколько дней после ее начала огромная тракторная колонна совхоза своим ходом направилась на восток к Каспийскому морю: началось летнее наступление немцев на Северный Кавказ и к Волге – к Сталинграду. Поэтому совхоз эвакуировался.

Трудно описать и представить себе ставропольские степи июля 1942 года. Это был какой-то гигантский цыганский табор. Шли на восток транспортные колоны, скакали огромные табуны лошадей, гнали стада коров, огромные отары овец, на повозках и тачанках, в прицепных вагончиках везли людей, домашний скарб, продукты и даже поросят. Грохот, шум, жара, тучи пыли.

Вскоре плодородные земли и обжитые места сменились бескрайней и безводной пустыней северо-восточного Ставрополья, которую оживляли только редкие, разбросанные на расстоянии тридцати-сорока километров один от другого, артезианские колодцы.

Так мы и двигались от колодца к колодцу, пока не достигли района совхоза Бакрес, почти на границе с Дагестаном. Не успели мы расположиться на отдых, как на горизонте появилась туча пыли и быстро стала приближаться механизированная колонна: две грузовые машины с солдатами и около пятидесяти тяжелых мотоциклов, большинство с колясками.

Мы думали, что это какие-то наши солдаты, а оказалось – немцы. Не обращая на нас никакого внимания, немецкие солдаты разделись по пояс, побросали на машины одежду и автоматы, выставили двух часовых и бросились к колодцу умываться. Это были молодые, здоровые парни. Весело гогоча, они обливали друг друга и плескались в воде. Мы же собрались толпой у небольшого домика рядом с колодцем и молча наблюдали за ними.

Через некоторое время из домика вышел мужчина в гражданской одежде, смуглый, с черной бородкой, похожий на цыгана или кавказца, и обратился к нам на чистейшем русском языке. Смысл его речи сводился к следующему: Красная Армия окончательно разбита, доблестные солдаты фюрера вышли к Волге и скоро будут за Уралом, войне скоро конец. Немецкое командование приказывает всем вернуться назад, ехать домой и работать – надо убирать хлеб. Кто будет добросовестно работать – может жить спокойно, никаких репрессий не будет. За неподчинение командованию кара одна – расстрел.

Подавленные и притихшие, слушали мы эту речь. У нас не было газет, радио, мы ничего не знали о положении на фронтах, но появление немецкой мехколонны в таком далеком тылу говорило само за себя и нас просто ошеломило.

Вскоре немцы завели свои машины и мотоциклы и уехали неизвестно куда. Мы же не знали, что предпринять, и решив, что утро вечера мудренее, улеглись отдыхать.

Утром же выяснилось, что возглавлявшие нашу колонну директор совхоза и начальник политотдела (женщина, одетая всегда в военную форму) ночью удрали на своей тачанке. Мы оказались предоставленными самим себе. Начался несусветный галдеж и импровизированный буйный митинг, который длился несколько дней. Наконец было принято «соломоново» решение: каждый волен поступить, как ему вздумается, никто никому препятствовать не должен.

Настроение у меня было убийственное, так как о возвращении назад, на оккупированную теперь территорию, я и думать не мог. Но как выбраться из этой безлюдной степи и куда податься - тоже не знал. На

счастье, агроном совхоза, фамилию которого я, к сожалению, забыл, обходил весь наш «табор» и уговаривал трактористов двигаться дальше на восток. Он заверил, что хорошо знает эти места, так как воевал здесь в гражданскую войну в отряде знаменитого Кочубея, и взялся вывести нас к Каспийскому морю.

Через день наша небольшая группа из десяти трактористов, а всего около тридцати человек, двинулась вперед на восток, все остальные, более шестидесяти машин, повернули назад. Нашу группу возглавил главный механик совхоза Антон Головач, это был механик от бога, опытный, прекрасно знавший технику, и мастер на все руки. Путь предстоял еще довольно долгий, но уже в сентябре мы, наконец, прибыли в город Кизляр,

Ровно год, без особых приключений, проработал я трактористом в одной из бригад Кизлярской МТС. Поражала невероятная смесь народностей Дагестана. Кого только мы не встречали на шумном рынке в Кизляре - кумыки, аварцы, тавлины, лезгины - представители более тридцати народностей, о существовании которых я ранее и не подозревал. И все жили и сейчас живут там мирно и дружно.

В сентябре 1943 года Кизлярским райвоенкоматом я был призван в армию. Начался новый, армейский, этап моей жизни. Я попал в 369-й запасной стрелковый полк 2-го Украинского фронта, который располагался вначале в станице Солдатской, а затем нас эшелоном перевезли в город Новочеркасск, где мы расположились в Соцгородке Новочеркасского электровозостроительного завода. Пестрым был состав полка: необстрелянные новички и возвратившиеся в строй после ранений бывалые фронтовики разных возрастов.

Премудрости боевой подготовки для меня не составляли особых затруднений. Этим я обязан школе и институту. Люди моего поколения помнят, какое большое внимание до войны уделялось в школах и институтах военно-патриотической и физической подготовке, как прекрасно работали такие общественные организации, как Осоавиахим (Общество содействия обороне и авиационно--химическому строительству) - впоследствии ДОСААФ.

Поэтому задолго до армии мы умели разбирать и собирать винтовку, стрелять, метать гранату, обращаться с противогазом, знали основы тактики для стрелкового отделения и взвода, сдавали нормы на значки «ГТО», «Ворошиловский стрелок», «ГСО», занимались строевой подготовкой. Ну, а изучить такое новое, грозное, но простое по конструкции оружие, как автомат ППШ, не составляло труда.

Трудным был быт в запасном полку. Нам самим пришлось устраивать свое жилье - стеклить окна, навешивать двери, делать нары и т.д. Одеты мы были в стиранное и перестиранное обмундирование, так называемое, б/у третьей категории. Далеко не достаточным было питание, праздником для нас было попасть в наряд на кухню.

Служба в запасном полку оказалась непродолжительной. Через три месяца нас одели в новенькое добротное обмундирование и с маршевой ротой отправили на фронт. И вот мы - на фронте, где-то на западе Полтавской области, в расположении 202-й стрелковой дивизии 27-й армии 2-го Украинского фронта.

Не знаю, по какому принципу нас распределяли по полкам и частям дивизии, но я и мой товарищ по запасному полку - узбек Примкулов - оказались почему-то в трофейной команде дивизии. Команда небольшая, что-то вроде взвода, командир - капитан, а непосредственно распоряжался нами какой-то старшина. Никаких трофеев мы не видели и ими не занимались, были самыми настоящими чернорабочими - постоянно грузили и перегружали боеприпасы, оружие, обмундирование, продукты и так далее. Несли и караульную службу. Такая служба меня мало устраивала.

Не знаю, что случилось - то ли нашу команду расформировали, то ли на передовой не хватало бойцов, но вскоре и я, и Примкулов стали солдатами 3-й стрелковой роты 1-го батальона 645-го стрелкового Краснознаменного полка 202-й стрелковой дивизии. Наш полк, как мы позже узнали, был награжден орденом Красного Знамени еще в 1941 году на Северо-Западном фронте.

Сейчас, через шестьдесят пять лет, трудно последовательно описать фронтовую жизнь. Остались довольно сумбурные воспоминания о тех или иных врезавшихся в память событиях. Что же запомнилось?

Шел 1944 год. У самоуверенного и наглого фашистского воинства образца 1941-1942 годов поубавилось спеси. Немецкие солдаты уже научились поднимать руки вверх и кричать «Гитлер - капут». 18-го февраля закончились бои по ликвидации окруженной в районе г. Корсунь-Шевченковский Черкасской области группировки из шестнадцати немецких дивизий. Только на участке нашей дивизии было взято в плен более десяти тысяч фашистских солдат и офицеров, а дивизии было присвоено название «Корсуньская».

Не могу не сказать о следующем. Довольно широко, хотя и далеко не так, как следует, отмечалось в январе 1994 года 50-летие снятия блокады Ленинграда, и в июле 1993 года 50-летие завершения знаменитой битвы на Курской дуге. А вот 50-летие Корсунь-Шевченковского сражения, которое в свое время называли «вторым Сталинградом» и которое золотой страницей вошло в героическую летопись Великой Отечественной войны, в России не отмечалось никак - ни на правительственном уровне, ни в газетах, ни нашим радио и телевидением. Почему? Неужели потому, что оно проходило на территории Украины?

В феврале и марте 1944 года погода на Украине была, что называется, мерзопакостной. Снежные метели сменялись холодными дождями, кругом была непролазная грязь, то и дело встречались застрявшие повозки, автомашины, даже танки. Нам, солдатам матушки-пехоты, было неимоверно тяжело в мокрых ботинках с обмотками, промокших шинелях, с полной выкладкой (автоматом, вещмешком, дисками с патронами, лопаткой) топать по разбухшим дорогам, полям, оврагам в любую погоду, быть почти всегда, днем и ночью, под открытым небом. Для каждого солдата на передовой война - это не только стрельба, атаки, бои, но, прежде всего каторжный труд. Одной земли сколько было перекопано. Недаром говорили, что каждый пехотинец перекапывал земли больше, чем гусеничный трактор за сезон своей работы.

Невозможно забыть, как выглядела вся Украина: взорванные города, мосты, железнодорожные станции, сожженные деревни, торчавшие, как жуткие памятники, печные трубы, оборванные и голодные люди, дети с глазами взрослых, не умеющие смеяться - страшная картина хозяйничания фашистских оккупантов.

Невозможно забыть, с какой радостью и ликованием встречали своих освободителей местные жители.

После выхода на государственную границу, форсирования рек Днестр и Прут, ожесточенных майских боев фронт на нашем участке стабилизировался. Дивизия в начале июня заняла оборону уже в Румынии южнее города Ботошани. Мы основательно окопались, вырыли окопы и траншеи во весь рост, ходы сообщения. Напротив наших позиций на расстоянии около километра маячила господствовавшая над местностью сопка, или так называемая высота 192, на которой укрепились румыны. Какое-то странное ощущение испытываешь, стоя в траншее: оборона была довольно редкой, до соседей слева и справа метров тридцать-сорок, впереди за широкой лощиной вражеские позиции, а позади - вся огромная страна.

Как-то в одно прекрасное солнечное июньское утро в траншее появился командир роты старший лейтенант Чернов в сопровождении незнакомого лейтенанта, который оказался командиром взвода связи батальона Старобинским. Командир роты сказал, что меня переводят во взвод связи. И мы с лейтенантом ушли на КП батальона.

Поистине судьба играет человеком! Я мог стать кем угодно, но мне даже и не снилось, что стану связистом. Нашей задачей было обеспечить бесперебойную связь командира батальона и его штаба со всеми ротами - тремя стрелковыми, пулеметной и минометной. Вызывать кого-нибудь звуковым сигналом (зуммером) запрещалось, надо было постоянно сидеть у телефонного аппарата с трубкой у уха и немедленно откликаться на любой вызов. Очень утомительное занятие! Дежурили мы вдвоем с напарником, сержантом Новиком, с которым очень подружились, иногда нас подменял еще связист Мишарин. Вместе с нами в землянке находились постоянно и дежурили у другого

аппарата связисты полковой роты связи Новиков и Нехта, которые поддерживали связь батальона со штабом полка.

В отличие от других родов войск, техника у связистов была далеко не самой современной, особенно в стрелковых частях. Рации, например, у нас появились только к концу войны, и были они громоздкими и тяжелыми. Особенным анахронизмом выглядела проводная связь на передовой - из батальона в роты. В бою, особенно при наступлении, она действовала плохо, поддерживать ее стоило больших жертв. Нас, связистов, особенно батальонных, не очень-то жаловали. Гораздо чаще благодарностей и наград в наш адрес раздавались выражения, заимствованные далеко не из лексикона изящной словесности. А ведь нам было трудно, очень трудно Мы прокладывали линии связи и носились по ним, невзирая ни на что. Сколько раз бывали такие обстрелы, при которых другие солдаты и офицеры и носа не высовывали из окопов и укрытий. А мы носились, без конца бегали по линиям связи, устраняя их повреждения, которых в каждом бою было не счесть! Да и катушки с кабелем и телефонные аппараты, которые приходилось таскать на себе сверх прочей солдатской амуниции, не были подарком.

Более двух месяцев провели мы в довольно пассивной обороне. В середине августа наши боевые порядки стали уплотняться, прибывали из резерва и с других фронтов все новые части. Тесно стало и непосредственно за боевыми порядками наших стрелковых рот: одна за другой прибывали и занимали боевые позиции батареи артиллерии разных калибров. И, наконец, появились «Катюши». А это было верным признаком назревающих серьезных событий.

На рассвете 20-го августа нам зачитали обращение Военного Совета 2-го Украинского фронта о переходе в решительное наступление.

В 5 часов утра раздался оглушительный залп «Катюш», а затем мы услышали грохот артиллерийской канонады. В небе появились наши бомбардировщики и штурмовики, которые, волна за волной, бомбили позиции румын. Вражескую оборону заволокло густое облако дыма и пыли. Грохот стоял такой, что в окопах невозможно было разговаривать, объяснялись, как немые, знаками.

Никогда - ни до, ни после этого, я не видел такой мощной артподготовки, которая продолжалась почти полтора часа. Вражеская оборона была буквально сметена. Когда мы поднялись в атаку и почти беспрепятственно добежали до румынских траншей, то увидели развороченные ДОТы и ДЗОТы, перепаханные траншеи и окопы, немного уцелевших и обалдевших вражеских солдат, и все же потери в этот день были.

Первыми ворвались на маячившую все лето перед глазами высотку 192 солдаты третьей, бывшей моей, роты нашего батальона во главе с ее командиром старшим лейтенантом Черновым. Немцы и румыны в течение дня несколько раз пытались контратаковать и отбить высоту. Во время отражения одной из контратак пулеметной очередью наш ротный был убит. Потом мы узнали, что посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Подорвался на мине и один из наших связистов.

Во второй половине дня в прорыв, мимо нас устремились колонны танков 6-й гвардейской танковой армии. Нельзя было не залюбоваться их могучей поступью. И вообще, сражение 20 августа 1944 года, знаменитая Ясско-Кишиневская операция, вызвало в наших войсках большое воодушевление. Мы своими глазами увидели, какой несокрушимой мощью обладала наша Советская армия.

После 20-го августа Румынская армия разбежалась по домам. Гитлер лишился одного из своих главных союзников. Более того, четыре румынские дивизии стали вместе с нами воевать против гитлеровцев. Части одной из них частенько становились нашими соседями.

Для нас начался знаменитый поход войск 2-го Украинского фронта маршала Р.Я. Малиновского по Румынии. Шли чуть ли не круглые сутки. Поднимались в пять часов утра и шли целый день с двухчасовым дневным привалом на обед и с небольшими промежуточными привалами до десяти-двенадцати часов ночи. Уставшие до предела, валились, как мертвые, прямо на землю, а в пять часов утра снова двигались вперед.

Наш поход начался 21-го августа на севере Румынии, севернее города Яссы, а через неделю, 28-го августа, мы

уже были далеко на юге страны - в городе Бузэу. Совершив тяжелейший переход через Карпатские горы, мы 30-го августа оказались по другую сторону Карпат в городе Кимпина, в промышленном и нефтеносном районе Плоешти. За этот поход и овладение городом Плоешти 202-я дивизия была награждена орденом Кутузова 2-й степени, а нашему 645-му стрелковому полку присвоено звание Рымникский.

Нельзя не вспомнить добрым словом нашего командира батальона старшего лейтенанта Данилочкина, который в тяжелейшем походе был всегда с нами, шел пешком во главе батальона, а в боях проявил себя как храбрый офицер.

Новые ожесточённые бои начались уже в Трансильвании, в районе города Турда. Никогда не забуду день 3 октября, когда мы вели бои за три румынские деревни: Петрешти-де-Сус, Петрешти-де-Жос, Петрешти-де-Мижлок (Верхнее, Нижнее и Среднее Петрешти). В боях за эти проклятые Петрешти вышел из строя почти весь наш взвод связи. При минометных обстрелах погибли мои боевые друзья - связисты Собко, Лужанский и Коляда, многих ранило.

Связь с головной 1-й ротой наладить не удавалось. Комбат, что называется, «рвал и метал». Тогда наш командир взвода сам залег за телефонный аппарат, а мне приказал тянуть связь в роту. До расположения роты было около четырехсот метров, я их быстро пробежал, протянул провод, установил телефонный аппарат и, только командир роты успел переговорить с комбатом, как начался новый артналет. Командир роты осколком снаряда был убит наповал. Меня ранило в голову и правую руку, а плащ-палатка на мне была буквально изрешечена осколками снаряда. Отделался я легко - десятидневным пребыванием в санроте полка.

В конце октября мы уже были на территории Венгрии. Таким образом, для того, чтобы пройти всю Румынию с севера на юг и с юга на северо-запад, нам понадобилось два месяца. В маленькой же Венгрии ожесточенные бои шли шесть месяцев - с конца октября 1944 года до апреля 1945 года.

Находящаяся в самом центре Европы Венгрия очень своеобразная страна. Очень труден ни на что не похожий язык венгров, или мадьяров, как они сами себя называют. Конечно, мы быстро усвоили, что в отличие от румынской «цуйки», водка по-мадьярски называется «палинка». Но дальше этого дело не пошло. Одни наименования венгерских городов и сел чего стоят: Секешфехервар, Кишкунлацхаза, Кунсентмиклош - язык сломаешь.

В одном из первых боев на территории Венгрии нелепо погиб наш комбат старший лейтенант Данилочкин. Шел бой в районе города Ньиредьхаза. Когда вечером стрельба почти прекратилась, он пришел в нашу землянку и попросил полковых связистов соединить его с командиром или начальником штаба полка. Их не оказалось на месте, и комбат ушел, сказав, что скоро придет, так как ему обязательно надо дозвониться. Из штаба полка сообщили, что пришел начальник штаба, и я решил позвать комбата. Вышел я из землянки и увидел, что он лежит мертвый у входа. Какая-то шальная пуля угодила ему прямо в грудь.

После гибели Данилочкина остатки нашего 1-го батальона, понесшего большие потери, передали в 3-й батальон, которым командовал майор Яковлев - отличный командир, спокойный, уравновешенный, он очень чутко улавливал быстро менявшуюся в ходе каждого боя обстановку, четко отдавал приказы, никогда не терялся ни при каких обстоятельствах. С таким комбатом мы все чувствовали себя уверенно и спокойно. В 1993 году ветераны полка и дивизии поздравили проживающего в городе Курске подполковника в отставке Яковлева Григория Алексеевича с его восьмидесятилетием.

Очередные упорные многодневные бои развернулись на северо-востоке Венгрии в районе города Мишкольц и его пригороде Дьош-Дьор. Здесь был такой любопытный эпизод: вместе с КП нашего батальона расположился командный пункт командира батальона румын - майора Румынской армии, хорошо говорившего по-русски. Предстоял штурм бумажной фабрики, на которой засели немцы. Румынский майор жаловался нашему комбату: «Как я буду воевать, если у меня в батальоне осталось всего шестьсот человек?» Майор Яковлев

только усмехнулся - у нас в батальоне к этому времени и двухсот не набиралось.

В Дьош-Дьоре закончилась моя карьера связиста. Неожиданно меня перевели помощником к старшему писарю батальона Шовкоплясу. Оказалось, что накануне погиб в бою писарь Парицкий.

Не следует думать, что у писаря батальона или роты чисто канцелярские обязанности. Писанины, правда, было порядочно. Но нам почти ежедневно приходилось бывать в ротах, вести строгий учет личного состава, проверять списки раненых, убитых и, особенно тщательно, списки, так называемых, пропавших без вести. Ведь семьи пропавших без вести не получали никаких льгот и пособий. И бывали случаи, когда записанные в ротные списки как пропавшие без вести при проверке оказывались здравствующими в санроте полка или в медсанбате дивизии. А нередко доводилось занимать место в боевых порядках, особенно когда в батальоне не хватало бойцов.

Новая должность позволяла и требовала поближе познакомиться с личным составом батальона. В нашем 3-м батальоне среди рядовых солдат было немало интереснейших людей.

Тот же погибший Парицкий был ответственным работником одного из наркоматов Украины.

Связь с минометной ротой всегда обеспечивал пожилой телефонист рядовой Парасунько - ученый-филолог, доцент Киевского университета. Высокообразованный, культурнейший человек, он был настоящим интеллигентом. Не терпел никакой похабщины, мог часами очень интересно рассказывать об особенностях русского, украинского, английского и других языков.

Мой, как теперь говорят, «шеф» - старший писарь батальона Василий Степанович Шовкопляс - умница, мудрейший человек, с которым мы очень подружились, был юристом, членом Запорожской городской коллегии адвокатов. И все они ходили в рядовых солдатах не только потому, что не были военными специалистами, а, главным образом, потому, что проживали на оккупированной территории. Это была не их вина, а их беда, так как к таким людям, а их было великое множество, даже на фронте

относились почему-то настороженно, с каким-то непонятным недоверием. Трудно представить себе что-нибудь более нелепое.

Еще пример: как-то к нам в батальон прибыло пополнение из бывших моряков Черноморского флота, попавших в 1941-1942 годах в плен. Это были отличные солдаты. Испытав унижение и ужас фашистского плена, они в боях вели себя мужественно, дрались храбро, даже отчаянно. Но я не помню, чтобы кто-нибудь из них был представлен к награде, только уже после войны, на обратном марше, немногие уцелевшие были награждены медалями «За отвагу». Вины командования батальона в таких неприглядных фактах нет, видимо, это была установка «сверху».

А офицеры в батальоне были замечательные. Моим и Шовкопляса непосредственным начальником был начальник штаба старший лейтенант Феклин Михаил Иванович. Мы любили этого немного бесшабашного, никогда не унывавшего, очень толкового и знающего свое дело офицера.

Делил все тяготы фронтовой жизни с солдатами командир взвода связи лейтенант Старобинский.

Отличался в боях молоденький командир пулеметной роты лейтенант Хлынин. Ныне подполковник в отставке Александр Михайлович Хлынин - председатель совета ветеранов нашей 202-й стрелковой дивизии, проживает в городе Павловский Посад Московской области. Только благодаря его энергии и инициативе почти ежегодно проходят встречи ветеранов дивизии.

Отличался бесстрашием любимец солдат заместитель командира батальона старший лейтенант Носач. Высокого роста, в длинной кавалерийской шинели, с неизменной каской на голове и автоматом через плечо, он спокойно шагал по передовой и всегда появлялся в самых опасных местах. Молдавский учитель, он был кумиром большой группы прибывших в батальон молодых молдаван, плохо понимавших русский язык. Они с радостью выполняли указания и советы Носача, готовы были идти за ним, что называется, в огонь и воду.

Кстати, в батальоне и полку был полный интернационал. Большинство офицеров и солдат, в том числе Яковлев,

Феклин, Хлынин, Чернов, подлинный герой командир разведчиков - старшина с «говорящей» фамилией Бессмертный, были русскими; писарь Шовкопляс, связисты Парасунько, Коляда, Собко и многие другие - украинцы; командир взвода связи Старобинский, погибший командир роты Таганский, солдат Гуревич, тяжело раненый командир пулеметной роты 1-го батальона Бунгер - евреи; командир минометной роты капитан Зиберов - татарин; командир пулеметного взвода лейтенант Юлтыев - башкир; разведчик сержант Сулейманов - азербайджанец; Носач и большая группа солдат - молдаване и так далее. Среди солдат были грузины, узбеки, лезгины, кумыки и даже представитель далекого северного народа - манси. И жили, и воевали все дружно и сплоченно, и не было никаких различий по национальному признаку.

В ноябре 1944 года наш 645-й стрелковый Рымникский Краснознаменный полк был награжден орденом Богдана Хмельницкого.

2 декабря мы вступили в крупный промышленный центр на севере Венгрии - город Мишкольц. Здесь, в будничной обстановке, в домике, где мы с Шовкоплясом расположились вместе с батальонными и полковыми связистами, майор Яковлев вручил мне орден Славы 3-й степени и тепло поздравил с воинской наградой. Мы, конечно, надлежащим образом «обмыли» эту награду, благо «палинки» (водки) и вина в Венгрии было предостаточно. Мне хотелось узнать, за что именно, за какой конкретно бой меня наградили, так как формулировка приказа по дивизии «за мужество, проявленное в боях с немецко-фашистскими захватчиками» мало о чем говорила. Но это оказалось невозможным, так как представления на награды связистам оформлялись не в батальоне, а начальником связи полка. Только через 46 лет, в 1990 году, в книге «Четыре границы», написанной московским писателем Юрием Стрехниным - бывшим помощником начальника штаба нашего 645-го полка, вышедшей в 1989 году в издательстве «Советская Россия», я прочитал о том, как начальник связи полка капитан Голенок рассказывал автору книги: «Есть у меня такая пара: неразлучные телефонисты Левин да

Мишарин. Связь из батальона с ротами держали. Немец тогда, помнишь, в первом бою за Дьош-Дьор сильно по нам артиллерией бил. Провода осколками секло. Сколько эти двое попеременно под огнем бегали, связь восстанавливали! Побежал Левин в очередной раз - а провода целый кусок вырвало - не стянешь концы, Левин в руках зажал, ток через него идет. Так и лежал под разрывами, пока Мишарин с куском провода не подоспел. Герои.»

Оказалось, что за этим боем с КП батальона наблюдал командир полка подполковник Берестов и лично приказал предоставить к награде отличившихся связистов.

Прошу прощения за эту цитату из книги, я привел ее совсем не для того, чтобы похвастаться. При чтении этой страницы у меня возникло чувство какой-то досады. Ведь сколько было таких боев, ничуть не менее напряженных и опасных, когда за нашими действиями высокое начальство не наблюдало! И прошу поверить, что если бы нас при этом каждый раз должным образом отмечали, у меня и моих боевых друзей-связистов орденов было бы не меньше, чем у прославленных полководцев. Хочу сказать, что мужество, а часто героические действия рядовых солдат, отмечались далеко не всегда, Не слишком щедро награждали и офицеров рот и батальонов. Между тем, как я вскоре мог убедиться, на награды работникам штаба дивизии и более высоких штабов не скупились.

Дальнейший путь дивизии пролегал на запад. В конце декабря мы были уже в Чехословакии, в районе города Лученец. Трагичный эпизод произошел в новогоднюю ночь около села Бескупице. Только мы со связистами закончили оборудование землянки и приготовились отметить наступление Нового 1945 года, как раздалась неистовая пальба. Мы выскочили из землянки. Оказалось, что какая-то группа немцев, возможно разведчики, ворвалась в расположение КП батальона.

Комбат Яковлев быстро мобилизовал всех штабистов, организовал оборону. Мы открыли огонь из автоматов, винтовок, двух ручных пулеметов и очень скоро отогнали фашистов, но когда мы с Шовкоплясом и связистами возвратились в свою землянку, то увидели страшную картину: на земляном полу лежал связанный телефонным проводом и

заколотый фашистами полковой связист Нехта. Было до боли жалко этого безотказного и добродушного простого колхозника из Белоруссии, с которым мы вместе шагали по всей Румынии и Венгрии и вместе, как говорится, не один котелок каши съели.

В самом конце января, кажется 29-го, мы сдали свой боевой участок соседям, всю дивизию посадили на машины, и огромные колонны направились снова в Венгрию - в город Кишкунлацхаза, что в тридцати километрах южнее Будапешта.

Весь февраль 1945 года, пока шли ожесточенные бои за Будапешт, мы находились во втором эшелоне, пополнялись, приводили себя в порядок. Как-то в конце февраля старший лейтенант Феклин приказал мне отправиться в распоряжение строевого отдела штаба дивизии. Так сформировали группу около двадцати человек - и отправили в Будапешт, где мы должны были пройти комиссию и следовать в глубокий тыл, куда-то на Урал, в танковое училище. Согласия, разумеется, ни у кого не спрашивали.

В Будапешт пошли пешком. Почти половина из нас, десять человек, не прошли эту очень строгую медицинскую комиссию. Прежде чем возвратиться назад, мы решили побродить по городу. Будапешт очень красивый город. Правобережная его часть - Пешт - своими прямыми улицами и красивыми домами напоминает Ленинград. Очень красиво здание Парламента на берегу Дуная. Все великолепные мосты через Дунай были взорваны, и на левый берег, в Буду, мы не попали.

По возвращении в дивизию, которую мы еще застали в Кишкунлацхазе, нас в свои части не отпустили, а направили в роту охраны штаба дивизии. Так наступил очередной новый этап моей фронтовой службы.

Штаб дивизии обычно занимал часть или целую улицу в небольших городах или поселках. С обеих сторон улицы устанавливались шлагбаумы, у которых мы круглосуточно несли караульную службу. Охраняли мы и другие объекты штаба. Доводилось сопровождать командира дивизии полковника Хохлова на наблюдательный пункт, где он проводил большую часть своего времени, а также во время его посещений полков, куда он обычно ходил пешком.

Стрелковая дивизия - огромное хозяйство: три стрелковых полка, артиллерийский полк, истребительный противотанковый дивизион, рота связи, саперная рота, разведрота, большая служба тыла, медсанбат, даже своя хлебопекарня. Управление этой армадой, особенно во время боя, требовало не только знаний, умения, но и большой выдержки, и стоило огромного нервного напряжения.

Наблюдая нашего комдива, я невольно вспоминал слова героя замечательной повести Михаила Шолохова «Они сражались за Родину» Лопахина о том, что если бы его заставили принять командование дивизией - он бы поднялся на Кремлевскую стену и оттуда сиганул в Москва-реку. (Эта повесть печаталась в газете «Правда» летом 1943 года, и я ее читал вслух трактористам своей бригады). В конце войны полковник Хохлов Иван Михайлович стал генерал-майором. Ему было присвоено звание Героя Советского Союза,

Реже приходилось видеть командующего артиллерией дивизии полковника Дахновского. Герой Советского Союза полковник Федор Тарасович Дахновский прошел с дивизией весь ее героический путь с первого до последнего дня войны, с Северо-Западного фронта до Австрии. Он длительное время был почетным председателем Совета ветеранов дивизии, умер в Виннице три года назад.

Из командования дивизии чаще всего приходилось, естественно, видеть начальника штаба подполковника Юницкого, очень импульсивного и вспыльчивого человека. Судьба его была трагичной: во время боев у озера Балатон он ночью ехал на своей трофейной машине и не заметил, что мост через оросительный канал был взорван, и машина свалилась в канал. Утром машину из канала вытащили, но было уже поздно.

В начале марта закончилась, наверно, самая продолжительная для всей дивизии передышка за все годы войны. Вечером 7 марта вся дивизия, уже в составе 3-го Украинского фронта, снялась с места, совершила ночью почти 40-километровый марш на юг к городу Шольт, переправилась через Дунай и заняла оборону восточнее

озера Балатон, у памятных для ветеранов дивизии населенных пунктов Шиманторния и Цеце. И вовремя, так как в тот же день, 8 марта, части дивизии были атакованы танками противника.

Началось известное сражение у озера Балатон, где немцы сконцентрировали мощную группировку из одиннадцати танковых дивизий и стремились прорвать фронт, опрокинуть наши войска в Дунай и перейти в общее контрнаступление. Мы окопались у наблюдательного пункта командира дивизии в непосредственной близости от передовых позиций. Для солдат пехоты бои с танками - самые трудные и страшные. Во время танковых атак, которые следовали одна за другой, из головы вылетали все полученные наставления и уроки. Недаром Твардовский писал:

Что ж, в газете лозунг точен:
Не беги в кусты да в хлеб,
Танк - он с виду грозен очень,
А на деле глух и слеп.

То-то слеп, лежишь в окопе,
А на сердце маета:
Вдруг как сослепу задавит,
Ведь не видит ни черта.

Психологически очень трудно выдержать, когда прямо на тебя мчится стальная махина, да еще стреляет из пушки и пулеметов. Поневоле вспомнишь и гитлеровскую бабушку, и всех святых.

Целую неделю продолжались ожесточенные бои с танковыми армадами врага. Но на дворе стоял не 1941-й, а 1945-й год. Нас активно поддерживала авиация, волна за волной налетали наши штурмовики, бомбили и расстреливали фашистские танки. Вели прицельный огонь наши самоходки, раздавались мощные взрывы снарядов нашей тяжелой артиллерии. И хотя наши потери были большими и отдельным танкам удалось прорваться на позиции батарей артиллерийского полка дивизии, все атаки были отбиты. На поле боя осталось множество подбитых,

сгоревших и искореженных фашистских танков и самоходок.

А 19 марта мы сами перешли в наступление, совершили многокилометровый марш, обогнули с севера озеро Балатон и устремились вдоль его западного берега далее на запад. Большое и полноводное озеро Балатон - настоящий дорогой подарок природы для сухопутной Венгрии. Вдоль его берегов расположилось множество пансионатов, красивых вилл и дач местной знати. И вот эти благодатные места стали ареной жестоких боев.

Дальнейшее наступление развивалось стремительно. 30 марта мы вошли в приграничный город и вступили на территорию Австрии. Это было уже четвертое европейское государство, на территории которого довелось побывать в годы войны. И снова - очередное изменение в моей фронтовой жизни: вся наша рота в полном составе была в Сентготарде отправлена в 645-й полк, в мой родной 3-й стрелковый батальон. Радостной была встреча с Шовкоплясом, помощником которого я снова стал, со старшим лейтенантом Феклиным, с друзьями-связистами.

Отроги Альп в восточной Австрии - очень живописные и красивые места. Нарядными выглядели небольшие городки и деревни с чистыми ухоженными улицами и благоустроенными домами, нигде не видно было никаких разрушений, как будто войны не было вовсе. По горам и пригоркам были разбросаны усадьбы фермеров.

Здесь мы столкнулись с новым для нас явлением. В первые же дни, при подходе к одной из ферм, мы увидели на пороге дома группу женщин. Мы пытались обратиться к ним по-немецки, несмотря на наш скудный запас немецких слов. Вдруг одна из них как закричит по-украински: «Хлопчики, родненьки наши, та мы ж с Украины, с Полтавщины», и все они заплакали и бросились нас обнимать. Оказалось, что почти на каждой ферме батрачили наши женщины, угнанные из России, Украины, Белоруссии: мужчины же работали на рудниках, шахтах, оборонных заводах.

Как-то на одной из ферм, увидев, в каких скотских условиях содержали хозяева наших людей, которые зимой и летом жили в коровнике, мы тут же реквизировали у

хозяина пару упитанных лошадей, запрягли их в добротную повозку, навалили на нее всякой хозяйской одежды, разного скарба, продуктов и отправили женщин на восток - домой. Вряд ли, конечно, они на этой повозке доехали до Украины, но что было - то было.

Вообще к концу войны дороги Австрии были запружены толпами освобожденных из плена и неволи. Шли английские и американские летчики, французские и бельгийские солдаты, шли домой поляки, чехи, словаки, но больше всего было наших, советских людей. Наши сердца были преисполнены гордостью: мы наглядно убедились в правоте нашего дела, в нашей великой освободительной миссии, в том, что именно МЫ своим тяжелым ратным трудом принесли освобождение народам своей великой Родины, освободили от фашистской чумы народы всей Европы.

В апреле 1945 года Указом Президиума Верховного Совета СССР наша дивизия была награждена орденом Суворова 2-степени, а наш 645-й полк - орденом Суворова 3-й степени. Отныне мы именовались так: 645-й стрелковый Рымникский Краснознаменный орденов Суворова и Богдана Хмельницкого полк 202-й стрелковой Корсуньской Краснознаменной орденов Суворова и Кутузова дивизии. Почетные наименования, и мы ими, сказать по правде, гордились и гордимся сейчас.

За успешные боевые действия и освобождение городов Украины, Румынии, Венгрии, Чехословакии и Австрии дивизия шестнадцать раз отмечалась в приказах Верховного Главнокомандующего. Благодарности эти тогда высоко ценились, думаю, что они не утратили своей значимости и теперь. Я, как ценную реликвию, храню Грамоту с перечислением всех благодарностей Верховного.

8 мая мы вступили в крупный австрийский город Грац, а 3 мая мы узнали о подписании в Берлине акта о капитуляции германской армии. Трудно описать то ликование, которое началось в войсках, когда с быстротою молнии распространилась весть об окончании войны! Все выскочили на улицу, солдаты и офицеры радостно поздравляли друг друга, обнимались, целовались, многие

не скрывали слез радости. Началась и долго продолжалась оглушительная стрельба. Стреляли из всех видов оружия, кто из чего мог, - из винтовок, автоматов, пистолетов, даже из пулеметов и минометов. Самая жестокая и кровопролитная в истории человечества война закончилась. Мы были счастливы, мы свято верили в то, что отныне мир, счастье и всеобщее благоденствие навечно восторжествуют на земле. Увы, увы и тысячу раз – увы!

Не буду описывать обратный путь домой, который мы совершили пешком, походным порядком, снова через всю Венгрию и Румынию. Шли не спеша, все лето 1945 года, по пятнадцать-двадцать километров в день, с большими остановками. В населенные пункты вступали торжественно, под музыку полкового оркестра. Наконец, пройдя одну тысячу семьсот пятьдесят километров, мы 19 августа прибыли и обосновались в большом украинском селе, название которого я забыл, недалеко от города Тульчин.

Изменчивая ко мне солдатская судьба не обошла меня и на этот раз: на марше в Венгрии я получил приказ сдать свои нехитрые дела и отправиться в штаб полка. Так я стал писарем строевой части штаба полка. Моей обязанностью было составление и доставка в штаб дивизии строевых записок и ведение книги приказов по полку.

Вскоре был получен приказ о расформировании нашей дивизии. Было горько и обидно, хотя все отлично понимали, что большое сокращение армии необходимо и неизбежно. Приказ о расформировании моего 645-го стрелкового полка написан моей рукой, и, признаться, я плакал, когда писал его. Распростившись с товарищами, я 9 сентября отправился к новому месту службы - в 138-й отдельный гвардейский батальон связи, который располагался в городе Тульчин, в старинных Суворовских казармах. Батальон обеспечивал связь штаба корпуса со штабами дивизий и другими частями. Солидная структура батальона произвела на меня, бывшего связиста, должное впечатление: две кабельно-шестовые роты, телеграфно-кабельная рота, радиорота - это не взвод связи батальона!

Целый год прослужил я в этом батальоне, который весной 1946 года так же, как и штаб корпуса,

передислоцировался в красивый благоустроенный город Черновцы - областной центр северной Буковины, которая до войны входила в состав Румынии. Нас поразило, что по городу бегали троллейбусы, город совершенно не пострадал.

Но и батальон связи оказался не последним местом моей военной службы. В декабре 1946 года меня вызвал начальник штаба батальона майор Шойхет и объявил, что меня переводят в штаб 35-го гвардейского стрелкового корпуса, куда мне и надлежит немедленно отправиться. Я так никогда и не узнал, по какому принципу производились мои многократные и самые неожиданные перемещения и кто был их инициатором. Может быть, играло роль то обстоятельство, что в графе «образование» было записано: «окончил три курса Ленинградского политехнического института», но об этом можно только догадываться.

Штаб корпуса располагался в большом трехэтажном здании в самом центре города. Начальник отдела кадров штаба подполковник Поклонский объявил, что я назначен заведующим делопроизводством оперативного отдела, и что мне присвоено звание «гвардии старший сержант». Откровенно говоря, первые дни я чувствовал себя очень неуверенно. Ведь раньше для меня начальник штаба батальона был недосягаемым начальством, а здесь четыре генерала, все начальники отделов - полковники, самый младший офицер был капитаном. Освоился я довольно скоро, тем более что, как оказалось, высокие военачальники были обычными людьми, часто более доступными и внимательными, чем многие, гораздо более низшие чины.

Командиром корпуса был гвардии генерал-лейтенант Горячев Сергей Георгиевич - кадровый военный, прошедший всю войну, от первого до последнего дня. Командовал вначале стрелковой дивизией. В конце 1942 года был назначен командиром только что сформированного стрелкового корпуса и прошел с ним героический боевой путь от Сталинграда до Австрии. Войска 35-го гвардейского стрелкового корпуса отличились во многих сражениях Отечественной войны,

корпусу двадцать раз объявлялись благодарности в приказах Верховного Главнокомандующего.

Заслуживающими всяческого уважения полководцами, также прошедшими всю войну, «от звонка до звонка», были начальник штаба корпуса гвардии генерал-майор Шафаренко П. М., заместитель командира корпуса гвардии генерал-майор Колчук А.С., командующий артиллерией гвардии генерал-майор артиллерии Битюцкий А.С. Все отделы штаба были укомплектованы опытными боевыми офицерами.

Оперативный отдел, начальником которого был гвардии полковник Войтенко, ведал боевой и тактической подготовкой войск, планированием боевых операций.

Здесь я впервые по-настоящему понял, каким сложным является военное дело, какая серьезная и непростая это наука - управление войсками. Я увидел и узнал, как тщательно взвешиваются все обстоятельства - разведданные, соотношение сил, обеспеченность войск всем необходимым, рельеф местности и множество других факторов, прежде чем принимались ответственные решения и отдавались боевые приказы. Наступило мирное время, но штаб жил напряженной жизнью, часто проводились командно-штабные учения на разные темы, иногда с выездом на местность. Много делалось для совершенствования боевой подготовки дивизий и частей корпуса. Именно здесь я стал с большим уважением относиться к людям, избравшим своей профессией защиту отечества.

Как ценную реликвию храню грамоты с перечислением всех благодарностей Верховного Главнокомандующего т. Сталина. Сверхсрочную службу я закончил 29 августа 1949 года в г. Черновцы.

В 1951 г. приехал в пос. Водный, куда после окончания института была направлена моя жена Иванова Наталья Александровна. Работал инженером по технике безопасности, инженером-механиком, с 1960 по 1990 год – начальником, экономистом, инженером отдела сбыта завода «Прогресс».

Горжусь, что мой труд оценен коллективом завода. Я награжден знаком «Ударник 9-ой пятилетки», почетной грамотой Коми обкома КПСС за заслуги в хозяйственном и

культурном строительстве республики и активное участие в коммунистическом воспитании трудящихся (в ряды КПСС я вступил в 1945 году), юбилейной медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина» и другими знаками поощрения. Ветеран труда. У меня сын и дочь, трое внуков.

Считаю необходимым сказать несколько слов в заключении.

Да, мы свято верили, что после победы над фашизмом наступит счастливая жизнь для всех, всеобщее благоденствие.

Мы защищали свободу и независимость не каждой из республик в отдельности, а всех их вместе – единого и могучего Советского Союза. И мы, ветераны Великой Отечественной войны, должны со всей определенностью заявить, что Беловежский сговор, приведший к распаду великой державы, совершенный, без ведома народов, кучкой авантюристов для утверждения личной власти, является величайшим в истории человечества преступлением, которому нет оправдания.

Мы, старые воины, прошедшие через огонь и ужасы войны, многократно смотревшие в глаза смерти, - по натуре своей оптимисты. Мы верим, что трудовой народ разберется, наконец, что к чему, и настанут лучшие времена. Мы хотим быть уверенными, что наши дети и внуки снова смогут уверенно смотреть в будущее, что перед ними снова будут открыты все дороги, что они будут стремиться к знаниям, свету, овладевать мастерством и ценить труд.

Нас уже осталось немного, и большинство из нас одолевают недуги, заработанные, в основном, на полях сражений. Но оставшиеся силы и энергию мы должны посвятить тому, чтобы нести людям, нашей молодежи правду, добиваться того, чтобы кумирами молодежи стали Зоя Космодемьянская и Олег Кошевой, Фрунзе и Чапаев, Павка Корчагин и Александр Матросов, летчик Алексей Маресьев и разведчик Николай Кузнецов, Валерий Чкалов и Михаил Громов, челюскинцы и папанинцы, покорители космоса.

Заканчиваю призывом замечательного патриота, погибшего в фашистских застенках, чеха Юлиуса Фучика: «Люди, я любил вас, будьте бдительны!»

Ноябрь 2009 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказали помощь студентки 1-го курса факультета экономики и управления Ухтинского государственного технического университета.

Латюк Полина Валерьевна

и

Телегина Яна Николаевна

Максимов Илларион Архипович

Иди, проверь, может кто-нибудь живой остался

Я родился 27 июня 1924 года в деревне Кулущи, Республика Татарстан. По национальности татарин. Исповедал православие. Был комсомольцем в школе. Мой отец, Максимов Архип Васильевич, 1893 года рождения, работал ветеринаром в колхозе. Мать, Мария Павловна, 1892 года рождения, была колхозницей. В 1936 мать умерла, и отец женился на другой, на Евдокии Матвеевне.

До войны я окончил 9 классов татарской школы. Работал в колхозе, в поле. В июне 1941 года узнал о начале войны. К нам приехали военные на лошадях и сообщили, что началась война. 27 июня мне исполнилось 18 лет, а в начале июля я получил повестку из военкомата. После чего нас отправили в город Можга, республика Удмуртия, во второе московское пулеметное училище. Там проучился 6 месяцев (по январь). Оттуда отправили на фронт. Везли нас в Липецк через Москву. Там нас помыли, одели, накормили. После чего продолжили свой путь на фронт. Поздно ночью сначала ехали поездом, потом шли пешком до населенного пункта, где нас ждала походная кухня и весь состав полка.

Там нас накормили, дали по 100 граммов и зачитали приказ (1 марта 1943 года): «Овладеть, выбить немцев к 6 утра 2 марта». Нас построили повзводно, поротно. И мы пошли в

наступление. Ребята были веселые, шустрые. Погода была хорошая, теплая. Шли, шагая по 4 человека в ряду. После деревни прошли большой овраг. Поднялись наверх на чистое поле, ничего не подозревая. Наш 3 батальон шел завершающим.

Как только мы отошли от оврага метров на 100, по нам неожиданно открыли огонь. А с нашей стороны не было слышно ни одной команды и ни одного выстрела. Все были растеряны. А я побежал навстречу огню, но к счастью меня не задело - как будто в рубашке родился. Над нами кружили немецкие самолеты, которые потом полетели в сторону оврага. В это время я лежал на земле. Вдруг меня заметил фашист и открыл по мне огонь, но все было мимо.

Пролежав некоторое время, я полностью был накрыт снегом (снег в это время был крупным и липким). Я только хотел встряхнуться, как фашист снова открыл по мне огонь. Пролежав где-то час, я все-таки смог стряхнуть снег (немец, наверное, подумал, что я уже погиб). Вдруг с той стороны, с которой мы шли, я услышал команду: «Кто живой - ко мне!», я встал и побежал к командиру. Он сказал мне: «Иди, проверь, может кто-нибудь живой остался». Я подбежал к нашим ребятам и увидел только торчащие ноги из под снега. Все были мертвы. Как только я хотел вернуться к командиру, немец вновь открыл по мне огонь. Он продержал меня на прицеле до вечера.

Уже стемнело. Я приподнялся. Ни наших, ни немцев не было. Вдруг я увидел справа от меня идущего человека. Я узнал его. Это был мой товарищ по училищу (с Сергачевского района Москвы). С ним мы пошли обратно в деревню. Остановились у крайнего дома. Деревня - вся в огне, был слышен только треск углей. В этом доме мы нашли картошку. В каске растопили снег и сварили ее. Мы наелись, обсохли.

Во дворе этого дома стоял сарай. В нем, к удивлению, стояли две кровати с постелью. Видимо, здесь жил сам хозяин дома. Мы легли спать. Когда проснулись, услышали стук: по двери били прикладом. Моя кровать стояла как раз напротив двери. Я открыл дверь, это был наш сержант. Он сказал: «Быстро собраться!». Он смог собрать всего 5 человек и повел нас по той же дороге, по которой мы шли в наступление.

Мы остановились внизу, где кружили самолеты противника, похоронили погибших. С каждого погибшего солдата собрали медальоны, на которых была написана их личная информация. После чего отдали эти медальоны командиру. Вечером опять вернулись в деревню. Там нашли походную кухню (3 марта 1943 года).

Вдруг я заметил лейтенанта Владимира Васильевича Осипова который провожал нас в наступление. Он сказал, что никто за время нашего отсутствия не приходил покушать. Он сказал, что весь полк был расстрелян. Нас накормили и отвели в штаб полка. Там нас зарегистрировали и дали направление в 246-ю дивизию, 908-й стрелковый полк. Так я оказался на Курской дуге.

По прибытии на место мы начали строить оборону (апрель 1943). Такая крепкая оборона, что конца и краю не видать. Инструментов ни у кого не было, только одни саперные лопатки. Мы строили блиндажи, рыли зигзагами траншеи (примерно в рост человека). Помню, рядом с нами росло большое дерево. Возле него мы сделали пулеметную точку. Земля была твердая. Мы мучились, но рыли. С этой точки мы стреляли по противнику. Как-то раз немцы все-таки заметили нашу точку и стреляли по ней днем и ночью.

Наш командир раздобыл где-то пилу, и приказал нам спилить это дерево. Мы мучились, так как пила была не очень острая. Хотели свалить дерево на сторону фашистов, но оно упало прямо на нашу пулеметную точку. Под этим спиленным деревом мы отдыхали.

Как-то раз я уснул под деревом, прибежал Осипов и разбудил меня. Оказывается, на дерево упал снаряд и полностью разворотил его, а я даже ничего не слышал. Мне опять повезло! Кроме этого случая, снаряды еще несколько раз падали на наш блиндаж. Нас обстреливали весь день. Как по расписанию: утром, в обед, вечером. Сколько они ни стреляли, у нас не было ни одного убитого.

В то время, когда мы держали оборону, перед наступлением я написал заявление, чтобы меня приняли в партию ВКП(б) (в дальнейшем я долго был членом этой партии). В итоге мы прорвали оборону противника. Гнали немцев с азартом, на душе было так радостно. И вдруг мы услышали команду: «Назад!», что случилось, я не знаю.

Мы повернули и бегом назад. А немцы в ответ открыли из артиллерии по нам огонь. Снаряды падали как дождь. Справа от меня, в метрах 5-10, бежал Казаков Володя со своим расчетом. И по ним прямой наводкой попал снаряд. Убило всех. Даже никто не остановился помочь. Все бежали назад.

Мы остановились у опушки леса. Там нам дали отдохнуть. После чего мы пошли дальше. Вышли на широкую речку (300-400 метров), через которую проходил мост. По ту сторону стоял город. Я спросил у командира: «Что за город?» Он ответил: «Елец». Мы посидели у моста, погода была хорошая, теплая. Вдруг над нами пролетели немецкие самолеты и начали бомбить. Все бомбы упали в воду, но ни одна не взорвалась. Возможно, они до сих пор там на дне лежат. После чего мы спокойно перешли мост и пошли по дороге до леса. И там я получил ранение в руку и ногу (27 августа 1943). Лейтенант Осипов приказал солдатам оказать мне первую помощь, а сам лег на мое место, за пулемет. После чего меня отправили в медсанбат.

На этом фронт для меня закончился. В медсанбате мне сделали операцию и на полуторке повезли в госпиталь. Во время пути немецкие самолеты начали бомбить нашу колонну. Машины остановились. Ходящие больные разбежались по сторонам. А мы (лежачие, с ранением в ногу) остались в кузове машины. На наше счастье снаряд не попал в машину. После того, как самолеты улетели, мы возобновили путь.

Нас привезли в Подмосковье, город Дмитров. Госпиталь находился в церкви. Там я пролежал некоторое время. После чего нас отвезли в Оренбург (Чкалово) в госпиталь №4407. Там я пролежал долго (до июня 1944). Во время лечения перенес несколько операций. Я написал письмо в свою часть. Хотел опять попасть к ним. В ответе я узнал, что меня наградили медалью «За отвагу».

После выздоровления меня направили в Тоцкие лагеря. Там нас учили на артиллеристов. Я приложил все усилия, чтобы вновь не попасть в пехоту. В итоге меня направили в Львовский военный округ (запасной артиллерийский полк). Там мы уже обучали молодых. К тому времени я уже был сержантом, командиром отделения и командиром орудия 152-мм гаубицы.

С Львовского округа направили учиться в военно-политическое училище (1946). В училище не поступил. Оттуда нас отправили в Гороховецкие лагеря. В марте получил указ о демобилизации, но нас оставили для поездки на парад в Москву 9 мая 1947 года.

24 июля 1950 года я получил медаль «За отвагу» (№ 3435125). Вручили в военкомате Республики Татарстан. Кроме этого, у меня имеются другие награды: медали «За Победу над Германией. 1941-1945гг.»; «20 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»,»; «30 лет Победы в Великой Отечественной Войне 1941-1945 гг.», «25 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «60 лет Вооруженным Силам СССР», орден Отечественной войны 1-й степени (№2023406).

Октябрь 2009 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказали помощь студенты 1-го курса нефтегазо-промыслового факультета Ухтинского государственного технического университета

Ковалев Николай Викторович

и

Баширов Фарид Довлат-оглы

Мисихина Лидия Федоровна

Увидела ту же картину: кусок гимнастерки, ботинка, тела

Я родилась в 1925 году в Орловской области в селе Теляжьем (колхоз имени Володарского) Верховского (Русско-Бродского) района в трудолюбивой семье колхозников. Шел 1925 год. Не лучшее было время для землепашцев. Но как бы ни было трудно родителям, дети росли, играли, резвились, помогали по хозяйству старшим. Потом пришла пора идти учиться в школу.

Я училась в девятом классе, когда началась Великая Отечественная война. В один из дней я пошла в лес за дровами, по возвращении домой узнала о начале войны. Тогда мы все очень быстро повзрослели: пришлось самим убирать урожай и работать в колхозе.

К осени 1941 г. очень многих эвакуировали, а наши войска отступали. Шли напряжённые бои, снаряды гремели так, что земля около нашего колодца постоянно дрожала от разрывов бомб.

Когда шел бой за наше село, раненый в ногу боец выполз из-за дома колхозницы. Рядом с домом стояли немцы и разговаривали. И тогда выскочила из шалаша Осминина Дарья Тимофеевна, женщина 45-ти лет, подхватила этого бойца и

спрятала его в шалаше, так быстро, что немцы не успели даже этого заметить.

Дарья Тимофеевна его переодела в гражданскую одежду и только на следующий день сама отвезла на санках раненого в воинскую часть с документами. Боец и его мать всю войну писали письма колхознице. Когда прогнали немцев из села, мы не знали, на чей территории мы живем: немцев или наших.

20 ноября 1941 года немцы оккупировали наше село. В районе Русский Брод они повесили 13 крестьян, думали, что это партизаны и очень долгое время не давали их похоронить. В зелёных шинелях, в блестящих сапогах ходили, катали хлеб по земле и ехидно хихикали «Сталин-чай! Сталин-чай!» - так они называли русский фруктовый чай. Но уже через месяц, в один из морозных дней, немцы возвращались обратно, надев на себя все вещи, которые только нашли, даже женские.

Я была самая грамотная в селе, и меня выбрали бригадиром, а подругу – бухгалтером. Тяжёлое было время, приходилось выполнять все работы самим. Работали в колхозе. Все делали руками и лопатами, так как даже лошади были эвакуированы.

В конце июля 1942 г. я добровольно подала заявление в армию. Несколько месяцев мне никто не отвечал, но 3 декабря того же года я получила повестку прийти в сельсовет. Прошла комиссию, дала присягу на верность Отчизне в стенах любимой школы. И нас, бывших школьниц, распределили по воинским частям.

5 декабря я получила красноармейскую книжку и стала красноармейцем 413-го стрелкового полка 73-й стрелковой дивизии 48-й армии. Тогда это был центральный полк. Стояли в обороне, наверное, до мая, а потом нас стали забирать: началась Курская битва. Там я уже была связистом со стажем, постоянно восстанавливала линию связи.

Однажды, исправляя линию связи (много линий шло), я встретилась с парнем-артиллеристом. Я свою линию исправила и пошла, а он еще остался. И вдруг запахло жареным. Дым! Взрыва я не услышала, потому что близко не слышно. Я подошла и вижу: ботинок, кусок гимнастерки, кусок какого-то тела, то есть в него прямой наводкой попал снаряд.

Вспоминаю, как в боях за Украину в 12 часов дня при блестящем солнце наши части форсировали реку Десну. Немцы не ожидали от нас такой наглости. Они стояли на пригорке в Новгород-Северском (Черниговской области) и даже не подумали, что внизу Красная Армия. А потом они одумались, и начался такой сильный обстрел.

Мы заняли маленький плацдарм, неделю нам не могли провезти еду – старшины, доставляющие питание все время погибали. Мы что было, доедали, потом глушили в озерах рыбу и без соли ее ели. Сырую. Но однажды пробрался старшина. Его фамилия – Лещенко, мужчина лет 45, он привез нам письма и хлеб. На следующий день он опять привёз еду.

Я пошла вдоль линии связи. Вдруг начался обстрел, я упала в траву, а он подумал, что меня ранило или убило. Солдат, который шел навстречу, послал наших ребят за мной. Я пришла, а Лещенко мне сказал: «Господи, ты живая! Я так испугался, думаю, такое дитя совсем не видело жизни, погибло». Вот так поговорили с ним. А через день, наверное, пришёл другой мужчина - принёс нам еду. Я спросила, где Лещенко. Он ответил, что Лещенко убили, когда он возвращался. Он меня-то жалел, а самого у него было 5 или 6 детей на Украине.

Когда мы стояли на пойме реки Десны, ячейку выкопать почти невозможно было, потому что сырая земля. Недалеко от меня была ячейка нашего связиста Тригера. И когда опять начался обстрел, опять та же история: запахло жареным, дым. Когда все развеялось, посмотрела в ячейку и увидела ту же картину: кусок гимнастерки, ботинка, тела. За время войны я видела два прямых попадания в тело человека. Можно себе представить, какой плотности был обстрел.

После Десны мы прошли с боями по Украине и перешли в Белоруссию. Остановились в обороне на реке Сож, недалеко от Гомеля. Там мы стояли тоже, наверное, недели две в низине, а немецкие окопы были наверху, и им было удобно обстреливать наши боевые порядки.

Там погибла моя подруга - Галя Чемергалиева. Она татарка, звали ее Гульсум по-татарски, а мы ее звали Галей. Мне ее было очень жаль. Она пошла исправлять линию, мина разорвалась, она получила 21 ранение. И настолько была

молодая и сильная, что еще оставалась некоторое время в сознании.

Через 2 недели пошли в наступление, подготовка была минут 55, это обстреливали наши войска немецкий передний край. И когда уже можно было пройти к немецким окопам, их траншеи уже сравнялись с землей, откуда торчала рука, откуда нога, откуда кусок чего-то - их хорошо накрыло. Так мы двигались до 1944 года до самого Бобруйска.

Через переправу реки Сож проходило много линий связи, и когда шли, думали, что лишь бы не ранило, лишь бы не свалиться в эту свинцовую воду. Всегда было страшно, что при малейшем ранении можно было упасть и погибнуть. Когда мы после Десны перешли на территорию Белоруссии, на пути был город Речица. Первое что мы увидели при вступлении в город, это была виселица. На ней висело 3 парня партизана. Фашисты их только повесили, у них на щеках еще даже сохранился румянец.

В 1941 году мой брат отступал из этого города. Когда ночью мы форсировали Днепр (пока разведка еще переправу не нашла), погиб наш командир батальона Сгибнев. Он упал из лодки, а плавать не умел, солдаты кинулись в холодную воду, но не смогли его найти в темноте. Только несколько раз услышали его крик «Спасите! Я Сгибнев».

Перешли мы Днепр ночью, а утром немцы пошли в наступление, в атаку. Но разведка к тому времени нашла переправу. И мы уже отступали снова в холодной воде. И когда мы снова пришли в деревушку, из которой наступали ночью, хозяйка затопила солдатам печку, они сушили одежду, а мне сказала греться на печке с её детьми.

У нас был связист Смолин, который написал стихи в дивизионную газету «На смерть комбата». Домой он отправлял письма такого рода: «Жив, здоров, не болен. Владимир Смолин». Мы ему говорили, что мать ведь хочет подробнее. А он отвечал, что ей важно, чтобы сын был здоров.

Потом было наступление, и уже форсировали Днепр по переправе. Летом Бобруйск, город деревянный, был в окружении. Мы шли в жару, на улице по обе стороны горели дома, нечем было дышать: сверху солнце, внизу огонь и дым.

Когда прошли Бобруйск, увидели огромную колонну пленных немцев. Они были окружены нашими войсками и

шли с поникшими головами. После Бобруйска мы с боями продвинулись до Западной Белоруссии и пришли в Польшу где-то в начале 1944 года или 1945, точно не помню. И там были бои. Потом наша армия пошла на Кенигсберг.

21 февраля 1945 г. в бою за железнодорожную будку, которая была недалеко от Кенигсберга я и два моих товарища – Лазарев (1926г.р.) и Бабенко (1927г.р.), тянули связь за наступающими войсками. Они никогда не курили и никогда не брали 100 граммов. Все это отдавали старшине, а старшина - солдатам. И говорил: «Вот бы нам побольше таких». И нас троих тогда ранило - снаряд ударил в корень дерева. Красивому Бабенко разбило нос, Лазареву поранило ногу, а меня ударило осколком в глаз!

Поскольку ранение было сквозное, привезли меня в санбат, и определили в глазное отделение. Пока лежала на нарах, Лазарев и Бабенко ругались, что нас нельзя распределять в разные госпиталя - мы из одной части. Когда врач посмотрел, что у меня еще были мелкие осколки, он спросил, сколько мне лет. Узнав, что 19, решил не оперировать, чтобы осколки вышли сами. Они выходили до сентября 1945 года.

После выхода из госпиталя, где-то в апреле, я была уже в другой части. Эта часть работала по Потсдамскому договору: разбирала аэропорты, заводы и отправляла в СССР. Каждому была определена территория. Здесь я пробыла до самой демобилизации – до 5 сентября 1945 года.

Поезда по Германии не ходили, мы шли пешком до территории Польши. Когда мы проехали Западную Белоруссию, возвращались домой по району, где еще были бандеровские подразделения, которые взрывали поезда. И бомбежки были, и минометные обстрелы. А на территории Восточной Белоруссии на 5-6 км была река, и ни одного дома - все было сожжено, кое-где стояли только трубы, на которых сидели кошки. Но какое же это счастье было, когда мы оказались в своей стране!

Первую свою награду медаль «За боевые заслуги» я получила в 1943 году, мы стояли на реке Сож. Вручение происходило ночью в штабе полка, потому что днём невозможно было этого сделать из-за обстрелов.

Вторую свою медаль - «За отвагу» я получила за участие в боях в Белоруссии. Зимой 1944 г. мне был вручён орден Отечественной войны 2-й степени. Орден Красной Звезды я получила в Ухте в 1957 г., к тому времени я уже была замужем и сменила фамилию, поэтому меня долго разыскивали. Хотя сами материалы о награде были посланы в 1945 году за бои за Кенигсберг. Столько лет меня искала моя награда! А совсем недавно в ноябре 2009 года благодарная Белоруссия прислала медаль «За освобождение Белоруссии от немецко-фашистских войск».

Кроме боевых наград у меня есть юбилейные награды: медаль «За Победу над Германией» и орден Отечественной войны 2-й степени. Также есть награды за трудовые заслуги - две медали «За доблестный труд».

Декабрь 2009 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказали помощь студентки 2-го курса факультета информационных технологий Ухтинского государственного технического университета

Никитенко Оксана Андреевна

и

Батманова Екатерина Сергеевна

Морозов Михаил Михайлович

Только 12-го мая 1945 года мы закончили войну

Я родился в 1925 году в Краснодарском крае, в Туапсинском районе, в местечке Новомихайловском.

21 июня 1941 г. я сдал последний экзамен. Окончил 7 классов с отличными оценками, а 23 июня узнал, что началась война. И 6 мая 1943 года меня призвали в армию.

Призыв был из Томской области, поселка Пудино. Отправлять меня в армию было проблемой. Ни одеть, ни обуть было не во что. Хлеба тоже не было, а в повестке указывалось, что требуется на неделю обеспечить призывника продуктами питания. При абсолютном отсутствии в колхозном амбаре зерна (кроме семенного) все же нашли выход. Дали матери отруби, которые предназначались для кормления колхозной лошади - резерва Красной Армии. Каким образом ей удалось из этих отрубей сотворить подобие лепешек - я не знаю. Вот с этими лепешками и картошкой в мешке я и отправился на защиту родины.

Проводить меня до военкомата вызвался младший брат, которому шел четырнадцатый год. Предстояло преодолеть 18-километровый путь по размокшей грунтовой дороге босиком: надеть на ноги было нечего.

Пройдя километров пять-шесть, мы решили перекусить. Перекусив, двинулись дальше. Не дойдя до пункта назначения

километра три-четыре, я почувствовал, что меня покидают силы. Подламываются ноги, слабеют руки. Позади плетется брат.

Решив, что он тоже устал, хотел сказать, мол, давай отдохнем. Но у меня ничего не получилось. Язык онемел, не могу произнести ни слова. Брат тоже что-то хочет мне сказать, но и у него ничего не получается. Валимся на землю. Сил для дальнейшего движения нет. Так пролежали три часа.

Смотрим, едет мужик на повозке в нашу сторону. Остановился. Спрашивает: «Что случилось?» Мы ничего не можем толком ответить. Погрузил он нас на повозку и повез в райцентр, где находился военкомат. Там сгрузил нас на колхозном базаре и уехал. Проведя ночь на этом базаре, мы немного очухались к утру и направились в военкомат.

Через неделю после прибытия в военкомат нас, призывников, погрузили на баржу, вывозившую зерно для нужд фронта. При сплаве баржи по течению реки предстояло находиться в пути в течение месяца. В пункте погрузки нам предложили: кто хочет заработать зерна на дорогу, приглашаются на загрузку баржи зерном.

Не имея еще полных восемнадцати лет от роду, я вынужден был целый день таскать на баржу мешки весом по восемьдесят килограмм и за это получил один котелок зерна. Потом все это зерно я варил на костре. Это спасло от голодной смерти, пока добрался до воинской части. В пути баржа часто застревала на мелководных участках. Нужно было часть мешков выносить на берег, затем грузить их обратно и потом уж двигаться дальше. За это я получал полкотелка зерна.

В устье притока, где расположен сейчас город Парабель, нас перегрузили на теплоход. Причем не в каюты, а в трюм, где находились бочки с соленой рыбой. На бочках мы и дневали, и спали, и использовали их содержимое для питания. Длинная голодная дорога привела нас в 22-й запасной полк практически голыми. Правда, штаны мы не проели. Остальную одежду по пути следования променяли населению на продукты. Мне больно было расставаться со штанами, когда поступила команда старшины снять их и сдать в каптерку. Ведь мать для отправки меня в армию на последнюю картошку выменяла эти штаны у латышей. Однако

разрешалось, кто желает, отправить личные вещи домой. Ведь там оставался оборванный мой младший брат.

Мы, бывшие ученики-одноклассники, по прибытии в запасной полк почти все были определены в одну роту - роту минометчиков, поэтому всячески старались помогать друг другу и с нетерпением ждали отправки на фронт, чтобы спастись от голодной смерти в расположении полка.

Наконец дождались. Нам выдали новое обмундирование, погрузили в телячьи вагоны (по тридцать-сорок человек) и поехали. Дорога была тяжелой. Питались в основном сухим пайком. За два месяца в пути покормили нас горячей пищей только в Омске, Свердловске, Москве и Туле. Конечно, этого сухого пайка нам не хватало. Поэтому на каждой станции, где останавливался наш эшелон, мы меняли обмундирование на хлеб, другие продукты, а когда уже нечего было менять, врывались на железнодорожных станциях на базары, хватали у продающих с полок все, что попадалось под руки. Конечно, за такие деяния часть солдат снимали с эшелона, а что было с ними в дальнейшем, можно только догадываться (за мародерство карали жестоко).

Все мы были из поселков таежной глухомани, ничего подобного не делали и даже не знали, что такое возможно. Мародерством занимались солдаты, призванные из городов или ранее судимые. Поэтому нашему вагону на станциях, где пополнялся запас продуктов для эшелона, доверялось ходить на склады и доставлять продовольствие в командирский вагон.

Был такой случай. По прибытии эшелона на станцию Чаны Новосибирской области солдатами эшелона была разграблена камера хранения. Время было ночное. Эшелон арестовали и не выпускали, пока не произвели обыск наших вагонов. Солдаты выходили из поезда, и железнодорожная комендатура начинала обыск. В поездах оставались только дневальные. В одном из вагонов при обыске на нижних нарах лежал солдат, накрытый шинелью, в ботинках. Спрашивают у дневального: «Почему не вышел из вагона?» «Это больной», - отвечает дневальный. Дают команду больному подняться. Он лежит. Снова команда - лежит. Стаскивают с него шинель, а под ней в солдатских ботинках лежит живая, с закутанной мордой, коза. Украли солдаты козу из сарая железнодорожного рабочего. Нашла комендатура все

похищенное и исполнителей грабежа арестовала. В дальнейшем туда, где предполагалась остановка эшелона, по железнодорожной связи шло предупреждение для жителей, чтобы те уходили с базаров.

Я был по званию рядовой, наводчик противотанкового орудия 189-го отдельного истребительного противотанкового дивизиона 202-й стрелковой дивизии, пулеметчик 93-й и 86-й дивизий в составе 1-го, 2-го 3-го Украинских фронтов.

В октябре мы прибыли во фронтовую полосу под Киев. В одном прифронтовом населенном пункте нас распределили по воинским частям. Я оказался в 189-м отдельном противотанковом дивизионе 202-й стрелковой дивизии. Определили меня подносчиком снарядов, но когда начался бой, мне пришлось самому быть и подносчиком, и заряжающим, и наводчиком.

Первое боевое крещение я получил в боях при окружении и уничтожении Корсунь-Шевченковской группировки фашистских войск. Эта операция проводилась с конца декабря 1943 года по 18 февраля 1944 года.

И вот идут фашистские танки, идет вражеская пехота. Уже подбито несколько танков противника. И вдруг три орудия из батареи замолчали: орудия разбиты, осталось одно наше. У орудия - я один, командир вернулся позднее. Веду огонь, а попасть не могу. Первый бой, один у орудия, нет боевого опыта, но есть приказ - ни шагу назад! Танк продолжает вести огонь по моему орудию, я по танку. В этот момент вдруг появляется командир орудия с перевязанной рукой и начинает корректировать мою стрельбу. Вражеский танк произвел два выстрела с недолетом и перелетом снарядов, следовательно, очередной снаряд должен был попасть в мое орудие.

Командир дал команду: «Морозов, в окоп!» Я прыгнул в окоп, раздался взрыв, меня засыпало. Спасло от удушья то, что вперемешку с землей были доски разбитых ящиков и снарядные гильзы. Командир откопал меня. Начало темнеть. Бой прекратился. Обе стороны заняли оборонительные позиции. К утру 18 февраля 1944 года вся колонна фашистов была разгромлена.

После разгрома Корсунь-Шевченковской группировки немецких войск мы преследовали врага. В одном из

населенных пунктов меня вызвали в штаб, где вручили медаль «За отвагу».

В 1984 году, когда я приехал на встречу однополчан, то попытался узнать, жив ли мой бывший командир орудия, старший сержант Карнилов, но услышал печальную весть, что в 1944 году в боях под городом Клуж, в Румынии, он погиб от прямого попадания снаряда в окоп. Всю жизнь я благодарю этого человека, спасшего мне жизнь.

Наша 202-я стрелковая Краснознаменная Корсуньская орденов Суворова и Кутузова дивизия наступала в направлении на город Умань, Могилев-Подольский, Еденцы, расположенный на границе с Румынией. Наступление наше было настолько стремительным, что через месяц, после разгрома фашистов под Корсунь-Шевченковским, мы вышли на государственную границу с Румынией. По пути наступления мы видели разрушенные, сожженные села Украины, братские могилы наших солдат. С конца декабря 1943 года до конца марта 1944 года мы постоянно были в боях. 24 марта 1944 года заняли город Могилев-Подольский.

Старшина дивизиона, зная, что мы уже несколько месяцев не мылись, разыскал в городе баню и предоставил нам такую возможность. Только мы расположились в бане, как слышим крики на улице. Кто-то забегает и сообщает: «Горим». Выскочили голые в предбанник, некоторые во двор. И видим, что вовсю горит прожарочное помещение, где прожаривалось от вшей наше обмундирование. Остались мы только в шинелях и ботинках. Запасного обмундирования в дивизионе не было. Командир дивизиона, понимая, что ожидать подвоза нового обмундирования бесполезно, а утром следующего дня надо продолжать наступление, решил обратиться к жителям за помощью. Набрали мы разной одежды, сколько могли, принесли в дивизион. Старшина начал раздавать барахло, при раздаче я оказался последним. Мне досталось трикотажная женская комбинация серого цвета. Надел я ее, поверх - шинель. И в такой форме простоял всю ночь у орудия.

Утром говорю старшине: как же я буду освобождать Молдавию без штанов? Он посмотрел на меня и отвечает: «У тебя есть нитки и иголка. Бери вот здесь, между ног, зашей и надевай. Будешь как в трусах». Утром мы вступили на землю Молдавии, и весь путь я проделал в этом одеянии, а когда

вышел на реку Прут, представилась возможность сменить его. Мы взяли в плен румынских солдат, раздели их и надели их обмундирование.

В этих боях под городом Яссы нас бросали то на один, то на другой участок фронта. Были там и трагические, и смешные эпизоды.

Расположили мы батарею на одной из высот, ждали контратаки немцев. Вдруг одному из наводчиков орудия, по фамилии Тупица, срочно потребовалось отхожее место. Голая местность. Туалетов на фронте не строили. Он вылезает из окопа, снимает штаны, поворачивается задом в сторону противника и делает свое дело. Не успел он его завершить, как на наши позиции посыпались немецкие мины. Он, с голым задом, падает сверху в окоп. Уже в окопе натянул штаны. Командир батареи потом грозил ему расстрелом за нарушение маскировки боевых позиций наших орудий блеском на солнце голого зада. Мы потом долго смеялись над ним.

14 мая 1944 года в бою при очередной контратаке вражеская мина нашла и меня. Я получил ранение в обе ноги. Положили меня в госпиталь. Когда лежал в ожидании операции по извлечению осколков, очень тяжело на меня действовали крики и стоны раненых в операционной палате. Пришло время, и меня перенесли туда. Раненых было очень много, и медперсонал не успевал их оперировать. Положили меня на операционный стол, привязали веревкой. Четыре медсестры прижали за ноги и за руки, а хирург приступил к работе. И я тут понял, почему кричали раненые в операционной палате. Хирург начал извлекать осколки без обезболивания: не хватало обезболивающих средств. Наконец зашили раны, и кончились мои мучения на операционном столе. Через какое-то время меня эвакуировали сначала в прифронтовой госпиталь, потом дальше в тыл. Основное лечение проводилось в госпитале, который располагался на станции Знаменка. Мне пришлось выдержать две операции. Резали так же - по живому. Раны не заживали, а загнивали, в них заводились черви, хирург обрезал гнилое мясо и снова зашивал рану. Я боялся, что и в четвертый раз будут резать и зашивать по живому телу. Но все обошлось. Хотя и медленно, но раны начали заживать.

По мере выздоровления меня продвигали ближе к фронту. Со Знаменки перебазировали в город Тульчин, затем в Кишинев, затем в город Бельцы Молдавской ССР. Из города Бельцы отправились на фронт. Я оказался в 93-й стрелковой дивизии, которая вела бои в Югославии. Так завершилась моя служба в 202-й дивизии. По завершении разгрома фашистских войск в Югославии дивизию пешим маршем направили в Венгрию на окружение и уничтожение Будапештской группировки немецких войск.

Вечером, войдя в один из населенных пунктов, командование решило дать возможность солдатам часа три-четыре передохнуть. Наш взвод разместился в одном из домов мадьяра. Пока не подъехала походная кухня, мы, я и второй номер пулемета, без разрешения командира пошли в соседний дом, попросить у мадьяр сала или окорока. Зашли в дом, сидят женщины, дети, из другой комнаты выглядывают два молодых мадьяра. Мы пытались объяснить, что мы хотим. А они нас не понимают; двое мадьяр вышли из комнаты и начали приближаться к нам: один с одной стороны, другой с другой, и в этот момент открывается наружная дверь и появляется наш командир с солдатами. Сходу он влепил нам по шеям и вытолкал на улицу. Когда нас поставили под ружье, командир объяснил, что могло быть с нами: мадьяры нацелились схватить нас и там прикончить. Сжалился командир взвода, снял нас из-под ружья.

Ближе к Будапешту начали вести бои, взяли города Секешфехервар, Бичке, другие населенные пункты. В период контрнаступления немецких войск, 21-26 января 1945 года, дивизия вела бои на рубеже Пазманд-Каполнаш-Ниек. Часть тыловых подразделений дивизии была размешена в селе Вереб. В этом селе гитлеровцы захватили 39 раненых бойцов и офицеров Красной Армии. Озлобленные неудачами и большими потерями, фашистские изверги из дивизии «Мертвая голова» учинили расправу над нашими ранеными боевыми товарищами. Они затащили их в кузницу и на наковальне разбили головы кузнечным молотом, некоторым воинам выкалывали глаза, отрезали носы, уши, вырезали на теле пятиконечные звезды…

В декабре наши войска замкнули кольцо окружения Будапештской группировки немецких войск. Наша дивизия

расположилась на внешнем фронте окружения. И опять начались кровопролитные бои. Днем шел мокрый снег, а ночью мороз до двадцати градусов. Шинели и обмундирование промокли, ноги мокрые. Погреться негде.

Я с пулеметом расположился на одной из высот под городом Бичке. Фашисты вели обстрел города и наших позиций день и ночь. С трудом нам удалось вырыть неглубокий окоп. Ночью с поля принесли кукурузные стебли, чтобы немного прикрыть окоп, хотя бы от снега. Прожил я в этом окопе до 14 января 1945 года, когда нашу дивизию сменила какая-то другая часть. Представилась возможность зайти в мадьярскую хату, посушиться, погреться после полуторамесячного пребывания в окопе. Но напрасно я радовался. Как только я снял ботинки, размотал мокрые портянки, ноги охватил нестерпимый жар. Ощущение было такое, будто они в кипятке. Ноги так горели, что я не выдержал, начал кричать. Командир взвода внимательно осмотрел мои ноги и тут же дал команду старшине немедленно отправить меня в медсанбат: ноги оказались обморожены.

Утром я был в госпитале, потом нас погрузили в автомобиль и отвезли в другой госпиталь. Забежал старшина и дал команду: «Кто может, выходите во двор, поедем дальше». Я сполз с нар на пол и на четвереньках пополз во двор.

Обоз двигался к Дунаю, чтобы переправить раненых через реку на противоположный берег. К вечеру мы достигли берега Дуная. Нас сгрузили на снег. Через Дунай раненых должен был перевозить катер Дунайской флотилии. Вот катер сделал первый, второй, третий рейс. Никто нас не грузит. К нам приближались немцы.

Я решил на четвереньках по снегу ползти к причалу. Подошел очередной катер, бросил трап на берег, я полез по трапу и был сбит офицерами и солдатами тыловых частей. Я опять делаю попытку заползти на трап. И снова меня пытаются сбить. Но на этот раз меня спасли медсестры, которые находились на катере. Они заметили, что я делаю уже третью попытку забраться на катер. Одна из сестер взяла автомат, и как только начали сталкивать, закричала: «Назад! Если вы не пропустите этого солдата на катер, буду стрелять!» И тут они вдвоем подхватили меня и затащили с трапа на борт

катера. Это был последний рейс. Минут через пятнадцать после нашего отправления к берегу подошли фашисты. Все раненые на берегу были зверски ими уничтожены.

В дальнейшем мое лечение проходило в госпитале, располагавшемся в городе Кечкемете. Продолжались мои мучения от нестерпимого жжения ног. Постепенно пузыри на ногах начали лопаться. Лечащий врач осмотрела мои ноги и сказала, что через недельку она меня выпишет. Пришел день выписки на фронт. Через два дня мы, группа выздоровевших солдат, пешим маршем прибыли на фронт. Формировочный пункт располагался на западной окраине Будапешта. Я не попал в свою 93-ю дивизию, а направили меня в 86-ю гвардейскую стрелковую дивизию.

Ночью, где-то 15-го или 16-го февраля 1945 года, по прибытии в место расположения штаба дивизии адъютант долго водил нас по домам, все дома были переполнены военными. Тогда он решил привести нас в дом, в котором располагался командир дивизии. Завел в прихожую (генерал уже спал) и приказал, чтобы мы без шума устроились за печкой до утра, а утром, сказал, уйдете.

На рассвете проснулись. Повар командира дивизии начал готовить в печке завтрак генералу. Мы сидели позади печи, за занавеской. Продуктов у нас не было. Сидим голодные, как волки. А тут идет расчудесный запах готовящейся пищи. Повар начал печь пирожки и складывать их в чашку, стоявшую за занавеской, где располагались мы. Смотрю: ефрейтор берет пирожки из этой чашки, ест сам и мне подает. Я ему говорю: «Что ты делаешь? Нас же сейчас генерал расстреляет за мародерство». Он улыбнулся и говорит: «Главное, Миша, поесть сейчас, а там пусть расстреливают». Повар пирожки печет, бросает в чашку, а он берет и все подает мне.

Слышим, повар разговаривает с генералом. Тот спрашивает у него: «А что у нас на второе?» «Пирожки с мясом, товарищ генерал!» - отвечает повар. «Ну, неси, попробуем», - говорит генерал. Повар подходит к чашке, а там пусто. Он, конечно, «перекрестил» нас мыслимым и немыслимым русским «фольклором» и пошел докладывать генералу. Слышим, как доложил. Генерал спрашивает:

«Откуда солдаты?». Он объяснил, что адъютант ночью привез пополнение. «Ну-ка, веди их сюда», - сказал генерал.

Заходим в комнату, ефрейтор по все правилам докладывает генералу: «Ефрейтор такой-то, солдат такой-то по Вашему приказанию прибыли!» Генерал встал из-за стола и говорит: «Молодцы, не растерялись. Эти ребята и в бою не подведут! А ты, Ваня (так звали повара), если бы оказался на передовой, наверняка стал бы «языком» для немцев. Даже пирожки прохлопал». Скомандовал нам: «Идите!» Мы пошагали во двор, где нас ждал новый командир взвода.

Прибыв на передовую, мы получили ручной пулемёт, и снова началась наша фронтовая работа. Под Эстергомом простояли в обороне до 20 марта 1945 года. 20 марта, после сокрушительной артподготовки, пошли в наступление. Фрицы начали драпать, нас построили в колонны для преследования противника. Завершилась Будапештская операция, и началась Венская. Наша рота расположилась на дне глубокого ущелья, по которому шла автомобильная дорога Будапешт-Эстергом. Вдоль дороги протекала горная речка, мост через которую был взорван отступающими фашистами. Поэтому подъезд со стороны тыла к нашей линии обороны каким-либо транспортом был невозможен. Расстояние до моста было где-то метров пятьсот-семьсот от нашей обороны. Днем подъезд полевой кухни к взорванному мосту был невозможен, так как на вершине горы проходила немецкая линия обороны, и дорога интенсивно обстреливалась.

Кухня могла подъехать к мосту только ночью. Участок автодороги от нашей линии обороны до разрушенного моста наши сапёры заминировали противотанковыми минами на случай прорыва танков. Командир роты приказал мне, как только наступит темнота, брать два термоса и ходить по этому заминированному участку дороги до разрушенного моста, перебираться на противоположную сторону (куда подъезжала полевая кухня), заполнять термосы кашей и супом и доставлять в роту.

Ночью в горах темно. Пользоваться фонариком нельзя, так как на вершине горы расположены немецкие пулеметы. На этом 500-метровом участке дороги мины располагались в шахматном порядке. Как только начинало темнеть, я выходил на дорогу, запоминал, как расположены мины, и потом в

темноте ходил с термосами туда и обратно. Буквально на ощупь, с раскрытыми до ушей глазами, я пробирался через это минное царство. Потом уже я настолько изучил маршрут, что ходил по памяти, наступал ногами именно там, где не было мины.

Мой пулемёт располагался напротив немецкой пулемётной точки на расстоянии 100-150 метров. Местность была лесистая. Днём иногда удавалась посмотреть, как там копошатся немцы.

Где-то числа 18-го или 19-го марта перед началом наступления командование решило артиллерийским огнём уничтожить это немецкое пулемётное гнездо. Задумка была такая: сделать по гнезду артналёт, а потом взводу штрафников броском занять его.

Командир роты был трусоватым. Решил, раз мой пулемёт ближе всех расположен к немцам, то я лучше всех могу вывести взвод штрафников на исходную позицию. Командный пункт командира роты располагался внизу ущелья. Он вызвал меня и приказал повести прибывший взвод штрафников к моему пулемёту, расположить фронтом к немцам, а самому спуститься вниз, к нему. Всю эту подготовительную операцию командир роты должен был проделать сам. И с той точки, где располагался мой пулемёт, ему надо было корректировать огонь артиллерии. Но он струсил.

Я команду его выполнил: отвёл штрафников к пулемёту, забрал своего второго номера и спустился на КП. Через несколько минут наша артиллерия открыла уничтожающий огонь из дальнобойных орудий. Закончилась артподготовка, но мы не услышали криков «ура». Наша артиллерия, кроме немцев, накрыла и мою огневую точку, где располагался взвод штрафников. Бедные люди! Из взвода осталось пять или шесть человек. Остальные были убиты или тяжело ранены (оторваны ноги, руки и т.д.). Так трусость командира обернулась трагедией (корректировал артогонь командир роты). В боях на подходе к Вене этот командир роты погиб.

20 марта мы овладели городом Эстергомом и начали преследовать противника вдоль правого берега Дуная в направлении - к Вене. По левому берегу Дуная наши войска наступали в направлении на Братиславу. В районе впадения

реки Маравы в Дунай нашей дивизии предстояло форсировать Дунай, переправиться на его левый берег, так как продвижение наших войск по левому берегу несколько запаздывало.

Фашисты, видимо, разгадали наш замысел. В районе предполагавшегося форсирования Дуная располагался небольшой австрийский город. Целые сутки пытались его взять, и только к утру следующего дня нам удалось выбить фашистов из города. Утром следующего дня начали форсировать Дунай на подручных средствах.

Погрузились мы с пулеметом на плот. Несколько солдат гребли веслами, досками, а моя задача была строчить непрерывно из пулемета по противоположному берегу, не давая немцам вести активный ответный огонь по плывущим солдатам. Нам удалось до берега добраться невредимыми. Завязался бой. Перевес сил был на нашей стороне, и фашисты побежали.

Дальше на Вену наш путь лежал по левобережью Дуная. Продвижение шло с непрерывными боями. Только выкопаешь окоп, через 10-20 минут надо бежать вперед и снова рыть окоп, и так целыми днями. В этом наступлении мы обнаружили лагерь военнопленных. Лагерь был пуст. Фашисты всех пленных перед отступлением сожгли в печах. Картина была жуткой. И хотя был приказ пленных фашистов не расстреливать, сдержать чувство мести было невозможно. Ни одного фашиста, сдавшегося в плен, мы не пощадили!

Чем ближе подходили к Вене, тем сильнее нарастало сопротивление врага. Был апрель, природа кругом благоухала, а мы зарывались в мокрую землю и лежали в ледяной воде. Копнешь малой саперной лопатой на один штык - и появляется вода. Впереди, в очертаниях, уже была видна Вена.

Мы взяли крупный населенный пункт, и нас сменила другая воинская часть. Нам поставили задачу провести прочесывание винных подвалов на предмет обнаружения немцев. Командир взвода, я со вторым номером пулемета вошли в один из подвалов, начали обследовать его. Вдруг я заметил, как слева на стене блеснул огонек. Осветил то место фонариком и увидел деревянную дверь, сквозь щели которой просматривался блеск огонька. Я кричу: «Хальт! Хэндэ Хох!»

Молчок. Повторяю. Опять молчок. Даю пулеметную очередь в дверь. И слышу крики женщин и детей.

Распахиваю дверь и вижу: стоят на коленях маленькие дети лет пяти-семи с поднятыми руками и плачут. Позади стоят женщины, тоже с поднятыми руками. Женщины стали жестикулировать руками, показывая пальцами на себя. И повторяют что-то по-австрийски. Мы поняли смысл слов: «Нихт киндер!». Они просили стрелять в них и не стрелять в детей. Нам удалось убедить их, что никого мы не собираемся расстреливать, что мы ищем фашистов. Дети поднялись на ноги и перестали плакать. Одна из женщин запустила руку в мои волосы на голове, потом второму номеру, потом командиру. Был там еще один старый австриец. Он пытался объяснить нам по-русски, что они искали в наших головах. Оказывается, немцы все время вбивали им в головы, что русские с рогами.

Продолжая наступление дальше, мы заняли город Штоккерау - это уже западнее Вены километров на десять-двенадцать – и встали в оборону. Несколько раз отражали контратаки фашистов. 8 мая враги оставили свои позиции и начали отходить на запад. С вечера 8-го и до восхода 9-го мая мы шли на запад в надежде догнать противника. Но безрезультатно. Утром 9-го мая вошли в город Линц. Кратковременный отдых, и снова в путь.

Собрали колонну автомобилей, погрузились и двинулись в Чехословакию. Не смотря на то, что наша колонна не останавливалась, население бросалось к нам с цветами со словами благодарности за освобождение от фашизма. В такой обстановке наше движение продолжалось до вечера 9-го мая. Командование выслало парламентеров с задачей, чтобы немцы сдались без пролития крови. Что произошло на переговорах, мне неизвестно. Но немцы расстреляли наших парламентеров. Начался бой. Я запустил в них противотанковую гранату. Все затихло. И только я двинулся по канаве, застрочил пулемет с немецкой стороны и прошил мою шинель вдоль всей спины. Мне удалось уйти из-под обстрела вражеского пулемета.

Прибежав к командиру взвода, я снял по его просьбе шинель и увидел, какие клочья на ней висят. «Морозов, - говорит командир взвода, - ты в рубашке родился!» День Победы, 9-е мая, чуть не стал для меня последним. Часам к

одиннадцати вечера бой прекратился. Немецкая колонна двинулась на север, по дороге, по которой лежал и наш маршрут.

Утром 10-го мая вошли в город Ческе-Будеевицы, расположенный на границе с Германией. Здесь мы встретились с американцами. И мы разместились лагерями - друг против друга на расстоянии три-четыре километра.

Не сдавшаяся миллионная группировка немецких войск под командованием фельдмаршала Шернера заставляла быть начеку, и мы все еще жили в окопах. 12 мая по тревоге нас направили маршем на помощь чехословацким партизанам, которые вели бои по уничтожению этой группировки. Пройдя километров восемь, мы остановились. Поступило сообщение, что группировка разгромлена чехословацкими партизанами и нашими войсками. Так, только 12-го мая 1945 года, мы закончили войну.

Началась мирная военная служба, жили в полевых палатках. В период этой лагерной жизни мы не давали покоя командирам одним и тем же вопросом: «Когда поедем домой?» Обещали, что скоро, что уже готовят железнодорожные составы. И вот пришел, наконец, день нашей отправки домой. Построили нас и объявили, что домой пойдем пешком, так как железнодорожный транспорт будет занят вывозом в Советский Союз трофеев: машин, оборудования, продовольствия - всего того, что положено нашей стране по репарациям.

24 июня 1945 года мы двинулись пешим маршем домой. Шли обратно по странам, которые освобождали: Чехословакия, Австрия, Югославия, Венгрия, Румыния, Болгария.

Итак. В итоге - шесть с половиной лет службы в армии (из них два года на фронте), два ранения, обморожение ног, семь тысяч километров пешком, 14 боевых правительственных наград.

Декабрь 2009 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказали помощь студентки 2-го курса факультета информационных технологий Ухтинского государственного технического университета

Рудштейн Наталья Игоревна

и

Жаркова Анна Владимировна

Назаров Владимир Яковлевич

К исходу дня из батальона осталось в строю только 27 бойцов

Я родился 7 марта 1925 года в г. Славгороде Алтайского края. Русский. Православного вероисповедания. Беспартийный. Детские годы прошли в г. Омске. Отец умер рано. В 1937 году мы с мамой из Сибири переехали на Северный Кавказ в поселок Горячий Ключ. Здесь я осваивал «гранит школьных наук» с 5-го по 8-й классы.

Надо признаться, что был я тогда чрезмерно неспокойным парнем, словно сидел во мне какой-то чертик. Доставалось мне и от учителей, и от мамы. Мы, пацаны, были тогда страшными озорниками. Лазили по чужим садам и ягодным плантациям, по бахчам и виноградникам, сторожа которых стреляли по нашим задницам крупной солью. Мы забирались без страховки на отвесные скалы, прыгали с «петушка» в воду между торчащими из воды скалами. Утихомирились мы только тогда, когда нам начали нравиться девочки. Мне стыдно теперь даже перед самим собой за ту бесшабашность, но, может быть, это и было первым крещением, первой борьбой с чувством страха, что впоследствии пригодилось и на войне, и в дальнейшей жизни, оказавшейся не из легких.

В мае 1941 года по окончании 8-го класса намеревался, как обычно, часть летних каникул провести у родственников, у бабушки в Москве. О начале войны узнал в пассажирском поезде на полпути к конечному пункту своего путешествия. Обсуждая эту весть с попутчиком-сверстником, мы выражали полную уверенность в скором позорном разгроме агрессора и сожалели только о том, что нам по молодости лет не достанется «набить Гитлеру рожу».

И мог ли я предполагать, что эта война продлится долгих четыре года, что пройдет она и по мне своим грохочущим катком, что познаю и испытаю много лиха и бед за эти годы, что чудом останусь жив, что после ее окончания еще пять лет буду служить в армии и водить свой танк на праздничных парадах по Дворцовой площади Ленинграда. Знать бы!

Москва встретила меня необычно тревожная, притихшая, озабоченная. Стекла домовых окон крест-накрест заклеивались полосками из бумаги, во дворах рыли траншеи-бомбоубежища, на чердаки домов поднимали песок для борьбы с «зажигалками», по улицам проносили громадные аэростаты воздушного заграждения. Принимал активное участие в делах нашего дома и я, а на крыше его получил боевое крещение при первом налете немецких бомбардировщиков на Москву. После этого налета началась эвакуация детей из столицы. Каникулы мои не получились. Пришлось вернуться домой.

Мне было 16 лет. До призыва в армию еще два года ожидания. Мое поколение было воспитано в духе патриотизма и любви к нашей Родине, на героике довоенных фильмов, а может быть, это было всегдашней мальчишеской мечтой – повоевать, но нам очень хотелось как можно быстрее встать в ряды защитников Родины.

Моим истинным желанием было стать летчиком. По приказу Государственного Комитета Обороны в прифронтовых районах для борьбы с диверсантами организовывались истребительные батальоны под командованием местных НКВД (наркомат внутренних дел). В них собирались люди, освобожденные по возрасту от призыва в действующую армию, имеющие бронь от призыва и добровольцы-призывники. С двумя своими друзьями – Борисом Жмуровым и Иваном Трилевичем – я вступил в такой

батальон. Примеру последовали наши товарищи по ЮАСовскому (юных авиастроителей) кружку дома пионеров - Владимир Иващенко и Владимир Цибульский. Примкнул к нам и сын начальника НКВД Коля Карнаухов. Мы стали в батальоне отделением связных. Каждый из нас знал, где живет и где работает его «подопечный». Наши быстрые ножки, днем или ночью, за 20-25 минут обеспечивали сбор батальона численностью порядка ста бойцов в строй под ружье по тревоге.

В 1942 году, после курсов по изучению азбуки Морзе, работе на ключе и приему сигналов на слух, был назначен радистом батальона.

Моих друзей и многих моих школьных сверстников ураган этой великой войны унес в небытие, разбросал по дальним далям от места нашей довоенной юности, переломал наши планы, желания и стремления – кем быть в жизни, а таких «счастливчиков», как я, оставшихся живыми, искалечил, оставил неизгладимый след душевных и физических травм на всю оставшуюся жизнь.

В действующую армию был призван в 1944 году Кировобадским городским военкоматом и направлен в пункт формирования воинского подразделения под городом Гори. Там был зачислен в 926-й стрелковый полк, обмундирован и принял воинскую присягу.

Сформированный в Закавказье 926-й стрелковый полк по железной дороге, в товарных вагонах-теплушках, преимущественно по ночам, следовал по назначению – на фронт. Днями эшелон отстаивался на запасных путях, а мимо, торопясь, пробегали составы, груженные военной техникой, боеприпасами и горючим – для ненасытного чрева войны. А нас, видимо, берегли от вражеской авиации. Оно и понятно – солдат не техника, его быстро не сделаешь, а эта техника без солдата на фронте и гроша ломаного не стоит.

На рассвете прибыли в город Батайск. Очередная дневка–остановка. Здесь уже видны следы войны, попахивает порохом и копотью сгоревшего тола. Кажется, что до слуха долетают отдаленные артиллерийские дуэли. Скоро и нам туда.

Командование полка решило устроить здесь личному составу полка, побатальонно, баню. «Правильно, - говорили

опытные старички, - скоро многим из нас предстоит явиться на суд Божий за направлением – кому в рай, а кому в ад – по заслугам нашим, и при этом надобно быть хотя бы с чистым телом». Подошла очередь нашему батальону. Громадное, полутемное депо с закопченными, замаскированными окнами, с холодной и горячей водой и прочими банными принадлежностями, судя по которым, наш полк не первым принимал здесь банные процедуры.

И только мы хорошо намылились, зазвучал сигнал «воздушная тревога», следом последовала команда «всем покинуть помещение». Погас свет. Протирая мыльными руками намыленные глаза, почти ничего не видя, на ощупь мы высыпали наружу в чем мама родила, ныряя под вагоны, ища укрытия своим бренным телам, пряча головы под чугунные колеса, вдавливаясь в землю между шпал и рельсов, в канавках и разных углублениях, везде, где только можно укрыться, и там даже, где нельзя.

Основная масса фашистских стервятников обрушилась на Ростов, а Батайску перепадало походя за соседство и его зенитную артиллерию, которая давала о себе знать. Рванули первые бомбы! Началось… Взрывные воздушные волны, сметая с поверхности земли все, что было им подвластно, хлестали нас этой смесью похлеще банных веничков.

Потерян счет времени. Сколько длилась эта неистовая пляска войны?! Но вот затих последний взрыв, стонущий моторный гул немецких бомбардиров стал удаляться на запад, за линию фронта.

Последовал «отбой воздушной тревоге», и мы стали выползать из наших укрытий. Протерев глаза, не могли понять – где и среди кого мы находимся? Перед нами стояли голые, перемазанные вдоль и поперек, в черных и ржавомасляных пятнах, с чешуей из мелкого щебня и шлака, с засохшей мыльной пеной, набитой мусором – существа, на людей не похожие. И когда, присмотревшись, по жестам и голосу мы стали узнавать в этих «чудищах» друг друга, нас начал разбирать смех!

- Коля?! Гричкин? Да ты ли это?! Господи, на кого ты похож!

- Ты на себя посмотри, ухохочешься.

- Данилыч! Красавец ты наш! Да если тебя сейчас такого как есть спустить в преисподнюю, черти от страха разбегутся!

Первый дружный смех. И пошло-поехало: шутки, прибаутки, комментарии, кто на кого похож, как вел себя во время налета. Негромкий смех начал переходить в дружный громкий хохот. Откуда-то появился во весь свой рост наш взводный богатырь, грузин Вано.

- Ба-а-а! Вано! Да ты истинный Нептун из моря Азова или Дона Тихого! Глянь-ка! И вся твоя свита из чертей и чудищ рядом с тобой!

- А где трезубец свой потерял?!

- А царскую корону волной сдуло?!

Раскатистый хохот…

- Кто это тебе вместо короны шматок промасленной пакли на голову прилепил? Никак в вагонную буксу головой нырял?!

Все нарастающий хохот…

- Ой, братцы, не могу! Вы гляньте-ка на эту образину!

Подтягивалась остальная батальонная численность, и смех переходил во всеобщий батальонный хохот. Веселые дружеские насмешки сыпались со всех сторон. Особое усердие в них принимал наш взводный «заводила», весельчак и балагур Борис Жибров.

- Мужики! Вы видели?! Авакаян-то свою голову в штабель шпал засунул, а голую задницу оставил снаружи, смотрящей в небо!

- Так вот почему нас не разбомбили насмерть! Побоялись быть сбитыми с неба его прямой наводкой и умотали!

- Помилуйте, братцы, не смешите, больше мочи нет!

А хохот не переставал, а все усиливался. А Борька опять:

- Нас бы таких сейчас в атаку бросить! Вот бы наделали шухеру немцам! Как пить дать, с полными штанами с перепугу драпанули, побросав нам на откуп свои шмайсеры!

Хохот громыхал на всю станционную округу. Некоторые бедолаги не выдерживали, падали на колени, перехватывая голыми руками свои грязные животы, издавая вместо смеха какие-то непонятные звуки. Всегда молчаливый и непробивной юмором Ваня Романенко хохотал до слез,

размазывая ими грязь по лицу, становясь сам предметом смеха.

Солдаты других батальонов полка, видя этот «голый маскарад» и поняв суть происшедшего, подключились к всеобщему хохоту. Станционный работяга, уронив на рельсы со звоном какую-то железяку, хохотал во все горло. Хохотало и плакало все наше голозадое воинство, а полковые командиры, смеясь и беззлобно ругаясь, заталкивали нас обратно в баню. Мы и там еще продолжали смеяться, отмывая и оттирая друг друга от следов, неожиданно здесь приобретенных. К удивлению и нашему солдатскому счастью, этой бомбежкой не было ни убитых, ни раненых, были только синяки, шишки и ссадины на телах солдат нашего батальона. Не иначе, война тогда милосердно и весело пошутила с нами.

Мы еще долго посмеивались друг над другом, вспоминая эпизоды батайской бани. Где же вы теперь, мои друзья-однополчане, прошедшие дорогами той немилосердной, нешуточной войны?

Еще под г. Гори при формировании полка я познакомился и подружился с Борисом Жибровым. Он был веселым неунывающим парнем. Я завидовал ему белой завистью: он держал за хвост мою мечту стать летчиком-истребителем. Борис учился в летном училище военно-воздушных сил.

Однажды, во время тренировочного полета, он вышел из своей зоны, чтобы пролететь над домом возлюбленной и помахать ей серебряными крылышками истребителя. Помахал. За это грубое нарушение был отчислен из училища и отправлен на фронт в пехоту. Борис до отказа был набит анекдотами. Когда мы ехали на фронт, весь наш железнодорожный состав умирал от хохота. Офицеры и солдаты из соседних вагонов поочередно проезжали в нашем вагоне от остановки до остановки, вываливаясь как мешки, с коликами от смеха, уступая место другим. Хуже всего приходилось нам. Мы уже не могли смеяться, не было сил. «Я-то что, вот вы бы послушали мою маму!» - говорил Борис.

2-й Белорусский

В одну из ночей наш эшелон часто останавливался, потом несколько раз дернулся и замер. Поступила команда –

«Покинуть теплушки! Выходи строиться!» Сборы были недолги, и пошли за солдатом солдат, вольным шагом в ночи, на запад, догонять ушедший отсюда фронт. 2-м Белорусским командовал прославленный маршал Рокоссовский. Он был хорошим, заботливым командиром, берег своих солдат. Каждый из нас его почитал в душе и любил.

Командир нашего полка был горцем с Кавказа. Он носил бурку и папаху. Его команды были похожи на взмах рубящего меча, а каждое слово – что гвоздь, вбитый одним ударом по самую шляпку. Боевой командир!

Полной ему противоположностью был наш комбат. Несмотря на спокойный, рассудительный и даже мягкий характер, человек он был храбрый, за спины солдат в бою не прятался. Сожалею, что фамилии их забыл. А на взводных не везло – или часто менялись, или раньше нас выбывали из строя, не оставляя о себе памяти.

Во время нашего прибытия на фронт в войне многое изменилось – немец был уже не тот, каким он был в начале войны – тогда он шел напролом вглубь нашей страны. Теперь он отступал, но еще упорно сопротивлялся, оставляя после себя пепелища на месте белорусских сел и деревень. В середине июля, около одного из таких пепелищ с торчащими в небо печными трубами, мы окопались, закрепляя свой прорыв. Нас не заставили немцы долго ждать и в «благодарность» накрыли мощным артиллерийским или минометным налетом.

Очнулся тормошимый друзьями. Тишина! Полный рот земли. С трудом продираю глаза. Повезло! Счастливая передышка – не мы на немцев, ни немец на нас. Выковыривал из ушей и носа кровавоземляные пробки, постепенно стал возвращаться слух, перестала кружиться голова. От госпитализации отказался. Не знаю, чем это объяснить – не созревшей еще моей бесшабашной молодостью? До этого момента и даже позже я находился в нереальности, мне казалось, что я играю в войну, а она-то была настоящей.

За рекою Нарев

На плацдарме мы меняли обескровленную часть. Шли на передовую ночью, тихо, не обнаруживая себя. Как нам было известно, командующий немецкой группировкой собственной

кровью подписал клятву своему фюреру, что сбросит русских с Рожанского плацдарма. И он ничего не жалел, чтобы выполнить свое обещание. Мы шли, перешагивая через трупы немецких и наших солдат, которых не успели еще убрать и захоронить. Мы шли в тишине черной ночи, слушая посвисты пролетающих шальных пуль.

Нашими предшественниками были вырыты и закреплены траншеи, сооружены землянки, оборудованы пулеметные ячейки. Этот маленький клочок польской земли за рекой Нарев, которая берет свое начало в нашей Белоруссии, был опорным пунктом для наступления в сторону Восточной Пруссии, на Кенигсберг, к берегам Балтийского моря. Перед нашими позициями и, как всегда, на высотах были три линии укреплений противника. «Ощетинившись» всем возможным, плацдарм защищался. Ураганным огнем производились по нему артиллерийские налеты, скрипели и тяжело ахали немецкие минометы, сквозь гул и грохот которых пробивались пулеметные очереди «Максимов» и «Дегтяревых», очереди скорострельных «Шмайсеров» и, как редкий горох, рассыпались ружейные выстрелы. Наступали, отступали, возвращались на свои позиции, стояли насмерть.

На войне можно привыкнуть ко всему, даже к тому, что тебя могут убить. Если кто-нибудь вам скажет, что на войне не страшно, это будет неправдой. Любая живая плоть боится смерти, человек тоже. Героизм – это не бесстрашие, это, прежде всего, победа над своим страхом.

Только ночью на плацдарме наступало затишье, но это была зловещая тишина. Однако только ночью мы получали в термосах горячую пищу и свои «наркомовские сто грамм». Бывало, что доставалось и нашим кухням, тогда мы оставались голодными. Большая часть бойцов ночью отдыхала в землянках, в окопах оставались дежурные посты.

Почему-то наш участок на плацдарме назывался «аппендицитом». Кто ему дал такое название? Наши окопы виляли по кромке соснового леса. От немецких позиций нас отделяло открытое пространство, за которым зорко следили обе стороны – с началом сумерек и до рассвета, подвешивая над ним осветительные ракеты. На ночные дежурства я выходил с «Дегтяревым» и Ваней Романенко – вторым номером нашего пулеметного расчета. Поочередно

вглядывались в нейтралку, следили за своими «флангами и тылом», чтобы не оказаться «языками» у разведчиков противника.

Перед траншеями было минное поле и несколько рядов колючей проволоки. Конечно же, спать хотелось, особенно когда все было тихо и спокойно, словно вся война уснула, но это было смерти подобно.

Тихие и спокойные ночи на передовой были большой редкостью. Война не засыпала и в них. Где-то совсем низко над нами протарахтели «кукурузники» - наши ночные бомбардировщики, уходящие за линию фронта, откуда потом доносятся взрывы, видятся всполохи огня, лучи прожекторов и красные маленькие точки, бегущие по небу, трассирующих пуль и снарядов. А когда высоко в небе в наш тыл идут немецкие бомбардиры, по ним открывается огонь зенитной артиллерией и крупнокалиберными зенитными пулеметами. Над плацдармом поднимается огненный шатер трассирующих пуль, огоньки которых бегут от земли в ночное черное небо, чтобы сомкнуться в единой точке высоко-высоко. Красотища!

В третьей декаде декабря нас вывели с передовой на отдых и пополнение. В густом ельнике за одну ночь мы соорудили себе землянки, замаскировали их от «воздуха» макушками срубленных елей. Новый 1945-й год мы встречали в этих землянках. Отмытые в бане, в чистом белье, на отдыхе при солдатской кухне и «наркомовскими» ста и даже более граммами! Был настоящий праздник! Мы пели песни, шутили и всерьез желали друг другу дожить до следующего Нового года.

В первой декаде января мы снова на передовой и на том же «аппендиците». Чувствовалось приближение большой баталии. По ночам к передовой подходила грозная техника, в окопах становилось тесновато. Артиллеристы установили 76-миллиметровые орудия на прямую наводку впритык к задним стенкам наших окопов так, что орудийные стволы повисли над нами.

Утро 13 января было туманным и таким тихим, будто войны нет, есть только тяжкий сон о ее существовании. Скорей бы от него проснуться. И вот началось! Ровно в 9.00 заработали все калибры артиллерии плацдарма. Адовый гром и огонь разорвали идиллию тихого январского утра.

Противник открыл ответный огонь. Земля задрожала, заколыхалась, застонала, заохала, а воздух ревел и бился; громыхали, изрыгая из стволов пламя, наши орудия, на бруствере и вокруг рвались немецкие снаряды и мины. Казалось, что еще миг, и она, Земля, не выдержит, расколется на мелкие клочья и разлетится к чертовой матери в космос.

В 9.45 – команда! Взревели моторы, вырвались из капониров САУ-76, встал во весь рост пехотинец – пошли!

Первую линию обороны немцев взяли сходу! Они были так обработаны нашей артиллерией, что просто оторопели и не смогли оказать нам сильного сопротивления. Обрадовавшись столь легкой победе, мы ринулись на вторую линию обороны, без криков «ура», как призраки из тумана, свалились на них. Бой был коротким и жестоким. Мы победили. Но! То ли связисты не успели вслед за нами, то ли не увидели наших сигнальных ракет, что мы на второй линии, артиллеристы в точно обусловленное время произвели мощный артналет по второй линии, которым и накрыли нас. Наша поспешность и роковая случайность стоила многих жизней наших солдат и офицеров. На третью линию мы шли «строго по расписанию», после артналета. За третьей линией обороны немцев открывался простор для продвижения вперед с отдельными очагами сопротивления отступающих.

Но этот «простор» был обманчив и непредсказуемым. Словно из-под земли появились танки с черно-белыми крестами на броне, стали теснить нас назад. Казалось, что еще чуть-чуть, и они своими гусеницами размажут нас по твердой мерзлой земле. В небе навстречу потянулись следы реактивных снарядов наших «Катюш». Между танками и нами встала стена огня и грохота. Пронесло!

К исходу дня из батальона осталось в строю только 27 бойцов, а один, чудом уцелевший комбат. Впереди, на заснеженном поле, показалась маленькая польская деревушка. Занять ее не давали немцы. Выбить их из нее нам не хватало сил, и мешала темнота опускающейся ночи. Пришлось отступить и заночевать в ближайшем лесочке.

Утром обнаружили небольшое пополнение прибившихся к нам солдат из других подразделений!

Не взятую вчера деревеньку прошли без единого выстрела и, только выйдя на открытое поле за ней, попали под

сильный пулеметно-оружейный огонь. Нас прижали к земле. Мы, как на ладони, стали хорошей мишенью для снайперов и минометного обстрела.

Комбат, стараясь перекричать шум боя, командовал: «Вперед!» Но его никто не слышал. Посланный им ординарец упал сраженный, не добежав до цепи. Видя это, я встал во весь рост лицом к цепи и, сколько было мощи в голосе, закричал: «За Родину, за Сталина, вперед!» Свалился от сильного удара в поясницу. Ваня Романенко подхватил «Дегтяря» и ушел с цепью, поливая длинными очередями позиции немцев!

А мне предстояли болевызывающие тряски при эвакуации по фронтовому бездорожью, санитарные поезда и госпитальные койки.

Война близилась к своему победному завершению и шла уже по германской земле. В конце февраля, выйдя из госпиталя, просился у военкома на фронт. Не пустил. Выходит, что для меня война уже закончилась у той польской безымянной деревушки утром 14 января 1945 года.

На плечи моих сверстников выпала задача – заполнить выбитый войной командный состав армии. Мы, 20-летние «старики-фронтовики», ставшие младшими командирами, не кичились своими фронтовыми заслугами. К пополнению армии относились как к младшим братьям, не оказывая морального и, тем более, физического давления на необстрелянных новобранцев, терпеливо учили их военному мастерству.

Мы победили в той большой войне благодаря тому, что были одной семьей. В строю нашей армии стояли плечом к плечу белорус и казах, украинец и таджик, татарин и коми, армянин и якут, грузин и русский…

Мы победили, но какой ценой!? Я не люблю вспоминать о той войне, она, эта память, приносит больше печали, чем радости.

На пути к Богу

В этой жизни я прошел через пионерию, был комсомольцем и тридцать лет состоял в рядах коммунистической партии, был воспитанным и убежденным атеистом.

В свой 50-летний юбилей, желая подвести итоги прожитого, задал себе вопросы: кто я? Зачем живу? Что сделал полезного в жизни? Откуда и где мои родословные корни? И только сейчас, спустя тридцать с лишним лет, появилась ясность, чтобы в чем-то подвести итоговую черту.

В младенчестве умерли три моих родных брата – я выжил. В детстве и отрочестве попадал в такие ситуации, когда жизнь моя висела, как говорится, на волоске – этот волосок не рвался. Меня, без суда и следствия, без вины виноватого свои НКВДшники приговорили к расстрелу – не расстреляли. Прошел тюремные казематы, следствия «с пристрастием», лагеря, войну, штрафные батальоны – остался жив.

Во все послевоенные гражданские годы было множество случаев, когда жизнь моя могла трагически оборваться по моей вине или по злой воле других.

Анализируя свой пройденный путь, пришел к убеждению и нашел тому подтверждение у философа Николая Бердяева, который писал: «Из испытаний, которые мне пришлось пережить, я вынес, что меня хранила Высшая Сила и не допускала погибнуть». Полагаю, что и моя жизнь была и остается в ведении Господа Бога и Его верного слуги – моего Ангела Хранителя.

Иисус Христос, Аллах, Кришна – это Он один, Он - Бог, Он - Высшая Сила. Открывшаяся свобода к Библии, Корану, вышедшая из печати в обилии божественная православная, классическая ведическая литература и другая сделали мир вокруг меня другим и другим самого меня.

До истинно верующего я еще не созрел. Бога ношу в своем сердце. Почему до сих пор живу – это или милость Божия, или не все еще выполнил, что было предначертано в этой жизни. Что сделал полезного в этой жизни – не мне судить. Когда предстану перед судом Божьим, буду готов ответить за все мои грехи – вольные и невольные. Верю, что душа моя бессмертна. Не забыть бы и не повторить ошибок, сделанных в этой жизни.

Занимаясь поисками семейных корней и составлением родословной, я узнал от родственников из Новосибирска, из Томского областного «Мемориала», от протоиерея Ф. Проскурина из Семипалатинска, что два моих дяди, братья

моей мамы – Николай и Виктор – были священниками. Так вот почему мама просила меня не петь частушек Демьяна Бедного, которые я орал во все горло, будучи пионером.

В этой войне погибли два моих брата, Юрий и Михаил Климовы, сыновья семипалатинского священника Виктора Степановича Климова, расстрелянного в 1937 году, реабилитированного в 1956 году и Постановлением Священного Синода Русской Православной Церкви от 29 декабря 2000 года причисленного к лику святых.

Двоюродный брат Иоасаф Климов, сын томского протоиерея Николая Степановича Климова, расстрелянного в 1930 году, реабилитированного в 1956 году, прошел всю войну от начала и до Победы во всех ипостасях солдата, и ни разу, даже легко, не был ранен. Такое везение он объяснял своим бедовым характером и молитвами мамы.

Имя его отца внесено в Книгу памяти репрессированных томичей «Боль людская». В 2004 году авторами М.Ф. Фаст и Н.П. Фаст по материалам церковных репрессий в Томской области написана и издана книга «Нарымская голгофа». В этой книге жизнеописание и фотографии Николая Степановича Климова, его имя упоминается на многих страницах книги.

Иоасаф Климов был награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны 2-й степени, медалями «За боевые заслуги», «За отвагу», многими юбилейными медалями.

А я, Назаров Владимир Яковлевич, прошел Великую Отечественную войну добровольцем истребительного батальона НКВД, затем - красноармейцем в 250-й стрелковой дивизии. Был контужен и ранен. После излечения в госпитале служил в Ленинградском военном округе. Последняя армейская должность – командир экипажа танка Т-34-85, танка командира бронетанковой механизированной дивизии, Героя Советского Союза, Гвардии генерал-майора Петренко Василия Яковлевича.

В марте 1950 года уволен в запас в звании старшины Гвардии, в возрасте 25 лет. Жил в Москве, работал техником-геодезистом в Московском отделении Союзмаркштреста, обеспечивающего Подмосковный угольный бассейн.

Продолжал учебу в школе, проходил курсы повышения квалификации.

С 1954 года живу в Республике Коми. Работал в геологоразведке:

- Воркута, трест «Печоруглегеология», преобразованный в Коми Ненецкое геологическое управление;

- Ухта, Ухтинское территориальное геологическое управление, Ухтинская геологоразведочная экспедиция.

Награды: орден Отечественной войны 2-й степени; медали: «За боевые заслуги», «За Победу над Германией», «Ветеран труда», 12 юбилейных медалей и семь знаков боевого и трудового отличия. В 1986 году Указом Президиума Верховного Совета Коми АССР мне присвоено почетное звание «Заслуженный работник народного хозяйства Коми АССР».

Декабрь 2009 года

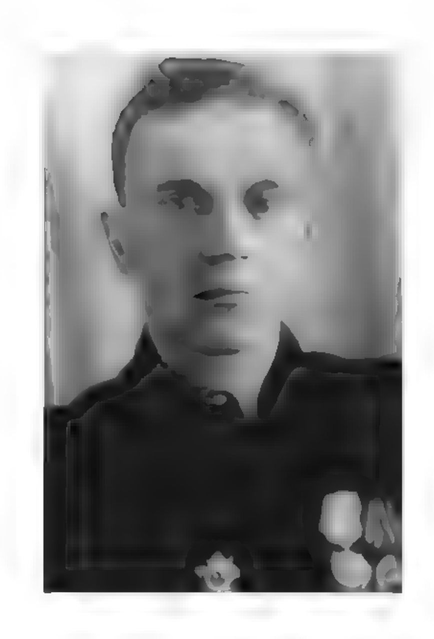
В подготовке настоящих воспоминаний оказали помощь ***Рунаева Наталия Васильевна****, студентка 1-го курса архитектурно-строительного факультета Ухтинского государственного технического университета*

и

Полева Полина Александровна*, студентка 1-го курса нефтегазопромыслового факультета Ухтинского государственного технического университета*

Панин Георгий Николаевич

Редко танк возвращается с разведки

Я родился 27 мая 1923 года в городе Воткинске Удмурдской АССР. Учился в средней школе №1 в Ухте. В 1941 году окончил 9 классов, после чего работал слесарем на ремонтно-механическом заводе, затем шофером в посёлке Ветлосян. Мама работала медсестрой, а отец – начальником снабжения.

Летним июньским днем 1941 г. я встретил знакомую девчонку. Родители ее были из поволжских немцев, по фамилии Кауфман. Она-то и сказала мне о начавшейся войне. Я ответил:

- Ты, фрица, не дури! У нас с немцами договор о ненападении.

Но все оказалось правдой.

В июле 1942 года мы, десять парней из 9-10 классов, как спецкоманда, ушли служить в армию и попали в Вологду, в Красные казармы, в запасной полк. Иван Колотий узнал, что из нас будут готовить сержантов-командиров пулеметных отделений. Учить будут 3 месяца. За это время кончится война. Мы не успеем повоевать. Нас спросят дома: «Где вы были?» И решили убежать на фронт. Но как и куда бежать, мы не знали. Скоро я попал в маршевую роту, которая отправлялась на фронт.

Впереди шел оркестр. А мы, по шесть человек в шеренге, шли бодро на вокзал, где нас ждали теплушки. Был не то июль, не то август. Женщины на тротуарах останавливались и, глядя на нас, плакали. А я думал: «Чего же плакать? Ведь мы идем защищать Родину. Мы выполняем священный долг перед народом». Позже я понял, что у женщин были погибшие мужья, братья, отцы. Поэтому, увидев нас, молоденьких, в плохо подогнанном обмундировании, в обмотках, они плакали.

Попал я на Волховский фронт. Первым номером к пулемету «Максим». В училище в Вологде мы с закрытыми глазами разбирали и собирали этот пулемет. И знали, и умели устранять задержки и неисправности с закрытыми глазами. Потом я попал шофером в отдельную автороту.

Вот что произошло в этой роте. Что сохранила память. Я стоял с карабином на посту и охранял штабную землянку. Подошел командир автороты. И с ними был майор. Командир автороты был молод и красив. Майор был постарше и с оспенным лицом. Сказал:

- Панин, пойдешь с этим майором. Поступаете в его распоряжение.

- Есть, идти с майором.

И мы пошли. На передовую. Прошли несколько километров по дороге (местами настилом из бревен). Лошади везли на передовую патроны, снаряды и прочее. С передовой везли раненых. Изредка пробегали автомобили, в основном Газ-АА. ЗИСов были единицы.

Немцы начали обстрел, и мы убежали с дороги в лесок. Осколок ударился в березу и еще горячий отлетел и шлепнулся в полу моей шинели. Мы пошли лесом вдоль дороги. На пути – какое-то сооружение, вроде дома с крышей в три наката из бревен.

Майор сказал: «Это - заградотряд». Что-то сказал и показал лейтенанту, и нас пропустили. Вскоре мы были в окопах, было часов 9-10 утра, окопы были почему-то в низине, и было в них сыро. Это под Синявино, в районе Черной речки.

Майор оставил меня в ячейке для пулемета с бруствером из глины, замаскированной листьями и ветками. «Жди, - сказал, - и не уходи. Я скоро». Под вечер он пришел. Извинялся, что меня не кормили. Дал шмат хлеба и кусочек

сала. Я ел. А он наставлял. Он передал мне большой пакет с сургучовыми печатями. И сказал, куда и кому передать, как найти этих людей. Запихнув за пазуху конверт и потуже затянув ремень, я ушел.

Но майор забыл сказать мне пароль и отзыв. У меня успели забрать карабин. Меня задержали и привели в заградотряд. И тут начался артобстрел. С потолка сыпался песок. Все упали на пол.

Вечерело. Потухала коптилка. Я схватил свой карабин, выскочил из домика и побежал в лес. Совсем стемнело, но я знал общее направление дороги и шел вдоль нее. Впереди, как из-под земли, появился солдат с винтовкой:

- Стой, кто идет? Пароль?

Пароль я не знал. Он держал меня на мушке. Я сказал:

- Батя (ему было лет 45), я с пакетом.

Я не имел права говорить про пакет. Майор меня предупредил. А что было делать?

- Положи пакет и ружье на пенек, - сказал «батя» и опустил винтовку.

Я выполнил его просьбу. Он осмотрел пакет, потрогал печати. Разрешил подойти. Я объяснил, что это секретный пакет, что майор забыл сказать мне пароль и отзыв. Курить было запрещено. Он был в секрете. Но мы, выбив кресалом огонь, закурили, закрывая огонь торцом рукава шинели. Он был хороший, этот «батя». Он отпустил меня, показав, как выйти на дорогу.

Дойдя до условного места, я свернул с дороги. Тут меня окрикнули и велели стоять на месте. Было уже вовсе темно. Видимо, люди знали, что придет посыльный. Мне завязали глаза и повели. Развязали глаза. Я увидел блеск воды. И меня ввели в землянку. Там было двое мужчин - капитан и майор. И три прелестные женщины: одна с белыми, как лунь, вьющимися волосами, другая, очень милая и стройная девица. Третью не помню.

- Вы с пакетом?

- Да, - говорю.

Вынул из-за пазухи и отдал пакет. Все они сгрудились, и майор стал читать. Но что - я не слышал.

В землянке было тепло, даже жарко. Я поставил карабин в угол и присел на карточки у печки. Свернул козью ножку и затянулся.

Чтение закончилось, и миловидная девушка сказала:

- Устал, поди, голоден?

- Ничего, - говорю, - скоро в часть вернусь.

Она поставила на печку котелок и велела открыть банку консервов (американских). Я открыл ножиком. Она бухнула содержимое в котелок и стала мешать, а я любовался этой девушкой. Я уплел половину котелка гречневой каши с мясом, выпил зеленую кружку кипятку со сгущенкой. Виданное ли дело - такая еда для солдата? И меня разморило. Было приказано размотать обмотки, снять ботинки и ложиться на нары. Симпатичная девушка накрыла меня шинелью, и я уснул. Меня разбудили перед рассветом. Красотка сказала:

- Поешь на дорогу.

Я отказался.

- Сейчас вас проводят.

Меня поблагодарили за пакет, и я вышел из землянки в темноту. Было очень тихо, и внизу угадывалось озеро, оттуда шел запах утренней воды и прохлады. С детства помню эти запахи на Воткинском пруду. Мне завязали глаза, но карабин оставили. Привели к дороге, развязав глаза, отпустили, предупредив, чтобы не говорил, где был и что делал. А был я в землянке, где помешался трибунал.

Скоро я пришел к себе в автороту. Никто ничего не спрашивал. Жизнь шла своим чередом. Кормили нас так: утром бабка пшенная с повидлом, в обед – пшенный суп с картошкой, пшенная бабка с повидлом, в ужин – пшенная бабка с повидлом, компот, сухари и табак. Сухари и табак получали у старшины, по числу живущих в землянке. Делили. Отворачивался кто-то. Делящий спрашивал: «Кому?» И без обиды, взяв 5 сухарей и махорку, расходились.

Оказалось, что многие из нас болели куриной слепотой. Это установил вызванный в роту врач. Нам давали печень и рыбий жир. И скоро мы стали лучше видеть и по вечерам. Рота, кажется, состояла из восьми взводов. Во взводе 20 машин Газ-АА, пришедших с гражданки. Еле живые. Но надо было возить грузы. За перерасход бензина снимали с машины

и отправляли в пехоту, на передовую. Возили и продукты, и снаряды. А с передовой в тыл – раненых.

Раненых повез и я. Привез в медсанбат, а их не принимают. Говорят, не из нашей части. И так – три медсанбата. У четвертого я их выгрузил, благо, что все ходячие, в основном узбеки. И меня сняли с машины за перерасход бензина.

Нас выстроили и сказали, что будет зачитано решение революционного трибунала. Дело было на поляне, где росли редкие елочки. Читал решение майор, которого я видел в землянке.

Солдат из пехоты из-под Синявино, где я был с майором, приговаривался к расстрелу. Пришла легковая машина, вышел исполнитель. Здоровый мужик на кривых ногах, нижняя челюсть выступала вперед, и непонятного выражения и цвета глаз. Он вынул наган. А в это время нам скомандовали «кругом». Исполнитель выстрелил все семь патронов в солдата, и тот упал в заранее вырытую могилу. Я все видел из-за елочки, около которой оказался. Зачем эта жестокость? Видимо, не верили людям в шинелях. Солдата закопали.

Немцы бросали с самолетов листовки, одна половина которой служила пропуском для перехода к немцам. У нас не было бумаги, и эти листовки собирали и курили табак. Потом за такую листовку стали наказывать. И мы курили в лесу.

Один раз я поехал на склады за продуктами. Грузчиком был мужчина лет 28. Он посмотрел на меня и спросил: «Не узнаешь?» Он оказался бывшим заключенным с Ветлосяна. Знал и мою маму, и отца, и меня. На дивизионных складах погрузили машину. Я, правда, спал в кабинке. Устал. Звали его Иваном. И мы поехали. Я рулил, он крутил самокрутки и совал мне в рот. Потом мы съели по шоколадке «Октябрь», которыми угощал Иван. При разгрузке не хватило этих шоколадок. Начальник склада кричал и обещал снять меня с машины, но в землянку зашел Иван, отматерил начальника склада и сказал, что виноват он сам. Ивана я долго не видел.

Встретил случайно, когда он голосовал, он сел в машину, на груди у него был орден Красной Звезды.

За тот шоколад его сняли с грузовиков и отослали в пехоту. Они штурмовали высоту, где был немецкий дот, были большие потери. Тогда Иван сказал комбату: «Дай, батя,

гранату, я их взорву». Ему дали противотанковую гранату, и он подполз к доту. Какой-то немец открыл дверь и вышел из дота. Иван заколол его ножом и бросил в дот гранату, отрезал рыжему немцу голову и залез на дот. Пришли наши и благодарили Ивана. Он хотел попасть в разведку, но его не брали из-за судимости.

Потом где-то он вылез из кабины, и я его больше не видел.

5 декабря 1942 года мы на фронте отмечали День Конституции: нам налили по отстойнику водки и накормили хорошим обедом. А 8 декабря, я уехал с другими солдатами фронта в Казанское танковое училище. Нас погрузили в теплушки, а было человек 140-160. Топили печку и умудрялись варить еду. А в основном ели сухой паек.

На одной станции в теплушки сели три женщины, которые обменяли барахло на муку и крупу и везли эту еду для детей. На какой-то станции меня, как «салагу», попросили принести кипятку. На этой же станции вылезли и женщины. За какие-то сараи я забежал отправить малую нужду и понял, что два милиционера требуют, чтобы женщины отдали половину съестного, иначе «арестуем как спекулянтов». Принес я кипятка в теплушку и сказал, что женщин задержали два милиционера. Ребята высыпали из теплушек и – к милиционерам. Выяснили у женщин причину. И все бы, видно, обошлось, но тут один милиционер вынул наган. И пошло.

Их избили, наганы отобрали и закинули. На какой-то станции, на перроне, стоял взвод солдат с лейтенантом. Мы вылезли из вагонов, но нам приказали: «Назад!» И мы разогнали весь этот взвод вместе с лейтенантом. Нас обозвали махновцами. Скоро мы приехали в Казань. На грузовиках нас привезли в Кремль, и через ворота мы въехали на площадь училища. Нас перестроили. Полковник (это был начальник училища) нас приветствовал и сказал, что теперь мы будем учиться на офицеров-танкистов. Тут же всем предложили сдать оружие. А что оно было у ребят, я не знал. И его накидали кучу: ТТ, наганы, браунинги, кольты, вальтеры, даже маузеры, немецкие кинжалы, штыки, финки.

Распределили по ротам. Мы, несколько человек, изъявили желание учиться на техников-лейтенантов, и в ожидании набора в эту роту нас оправили в резерв.

Жили мы в кремлевской башне. Разгружали вагоны с продовольствием: на складах загружали в мешки рожь и возили на мельницу через Волгу, а оттуда – муку. Потом нас отправили в деревню, и мы заготавливали лес на дрова для училища.

Вскоре нас переодели во все курсантское, и мы попали в роту № 14. На мандатной комиссии меня опять спрашивали про судимость отца. А я не знал, за что он сидел. Статью я знал – 58 . Зачем? Ведь я приехал учиться и воевать! Плевали в душу.

Года полтора я учился на техника-лейтенанта. И вдруг приказ: выпустить линейными офицерами. Был торжественный вечер, нам зачитали приказ Сталина о присвоении нам звания «младший лейтенант». Изучали мы английский танк «Валентайн»: легкий танк весом всего 16,5 тонн, с плохонькой 37-мм пушкой. Но тут вдруг пригнали несколько танков «Шерман» - 35 тонн, 75-мм пушка. И нас быстро с ним ознакомили. Танк – дрянь: высота 2,9 метров, узкие гусеницы, слабая пушка. Зато комфортабельно внутри: ремни пристегивания, зеркала, даже место под посуду, внутри башня обита губчатой резиной. Правда, броня была довольно вязкой. А это хорошо, потому что при попадании в танк болванки она мало крошилась, мало давала осколков. Но горели мы часто из-за того, что часто застревали. Плохая проходимость. Это уже выявилось на фронте в Румынии и Венгрии.

Казань – далеко от фронта, но немцы долетали до Горького и бомбили автозавод. Поэтому на кремлевских башнях стояли зенитные пулеметы. Да и в Кремле было правительство и обком ВКП(б) Татарии.

Технику я любил и учился хорошо. Из друзей был Коля Лапшов из Казани. Он отлично знал мотоциклы и часто их ремонтировал старшим офицерам. Отец его был гонщиком на мотоциклах. И еще один Коля, не помню фамилию, сам он из-под Казани. Ему плохо давалась техника, и командир взвода после отбоя заставлял меня заниматься с ним в учебных классах, где были танки и их детали. Особенно была сложной

бортовая передача, трехступенчатая, звездная, с сателлитами, с передаточным отношением 1:8,3.

Этого Колю раздавило в Венгрии, когда мы переезжали в Трансильванию. Дело было в Альпах. Танк сорвался в пропасть. Он сидел в башне на командирском сидении, по пояс высунувшись. Так иногда мы ездили, а вообще место командира на лобовой броне. Туловище его раздавило в лепешку. Его тут же похоронили. А танк, связав три троса, тремя танками вытащили. Ребята ушиблись, но были целы. Все это произошло на моих глазах. Дорога в Альпах узкая и идет на подъем змейкой. Мы поднялись на 1600 метров над уровнем моря. Было холодно.

Здесь, в Венгрии, я первый раз горел в танке. Стать танкистом - была мечта с детства. До войны мы смотрели фильм «Три танкиста» и «Первый удар». Там танки прыгали с обрывов и переплывали реки. Парадокс – не помню, как произошло в бою, но помню, что в борту танка была дыра, и он загорелся. Это меня удивило - дыра. Я думал, что я на танке доеду до Берлина. Святая наивность.

Часть нашу, потрепанную в боях, отвели на пополнение. Стояли мы в какой-то деревушке, а потом в Кишлуй-шалаше. Меня назначили дежурным по кухне. Вечером я пошел принимать дежурство. Столовая и кухня были во дворе большого дома.

- Кто тут дежурный? – спрашиваю.

Младший лейтенант сидит на колоде и отвечает:

- Я.

Здороваясь, я сказал:

- Жорка.

А он:

- Сашка.

- Чего грустный?

Он:

- Жить негде.

Я отвел его в дом, где я жил с лейтенантом Колей Суворовым и еще одним лейтенантом (фамилию не помню).

- Привел, - говорю, - квартиранта. Спи на моей кровати.

Сам ушел на кухню. Так мы познакомились с Сашей. Нас свела с ним накрепко судьба.

Мы получили новые танки, были сформированы экипажи. Танк мой забрал командир бригады, а свой отдал мне. Утром бригада выезжала на выжидательные позиции, мой танк отработал моторесурс, и радиаторы все время кипели. Мы то и дело останавливались и из бочки добавляли воду.

Навстречу подъехал «Виллис». Вылез подполковник и спросил: «Ты куда, воин, на этой хламиде?» Вынул из планшета бумаги, заполнил их и отправил меня на СПАМ. Там я сдал машину на капремонт, отправив с ней радиста, хорошего паренька родом из Горького. Наложили мы полный танк барахла, и он уехал в Россию, с другими танками и танкистами.

Саша Дикарев родился в 1923 году в селе Тоцкое Тоцкого района Оренбургской области. Закончил 10 классов и танковое училище. Попал в Иран. Там охранял коммуникации, по которым шла техника из Америки в Россию. Танки грузились на шаланды, а затем на пароходы и по Каспию перевозились в Баку. Он сжег уже в Венгрии немецкий «Тигр» и имел орден Боевого Красного Знамени.

4 ноября за мной пришел посыльный и велел явиться в штаб батальона. Я пришел к комбату, доложил по всей форме. Мне было приказано привезти из Румынии две бочки вина на праздник Великого Октября. Со мной поехал старшина, мужик лет 35, и двое танкистов. Был оформлен пропуск из Венгрии в Румынию и все необходимые документы. И на полуторке, не мешкая, мы поехали.

Винные склады были выпиты и разграблены. Старшина знал один склад, еще никем не тронутый. Приехали в маленькую деревушку и заехали прямо во двор к крестьянину-румыну. У него было две красавицы-дочери лет по 18-20, которых он куда-то отослал. Мы поужинали сытно и с вином.

Утром поехали по узкой дороге, которая шла в основном по кукурузе. Дорога узкая, тележная, да еще прошел дождь, и мы буксовали. Надели на задние колеса цепи и быстро приехали к складу. В пригорке были устроены широкие дубовые двери, и висел большой амбарный замок. Из домишки вышел старик. Старшина умел говорить по-румынски. Старик потребовал документы на вино. Иначе, сказал, что хозяин вернется и запорет его. Старшина в блокноте что-то написал, оторвал листок и отдал старику. Тот поблагодарил, снял

шапку, положил в шапку листок и надел шапку на голову. Тут же он отпер дверь, мы вошли в темный коридор, и на нас пахнуло спертым винным запахом. Включили фонарики и спустились вниз: слева и справа стояли бочки, и на них бирки – 1005, 1015 литров. Это было молодое вино. А дальше стояли бочки по 75-100 литров.

Попробовать вино поручили мне. Я стрелял из пистолета в бочку. Вино текло в кружку, а старшина, вырезав ножиком колышек, забивал отверстие. Бочек десять я попробовал. Проснулся у входа в подвал, лежа на шинели. Оказывается, опьянел так, что и не помню, в какой бочке лучшее вино. Там от одного воздуха станешь пьяным. Пошли опять и стали пробовать вино все. С трудом выкатили две бочки литров по 75 и закатили в кузов полуторки. Тут же поехали в часть. Приехали в деревню ночью и забуксовали средь улицы. С собой были две канистры по 24 литра, и они были заполнены вином.

Ночью же я пришел в дом, где жил, и разбудил своих жильцов. Они стали пить вино, а я, умаявшись и выпив две кружки вина, уснул. Утром пришел посыльный и потребовал меня в штаб. Оказывается, ночью из соседнего батальона подогнали танк и, погрузив на жалюзи вино, увезли. Пришел я к ним и говорю:

- Отдайте хоть одну бочку.

- Не отдадим, - говорят, – можем отдать лично тебе танк, а вино не дадим.

Пришлось ехать в Румынию за вином еще раз. В том же составе и на той же полуторке. Я сидел на бочке с вином, когда мы ударились в задний буфер «Студебеккера». Перелетев через кабину и скатившись по капоту машины, я оказался на земле. Радиатор был разбит. Ехать нельзя. Ночь. По дороге я убил из автомата двух, видимо, одичавших, свиней. Мы остановили проходивший «Студебеккер», и шофер за канистру вина взял на буксир. В деревню приехали под утро. Вино выгрузили и легли спать. Ребята из ремвзвода заменили радиатор. Да так, что комбат даже не узнал.

6 ноября 1944 года нас собрали на поляне у дома. И мы по танковому приемнику слушали выступление не то Молотова, не то Сталина.

Удивительное это чувство: быть далеко от Родины и слушать выступление одного из руководителей государства. Испытываешь волнение и гордость за свой народ, за страну Советов. И какая-то тоска по дому, по русскому всему, по русским березкам, полям и лугам. Манит в Россию. На черта бы мы все здесь оказались, если бы не эта ужасная война, но мы были детьми Великой страны и обязаны были защищать ее до последнего вздоха.

Здесь, в Венгрии, начальник штаба предложил ехать мне в бронетанковую академию. Я заполнил анкету на четырех листах. И указал, что отец мой судим по статье 58. Меня не послали в академию. Поехал капитан.

Начальник штаба сказал, что не надо было писать про отца. Я сказал, что врать не приучен. Опять мне плюнули в душу. Зачем? Ведь шла война. А Сталин говорил: «Сын за отца не отвечает». А на деле?

Жили мы в доме, в деревушке. Было это, когда ждали танки из России. Хозяин дома, старик, и его внук, мальчик лет семи. Старик заболел, и я сбегал в санчасть. Пришел военврач (капитан), и старика увезли в санчасть с воспалением легких. Мальчика мы кормили из своей кухни и помогали ему по хозяйству. Вскоре пришел и старик. Он благодарил нас, как мог, и улыбался, был уже более приветлив.

Механик-водитель из соседнего взвода задумал жениться. Отыграли свадьбу три дня, по-русски. Их расписали в церкви и чего-то толмачили. Невеста, чернявая, с тугими толстыми и длинными косами, была хороша. Натаскали молодым всякого барахла, вплоть до коров и посуды. Через дня 3-4, приехал сам батя с замполитом. Спрашивает лейтенанта:

- Механика женил?

А тот:

- Он сам женился.

- А ты еще не женился?

Лейтенант замялся.

- Ну, - говорит батя, - сейчас я тебя женю.

И он его так «женил», что бедный лейтенант остаток дня ходил, как контуженный, натыкаясь на людей, дома, заборы, и даже на свой любимый танк.

- Что же ты не пригласил меня, замполита, да и дипломатический корпус? Куда будешь девать жену механика, когда поедем на передовую?

Ну, словом, свадьба развеселила нас. А батя пошумел да и уехал. Получив танки, мы уезжали из деревни, и девчонки бежали рядом и кидали танкистам узелки со снедью.

У меня обнаружили воспаление среднего уха и стали лечить в санчасти. Но скоро меня, Сашу Дикарева и Сашу Каца, и еще одного лейтенанта (звали Мишей) отправили в Москву, в резерв бронетанковых войск. Все мы были кто ранен, кто контужен.

Начальник санслужбы корпуса поехал в тыл за медикаментами. Маневровый паровозик и теплушка, в которой мы ехали вместе с начальником медслужбы, то и дело останавливался и подолгу стоял на станциях. А на фронт шла техника. Готовилось большое наступление на Балатон и Будапешт.

Вскоре мы пересели в товарняк и доехали до Бухареста. Тут мы ночевали в отеле и с боем сели в пассажирский вагон. Народу – негде яблоку упасть. Я стоял в коридоре напротив дверей. Был вагон-купе. Приоткрыл дверь и вижу, что в нем четверо гражданских, не русских. Достал из рюкзака четверть с самогоном, кружку и кусок колбасы. Попросил разрешения закусить у этих буржуев. Они отодвинулись от столика. Я пригласил Сашу Дикарева. Налив полную кружку, я подал Саше и моргнул ему. Выпил и сам, еще налил. И тогда пассажиры, взяв чемоданы, удалились из купе.

Мы стали обладателями этого купе. Спальных мест у них нет – страну можно проехать и без сна. С диванов кожа была срезана, и торчали пружины. Мы застелили их шинелями и, прекрасно закусив, отдыхали. Скоро была пересадка, и мы ехали опять в простом вагоне. Ехали с нами два старших лейтенанта, капитан и старшина. Все они из Одессы. На остановке офицеры вылезли по делам. Миша наш разговорился со старшиной и узнал, что это спекулянты.

В Галаце вылезли мы. Была ночь. Город был разбит. По камням, кирпичам и обломкам мы подошли к домику, где в щель окна пробивался свет. Нас не пустили. И мы пошли дальше. Дошли до центра города и тут вошли в большой дом.

Это была советская комендатура. Лейтенант увидел нас и удивился:

- Как вы тут оказались?

Оказывается, в городе много бандитов, и часто совершались грабежи. Окна заделаны мешками с песком. Прямо на полу два «Максима». Автоматы, гранаты прямо на столах. И человек 20-25 солдат. Куда-то бежали перед рассветом с оружием. Слышна была перестрелка. Утром мы ушли на вокзал и в тамбуре вагона из-под угля поехали домой.

Вот и Родина. Мы оказались на Украине, мы были взволнованы и рассматривали все, как вновь народившись. Все станицы и города еще были разрушены. Кое-где торчали одни печи и трубы. Грустная картина. И злость на проклятую Германию обуревала наши души.

На узловой станции была пересадка. Наш поезд шел только через сутки. Мы остановились на ночлег у пожилой хохлушки, живущей с внучкой лет девяти. Глиняный пол, устланный соломой, опрятно, у других и хат-то не было. Юбка была на ней из немецкой плащ-палатки, драненькая кофта. Продуктов у нас было много. Еще в Румынии мы набрали два вещмешка. Она спросила:

- Что везете?

- Ничего, - отвечаем.

- А люди военные обычно везут иголки, нитки, камни для зажигалок.

Мы пошли на базар, купили самогонку, ниток, иголок, селедки и все отдали хозяйке. Соседский дед выглянул из-за плетня, и наша хозяйка сказала, что-де он при немцах был полицаем и здорово мотовал. Мишу это взорвало, и он сказал, что его задушит. Вообще же, у Саши Каца (он был еврей) в Житомире, где он жил с семьей, немцы уничтожили сестру, мать и отца. У Миши, а он был из-под Смоленска, тоже немцы убили брата и кого-то еще.

Мы уехали с этой узловой станции, поблагодарив хозяйку за ночлег и оставив ей часть продуктов. В Киеве сделали остановку у дяди Саши Каца. Он был в звании подполковника и заведовал заводом по ремонту танков. Город был разрушен, и самая красивая улица, Крещатик, приводилась в порядок для проезда. На вокзале невозможно

было купить билеты и сесть в вагон. Дикарев подошел к кассе для Героев Советского Союза. Девушка спросила:

- Вы Герой?

А Сашка:

- Будущий.

И она закрыла оконце. То же было и у кассы генералов. Я заметил рослую, смуглую, с толстой косой, девушку, которая сидела на чемодане и плакала. Мы разговорились. Она не могла уехать из Киева. А ехала из Молдавии, где была бригадиром тракторной бригады по путевке комсомола, в Москву к маме. Точнее, в Перловскую, что под Москвой. Папа работал в авиационном конструкторском бюро и при испытании самолета погиб.

Мы штурмом залезли в вагон и затащили эту девушку. Звали ее Асей. Накормили ее - она не ела два дня. Устроили ее на третью полку. Я спал на боковой полке, куда кладут вещи, и, чтобы не упасть, ремнем привязался к отопительной трубе. Как-никак, а в вагоне все устроились, и стали слышны песни, шутки, смех. Да и вообще, было как-то все по-другому: ни тебе бомбежек, ни воя снарядов, ни осветительных ракет, ни атак, ни стонов. Ко всему этому мы привыкали.

Прикатили в Москву. Идем - рты разинули. А тут на углу – военный патруль. Мы поприветствовали старшего лейтенанта.

Он проверил наши документы и сказал, что мы одеты не по форме.

- Но мы же с фронта!

Нас отвели на плац, где был когда-то сахарный институт, и мы строевым шагом оттопали четыре часа. Дурость какая! Нас отпустили, сделав пометки в командировочных документах, что мы были наказаны.

Около метро нас хотели задержать вновь, но мы убежали. Шли и возмущались. Впереди шел солдат с вещмешком за спиной, и его остановил патруль. Он рванул шинель так, что отлетели пуговицы. То был старшина, Герой Советского Союза. Он отматерил лейтенанта и пошел прочь. Мы опять убежали. В Москве, на какой-то улице и доме, мы сдали документы, и нас отправили в Наро-Фоминск. Там мы жили в казармах и занимались весь декабрь.

Ночью по тревоге было построение: отправляли офицеров в Горький для приемки танков и экипажей. Меня не вызвали. Вызвали обоих Саш. А Кац в эту ночь ночевал у бывшей балерины Большого театра, и я встал в строй вместо Саши. Меня отлаял капитан, и я в долгу не остался. Утром мы поехали в Горький. С Сашей Дикаревым мы попали в один взвод.

Танки загнали на платформы, закрепили, и эшелон отправился. Мы ехали в Германию. Везли сталинским литером «А». Это значит, что остановки только когда менялась паровозная бригада.

В Польше, в г. Познани мы стояли так долго, что ребята притащили две канистры пива. Разгрузились где-то на станции. Нас принял майор, и своим ходом ночью мы совершали марш. Я сел за рычаги и повел танк. Вдруг – остановка. Оказывается, механик одного танка ударился в дерево и выбил бортовую передачу. Майор хотел его застрелить, но мы подбежали и не дали ему выстрелить. Колонна пошла дальше.

Ночью вести танк без света непросто. Надо иметь навык. Дорога делала поворот, и майор решил поехать прямо. Машина моего командира взвода и еще одна застряла в болоте. Я подошел и сказал, что сейчас вытащу. Мы приготовили трос. Я стал объезжать танк и сам застрял. Ребята (весь экипаж) спали. Я выпрыгнул из танка и стал осматривать, как выбраться из болота.

Подошел майор и скомандовал: «Под дуб». Я не понял, за что под дуб. Тогда он поставил пистолет на боевой взвод и повторил угрозу.

За что? Почему так просто? Я пошел к сосне, росшей в метрах десяти от танка. Было обидно, что сейчас тебя убьет этот майор. Я был здоров и мог еще принести какую-то пользу Отечеству. Главное, думал я, чтобы он не стрелял в спину. Да и мысли всякие молнией пролетали в голове. Не дойдя метра три до сосны, я услышал:

- Отставить под дуб. Чтобы был на дороге через пятнадцать минут и ехал в деревню, в часть.

Дошел до сосны, и силы меня покинули. Липкий пот застилал глаза. Плохо работала голова. Я опустился и сел на

корни этой сосны. Ребята подошли с пилой и топором и стали пилить сосну, а я плохо понимал, зачем они это делают.

Кусок сосны привязали спереди к гусеницам, и танк был уже на дороге. Саша подошел, взял меня подмышки и сказал:

- Пошли, надо ехать.

Я отстранил его и, сперва шатаясь, а потом ровно, я пошел к танку. Почему он меня не застрелил?

Когда Саша понял, что дело приняло трагический и дурной оборот, он подошел к майору, вынул пистолет и сказал:

- Буду стрелять.

В это же время проснулись ребята в танке. Заряжающий открыл люк и, поняв, в чем дело, направил на майора зенитный пулемет, что установлен на вращающейся головке командирской башни. Я сел на лобовую бронь, держась за кронштейн крепления пушки, и мы поехали по шоссе к деревне. Проехав километров пять, в тумане увидел танк и рядом человека. Это был майор. У них кончилось горючее. Вообще-то во всех танках горючее было на исходе.

- Почему у тебя горючее есть?

- Потому что на остановках я глушил моторы, – ответил я.

- Ты нарушал инструкцию.

Я уступил ему свое место, а сам сел на подфарник, и мы поехали. Я не смотрел в его сторону, да и говорить не было настроения. Вскоре мы приехали на окраину деревни или городка. Майор приказал остановиться, занять дом и замаскировать танк. Танк задним ходом сломал забор, выбил стену какого-то сарая, следы мы замели и пошли в дом, а там – ни души.

Механик поймал гуся, быстро его оципали, сунули в ведро и – на костер. Пришел незнакомый старшина и передал мне немецкую флягу со спиртом, сказав, что это от майора. Мы вынули недоварившегося гуся и со спиртом мгновенно его слопали.

Заправщики ушли к танкам, и скоро вся бригада прибыла в деревню. На другой день Саша разыскал меня и, глядя сначала мне в глаза (а я ему: «Что ты смотришь на меня, как на бабу?»), обошел меня вокруг и изрек:

- Даром эта история тебе не обошлась.

- А что? – спрашиваю.

- На висках у тебя, Жорка, седые волосы.

Я посмотрел в зеркало, что было в доме, и увидел седые волосы. Потом я и ребята выдирали их пассатижами и пинцетом. Святая наивность. А что тут плохого? Ведь молодость.

Расчесываясь, я увидел на расческе волосы. И волосы полезли. Жалко волос. Они слегка вились кудрями. Да я и сам был симпатичным парнем. Но надо было воевать, и думать о себе я перестал.

Было построение, на котором нас ознакомили с частью, где мы должны служить: 1-й механизированный корпус, 219-я танковая бригада, 2-я танковая армия. Командир бригады - полковник Вайнтрауб. Командир корпуса, кажется, Богданов, генерал-лейтенант. Через несколько дней нам зачитали приказ, и я был назначен командиром взвода разведки.

Редко танк возвращается с разведки. Танк – махина, и ее не спрячешь. Идешь в разведку, а по танку бьют пушки и самоходки немцев. Только по рации сообщаешь, что видел и где видел. А дальше должен или сгореть, или выпрыгнуть. Как будет угодно судьбе.

А американский «Шерман» создан не для войны. Его не сравнишь с Т-34. На «Шермане» воевать против негров, вооруженных луком и томагавком: вес 35 тонн, а гусеница узкая, и высота 2,9 метра. Часто мы сидели и буксовали на пахоте, а мимо Т-34 несутся, только комья земли летят. Правда, бронь у них вязкая, и механизмы редко отказывали. Сидения со спинками и пристежными ремнями. Места для личных вещей членов экипажа. Все это убиралось, вырезалось бензорезом, и мы добавляли за счет освободившихся мест снаряды и коробки с пулеметными лентами.

Скоро мы выехали на выжидательные позиции и, немного погодя, пошли в бой. Было это в Восточной Пруссии. Немцы яростно сопротивлялись, особенно перед Одером. Им помогали власовцы. Власовцы воевали яростно. Им было нечего терять. Назад было нельзя – немцы стреляли, в плен к нам – мы их не миловали.

Весь корпус и наша 219-я бригада вступили в бои. Бои были тяжелыми, мы часто совершали марши вдоль фронта и опять шли в бой. Бригада наша гвардейская, не помню, имела

еще и много названий. Наконец, мы встали в оборону. Вечером, выпивший комбат пришел и приказал мне и Саше Дикареву закопать танки на возвышенности так, чтобы было видно немцев.

Он снял гимнастерку и в белой рубахе бежал впереди моего танка. Мы ехали без зажженных фар. К рассвету нужно было выкопать капониры и загнать в них танки. Сделав половину капонира, мы наткнулись на огромный камень, тросом его обогнули и на малых оборотах танком вытащили из капонира.

К утру было все готово. Сзади, метрах в трехстах, стояли две противотанковые пушки. Утром появились 12 «Мессершмидтов», обстреляли нас, отбомбились и, разбив одну пушку, улетели. Чуть позже появись наши «Илы», и они обстреляли нас. Приехал батя и отматерил нас за то, что мы не стреляли по самолетам из зенитных пулеметов. Немцам были видны только наши башни.

Рядом с танками ударились одна, а потом вторая болванка в землю. Это немецкая самоходка била нас по левому борту. Но из леса вышли два наших танка и тут же ее сожгли. Мы вели наблюдение за немцами.

Под вечер я пошел с котелком к лесу набрать воды из болота и прошел мимо разбитой пушки и убитого артиллериста. У него был сорван череп, и вытекли мозги. Так мы простояли двое суток.

Утром танк Николая Суворова послали в разведку. Он шел по открытому месту, и мы наблюдали. Отойдя метров 500, он задымил. Никто из ребят еще не выпрыгнул. Видимо, бронебойный снаряд попал в боеукладку, и снаряды взорвались. По рации комбат приказал мне идти в разведку.

Мы тоже катили по открытому месту, и, увидев с левой стороны овраг с пологими спусками, я повернул туда. Не доехав самую малость до дна оврага, я увидел немецкий «Фердинанд». Мы не успели развернуть свою пушку и тут же почувствовали удар, и еще удар в левый борт. Открыли люки и выпрыгнули. Танк горел. На земле сидел сержант. У него был оторван голеностопный сустав левой ноги и держался только на сухожилии. Остальных членов экипажа не было.

Вспомнилось: это был не первый бой. До этого тоже танки горели, кого ранило, а кто был убит. Я же остался

живой. По настоянию медиков, меня сняли с танка, и я был назначен зам. начальника боепитания бригады. Дня четыре я возил снаряды на «Студебеккерах», получая их на складах. Пришел посыльный, и я явился в штаб. Было сказано, чтобы я принял танк. Из экипажа в нем был мой только сержант-радист. Остальные были не знакомы. Танк был с ремонта, на стенке башни висели волосы и мозги. Видно, болванкой пробило башню и снесло голову командиру машины. Дыру заварили. Я смыл волосы и мозги бензином и отправился по назначению. Даже не успел спросить имени членов экипажа.

Возвращаюсь к описанию боя. Я подошел к сержанту. Нужно было перерезать сухожилие и сделать перевязку. На гребне оврага появился человек и сказал:

- Сейчас, лейтенант, поможем.

На душе отлегло – русская речь, русский человек. Всматриваюсь - слева и справа от него торчат головы. Сам он в кожаной куртке и штанах, сапоги – раструбом. Понял, морская пехота. Немцы.

Сказал сержанту, чтобы он полз от танка. Вынул нож. Он дал очередь из автомата и убил сержанта.

По дну оврага ходили немецкие танки и набили колею, в нее-то я и лег, стреляя из нагана по немцу. А он, гад, во весь рост стоял и стрелял в меня. Выпустил рожок патронов и вставил другой. Солдаты от него поползли влево и вправо. Хотели взять меня живьем. Я выстрелил из нагана семь патронов, а перезарядить не было времени. Достал из кармана гранату-лимонку, вынул чеку и левую руку с гранатой подтянул к груди. Стоило опустить рычаг, и я бы взорвался. Но то был бы легкий выход, а я обязан был остаться живым и сообщить комбату, что я видел. Иначе гибли бы ребята, не зная, что у них впереди.

Немец, а то был офицер, стрелял, пули впивались в землю у моих плеч и головы. И почему он меня не убил? Кто знает?

Снаряды от огня в танке взорвались, и вырвало десантный люк. Горючее, полыхая, текло по колее на меня. Стало жарко. Я оглянулся и увидел на склоне оврага березу. Нашу, русскую. Дым стал прикрывать меня. Я вскочил и побежал. Добежав до березы, упал, склонив голову к ее корням. Немец стрелял по березе, но, видимо, не прицельно,

да и очевидно, не пробивал ее. Дым совсем застелил днище оврага, и это, видно, меня и спасло. Я побежал наискосок к вершине оврага. Тут меня свалили на землю.

- Тебе жить надоело? – кричал лейтенант.

То была разведка из батальона автоматчиков. Левой рукой я бросил гранату в овраг, наган - в кобуру. Немцы стреляли из крупнокалиберного пулемета. Я пополз. А лейтенант заорал, что я сошел с ума – дальше было открытое место. Я отматерил лейтенанта и по-пластунски прополз метров сто. Вскочил и побежал. До бригады было метров 800. Опять в меня не попали.

Крайний танк был комбатовским. Он увидел меня, открыл люк, и я прыгнул в башню. Комбат велел показать на карте, что я видел. Я показал, где стоит «Фердинанд», и что еще видел танки сзади него, на опушке леса, но замаскированные.

- А где экипаж? – спросил комбат.

- Радист, - говорю, - убит и сгорел на земле, остальные убежали. А они… сидели на земле, недалеко от танка комбата.

- Расстреляй их! Сейчас же!

- Слушаюсь, - сказал я и выпрыгнул из танка. Рука двинулась к кобуре. Но стрелять я не мог. Свои ведь.

- Сволочи, - сказал я, проходя мимо них. И пошел в тыл. В немецком доме нашел черствый хлеб, съел его, запивая водой.

Бригада вела бой. Среди нас оказался пехотный генерал. Танков было мало.

Генерал просил нас задержаться хотя бы на окраине деревни. То был опять бой. Из деревни шла дорога, и впереди был устроен завал из бревен и камней. Справа несколько домов. Сзади меня был Саша Дикарев.

По борту ударила пушка, и мы выпрыгнули через десантный люк. Но танк не горел, и я приказал всем вернуться в танк. Что-то внутри тлело, и мы быстро потушили. Саша выстрелил в направлении, откуда была вспышка, и все утихло. Ехать вперед нельзя – завал. Поперек дороги, пересекая ее, окопы в полный профиль. Еще удар по борту, танк зашатался – это фаустпатрон, и танк загорелся. В окопе я помог тащить командира взвода, у него была оторвана правая нога выше колена. Ребята затянули ногу ремнем. Но кровь текла.

- Давай, мы потащим, а ты ищи своих, - сказали они, взяв руки лейтенанта на свои плечи, повели его по окопу.

В окопе я увидел своего радиста: он лез на бруствер окопа. Я его стянул назад. Гимнастерка в крови. Мы добрались до дома. Я разорвал гимнастерку и майку. И первый раз в жизни увидел окровавленное человеческое легкое, голубого цвета и в пузырьках с кровью. Обвязал его двумя индивидуальными пакетами, рана от правого соска насквозь с выходом под лопатку. Вскоре он потерял сознание. Притащили в дом командира взвода. На танке, положив их обоих на жалюзи, отправили в тыл. Лейтенант умер от потери крови, пока его везли, про радиста не знаю. Вскоре бригаду отвели на пополнение. Танки пришли из России.

Перед Альтдамом бригада участвовала в боях за какие-то маленькие городишки. Мы с Сашей были приняты кандидатами в члены ВКП(б). В бою за город опять сгорел мой танк. Подробности боя почему-то не помню. Часть ребят из экипажа были убиты, а кто-то ранен. Мне опять повезло, и отделался контузией. Я не слышал и не мог говорить, хотя губами шлепал. Начальник штаба на бумаге написал: «Где сгорел танк?» И я показал на карте. Он приказал мне идти в тыл и кормить оставшихся в живых танкистов. Я нашел кухню: она располагалась в низине, окруженная кустами и деревьями.

Вскоре я стал слышать и уже матерился. На земле – матрасы и сено. Танкисты, выпив кружку водки и поев, кто спал, кто лежал и разговаривал с соседом. Мой лежак был крайний. Подходили ребята. Я подводил их к бочке с водкой. Наклонял бочку и, налив кружку водки, посылал на кухню. Под вечер задремал, укрывшись какой-то немецкой шинелью. Услышал разговор. Сел. Смотрю – идут пятеро. Узнал Сашу. Подошел. Говорю:

- Слава Богу, что живые.

Саша грустный, чем-то озабочен. Они выпили водки, поели и улеглись спать. Саша рядом со мной.

- Болит у меня душа, Жорка, - сказал он. И начал рассказывать.

Было так. Сашу позвал к себе командир батальона автоматчиков, майор. Немцы готовили контратаку. Танков на этом участке было мало. Договорились, что делать, и майор

отпустил Сашу. Выйдя от майора, Саша увидел свой экипаж - они шли в тыл возбужденные. Механик был ранен в голову и руку и забинтован. Ранен был и помощник механика. Они сказали Саше, что танк сгорел от прямого попадания в лобовую броню. У Саши болела душа. Я его, как мог, успокаивал. Ведь их четверо, не врут же? И это была роковая доверчивость. Мы, вообще и по сей день, доверчивы. Русские мы до мозга костей, тем и горды. Оттого, бывает, страдаем.

Бой за Альтдам был тяжелый. У меня есть благодарность Сталина. Утром пришли «Студебеккеры», и нас увезли в лес. Мы строили офицерскую землянку, строили долго, много смеялись, шутили, дурили. То была, верно, нервная разрядка. Комбат нас отругал, и мы быстро ее достроили, черным шелком обили потолок, поставили пианино, пару кожаных кресел. Нары обтянули по земле плащ-палатками. Оставшиеся танки стояли замаскированные в лесу, в 800 метрах от нашего жилья.

Среди нас был техник-лейтенант, участник финской войны, звали Мишей. Орден ему вручал М.И. Калинин. Он так сжал руку Калинину, что тот поморщился. И когда выходили с наградами, какой-то офицер отругал его за то, что он сильно сжал руку Калинину. Вскоре Миша пригнал Сашин танк. У него была прогнута лобовая бронь, лопнули болты крепления пушки. Мне было приказано принять этот танк № 46. Саша все понял.

Ночью старшина, что был писарем у начальника особого отдела бригады, разбудил меня:

- Вы Дикарев?

- Нет, - говорю.

Саша спал рядом.

Под утро Саша пришел. Отдал мне новый наган, письма от матери и девушки. Днем позже его арестовали. Его судил трибунал. Была большая землянка – «Красный уголок». Все офицеры бригады были приглашены на суд. Первым стали спрашивать командира батальона автоматчиков – майора. И он сказал, что Саша проявил трусость, и наговорил черт знает чего. Я узнал майора и красивую женщину, белокурую, из трибунала, Волховский фронт. Майор был уже подполковником. Спросил членов экипажа. А потом

допрашивали Сашу. Рассказывая, Саша улыбался. И это взбесило подполковника. Зачем Саша улыбается?

Вопрос из трибунала:

- Кто знает Дикарева?

Я поднял руку. Мне разрешили говорить. Я стал рассказывать про Сашу, что он боевой офицер, что мы воевали в Румынии, Венгрии, что у него орден Боевого Красного Знамени.

- Здесь не суд офицерской части, а трибунал! – сказал подполковник и посадил меня.

Зачем тогда было спрашивать? Чтобы лить грязь на Сашу? Было странно. Были зачитаны боевые характеристики на Сашу. Нас попросили выйти.

Покурили, и нас позвали.

«Встать! Именем Союза Советских Социалистических Республик за трусость, проявленную младшим лейтенантом Дикаревым, приговорить его к высшей мере наказания – расстрелу».

Все мы ахнули.

«Но, учитывая боевые характеристики, награды, осудить на 10 лет лишения свободы. … Но, принимая во внимание раскаяние Дикарева, молодые годы и т.п., разжаловать и отправить в штрафной батальон».

Трибунал уехал. Мы вышли из землянки. Курим, молчим. Мысль: жестоко обошлись с Сашей.

Вышел майор. Все к нему. Офицеры постарше сказали:

- Ты, майор, сука, и чтобы тебя в части не было.

Он начал артачиться. Ему сказали:

- Ты понял, чтобы тебя здесь не было.

Через несколько дней его в части не было.

Старший сержант-татарин вывел Сашу, держа автомат наизготовку. У него отобрали автомат. Пригрозили и отматерили. Мы сели на землю. Закурили. Саша сказал:

- Ты, Жорка, родителям не пиши. Прощайте, ребята.

И Сашу увел сержант, но уже держа автомат на плече.

В землянке с нами жил капитан – бывший комбат. Его медики сняли с танка. Демобилизоваться он отказался. «После Берлина», - сказал. Он играл на пианино, пил одеколон и то, что доставал сам или приносил ему старшина батальона. Его вызвали в штаб, и он куда-то отбыл.

Вызвали в штаб и меня.

- Поедешь получать танки, - сказал комбат.

За танками поехал сам комбат, старшины-регулировщики, механики-водители, кухня, повара с продуктами и я. Я сидел рядом с шофером в «Студебеккере». Выехали на площадь в каком-то немецком городе. Вижу, на бричке, управляя конем, сидит капитан из нашей землянки. В бричке сидит Саша и еще один солдат. Шофер остановился. Я выскочил, и – к бричке. Мы поздоровались.

- Куда вы едете? – спрашиваю.

Капитан с матом пояснил:

- Нигде, - говорит, - штрафников не принимают. Куда их везти, не знаю.

Проезжали по лесу. Подошли танкисты.

- Куда, - спрашивают, - везешь?

- А ты кто? – спросили у Саши.

- Танкист, - ответил Саша.

- Давай к нам. У нас не хватает офицеров. Документы получишь и будешь воевать.

Саша отказался. Сказал:

- Я должен отбывать наказание в штрафном батальоне.

Его обозвали дураком и ушли. Саша сказал:

- Жорка, напиши матери, что я не трус. Живым, видно, мне не быть. Сам знаешь – штрафник я.

Зачем-то я предложил Саше наган. Он отказался взять. Мы попрощались.

Танков наших не было. Комбат дал мне шифровку и приказал каждый день наведываться к начальнику станции, а сам с ребятами уехал в деревню. Мы с шофером жили у станции в летучке.

Танков наших не было. А другие танки каждый день выгружались с железнодорожных платформ. На велосипеде по бетонке я поехал в деревню. Сперва спросил шофера летучки, как найти наших.

- А где, - говорит, - поют Ермака, там и наши!

В деревне я услышал Ермака. Зашел в дом. Доложил комбату. А он:

- Выпей.

Оказалось - стакан чистого спирта. Я еле перевел дыхание.

– Кстати, - говорит, - иди на станцию и жди. Придут танки, тут же сообщи.

Два старика-немца ремонтировали забор у дома. И никак не могли осилить и вытащить старый столб. Я спрыгнул с велосипеда и ломом выдернул столб. Сели на тес у забора покурить. Немец на русском языке:

- Что будем делать с Гитлером?

- Посадим, - говорю, - в железную клетку и будем возить по России.

- Откуда, - спрашиваю, - знаете русский язык?

Оказалось, был в плену два года в России. Второй немец не понимал по-русски, и все время смотрел на меня.

- Чего, - спрашиваю, - он на меня смотрит?

- Ищет, - говорит, - у вас, господин офицер, на лбу рога. Вас во всех журналах рисуют с рогами и звездой во лбу, а во рту кинжал.

- Видел, - говорю, - ваши журналы.

Посмеялись. Немец спрашивает от имени второго:

- Гитлера сошлете в Сибирь?

- Нет, - говорю,- поганить сибирскую землю не станем. Туда царь ссылал революционеров. В клетке так и будем возить, пока не сдохнет.

- Гут-гут, - говорит не знающий русского немец.

Я укатил на станцию. Вскоре получили танки и приехали в свое расположение.

Еще были бои.

Бои были какие-то короткие, наскоком. Нас выводили из боя, и мы совершали марш, и опять – бой.

Батя вывел всех офицеров на рекогносцировку местности. Картина: мы на холме, внизу речка разделяет город надвое, город горит. Батя объяснил:

- Переправа - мост, только в городе. Немцы почему-то не успели его взорвать, это сообщила разведка. Больше переправ нет. Через два часа мы двигаем. Одеть противогазы, а механикам – асбестовые рукавицы.

«А как ехать-то, - спрашивал каждый себя, - когда в городе море огня?» Но это война. И мы поехали.

Рушатся верхние этажи и с огнем и дымом падают под танки. Вентилятор не включишь. Он будет сосать дым с улицы. На полном ходу гнали, черт знает, как

ориентировались. Через мост, через остаток города, и в лес. Здесь очухались, остановились. Приехали все. Ай да мы! Рады. Все, у кого резина на катках распухла, где надо, меняли катки. Был опять марш. И к вечеру мы угомонились.

На рассвете всех офицеров вызвали к штабной машине. Начальник штаба бригады вышел из «Студебеккера». Встал на подножку, зачитал приказ Верховного о генеральном наступлении на Берлин. Кто-то завопил:

- Что нам Берлин? Надо давить до Ла-Манша. А там - штык в землю. Напьемся, и по домам.

- Отставить разговоры! – крикнул подполковник. - Выполняйте приказ!

Нам предстояло форсировать Одер в г. Кюстрине. Переправа на понтонах. Масса зенитной артиллерии. И наша авиация. Переправу строил и поныне живущий Н.Н. Тырин. Потом мы разговорились. После войны. В поселке.

Ночью к танку пришел техник-лейтенант и потребовал проверить масло в двигателях. Механик пыхтел, однако поднял жалюзи. В правом двигателе масла не было. ЧП. Я ведь командир взвода разведки. Тут же пришел замполит, начальник особого отдела. Но куда делось масло? С днища танка сняли броневой лист, и на нас потекло масло. Было приказано вызвать летучку. Я побежал.

На летучке мужики – блоху подкуют. Объяснил, завел мотор, прыгнули, покатили. Сняли поддон с мотора. Прокладка целая. Уже всходило солнце. Все крутили поддон. Начальник летучки, техник-лейтенант, поднял его, и на солнце. И сказал:

- Вот она, дыра-то.

Открылки приварены точечной сваркой. И в сварке этой дыра, как иглой прокололи, горячее масло вытекло. Бригада выстраивалась к переправе. Все ушли. Ребята с летучки взяли паяльную лампу, буру, медную проволоку, запаяли дыру. Всё на месте. Броневой лист на несколько болтов, и на переправу. Сбоку танков едем. Комбат показал кулак. Вырулили на переправу и - вперед. Связь держал только с батей. На середине переправы встретил «Виллис», из него вылез подполковник и приказал ехать назад. Я с лобовой брони прыгнул на свое место в башню. И тут же - батя в наушниках:

- Почему, в бога-мать, встал?

Говорю:

- Подполковник не дает дорогу.

- Вперед, сынок.

Я - механику:

- На малой, вперед.

Мы тронулись. «Виллис» пошел назад. Офицер остался на обочине. Я переправился, и за мной вся бригада. Ребята рассказывали, что-де подполковник и батя матерились, и дело дошло до пистолетов. Но не стреляли. Каждый выполнял приказ. Но у нас бригада, 60 танков.

Было это в 5 утра 15 апреля 1945 года. Немцев не было видно. По приказу Г.К. Жукова было сосредоточено 250 стволов на 1 квадратный километр. Артподготовка длилась, видно, час или больше. Все было исковеркано.

Потом пошли бои за Берлин. Немцы окружили город и подступы к нему укреплениями. Каждый дом был крепостью. Броневые и бетонные колпаки, масса фаустников. Но наш порыв был отчаянным. Два фронта наступало на Берлин с центра и с севера.

Мы совершили марш и остановились в центре города. Такого не бывало. Стояли и час, и два. Безделье угнетает. С лейтенантом из соседнего взвода мы отпросились у командира роты и пошли по улице.

Стоял «Студебеккер». Задний борт открыт. Очередь немецких детишек. Бравый старшина лет 35 с усами выдавал по булке хлеба, а младший сержант, видно, шофер, насыпал по кружке сахарного песку. Очередь подошла девочки лет пяти. Получила она буханку хлеба. А сахар - некуда. Девчушка растерялась и в слезы. Как быть? Нет бумаги у старшины, и у нас нет ничего. Хотел я забежать в дом да попросить чего-нибудь. Да раздумал.

Подошел к девочке. Подол у платья свернул лодочкой и сержанту:

- Сыпь. Еще сыпь.

Он задержался и посмотрел на старшину. Я рявкнул, и по матушке его. Он высыпал еще кружку песка. Девочка вышла из очереди. На щеках еще слезинки, а глаза добрые.

- Данке шон, господин офицер,- сказала она и сделала реверанс.

- Будь счастлива, - ответил я, и мы с лейтенантом пошли.

Я увидел, что очередь поворачивает за угол.

Вернулся и сказал, что детей много. Старшина:

- Да что их там, дивизия, что ли?

- Да нет, - говорю.- Но рота будет. Режь-ка ты буханку пополам, а то ведь не хватит всем.

Старшина сломал буханку руками. Посмотрел: хлеб-то некрасивый. Достал из-за голенища нож и стал резать. Когда-нибудь, быть может, какой-то художник нарисует эту картину.

Мы вернулись к танкам, и скоро команда: «Заводи и вперед». Русские люди, русские сердца. Немцы жгли наши танки фаустпатронами. И даже гражданские. Вышел приказ: «Населенные пункты, проходить на максимальной скорости и внимательно следить за окнами, чердаками и пр. пр.».

Немцы отступили, и мы на большой скорости гнали по городку. Я смотрел в перископ, развернув его вправо. Посмотрел прямо и сперва не понял. Что-то живое на дороге. Ближе. Оказалось, дитя. Механику: «Стоп». Лобовая бронь, когда я выпрыгнул, был от ребенка в полуметре. Я его схватил и поставил ногу на каток. Хотел прыгнуть в танк. И тут же мысль:

- А если сгорим?

Побежал с ним в дом. Посадил на постель, обложил, чем попадя, сунул кусок черствого хлеба и бутылку кефира, видно, очень старого. Дитя плакало. Но кто это был, девочка или мальчик, не знаю. И где были его родители? И почему он выполз на дорогу?

Потом у механика спросил: - Раздавил бы?

- Объехать, - говорит, - нельзя было, деревья по краю дороги. Можно сорвать бортовую передачу. Закрыл бы глаза и проехал бы.

Перед самым Берлином послали меня в разведку. Низины и овраги немцы завалили деревьями и привязали мины. И по этим завалам нужно было ехать. Перед Берлином много сосновых боров, и ехать по ним было невозможно.

В танк ко мне сел начальник оперативного отдела бригады майор Подопригора. Он был молод, высок ростом и красив. По бетонке мы доехали до окраины деревни. Немцев было мало. Они пустили дымовую завесу и убежали. Наших все же три танка. Майор по рации сообщил, что задание выполнено. Мы ждали, когда подойдет бригада. На

бронетранспортере приехали еще чьи-то разведчики, и из него вылезла баба. Она была в кубанке, в галифе с красными лампасами. На боку маузер. То была разведка от казачьего корпуса. Баба:

- Чего вы, танкисты, не берете деревню?

И давай нас материть. Майор ей:

- Ты вот что, красавица, обожди малость, я с тобой пошуткую.

Обменялись любовными посланиями, и баба укатила в тыл.

На пути к деревне встретился танк, и на подфарнике его сидел Володя Румянцев. В Казанском училище он был у нас помкомвзвода. Мы поклонились друг другу.

Я вылез из танка - нужно было умыться. Был в грязи и копоти. В лесу много легковых автомобилей марки ДКВ, ковры и всякое барахло. Трогать нельзя - немцы минировали. Нашел мыло величиной со спичечный коробок и серого цвета. В луже же умылся. Стало веселее.

Вблизи стали рваться снаряды. Я пошел к танку. Обожгло правую ногу, это попал осколок от снаряда. Я бросился в индивидуальный окопчик, а потом в танк. Снял сапог и перевязал ногу. Ранение было малым, осколок попал в голеностоп, в кость у лодыжки.

Артобстрел прекратился, и мы вылезли из танка. Хотелось есть. Но нечего. Смотрю, из леса идет лейтенант. Рука забинтована и на перевязи через шею. То был Володя. Фамилию не помню. Он в разведку ездил на трофейном бронетранспортере. И когда вылез из транспортера, его ранил пехотинец из разведки. Был он очень нервный, подчинялся только бате, остальных посылал к такой-то матери. И тут майор ему что-то сказал, а Вовка его послал матом. Его транспортер был от нас в километре. Ребята его что-то ладили в машине. Он знал, где мы находимся, и пришел.

- Пойдем, - говорит, - Жорка, найдем и убьем того сержанта, что меня ранил.

- Где, - говорю, - искать-то?

Володя настоял, и мы пошли. Я нашел палку и опирался на нее. Пройдя лес, вышли на дорогу.

Немцы возились у танка. Увидев нас, стали стрелять из автоматов. Мы убежали.

- Вот, - говорю, - в бога, в креста и т.п., тебе и сержант. Чуть не попали на тот свет.

Вовка молчал. Пришла бригада. Батя увидел нас.

- Ранены? - спрашивает.

- Так точно, - отвечаем.

- Ну, хрен с вами. Берлин возьмем без вас.

Поговорил с Володей, с майором. И нам:

- Идите в медсанбат.

Шофер у бати на «Виллисе» из канистры налил нам по кружке спирта. Дал понюхать сухарик. Его, видно, не раз уже нюхали. Мы пошли.

Было это 20 или 21 апреля 1945 года. Предместья Берлина. Зееловские высоты. Поднялись на бугор, а на нем метеорологическая станция. Начался артобстрел. Мы шмыгнули в немецкий дот. В нем было хмуро. Разглядели, в углу сидел молодой немец обняв винтовку. Напугался видно. Володя его застрелил. Снаряды стали рваться подальше. Мы пошли, у дерева нашли заплесневелый кусок колбасы и булку хлеба. Съели и запили водой из немецкой каски. Жить стало радостней. Вышли на дорогу.

Впереди шла девочка лет семи, женщина, рыжая немка лет 28, и старик. Женщина несла узелок, а старик в тележке детской катил какие-то пожитки. Володя умел по-немецки и разговаривал с ними. Так мы и шли. Редкие облака, голубое небо промеж них, и тепло. А бригада вела бой.

В небе самолет. Володя:

- Жорка пошли в лес.

И прыгнул через кювет. «Неужто, - мне подумалось, - будет в нас стрелять?» Далекая, оттого приглушенная, пулеметная очередь. Обожгло обе ноги, и я упал. Встал. Девочка лежала с разбитой головой, и вытекли мозги. Старик и женщина наклонились к ней и заплакали. То был «Мессершмидт» и стрелял разрывными. Пули попали в бетонку, «осколки мне в ноги. Левая нога была впереди и в неё попало больше. Из сапог текла кровь. Я переполз через кювет и тут увидел немцев. То были полицейские с бляхами на груди. Я стрелял в них из нагана. В горячке.

Подбежал наш лейтенант и пнул по моей руке. Наган выпал. Лейтенант разрезал ножом сапоги и сделал перевязку.

Сквозь бинт просочилась кровь, он добавил ваты и еще забинтовал.

Меня ранило в расположении штаба корпуса. Узнав мою фамилию, начальник штаба, полковник, приказал, чтобы меня на «Виллисе» увезли в медсанбат. Посадили на заднее сидение, и мы покатили. На дороге откуда-то рвались снаряды. Шофер остановился.

- Гони!- крикнул ему, и он погнал.

Меня кидало, и я держался за ручки бортов кузова. Проскочили, и стало тихо. Закурили, и айда дальше. Выехали на широкую бетонку, а на ней в три ряда танки и самоходки. Ребята сидят и играют, кто на аккордеоне, кто на губной гармошке. И конца не видно.

- Ранило, младшой? И хрен с ним. Главное - живой! - кричали черти с танков.

Где лесом, где кюветом, мы добрались до какого-то города. Тут меня погрузили в санитарный грузовик. Было еще человек семь раненых. Перед госпиталем вся поляна уложена ранеными: на соломе, на шинелях, на плащ-палатках лежали. Кто стонет, кто матерится, кто чего.

Мы с соседом закурили, поговорили. Лежал я на соломе, хотелось пить и есть, а трубка осталась с сапогами, кисет в кармане. Умолк я. Забылся. Какая-то истома и пустота в голове и теле. Устал. Часа через два санитары уложили на носилки и принесли в операционную. Десять столов, и на каждом режут. Много света. Молоденькая сестра разбинтовывала ноги. Молоденькая врач-хирург посмотрела ноги. Сестра сделала укол в левую ногу. Стали резать и доставать осколки. Стало больно, и я заорал. Подошел старичок-хирург. Мне сделали еще укол.

- Чем кричать, лучше бы рассказывал что-нибудь или спел, - говорит молодая врачиха.

И я заорал «Катюшу». Боли было меньше. С правой ногой управились быстрее. На соседнем столе сам старичок-хирург разрезал живот майору и возился в кишках.

На носилках меня принесли и положили на топчан в другую комнату. Принесли бинты, тазик. До колен на обе ноги сделали гипс. Принесли в палату. Постель белая. Подушка настоящая и тоже белоснежная. Диво дивное. Отвык от всего чистого. Сосед на койке стонал. Принесли обед. Такого,

казалось, я не ел, борщ и много мяса, котлеты с лапшой. А компот был царский. Я попросил еще стакан, и мне дали. Ноги закрыли фанерным футляром с электрическими лампами. Стало тепло, и я провалился куда-то. Спал сутки, и меня не могли разбудить, пришла сестра и сказала, что повезут в санитарном эшелоне в Польшу или в Россию.

- Пока тебя везли, - говорит, - ты потерял много крови. Голова кружится?

- Есть немножко.

Дала таблетку и в карман еще несколько.

На грузовиках и автобусах нас привезли на станцию и погрузили в санитарный эшелон, обыкновенные вагоны, на нарах, которые были справа и слева, сено, покрытое плащ-палатками. Подушки, набитые ватой. В вагоне были только раненые лежачие. Рядом со мной лежал справа лейтенант-танкист. У него было обожжено лицо и руки. Мне повезло с ранением.

На поясе в кобуре у меня был наган. Видимо, в спешке у меня его не сняли. Лейтенанта, и сейчас помню, звали Васей. От выделений у него запекся рот и глаза. Закусив подушку, кто-то тихо стонал, кто-то просил пить, кто-то в забытьи выдавал команды. Под мерный стук колес мы уезжали из проклятой Германии домой, в Россию. К маме.

Часа через два поезд стал сбавлять ход и вскоре остановился. Дверь отворилась, и в вагон прыгнула медсестра. Села на колени около Васи и сделала укол. Достала из сумки пузырек с жидкостью, смочила вату и протерла ему рот и глаза.

- Потерпи, родной, - сказала, - скоро приедем на место. Пинцетом она снимала с лица и рук Васи марлевые пласты, доставала из сумки свежие и, густо смазав вазелином, прикладывала вновь. Она сделала кому перевязку, кому уколы, кому дала пить.

- Потерпите, мужики, скоро будем в госпитале, - успокаивала она нас.

Из чашки маленькой ложкой она накормила Васю. Села на нары и уснула, положив голову на Васины ноги. Кто-то сказал:

- Тише! Не стоните. Милосердная сестра спит.

То был благостный сон до смерти уставшей милосердной сестры.

Поезд сбавлял скорость, и сестра проснулась. Ее ждали в другом вагоне. Уходя, она оставила пузырек с жидкостью и кусок ваты. Спросила:

- Как тебя зовут?

- Георгием.

- Из этого пузырька смочи вату и протирай Васе глаза и рот. И почаще.

Поезд остановился. Она выпрыгнула из теплушки. Я протирал Васе глаза и рот через каждые два часа. Он попросил:

- Застрели меня, Гошка, кому я нужен такой?

- Потерпи, - говорю, - Вася. Вылечат тебя. Сделают пересадку кожи. Найдем еще умную и красивую девчонку. Родит она тебе крепких пацанов-танкистов. Наган я спрятал под сено.

Скоро нас привезли и выгрузили в госпиталь в польском городе Познань. Больше я Васю не видел. Верится, что судьба обошлась с ним хорошо. Не видел и сестру милосердия. Помнится, звали ее Ниной. Низкий, земной поклон тебе, Нина. Великое спасибо всем медикам войны. Будь моя власть, всех их от няни до врача наградил бы орденами Отечественной войны. И по сей день я помню ее белокурые волосы, василькового цвета глаза. Жива ли?

1 и 2 мая 1945 года московские артисты давали в госпитале концерт. Мы, лежачие, туда не попали. Выписывались ребята, и меня определили на койку, где лежал старшина. Его застрелили польские националисты, когда он был на площадке лестничной. В спину. Сволочи.

4 или 5 мая нас опять погрузили в санитарный эшелон. Домой, в Россию, к русским березкам. Трепетное состояние. Рад, что живой, что не искалечен. Что будет дальше? А бригада была в Берлине. Сдуру старший лейтенант, начальник эшелона, сказал, что недавно эшелон с ранеными начисто вырезали польские националисты. Что может раненый? У некоторых ребят было оружие. А что сделаешь пугачами? Тревога на душе. Проскочим ли?

Везли нас в пассажирских вагонах. Ростом я высок. Проходя, задевали мои ноги. Я взял костыль и держал на

изготовке. Кому-то врезал. В вагоне сказали: «Там лежит чокнутый танкист с костылем. Осторожнее». Задремал. Проснулся, а поезд стоит, и какой-то гвалт по вагону. Грузили еще раненных. Вдруг прыгает кто-то на одной ноге ко мне спиной. И что-то знакомое в фигуре. Узнал и заорал:

- Сашка, это ты?

Он повернулся:

- Жорка, живой?

- Ага, - говорю.

Он упал мне на грудь, и мы заплакали. Мужики не умеют плакать. Как-то неладно это у них получается.

146 штрафников форсировали Одер. Переправились 26. Заняли деревню. Немцы очухались и выгнали их. Саша был ранен - вырвало икру левой ноги. Раненного командира взвода он дотащил до берега. И у воды они устроились. Немцы их не заметили - берег крутой. Потом госпиталь. И встреча.

Остановка. Полячки продавали самогон, хлеб, сало, домашнюю колбасу. Саша открыл окно, купил четверть самогона, сала, колбасы, хлеба. Напротив, на нижней полке, лежал старый лейтенант, узбек. И стонал. Тяжелое ранение. Саша налил кружку самогону и подал ему. Тот выпил, закусил и умолк.

Красивая полячка у окна. Кудри на голове. Голубые глаза так и манят, улыбка святой девы.

- Дай ей денег.

- За что?

- За красоту, - говорю.

Саша взял жменю денег из вещмешка и отдал полячке.

- Цо пану треба?

- Тебя, - говорю. - Это тебе за красоту.

Эшелон тронулся. Ребята в госпитале надавали разных денег половину вещмешка. У меня не было ничего. Даже трубки. Угощали самогоном раненых. Они благодарили. Саша устроился на верхней полке напротив. Говорили долго, вразнобой, взахлеб, но все путем.

9 мая рано утром приехали в Москву. Когда проезжали границу, кричали «Ура». Мы были дома. Пусть будут прокляты войны на земле.

Кругом разруха, но народ веселый. Из эшелона в Москве сняли раненых в голову, челюсти, в живот, обожженных.

Нас подцепила электричка и мигом привезла в Александров. Ходячие вышли, и Саша попрыгал на одной ноге. Я не стал ждать. Руками, задницей и пятками - к выходу. Сел на ступеньку. Перрон кипел от народа. Саша прискакал и заорал:

- Жорка, война кончилась!

- Как, - говорю, - кончилась? Почему?

Оторопел я.

- Ты что, сдурел что ли? - это Саша.

Сдавило горло, тряслись руки. Пришли санитары, уложили на носилки и занесли в вокзал. Кто плачет, кто поет, кто на гармошке играет, шум, гвалт, оторопь. Нагнулась женщина, в руках оплетенная бутыль.

- Выпей, красавец. Живой ведь остался.

Я выпил самогону и откусил огурца. Один у нее он был, огурец-то.

- Другим, - говорит, - надо.

Я опьянел и кричал «Ура».

На газогенераторной полуторке нас привезли в госпиталь. Занесли на носилках в вестибюль, и я закукарекал еще на носилках. Обернулись. Сестра посмотрела: «Ладно, мол, и раненые, бывает, чокнутые». Угнездился уже на матрасе. Гвалт, шум, разговоры.

- Тише, товарищи, - сказала сестра, - мешаете работать. Перешли на шепот. У всех блаженное состояние. Ко мне подошла сестра. Брови черные и черные, живые, с искоркой глаза. Мала ростом, крепко сбитая, она ходко, на своих полных, бутылочками устроенных ногах, передвигалась, посылая под себя половицы.

- Когда ранен, куда, номер части, в каких госпиталях лечился?

Я ответил. Звали ее Валей. Записав все, она ушла к другому раненому.

Пришли и положили меня на носилки две девчонки.

- Куда несете?

- В баню.

Комната с ванной. Рядом щит из досок. Устроился на щит. И меня в мгновение ока раздели.

- Что покраснел-то? - спросила одна.

- Стыдливый какой, - другая.

Одна намылила голову, натерла спину. Под ноги, чтобы были выше, подложила тазик. Вторая вымыла грудь. Намылив вехотку, бросила между ног:

- Грешное место мой сам.

Щеки мои горели. Вытерли простыней. Кальсоны снизу разорвала, через гипс одела. Вторая - рубашку. Пуговиц тогда не было, а завязки. На носилки, и в палату, на койку.

Чистота и свобода во всем теле. Саша стоял у койки.

- А ты мылся? - спросила девчонка.

- Нет.

- Идем в баню.

Саша чего-то забубнил.

- Ты вот что, считай, что откомандовался. Теперь мы командуем. Сашины руки обе девчонки взяли на свои плечи и повели. Также и привели. Посадили на кровать.

- В этой палате все мытые.

Ушли. Вам бы, девчата, на танцы, и целоваться с парнями. Но такое уж было время. Они ставили нас на ноги.

Дней через пять в ординаторской мне сделали переливание крови, и еще два раза. Кровь брали у нянечек и сестер. Пришло время, и ребятам стали делать операции. Ночью командовали. «В бой, за Родину, за Сталина, за мной», - кричал Женя, капитан, пехотный комбат. Кто матерился, кто уговаривал, а кто буянил. Таким сестра делала укол.

Лежал в палате и узбек, старый лейтенант, сосед по вагону. Между позвонками сделали ему укол и провели операцию. Наркоз отошел, и начались головные боли. Мокрым полотенцем ребята ему обвязывали туго голову.

Капитан Аганесян был ранен в позвоночник. С помощью ребят, тяжело, он поднимался с койки. И ходил прямой. Он был армейским замполитом. Сдержан, рассудителен, говорил мало, но убедительно. Мудр был. Его потом отправили в Одессу.

Иван, старший лейтенант. До войны главный бухгалтер из Алма-Аты. От коленки и до задницы ему разрезали ногу и наложили 24 шва. Играл на гитаре и пел песни. Кое-какие помню и сейчас. Несколько швов разошлись, когда он плясал цыганочку в палате. Опять зашили.

Генка, младший лейтенант, симпатяга и балагур. Седалищный нерв у него был нарушен. Заштопали, сшили. Тоже играл на гитаре. Уехал в часть.

Саше на перевязке положили сухую повязку, и он психанул. Отматерил сестру и еще чего-то. Утром лечащий врач, дородная, красивая лицом и телом женщина, жена хирурга Виктора Ивановича, отчитала Сашу и хотела отправить в госпиталь в Среднюю Азию. Я упросил.

После операций ребята оклемались. Стали шутить, рассказывать анекдоты, петь песни. Шибче стали ходить. Ели за столом. А у меня беда - под гипсом завелись вши. Ноги стали тонкими, и гипс болтался. Вшей я разгонял линейкой. А потом каждому из нас дали посылку из Англии. В ней были вязальные спицы. Ими я шуровал вшей. Скоро стало невмоготу, и я взвыл. Врач сказала, что я неврастеник, и меня утащили в ординаторскую.

Распилили гипс на правой ноге, развернули, сбросили. Забинтовали. На левой в ране были черви. Я обомлел, как это, живого, и едят черви? Зашел Виктор Иванович.

- Очень, - говорит, - хорошо, что черви, рана свежая.

Червей сбросили, полили шипучку, сделали лангет и - в палату. Ноги - синяя кожа, аж кости видно.

- Чепуха, - сказали в палате, - мясо нарастет.

Няни приносили ведро с гематогеном, и по кружке мы выпивали. Говорят, для здоровья. От здоровья ребята стали приходить с улицы поздно вечером - завели подруг. Их не осуждали. Стали часто бриться, глядеть в зеркало, напыжились. Живому - живое, мертвому - покой.

Техник-лейтенант, механик-водитель танка ИС. У него оторвана правая рука и часть лопатки. На консультацию его возили в Москву. Слух был, он сын генерала. Лежал и комсорг батальона. И другие. Кто-то выписывался. На койку клали новенького. Привели в палату Пашу - шофера нашего бати. У него была раздроблена правая рука выше локтя и еще что-то. От пупа до шеи ему сделали гипс. Рука впереди в гипсе и к панцирю - стойка. Головку снаряда, что попала в руку, он нам показывал. На ней надпись «Берлин» и год выпуска. Паша сказал:

- Ты,- говорит, - Жорка, в рубашке родился. Когда вас отправили в медсанбат, вместо тебя посадили в танк старшего

лейтенанта из резерва. Правее Бранденбургских ворот танк попал под выстрел тяжелого орудия. И все погибли. Никто не выпрыгнул. Так-то.

Второго мая в Берлине выстрелом из автомата со второго этажа был убит помощник командира бригады по техчасти, майор. Фамилию не помню. По национальности - цыган. Воевал с первых дней войны, его любили в бригаде. Паша - земляк Саши. Село Тоцкое, Тоцкий район, Оренбургской области. Уральские казаки. Обличьем же Паша - цыган.

Привезли и уложили на койку капитана. Старичок лет 55, комбат от пехоты. Разрывная пуля попала в голеностоп и вырвала кости. Нога загнила, и шел дурной запах. Он местный, до войны работал начальником вокзала. Его тут же навестила жена и дочь. Стали приходить школьники. Читали стихи, пели песни под гитару, фотографировали. Фото в госпитале - это редкость.

Закончив операции и выпив спирту, Виктор Иванович заходил в палату. Капитану-старичку сказал, что он будет ходить на своих ногах. Друг друга они звали по имени. Виктор Иванович объяснил, что есть хирурги активные и пассивные.

- Я, - говорит, - пассивный. Не тороплюсь отрезать. Зашел как-то в палату, спросил:

- Есть ли деньги?

- А сколько вам надо?

Он улыбнулся.

- Придет, - говорит, - сестра-хозяйка, дайте денег на водку.

И сказал, кому можно выпить по полстакана, не больше. Сестра-хозяйка, боевая баба, явилась скоро. И тут же - к делу:

- Привет, мальчики, как жизнь? И быстро деньги на кон. Бутылка 500 рублей. Огурец - 10-15 рублей. Цена рынка.

Дали деньги, и сестра, Катей звали, ушла. Скоро принесла водки и соленых огурцов. В точности отдала сдачу.

Водкой не злоупотребляли. Кому разрешено, тот и принимал. В других госпиталях запрещали. Проносили, заклеив хлебом дырку соска, в чайнике. В чайнике водка, в соске молоко. Поставили еще койку и привели парня. Он представился: Гришкой зовут, летчик. Голова и глаза забинтованы. Сестра сказала, что разговаривать Грише нельзя,

лежать надо спокойно. И ушла. Пришла, сделала уколы. Гриша спросил, есть ли тут летчики? Не было. Он не воевал, после училища он, летчик-истребитель, служил на охране неба Москвы. Был учебный полет, вынужденная посадка на поляну. Крыльями ударился о деревья. Носом в прицел. И ослеп.

- Ничего, - сказали ему, - Виктор Иванович вылечит. Будешь летать.

Дней через десять в ординаторской ему сняли повязку, и он заорал:

- Вижу!

Делали операцию - сшили веки. Он выписался и продолжал летать.

Я присмотрел сестру Валю. Саше сказал: - Валя будет твоей женой.

Его занесло:

- Ты всегда, как пророк, лезешь, куда не надо.

Я умолк и больше об этом ни гу-гу. Валя меня спросила:

- Как же ты, Жора, с ним дружишь, ведь он штрафник!

- Дурочка ты, - говорю, - набитая. Отличный парень, а как он туда попал, расскажу.

И при случае рассказал. Она потеплела душой к Саше.

Вечером мне не дали ужин - завтра на операцию. Лежал на столе, нос намазали вазелином и накрыли куском бинта. Дышать было велено глубоко и считать до 30. Сестра сломала склянку, и струя жидкости ударила в нос. После 20 я провалился.

В палате, когда проснулся, сестра била по щекам.

Опять лангет. Как-то лечащий врач пришла, а сестра с ней принесла костыли. Надо было обойти вокруг стола. Меня поддерживали за воротник халата и за пояс. Я обошел и взмок. Радость какая и смятение одновременно. 22 года, а надо учиться ходить. Скоро пошел. Ночью пошел в туалет. Назад иду, Валя за столом, голова на руки положена, и спит. Умаялась. Сел рядом. Шепчу:

- Спят медведи и слоны, дяди спят и тети. Все кругом спать должны, но не на работе.

Улыбнулась, черные глаза открыла, усталость в них и тоска.

Скоро стал ходить с палочкой. Делали еще операцию.

Вызвали на комиссию. Виктор Иванович сказал:

-Ты - офицер, выписываем тебя. Вторая группа инвалидности. Через шесть месяцев будет перекомиссия по месту жительства. Но больше ходи, даже когда больно, когда в глазах будет темно. В суставе много осколков.

Капитан дал записку к своему преемнику, начальнику вокзала, чтобы определили на поезд. С палкой я шел медленно. Ребята несли сапог, вещмешок, шинель. Был август. Начальник сказал, что помочь не может. Подошел поезд. Открылись двери вагона, а в них проводник в тельняшке. Я за поручни. Он уперся ногой мне в грудь и не пускает. Зашумели, загалдели. Глядь, а на нем лица нет, и убежал. Оглянулся - у ребят в руках пистолеты.

Поезд тронулся. Побросали мои пожитки.

- Прощайте, ребята!

- Счастливого пути!

Саша тоже поехал. Провожал пару остановок.

В тамбуре, на чемодане, капитан-танкист из Берлина ехал домой в Сибирь. Дверь в вагон заперта. Лег на шинель, сапог с мешком под голову. Домой еду! Саша скоро спрыгнул. Ему я подарил гвардейский значок на память - больше нечего. Остановка. Дверями ударили по ногам.

- Осторожней, ребята!

То были моряки. Два матроса и мичман. Подводники, сопровождали транспорты из Англии. Лодка встала на ремонт, а их отпустили домой, в Сибирь.

- Вы чего тут?

- А места нет в вагоне.

- Ну и кореш,- говорят, - ну и сука.

Взяли меня подмышки, барахло мое, а в вагоне места есть. Капитан тоже пришел. Женщина-учительница уступила подушку. Нижняя полка у меня. Поехали.

- Младшой, давай закусим?

- Давай.

У меня в мешке буханка хлеба, сало, лук и банка американской тушенки.

- Не трожь, - сказали.

С капитаном они земляки. На столе всякая вкусная еда и фляга спирту. Выпили, учительница тоже пригубила. Вкусноты всякой я отведал. Матросы избили проводника-кореша. Учительница заступилась. Матросы:

- Жить, мать, его учили.

Лихие ребята. В Кирове меня они привели на вокзал в комнату для раненых. Нашли сестру и ей сказали:

- Накормить этого человека и загодя посадить в поезд. Будем ехать обратно, проверим.

Умора с ними. Попрощались. Меня сытно накормили и загодя посадили в вагон для раненых. Раненых было мало. Один солдат ехал в Княжпогост. У него сильная контузия. Он заговаривался, глаза бегали или пристально глядели. Головные боли.

Сестра стала делать перевязку, а мне в госпитале дали пузырек с сульфединовой эмульсией. То была редкость. У меня были свищи.

Как там мама? Как отец? Поезд вез меня в Ухту. В Кирове я дал телеграмму домой и надеялся, что меня встретят. Остановка всего 5 минут. Я стоял в тамбуре, когда показалась Ухта. Сердце-то, сердце колотилось! В ушах звон.

Я сперва выбросил сапог, шинель с мешком, вылез. А вот и мама с сестренкой Томкой. Мама заплакала, обняла и повисла на мне. Мы чуть не упали. Томка ревела и поддерживала нас обоих.

Отец больной лежал на кровати:

- Слава Богу - живой вернулся, сынок.

Сперва даже поверить было трудно, что дома. Была карточная система, и сидеть дома на иждивенческой карточке я не мог.

Приехала Томка с Зоей. Зоя, как всегда, была кудрявой, красивой и степенной. Мы поженились. Свадьба была в ноябре. В сентябре Саша в письме сообщил, что с Валей они поженились. «Ай да Жорка, ай да пророк!» В октябре капитан в письме написал, что выписался из госпиталя и ходит на своих ногах с палочкой. Виктор Иванович вылечил. Дай Бог ему здоровья.

Я устроился работать на УМЗ мастером по капитальному ремонту автомобилей.

Вместе со своей супругой Зоей Ивановной воспитали дочь и четверо сыновей. В пятидесятилетнем возрасте вышли на пенсию и с тех пор занимаемся воспитанием девяти внуков и внучек…

Когда я бываю в Ухтинской средней школе №1 или детском парке, всегда останавливаюсь перед мемориальными досками с фамилиями и именами 34 ребят, воспитанников средней школы №1, многие из которых были моими друзьями и товарищами. Они были настоящими солдатами, верными своей присяге, до конца выполнили свой долг, отдав свои молодые жизни за честь и независимость Отчизны.

Вот только часть из них: Качура Платон погиб 24 июня 1941 года в Литве, Артеев Николай – 29 апреля 1942 года под Мурманском, Демьяненко Александр – 24 октября 1943 года при форсировании Днепра в районе Киева, Дараган Петр – 27 марта 1944 года в Могилевской области, Мадзюк Вячеслав – 15 февраля 1945 года в Восточной Пруссии и, наконец, последняя школьная жертва войны – Дараган Дмитрий погиб за месяц до Победы, 9 апреля 1945 года в Польше. Мне очень близки слова поэта Н. Буянова:

Зову живых! Оплакиваю мертвых.
Мы помним тех, кто пал в сраженьях,
Кто не дожил до светлых дней.
Стояло насмерть поколенье
За счастье Родины своей.

Ноябрь 2009 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказали помощь студентки 1-го курса факультета экономики и управления Ухтинского государственного технического университета

Латюк Полина Валерьевна

и

Телегина Яна Николаевна

.

Петушкова (Кожаева) Тамара Петровна

Вода в Днепре на 50 метров вся шла розовая

Я раньше была Кожаевой, родилась 20 мая 1925 г. в городе Кинешма Ивановской области. По национальности - русская. До армии была комсомолкой. В 8 лет пошла в школу. Окончив 7 классов, работала на ткацкой фабрике, на шести станках одновременно.

Когда мне было 7 лет, погибли мои родители. Мою мать звали Кругликова Павла Николаевна, отца Кожаев Петр. На то время из родных у меня оставался один брат - Кругликов Александр Иванович. И мне пришлось жить с его семьей.

О войне узнала здесь же, в Кинешме, из радиорепродуктора, по которому сообщали все новости. А военкомат - через дорогу. Я трижды ходила туда – не брали: годов-то нет, всего 16.

- Хорошие ткачихи нужны в тылу, – убеждал меня военком. – Знаешь ведь, сколько добротной одежды бойцам требуется! Так что иди, работай.

9 апреля 1942 года, после очередного похода, нас, трех подруг, отправили на медкомиссию. Богу молились, чтобы пройти, - взяли. И, в конце концов, я оставила родную Кинешму, фабрику (вспоминаю, что в военные годы там выпускали лишь желтый гобелен, который шел на пошив нижнего белья фронтовикам) и поехала в Москву.

В Чернышевских казармах три месяца училась на связиста и радиста. Приехал «покупатель», нас обмундировали и погрузили в эшелон (телячий вагон, так его тогда называли). Не доезжая до Волги, остановились и шли пешком еще 40 км. Когда подошли к реке, всех погрузили на баржу. На другом берегу Волги нас ждали командиры, там и проходило распределение. Я попала в 97-ю дивизию, командир Конев, 5-я армия, 232-й артполк. А потом была война.

Участвовала в освобождении Украины, Харькова, Белгорода, Полтавы, Кременчуга, Кировограда. Битва под Сталинградом (апрель, 1942 г.), Бессарабия (1943 г.), Молдавия (середина 1943 г.), Румыния (конец 1943 - начало 1944 г.г.), Польша, форсировали р. Вислу (1944 г.), Днепр, Буг, Германия, р. Одер (1944 г.), Дрезден (весна, 1945 г.), Прага (1945 г.), Чехословакия (1945 г.) там р. Шпрее (1945 г.) и р. Эльба (1945 г.).

Наши командующие – это командующий фронтом генерал Конев; командующий армией генерал Жадов; командующий дивизией полковник Ноуменко; командующий полком полковник Розанов.

Первое боевое крещение я получила зимой 1943 года в кровопролитных боях под Сталинградом: обеспечивала связь командира одного из батальонов 192-го пехотного полка 97-й дивизии со стрелковыми ротами, отбивавшими бесконечные атаки гитлеровцев, передавала команды с артиллерийского наблюдательного пункта на батареи. И затем вместе со 192-м полком участвовала в стремительном наступлении наших войск.

В маленькой хатке впереди наших боевых охранений расположился наблюдательный пункт. Командир артиллерийской разведки корректирует огонь наших батарей. Я кричу в телефонную трубку:

— Квадрат (такой-то). Прицел (такой-то). Уровень (такой-то). Снаряды (такие-то), беглым (или залпом) – огонь!

Стремительное наступление, оборонительные бои, и опять наступление. И вот – знаменитая Курско-Орловская дуга. Направление – на Белую Церковь. И опять:

- Я – «Чайка», как слышите?

По проводам бегут команды.

Командир батальона уточняет обстановку то у соседа справа, то у соседа слева. Но вдруг связь оборвалась.

На боку полевой телефонный аппарат, на груди автомат. Где ползком, где согнувшись, с трудом продвигалась вдоль телефонной линии, пропуская через руку тонкую скользкую нить кабеля. Рвутся снаряды. Воздух прорезывают автоматные и пулемётные очереди. В сумерках ориентироваться трудно. Где противник? Где наши? Но вот и обрыв.

В десяти шагах в кустах что-то зашевелилось. Реакция сработала мгновенно.

- Стой! Кто тут? – я крикнула, направив дуло автомата в сторону куста.

В ответ послышались лающие фразы на немецком языке. Я нажала на спусковой крючок.

- Что случилось? – спрашивает меня автоматчик, который, услышав короткую очередь, поспешил на выручку связистки.

- Ничего. Всё в порядке.

В кустах, скорчившись, лежал немецкий солдат. Исправив повреждение, мы вернулись на командный пункт.

Некоторые эпизоды настолько страшны, что о них – только сквозь слезы. И спустя годы я не могу спокойно рассказывать о том, как на Курской дуге советским солдатам приходилось привязывать на спины собак по две гранаты и отправлять их под вражеские танки. Они ведь скулили, так их жалко было, а под танки ползли.

Другой фрагмент – взятие Киева, в 1943-м. Сталин приказал взять Киев к годовщине Октябрьской революции. Мы форсировали Днепр под Кировоградом. Кто какую доску, дерево поймал, кто вплавь. Я очень хорошо плавала – я же с Волги, с 6 лет купаться в ней начала. Так вода в Днепре на 50 метров вся шла розовая - столько погибло.

Битва под Сталинградом - это и личная трагедия. Там я встретила старшего брата Володю. Пробегала мимо, он заметил мое лицо в толпе, но налетели «Мессершмидты», стали бомбить, и мне пришлось спрятаться. Когда все улеглось, брат попросил своих ребят: «Кричите «Тамара!» Я оглянулась – брат-майор бежит навстречу. Он сказал: «Томка, держись! Иду брать высоту. Возьму, останусь жив, найду тебя». Я сообщила ему все свои координаты: 2-й Украинский

фронт, 5-я армия, 97-я дивизия, 232-й артполк, но весточки от брата так и не получила. Позднее узнала, что брат в том бою взял высоту, но был ранен и в госпитале умер. Я не знаю даже, где он был похоронен.

Сразу вспоминается про власовцев. Вы знаете, какие они гады. Это наши русские, которые, чтоб не быть в лагерях, шли в немецкую армию. Все равно мы их брали.

Помню, когда пошли четвертый раз с парнями в тыл, брать немца, чуть не попала в плен. «Немцы!» - закричала я. Не знала, что и делать, с двух сторон меня окружили, но я не растерялась, кинула две гранаты, а там уж и наши прибежали. Помню, тогда двух парней в плен взяли, и о них потом мы даже не слышали.

Еще был случай. В артиллерийском полку я поддерживала связь с пехотой и наблюдательным пунктом. Однажды веду корректировку огня. Четко передаю команды майора: «Прицел такой-то, уровень такой-то, бронебойным по танкам беглым - огонь!». Три танка подбили, а в четвертый – никак не попасть, снаряды все время рядом ложатся. Майор рассердился, кричит: «Туды вашу, куды бьете?». Я растерялась, и слово в слово повторяю. И связист, который меня принимал, то же самое, слово в слово. Так мы были обучены: приказ на фронте – закон. И что вы думаете - подбили танк. Потом смеялись: словесная корректировка майора делу помогла!

Интересный случай был на р. Эльба в 1945 г. Там мы встретились с американцами. Предложили они нам попробовать их американское виски. Налил один из них нашему полкружки, тот выпил даже не поморщился, утерся и закурил.

- Ну, - говорит, - давай теперь ты нашего попробуй!

И наливает ему чистый спирт.

–Ты только до конца пей и воздух не вдыхай, а сразу снегом закуси.

Если бы воздух вдохнул, все, сразу же умер бы.

Прага 1945 г. Лето. Все женщины по квартирам, а мужчины в палатках. Надели гражданскую одежду и пошли в кинотеатр, но нас не пустили, как мы только их ни убеждали, что мы военные.

- Идите, надевайте военную форму и проходите бесплатно, - так они нам сказали.

А мы так потом и не побывали в кинотеатре. Пошли гулять дальше.

Брали мы Дрезден. А вот в Берлине побывать не удалось. Не дошли до него 30 километров, нас перебросили в Чехословакию. Об этой стране у меня остались самые лучшие воспоминания.

Более трёх месяцев провела я в городе Кладно, в освобождении которого участвовала. Очень подружилась с чехами. В знак этой дружбы жители города подарили мне несколько своих фотографий. На одной портрет юной чешки. На обороте снимка надпись: «На память Тамаре от Ружи Хариновой. Пусть эти мертвые черты напомнят что-либо живое. Кладно, ул. Буковая, дом 162. 28.VI.45 г.» На другой - я с чешкой. На обороте надпись: «Памятное фото со знакомой чешкой. Чехословакия, г. Кладно, июнь 1945 г.»

Еще в этом городе был случай. Пошли с девчонками погулять, и очень пить захотелось. А там же все вывески на домах и магазинах написаны на иностранном языке, а мы даже не знаем его. И зашли в первое здание, показали, что хотим пить нам и дали. Выходим, а на улице наши парни стоят.

- Ну и чего вы там делали?

- Очень пить захотелось, вот и зашли.

- Видим, видим, как пить хочется.

А потом узнали, что это был публичный дом. Еще долго потом над нами наши подшучивали.

Да, есть что вспомнить: и плохого, и хорошего. Разные ситуации случались за эти четыре года.

О Победе я сообщила однополчанам первой, было это в г. Кладно. Поймала волну и сказала: «Ребята, уже победа, капитуляция немцев». Но свою Победу мы отмечали только 20 мая, как раз в мой день рождения: бои шли и после 9 мая, советские солдаты продолжали уничтожать вражеские группировки. В сентябре 1945 г. я демобилизовалась из г. Кладно в звании сержанта и возвратилась домой, в родную Кинешму. Проработала ткачихой до 1957 г., но тут меня уже ничего не держало. Когда знакомые подались на Север, я им сказала: «Если там хорошо и получают больше денег, то напишите мне».

Приехала в Ухту. Вышла из вагона, ничего не понимаю: два вагончика, и все. Где пешком, где автобусом, где на попутках добралась до Троицко-Печорска, затем еще 40 километров - и Северный Джибол, где находилось управление буровых работ. Там ответили, что им никто не требуется. Сидела на своем сколоченном из фанеры чемодане с пятью рублями в кармане, не знала, куда же податься и что теперь делать. Проходивший мимо заведующий столовой позвал посудомойкой, один из мужиков, что пилили на улице дрова, приютил – не хоромы, матрац у двери, но и этому была рада.

Вскоре дали место в общежитии, на 32-м году вышла замуж за Василия Ивановича - моряка. Долгое время с ним я прожила на Вуктыле, работала комендантом общежития. А в 1981 году переехала в Ухту, «Севергазпром» выделил квартиру.

Ранения.

В 1942 г. на Украине получила легкое ранение осколком в колено. В тот же день медсестра достала этот осколок и перебинтовала ногу. В госпитале я тогда не лежала. Надо было воевать.

В 1944 г., в одном из боёв на польской земле, я была ранена в ногу, ранило в то время, когда под шквальным артиллерийским обстрелом исправляла повреждение на линии связи. Ранение было тяжелое. Четыре месяца пролежала в госпитале, после выздоровления была направлена в 232-й артполк той же 97-й дивизии.

И в этом же году, 1944-м, в Польше меня контузило. Села я на бортик машины, в то время как машина резко тронулась, и упала спиной за бортик. Тут же потеряла сознание. Через два дня пришла в себя, уже в госпитале.

- А что со мной было? - первый вопрос, который я задала.

Пролежав еще один день, пошла к старшему врачу, просить, чтобы меня отпустили.

- Тамара, ты такая нетерпеливая, полежи еще немного.

- А что я буду лежать, я же уже все соображаю.

В тот же день меня отпустили, и возвратилась я в свою 97-ю дивизию.

На войне погиб родной брат Владимир Кожаев, был командиром батальона в звании майора. Взял высоту под Сталинградом, но был ранен и в госпитале умер. Точно помню, что было у него два ордена Красной Звезды, да я и не смотрела его награды, главное, что он был моим братом. Погибли и два двоюродных брата: Николай и Михаил, служили в морском флоте. Брали Керчь, там и погибли.

Награждена:
орденом Красной Звезды (№ 1278737);
орденом Отечественной войны 1-й и 2-й степеней;
медалью «За боевые заслуги» (№ 2824960);
медалью «За оборону Сталинграда»;
медалью «За освобождение Праги» (А № 315620);
медалью «Ветеран труда»,
медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (№ 190069);
15-ю юбилейными медалями.

Июнь 2009 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказали помощь студентки 1-го курса факультета экономики и управления Ухтинского государственного технического университета

Кузнецова Светлана Витальевна

и

Хабарова Яна Ильинична

Пилипенко Надежда Марковна

В это время ночей в Сталинграде не было

Я родилась 10 октября 1923 года на Украине, в селе Ружине Житомирской области. Украинка. Крещена в православной вере. В партии не состояла, была комсомолкой. Росла и училась я сначала в Житомирской, а затем в Киевской области (ст. Мироновка), куда переехала вместе со всей многочисленной семьей в 1932 году.

У моих родителей было 11 детей, из которых выжили шестеро – два моих брата, три сестры и я.

Папа мой был бухгалтером, замечательным специалистом и большим тружеником. А еще – человеком редкой доброты и интеллигентности. Чтобы содержать большую семью, работал он одновременно в нескольких организациях, выходные проводил на охоте, летом каждое утро на рассвете шел на рыбалку, и зимой у нас в погребе всегда стоял внушительных размеров бочонок соленой рыбы.

Мама занималась семьей, хозяйством, держала детей в маленьких, но крепких руках и всеми силами поддерживала папин авторитет. И до войны, благодаря родительским усилиям, жили мы в материальном отношении безбедно, а в голодные годы помогали многочисленной родне. Постоянно оставались у нас на более или менее долгое время какие-нибудь дальние родственники, и жил даже малыш-подкидыш,

которого оставили на пороге дома. Через год вернулась за ним его мама, плакала, родителям моим руки целовала за то, что спасли ее Пантюшу от голодной смерти.

Вообще родители хоть и выросли в совсем простых семьях, были очень начитанными людьми, высоко ценили знания и всем нам, своим детям, дали хорошее образование. Семья у нас была очень дружная, работящая; умели и трудиться, и отдыхать. У всех детей были постоянные обязанности (я, например, кроме всего прочего, ухаживала за коровой-кормилицей, кормила, доила ее), и при этом все очень много читали, все играли на музыкальных инструментах, папа даже на нескольких, младший брат в четыре года лихо бренчал на балалайке, под которую с удовольствием отплясывал наш дед. У мамы был замечательный голос, в свое время ее приглашали в Киевский оперный театр. Отчасти передала этот дар по наследству и дочерям: пели все.

В 1940 году я окончила среднюю школу. К этому времени у двух старших сестер, получивших агрономическое образование, были свои семьи, дети, а любимого нашего старшего брата, Толи, уже не стало: он умер от малярии на Кавказе, куда был направлен на работу после техникума.

В школе я училась очень хорошо и легко поступила в Киевский государственный университет. Глупость сделала несусветную: больше любых других предметов любила математику, но, послушав безграмотных знакомых, которые запугали тем, что на математическом якобы от непосильных нагрузок с ума сходят, в последний момент передала документы на химический факультет. Потом очень жалела.

Любимым и самым легким для меня предметом по-прежнему оставалась математика, а вот химия действительно наносила вред здоровью: надышавшись реактивов, нередко падала в обморок. Но, так или иначе, студенческая жизнь шла своим чередом. Жили мы с девчонками-однокурсницами вдесятером в одной комнате, питались в основном винегретом и селедкой, которые за копейки покупали в буфете общежития, и тем, что передавали родители из дома. Шла нормальная студенческая жизнь: с зачетами и экзаменами, праздниками, песнями, влюбленностями. Но студенткой мне довелось быть только один год.

Общежитие наше до войны располагалось на окраине Киева, Соломенке, рядом с аэродромом Жуляны, тогда единственным на всю столицу Украины. Кроме немногочисленных гражданских самолетов, в Жулянах базировались и полки военной авиации – истребители и бомбардировщики. Естественно, немецкая разведка знала об этом, и первый авианалет на Киев был совершен именно в Жулянах, по нашей авиации.

Бомбили Киев на рассвете 22 июня 1941 года. Под эту бомбежку попала и я. Мне тогда не было еще и восемнадцати. Июнь в университете, как и сейчас, - самая напряженная пора: идут экзамены. Все знают, что 22 июня было воскресеньем. А в понедельник нам предстоял очередной экзамен, и ранним утром я уже не спала: дорожила каждой минутой для подготовки.

В комнате общежития на третьем (последнем) этаже было открыто окно, легкий ветер шевелил занавески, солнце просвечивало через ветви деревьев, росших у стен домов. Тишина; на аэродроме, видневшемся сквозь листья, еще не прогревали двигатели самолетов. Я сидела у самого окна, читая учебник. И даже усиливавшийся гул авиамоторов (настолько он был привычен), доносившийся с запада, не отвлекал внимания. Поэтому шок от взрыва первой бомбы был неописуем. Шарахнуло так, что весь старинной кладки кирпичный дом затрясло как картонную коробку. Подпрыгнул стол, упала книжная полка, взметнулись занавески, лопнуло оконное стекло. Осколки бомбы чудом не попали в комнату, а вонзились рядом с открытым окном в стену здания. И пошло-поехало! Девчата, попадав на пол, от страха визжали, инстинктивно закрыв головы руками.

Сначала подумали, что идут учения. Но потом увидели на расположенном неподалеку военном аэродроме взрывы, машины «скорой помощи» не успевали увозить раненых и убитых. А в небе я заметила самолет с крестами на крыльях и фюзеляже. И тогда мы поняли: это война. Вместе с девчатами вышли на улицу, немецкий летчик заметил и дал по нам, студенткам, очередь из пулемета. К счастью, никого не задело. С того дня бомбежки Киева не прекращались ни на один день, вплоть до взятия столицы Украины фашистами в сентябре 1941 года.

Вой моторов, взрывы бомб, горький густой дым пожаров (даже солнца не было видно) – длилось это будто вечность. Хотя часы показывали, что первый налет был скоротечным, всего 30 минут. Когда прекратилась бомбежка, аэродром полыхал: горели гражданские и военные самолеты, бензохранилища, здание аэровокзала, казармы, многие дома. Отовсюду слышались крики и стоны людей. Студенты кинулись помогать раненым (в общежитии, куда не попали бомбы, раненых и убитых не было), тушили пожары, растаскивали обломки. Затем военные все организовали и студентов отослали восвояси.

Несмотря на воскресенье, всем общежитием мы отправились в университет (транспорт в этот день работал в городе с перебоями – бомбили и железнодорожный узел, и речной порт, и мосты через Днепр, и заводы, и воинские части, и многое другое). Уже после обеда университет был заполнен сотнями ребят и девчат. Толком никто нам ничего сказать не мог, ректорат отправил студентов по домам. А в понедельник экзамен не отменили! И хотя все нервничали, время от времени поглядывали на окна в аудитории (не летят ли?), сдавать математику пришлось. Я тогда получила пятерку. Запомнила этот экзамен на всю жизнь. Ничего удивительного: он отметил перелом в моей судьбе, стал для меня точкой отсчета всех выпавших на нашу страну горестей и бед.

Следующих экзаменов уже не было. Немцы шли на Киев. Юноши-студенты массово направились в военкомат. А девчат отослали на окопы. В районе Ирпеня, в двух десятках километров на запад от Киева, тысячи женщин до кровавых мозолей рыли противотанковые рвы, траншеи и блиндажи для пехоты, артиллерийские укрытия. Сообщить домой, в Мироновку, я ничего не могла.

Немецкая авиация бомбила педантично, по нескольку раз в день. Прятались мы кто где мог: в лесу, в канавах, в тех же недорытых рвах и окопах. Там первый раз я была контужена. Но Бог миловал, тогда осколками не зацепило.

Кормили на окопах неплохо. Армейские полевые кухни обеспечивали горячий приварок. Жители близлежащих сел и деревень постоянно приносили свежее молоко, хлеб, овощи. А председатели колхозов отпускали мясо.

С первых дней июля все чаще раздавались сигналы воздушной тревоги. Все больше женщин гибло от бомбежек, все тревожнее становилось на душе. И когда в августе с запада донеслись первые, едва слышные звуки артиллерийской канонады, поступил приказ на эвакуацию в Киев. Поздним вечером подошли машины, и колонна отправилась на восток.

Переночевав в общежитии, утром пошли в университет. Ректор объявил: «Кто живет близко от Киева, добирайтесь домой сами. Кто из дальних районов страны, будем вместе эвакуироваться в Харьков».

Надо покидать город, а как? Поезда в южном направлении уже не ходили. У Белой Церкви, крупной станции Юго-Западной железной дороги, шли тяжелые бои, дорога была под обстрелом. Единственный вариант – по прямой на юг, вдоль Днепра, а это 104 километра! Я с подружками – три землячки – трое суток шагали вдоль железной дороги к Мироновке. Ночевали в деревнях у добрых людей, подкармливались у сердобольных хозяек. Помню, какие гостеприимные были люди: куда ни зайдешь, везде покормят, напоят, спать уложат. И снова мы шли. На ногах у меня были босоножки, к концу пути от них остались только ремешки.

Сбив в кровь ноги, вечером третьего дня добралась до родного порога, а девчонки пошли дальше. Дом пустовал, в глаза бросились лишь следы лихорадочных сборов. И даже горькая мысль о том, что уехали, не дождавшись, сильно не затронула. Без сил, свалившись на кровать, уснула мгновенно. Разбудило в вечерних сумерках ласковое прикосновение шершавой мужской ладони к голове и приглушенное рыдание. Это был папа. Просто случайно зайдя в дом на несколько минут, он обнаружил там меня, спящую. Эвакуировав за Днепр маму с младшими детьми, он стал бойцом истребительного батальона и должен был утром отправиться на запад, навстречу немцам. А домой забежал за сменой белья, чтобы затем следовать к месту сбора батальона.

В 1941 году папе было за пятьдесят. Унтер-офицер царской армии, первый номер пулеметного расчета, он провоевал Первую мировую и Гражданскую войны, имел ранения и награды и дореволюционной, и послереволюционной поры. С гражданской принес именную

саблю, врученную ему за храбрость. (Зарыл ее в ящике с наиболее ценными книгами в огороде перед приходом немцев.)

До войны у нас была огромнейшая даже по нынешним меркам домашняя библиотека, собирал ее папа. Большая советская энциклопедия первого выпуска, вся мировая и русская классика, коллекции репродукций картин крупнейших музеев. Почти все погибло в пламени войны. С остатков этой библиотеки, порядка 500 книг, начал собирать свою книжную коллекцию мой сын.

Записавшись добровольцем в истребительный батальон, папа отступал, отбиваясь пулеметным огнем, до Воронежа, где немцев остановили. Затем его демобилизовали, мотивируя это преклонным возрастом. Пришлось подчиниться, хотя боевой опыт и выносливость пулеметчика двух войн могли пригодиться на фронте.

Встретив меня, по невероятному стечению обстоятельств дома, папа, той же ночью, вместе с отступавшей автоколонной одной из воинских частей, отправил меня в город Канев, к Днепру, наказав, чтобы я добиралась к Ростову-на-Дону, в Зерноград, где в зерносовхозе «Гигант» жила и работала агрономом замужняя старшая дочь Лариса. Туда же несколькими днями раньше уехала мама с младшими – моей сестрой Лилей и братом Лёней.

К концу августа, на попутных машинах, с пересадками, измучившись бесконечными дорогами, бомбежками, пересадками, недоеданием и обносившись до предела, добралась до своих. По пути жена какого-то лейтенанта отдала мне свое пальто: практически все мои вещи остались в общежитии. Осенью к нам приехал из Воронежа и папа. Как пережили зиму, это долгая история.

В Зернограде устроилась на работу, с ней проблем не было: почти всех военнообязанных мужчин забрали в армию. Но враг вскоре пришел и в Ростовскую область. К лету 1942 года немцы были все ближе и ближе. Пришлось бежать дальше на восток. На железнодорожной платформе, груженной колесами от вагонов, в совсем недалекий Сталинград добирались больше месяца.

Положение на фронтах все ухудшалось. Немцы, невзирая на потери, упорно рвались к Волге. Семья наша

снова вынуждена была продолжить бегство. Ненадолго остановились в Аксае. На этот раз я твердо решила: хватит. Такая злость была на фашистов, которые разрушили нашу жизнь, так горько и противно было всё время бежать, отступать, что и страха не стало. Здесь, в Аксае, я записалась добровольцем в Красную Армию, несмотря на сопротивление родителей.

8 марта 1942 года ЦК ВЛКСМ призвал девушек-комсомолок встать на защиту Родины и отправиться на фронт. Насильно никого не забирали, только добровольцев. Меня сначала брать не хотели, но после визита к первому секретарю горкома партии я своего добилась. И оказалась в Сталинграде. Казармы и штаб зенитно-артиллерийского полка, в который меня определили на службу, поначалу располагался в жилом пятиэтажном доме, жильцы которого уже были эвакуированы. Хотели меня оставить при штабе, но я просилась на передовую. И меня, «красноармейца Пилипенко» направили в девичью команду, обслуживающую прибор управления зенитным артиллерийским огнем (ПУАЗО).

Поначалу не было у меня ни обмундирования, ни оружия. «Воевала» первые недели в чудом уцелевшем после долгой эвакуации красном бархатном платье (вообще я до войны была большая модница) и модельных туфельках.

Однако армия есть армия. Через некоторое время начальник штаба сказал, что забирает меня под свое прямое руководство, а в ответ на протест заявил, что солдаты в армии возражать командиру не имеют права. Определили меня на службу в 6-й отдел штаба Сталинградского Краснознаменного корпусного района ПВО. Почерк у меня был каллиграфический, законченный первый курс университета считался тогда более чем приличным образованием, и назначили меня на должность начальника секретной части полка. Звучит по нынешним временам, конечно, громко. От меня требовались исключительная пунктуальность и внимание. В ведении моем были секретные и наградные документы, помещение нельзя было оставить без присмотра ни на секунду; ключи от кабинета и печать всегда были при мне. Привычка не выпускать их из рук была настолько сильной, что до сегодняшнего дня я ни разу не потеряла ни

перчаток, ни зонтика, ни любой мелочи, которую держала в руках.

Но поначалу приключались разные истории. Помните фильм «Место встречи изменить нельзя», сцену, где Жеглов прячет от Шарапова папку с «делом», оставленную тем на столе? Что-то похожее было и у меня. Командир научил меня на всю оставшуюся жизнь.

Не думайте, что вот так, в штабе, я и «отсиживалась» до самой демобилизации. Совсем скоро грань между штабной работой и боевой исчезла без следа: началась великая Сталинградская битва.

Наш зенитный полк не только сбивал немецкие самолеты, но и участвовал в истреблении вражеских танков, которым, правда, занимались не только зенитки. Мы тоже сидели в окопах, причем практически безоружные. Уничтожали танки бутылками с зажигательной смесью, прозванными в народе «коктейль Молотова». А далеко ли я, девчонка, могла такую бутылку бросить? Но что было делать, катастрофически не хватало всего: оружия, боеприпасов, одежды, продуктов. Зато был приказ Сталина: «Ни шагу назад, за Волгой земли для нас нет!»

Точно знаю, что на моем счету два подорванных танка. Может, и больше, только разве в таком аду можно разобрать, чей именно «коктейль» попал фашистам в глотки?

Рядом с позициями зенитчиц, в ложбинке между двумя сопками, стояла «катюша», периодически покидавшая укрытие для залпа. Немцы ее очень боялись. Экипаж – два человека: водитель и офицер, обязательно с высшим образованием. На вооружении полка был еще маленький деревянный самолет, носящий громкое «имя» - ночной бомбардировщик «По-2». Несмотря на свою тихоходность (130 км/час), его пилот (тоже женщина, между прочим) умудрилась уничтожить новейший по тем временам немецкий истребитель «Мессершмидт -109Ф», развивавший скорость более 550 км/час. «Мессер» погнался за нашим самолетом, но летчица опустилась на предельно малую высоту и юркнула за сопку. Фашистский ас не совладал с управлением и врезался в землю. Женщине засчитали его как сбитый вражеский самолет.

Самые ожесточенные оборонительные бои наши войска вели в августе-сентябре 1942 года. В это время ночей в Сталинграде не было: круглые сутки – зарево от пожаров, немецких осветительных ракет и орудийных залпов. В конце битвы оказалось, что в городе не осталось ни одного целого дома. Но самым тяжелым было терять сослуживцев, с которыми только что ела из одного котелка. На моих глазах погибла самая близкая подруга, Зина, с которой бок о бок бились с танками. Как-то мы с девчонками пошли к источнику сполоснуть ноги - ведь целый день в сапогах в жару. Откуда ни возьмись – немецкий бомбардировщик. Я успела нырнуть в укрытие, а остальных бомба разорвала в клочья. В другой раз опять уцелела только чудом: снаряд упал в полутора метрах и не разорвался!

Вообще Бог меня миловал. За всю войну я была ранена только один раз и трижды контужена. Частичная глухота, как память о самой серьезной контузии, сохранилась до сих пор. И вся моя семья осталась жива, даже муж старшей сестры, который воевал на «катюше», приводившей фашистов в ужас. Только есть раны телесные, и есть раны душевные. И трудно измерить, какой шрам остался на сердце, когда нашли мы трех наших зенитчиц, которые попали в руки немцев. Убили их, конечно, но перед этим надругались как только могли: груди отрезали, звезды на телах повырезали, глаза выкололи. А сейчас нам говорят про «толерантность». Знали бы мы тогда это слово и следовали бы ему – войну бы не выиграли. Держалось всё на ненависти к врагам, на любви к родным и земле своей, на терпении, а не на терпимости. Ведь никому не было дела до того, что ты женщина, что тебе 20 лет. Ты солдат. И женщины-фронтовики сполна разделяли с мужчинами все тяготы войны. По приказу главнокомандующего вместо фронтовых ста граммов нам был положен шоколад. Но я его ни разу не видела. А в Сталинграде, бывало, дадут одну баночку консервов на двоих (причем не мясных – овощных), и все – иди, воюй. Но мы не жаловались, понимали, что сейчас всем тяжело.

На войне я вообще всё стала чувствовать и видеть по-другому. Там не скроешь ни подлости, ни трусости. Уверена: все, кто через фронт прошел, кто честно воевал, достойны звания Героя. И, как человек, который к наградам самое

прямое отношение имел, точно знаю: подвигов было совершено в сотни раз больше, чем вручено орденов и медалей. Ведь как определялось, кому награду вручать? Приходит разнарядка на подразделение: один орден, пять медалей. А заслуживают этих наград все двадцать, кто после очередного боя живым остался, и те, кто из него не вернулся. И вот тогда проверяют анкеты – не «замаран» ли в прошлом, смотрят, сколько прослужил, давно ли предыдущую медаль получил. Так многих героев их награды и не нашли.

Очень тяжело вспоминать это время, я редко о нем рассказываю, потом всю ночь не сплю, плачу. Вот говорят, не верьте, мол, тем, кто хвастает, что на войне ему страшно не было. Удивительно, но в Сталинграде я не чувствовала страха, это правда. Только всю ту же злость, что привела меня на фронт, и ненависть. Наверное, она тоже бывает созидательной. А страх появился потом, когда все закончилось. После войны я сказала об этом маме, и она воскликнула: «А почему ты тогда седая с войны пришла?» Я не знала, что ответить.

После Сталинграда были в моей фронтовой судьбе освобождение Украины, Молдавии, бои в Румынии, Болгарии. На границе этих двух стран 9 ноября 1944 года и закончилась для меня война. Я была демобилизована из действующей армии в звании сержанта. Совсем скоро должен был родиться мой сын. Война не отменяет ни молодости, ни любви.

Вернулась я к своим, на Волгу. Семья жила уже не в Аксае, а в городе Чапаеве (бывший Лбищенск, место гибели Василия Ивановича Чапаева). Рассказывали, как оказались там. Из Аксая добрались на лошадях. Этих бесхозных породистых скакунов папа выловил в степи, нашел телегу и, погрузив семью с нехитрыми пожитками, прямиком, минуя дороги (что спасло от бомбежек), выехал к Волге. Соорудив из всего, что могло держаться на плаву, большой плот (все-таки старые бойцы умели очень многое!), переправился через громадную реку вместе с семьей, телегой и лошадьми и по безводной степи доехал до реки Урал. Там, в Чапаеве, наша семья и осела до середины 1947 года – времени возвращения на родину, разрушенную и разграбленную Украину. Там появился на свет мой единственный сын, Игорь.

Не могу сказать, что время, прожитое в Казахстане, было очень тяжелым с точки зрения физического выживания. Я с

огромной теплотой вспоминаю народ этой земли, его доброту, щедрость, открытость. Хорошо помню огромный мешок зерна, пятилитровую бутыль топленого сливочного масла и несколько кругов сыра, которые папа обменял у казахов на свой старый льняной пиджак. И, для сравнения, ту буханку хлеба – большую, пышную, но одну и съеденную нами за насколько минут многонедельного пути к Аксаю, которую мы поменяли на два вышитых мамиными руками больших украинских полотенца («рушника») у жителей южных областей России, едва приоткрывших высоченные бревенчатые ворота во время обмена. В Казахстане нашлась работа всем взрослым членам нашей семьи. Папа обучил меня своей профессии, и так получилось, что она потом стала главной в моей жизни. Словом, жили мы неплохо, но сердца рвались на родину. И мы вернулись на Украину.

Трудно передать смятение от увиденного. Дом наш уцелел, но был разграблен. Жизнь начинали с нуля. О том достатке, который был у нас до войны, пришлось забыть навсегда. Заработанных денег едва хватало на элементарное выживание. Не спасала и благодатная украинская земля. До сих пор у меня болит сердце за ту бедность, в которой доживали свои дни мои родители. Я работала в разных организациях Мироновки – лаборантом, школьной пионервожатой, счетоводом, бухгалтером, а потом получила предложение о работе на Дальнем Востоке. Чтобы заработать немного денег, отправилась на Сахалин, потом на Камчатку. Через несколько лет вновь вернулась домой. Работала, поднимала сына, параллельно училась в Киевском институте народного хозяйства.

В 1964 году получила диплом о высшем экономическом образовании. А в 1970 году приехала в Ухту: позвала сестра, которая жила здесь уже несколько лет. Экономисты с высшим образованием в развивающемся промышленном регионе были нужны. Освоилась, обустроилась и позвала сюда сына с семьей. Вот так мы все оказались на севере. Здесь я работала на разных предприятиях, последняя моя должность, с 1977 по 1986 год, – заместитель главного бухгалтера ныне расформированной организации «Главкомигазнефтестрой». В 63 года вышла на пенсию.

Самая высокая награда, полученная за участие в войне – орден Отечественной войны 2-й степени (удостоверение Д № 493390 от 11 марта 1985 года, № ордена 56555403); самая дорогая, врученная еще на фронте, – медаль «За оборону Сталинграда» (вручена 19 мая 1943 года, № 04994). Потом была медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (удостоверение К № 0313109, вручена 23 марта 1946 г. Чапаевским райвоенкомом), восемь юбилейных медалей, медаль Жукова (удостоверение А № 004792 от 12.02.1996 г.), памятный знак «60 лет победы в Сталинградской битве», знак «Фронтовик 1941-1945», медаль «Ветеран труда». Но самая главная награда – это то, что вы есть, ребята, что вы смогли родиться, что есть наша страна, наша земля, и как бы ее ни старались прибрать к рукам, она по прежнему – наша.

Ноябрь 2009 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь ***Беляева Оксана Игоревна,*** *старший преподаватель кафедры истории и культуры Ухтинского государственного технического университета*

Плахов Федор Федорович

Был лётчиком, стал кавалеристом

Я родился 18 августа 1922 года в деревне Тростниково. В 1940 году окончил школу в городе Новосиль Орловской области. Затем поступил в Сталинградское лётное училище.

Мой фронтовой путь интересен тем, что, почти готовому летчику, мне пришлось помериться силами с немецкими асами. А началось для меня обучение летной профессии еще до войны, на родной Орловщине, где я закончил учебу в аэроклубе. Служба занимала большую часть дня. В городе обстановка была доброжелательной. Знакомые люди расспрашивали о семье, о моей жизни, о том, что их ждет в будущем. Затем нашу группу ребят направили в Сталинградское военно-авиационное училище. Здесь нашим курсантам пришлось осваивать уже не учебные самолеты, а боевые истребители И-15 и И-16. Когда настал тот июньский день 1941 года, и началась война с Германией, учеба пошла еще напряженнее, строже стала дисциплина, курсанты ждали отправки на фронт.

Но события складывались так, что под Сталинград, где враг развил мощное наступление, стали подтягивать все имеющиеся резервы. Одновременно с наступлением на юге немецкие войска рвались к Волге, чтобы овладеть Сталинградом, а тем самым лишить Советский Союз южных

путей сообщения с нашими союзниками по антигитлеровской коалиции и нефтяными районами Кавказа. На подступах к Сталинграду развернулась подготовка оборонительных и укрепленных рубежей. Как и при обороне Москвы, многие тысячи жителей вышли на их строительство и самоотверженно готовили город к обороне. Создавалось народное ополчение, рабочие отряды самообороны; производство переориентировалось для нужд фронта; эвакуировали женщин, детей, стариков, вывозили государственные ценности. Мощные силы немцев рвались к Волге. И в августе 1942 года у курсантов летного училища рухнули мечты стать военными летчиками: нас в полном составе отправили под Сталинград, где в одном из районов был тайно дислоцирован готовый к наступлению 4-й механизированный корпус. Так я стал пулеметчиком.

Много было боевых эпизодов, о которых можно поведать. Что-то стерлось в моей памяти, но некоторые случаи не забываются по сей день. Помню, как в одной из атак мы сошлись с немцами вплотную. Глазами встретился с немецким солдатом. Поймал себя на мысли, что никакой злости на этого парня не имею. Но он враг, идет война.

Был такой случай. Шестерым бойцам дали задание взять «языка». Ночью около нейтральной полосы подкараулили немецкого солдата. Но немец оказался расторопным, бросился бежать. Да еще и гранату кинул. Но она не взорвалась, в спешке забыл чеку выдернуть. Все-таки справились с ним, доставили к своим.

Заканчивался 1942-й год, бои шли в районе станции Верхнекумской. Я с группой бойцов отправился в разведку. Неожиданно вышли прямо на замаскированный немецкий танк. Раздалась автоматная очередь, пуля попала мне в левое плечо.

Лечился я в госпитале города Капустин Яр, который располагался в церкви. Еще рана не зажила как следует, а я уже заспешил с очередной группой выздоравливающих на фронт. Долго добирался до расположения 5-го гвардейского Донского кавалерийского корпуса. Так несостоявшийся военный летчик и опытный пулеметчик стал кавалеристом. Два месяца учился обращаться с лошадьми, рубить шашкой на скаку и другим казачьим премудростям. Лошадь мне

досталась прекрасная, до сих пор помню, что Тропинкой ее звали. Не раз выручала меня в трудных ситуациях. Часто мне задавали вопрос: «Федор Федорович, какие бывали случаи, как вами, молодыми, воспринималась мысль о гибели товарищей?»

Это всегда происходило неожиданно, воспринималось очень трагично. Невозможно к этому привыкнуть, нельзя смириться с мыслью, что был человек — и вдруг его нет. У меня вторым номером расчета был молоденький паренек-казах. Сдружились мы с ним. Однажды, между боями, сидели с ним рядом, обедали. Вдруг поник солдат - пуля снайпера попала в висок. Или еще такой случай. Было это уже весной 1944 года, когда части нашего корпуса форсировали Южный Буг. Мастерили плоты, под огнем противника переправлялись на тот берег. С нами на одном плоту оказался сержант, видно, только из «учебки». Молодой, веселый, еще не обстрелянный, в новенькой форме как говорится, «с иголочки». А на середине реки, шальная пуля. Прямо в голову - и нет сержанта. Тяжело переносил постоянную окопную жизнь с бомбежками, боями, с труднейшими переходами, что вмещалось в одно короткое слово - «война». Я до сих пор удивляюсь, как удалось уцелеть мне на фронте.

Так и пришлось мне пройти большой фронтовой путь от Сталинграда до самого Будапешта. Корпус, в котором я воевал, принимал участие в Орловско-Курской битве. Красная Армия разгромила немецко-фашистские войска. Битва длилась 49 дней. Сражения под Орлом и Курском были решающими, переломными в ходе Великой Отечественной войны. По своему размаху, огромным силам и средствам, напряженности, результатам и военно-политическим последствиям стали одними из ключевых в противостоянии нашего народа фашистской агрессии. После этих сражений всем стало окончательно понятно, что германская военная машина сломлена.

Еще я принимал участие в окружении Корсунь-Шевченковской группировки. Замыслом командования предполагалось нанести войсками двух фронтов встречные удары под основание выступа и соединиться в районе Шпола, Звенигородка. Корсунь-Шевченковская операция - одна из выдающихся операций по окружению и уничтожению

крупной группировки противника. По результатам она далеко превзошла первоначальные её цели, приковав к себе до половины всех танковых и более двух третей воздушных сил противника. Участвовал я и в Ясско-Кишиневской операции. Наступление Красной Армии началось 20 августа 1944 года. Когда мы двинулись вперёд, то на глубину примерно десять километров местность была просто чёрной. Оборона противника практически была уничтожена. Вражеские траншеи, вырытые в полный рост, превратились в мелкие канавы, глубиной не более чем по колено. Блиндажи были разрушены. Иногда попадались чудом уцелевшие блиндажи, но находившиеся в них солдаты противника были мертвы, хотя не видно было следов ранений. Смерть наступала от высокого давления воздуха после разрывов снарядов и удушья. К исходу, 27 августа, окруженная кишиневская группировка фашистских войск перестала существовать.

Мы освобождали Молдавию, прошли Румынию, с тяжелыми боями двигались по венгерской земле. К этому времени я был уже командиром отделения саперного эскадрона, обучился минному делу. Война закончилась для меня в Карпатах. После выполнения задания по разминированию моста кавалеристы попали под сильный минометный обстрел противника. Осколок попал мне в ногу. Думал, что ногу совсем оторвало. Пощупал - цела, только полный сапог крови. Товарищи три километра несли меня на руках до медсанбата. Ранение оказалось тяжелым, после госпиталя демобилизовали, дав инвалидность 2-й степени. 5 января 1945 года, за 4 месяца до окончания войны, я был демобилизован.

Когда вернулся с фронта, меня взяли сразу на третий курс в Орловский железнодорожный техникум. Окончил его в 1948 году. Затем заочно окончил высшую партийную школу при ЦК КПСС. Отработав какое-то время в Тамбове, я решил отправиться на север. Приехал в Сосногорск, работал секретарем узлового парткома. Через некоторое время устроился на газоперерабатывающий завод, там отработал 15 лет. На моих глазах строился город. Обеспечение и отношение к людям было лучше, чем в центральных районах. У меня было много друзей, хороших и общительных людей. Мало кто

из них еще жив. Те, кто уезжал в другой город, чтобы поменять климат, очень скоро уходили из жизни.

После этой ожесточенной войны у меня остались ордена и медали, как память о моем нелегком пути: орден Красной Звезды, Отечественной войны 1-й и 2-й степеней. За трудовые достижения орден Трудового Красного Знамени. Самое мое большое желание - чтоб не было больше войны!

Декабрь 2009 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказали помощь студенты 1-го курса лесотехнического факультета Ухтинского государственного технического университета

Евдокимова Кристина Сергеевна

и

Власов Станислав Николаевич

Попов Николай Прокопьевич

Я узнал войну лежа на санитарных носилках

Я родился 18 декабря 1924 года. Уроженец деревни Подболотье Бабушкинского (Рослятинского) района Вологодской области.

В годы Великой Отечественной войны был призван в Велико-Устюгское военно-пехотное училище (ВУПУ) курсантом из Бабушкинского райвоенкомата. Во всем районе отобрали 42 человека, бывших учащихся средних школ, ростом не менее 170 см, нормального телосложения. Я был зачислен с 1 августа 1942 года в 6-ю учебную роту. Мне тогда было 17 лет и 7 месяцев. Мы, курсанты, были довольны и считали за честь служить и учиться военному делу, понимая, что идет Отечественная война.

Училище состояло из 4 батальонов. Режим дня был очень строгий, в нас воспитывали дисциплинированность, выносливость - качества, присущие настоящим солдатам: подъем в 6.00, утренний моцион (была зима, воды на всех было не напастись, поэтому зачастую мы умывались снегом, у некоторых не было даже зубных щеток) и бегом до стрельбища – 7 км. Постреляем и обратно, тоже бегом. После таких занятий гимнастерка от пота была покрыта солью. Иногда посреди ночи устраивали подъем, и рота отправлялась в поход (иногда до 30 км). Во время таких вылазок во время

привала солдаты по двое клали на снег одну шинель, а второй накрывались, чтобы не замерзнуть.

Еще в школе мы старались принимать активное участие в организованных кружках и спортивных соревнованиях. У нас проходили уроки стрельбы из малокалиберной винтовки, ПВХО, ГТО, лыжные выходные дни, бег на 3-5 км с учителем физкультуры и/или с директором. Эти навыки очень помогли в последующем обучении в Велико-Устюгском училище. Благодаря им, несмотря на уплотненную программу обучения, нам легче давалось выполнение тактических задач, ночных маршевых бросков по тревоге, изучение и применение учебного вооружения.

После трех месяцев службы, когда мы привыкли к военным условиям жизни, наше училище было передислоцировано в город Каргополь Архангельской области для уничтожения парашютного немецкого авиадесанта. Задачей десанта было перерезать железную дорогу, которая доставляла из г. Воркуты каменный уголь для г. Ленинграда.

Во время этой боевой операции погиб мой товарищ, курсант Морозов. Фашистский самолет приземлился на воду (озеро Лача), тогда еще предположили, что у немецких летчиков кончилось горючее. Нас распределили по 2-3 человека и приказали искать немцев в лесу. Какое-то время там, в лесу, мы жили. Враг знал наше расположение, вычисляли по местам кострищ. На второй неделе поисков мы наткнулись на одного из 15 фашистов, оставшегося в засаде дожидаться нас. Когда мы начали приближаться, он ударил автоматной очередью. Кроме Морозова, никто не пострадал. Нашего боевого товарища похоронили в г. Каргополе.

Но, несмотря на все трудности и потери, десант был уничтожен. После операции нас собрали на построение, объявили благодарность. Потом курсантов ожидало отправление железнодорожным эшелоном в воинские части.

В январе 1943 года основная часть курсантов ВУПУ, Липецкого, Архангельского училищ 120-километровым маршем была направлена по распоряжению Западного фронта в состав 8-го стрелкового корпуса, который передал личный состав в 16-ю армию под командование генерал-лейтенанта И. Х. Баграмяна. Армия вела ожесточенные бои против фашистских войск. Там, на Жиздринском направлении, на

опорном немецком пункте Островский была уже дислоцирована 205-я стрелковая бригада. В пополнение бригад прибыло 1400 человек. Прошли упорные бои 118-й основной бригады против германских войск.

После активных и удачных наступательных действий 16-я армия в феврале и марте 1943 года была преобразована в 11-ю гвардейскую армию генерала Баграмяна. Весной 1943 года 11-ю гвардейскую армию передвинули в район к северо-западу от города Орла, где ожидались крупные события (Курская битва).

В боях на Жиздринском направлении я был тяжело ранен в живот и бедро правой ноги.

13 марта 1943 года мы принимали бой. Чтобы укрыться от обстрела, зарывались в шахты. Одеты были хорошо: теплые меховые шапки, валенки, рукавицы. Немцы обстреливали трассирующими пулями. Мой друг упал. А затем ранили и меня. Санитары протащили до операционной, а затем необходимо было доставить меня в санчасть. До нее было 30-35 км. Раненых отвозили на лошадиных повозках. Дорогу тоже обстреливали, поэтому добраться было нелегко. Как раз перед нами разорвало лошадь, ездовой, что вез меня, направился в объезд, тем самым сохранил мне жизнь.

Помню, что в операционной было много народа, 4-5 столов. Меня раздели и положили на стол. Оперировали под общим наркозом. Как я потом узнал, врач очень долго не мог вынуть пулю – крепко застряла. Очнулся я уже в палате. Там было очень тихо и спокойно. Этот мини-госпиталь находился в глубокой землянке – над палатой был сосновый лес. В палате нас лежало 5 человек. После операции проспал практически целую неделю. Очнусь, медсестра сделает укол, и снова проваливался в сон. Окончательно проснулся через две недели, была ночь, стояла тишина, тускло горела лампочка. Нога была перебинтована и наложен гипс. У дверей стоял врач, в форме, с пистолетом. Подошла сестра и спросила, хочу ли я есть. Помню, ответил, что очень хочу борща. Медсестра накормила меня.

Какое то время я еще находился в этом медпункте, но необходимо было перебраться в город. Станцию тогда бомбили немцы, и раненых приходилось транспортировать на носилках, причем только ночью. Меня двое санитаров несли 5

км, мы дошли до какой-то деревни, где в деревянном доме находился еще один медпункт. Положили меня в палату на втором этаже. Слышны были взрывы и выстрелы. От медсестры узнал, что это бомбят станцию.

Следующей ночью пришла санитарная машина, и меня отправили в город. Ехали долго. Привезли в военный госпиталь, который находился в здании полковой школы. Раненых было так много, что все лежали на полу на носилках, как привезли. От человека к человеку ходил врач. Подошел ко мне и спрашивает: «Как себя чувствуете?» Самочувствие мое тогда было неважное, нога и живот сильно белели. Врач сказал, что нужно немного потерпеть, что они созвонятся с Москвой и меня санитарным поездом отправят в столичный госпиталь.

На рассвете 14 апреля 1943 года санитарный поезд остановился у военного госпиталя. Разгружали нас студенты – молодые, сильные ребята. Меня положили в офицерскую палату. Первым делом я попросил костыли, чтобы хоть как-то самостоятельно передвигаться и обслуживать себя. Но стоять на них не смог, тут же упал – закружилась голова. Когда это дошло до врача, она меня отругала, но сказала, что мне выдадут коляску. И правда уже скоро я ездил по госпиталю без посторонней помощи.

Шло время и мы, раненые, стали потихоньку оживать. В палате лежало примерно 10 человек. Каждое утро медсестра нас умывала, помогала. Ухаживали за нами очень прилежно. Всем пытались уделить внимание.

С нами в палате лежал один старшина, на фронте он лишился руки. Ему дали гипсовую руку, на которую он даже смотреть не мог. Видно было, что он очень расстроен, не привык чувствовать себя калекой, ему было тяжело смириться с потерей.

Наступал май. Я выпросил костыли, чтобы выйти на улицу, подышать воздухом. В Москве в то время уже вовсю зеленела трава, на душе стало так спокойно.

Однажды утром пришел к нам в палату начальник госпиталя. Спрашивает: «Ну, как вы, ребята, себя чувствуете?» Состояние у большинства из нас к этому времени было уже стабильное. Жили мы весело. Часто приходили к нам девчата, пели песни под гитару. В общем, жилось нам хорошо. А в то

время на фронте все шли бои, и раненых было очень много. Нас отправили кого куда, меня же – на дальнейшее лечение в далекую Сибирь, в городок Усолье. Санитарным поездом добирался я 14 суток. Впоследствии пробыл я в этом военном госпитале 3 месяца.

Очень интересные люди окружали меня все военное время. Вот, например, был в этом госпитале один художник. Решил нас (меня и моего друга, тоже Попова) нарисовать. Надел на нас халаты, нашел ленты, как у матросов, стоим на костылях – получилась картина «Раненые моряки».

Мой товарищ, Попов Василий, как-то говорит: «Давай закурим?» Я до этого времени еще ни разу не пробовал курить. Согласился. В госпитале это было запрещено, и мы закурили в парке, который находился на территории. Мне тогда стало так плохо, что пришлось обратиться к медсестре и сознаться. С тех пор я никогда больше за всю жизнь не решился еще раз закурить.

Госпиталь находился в небольшом городке. Местные жители тогда, как и везде во время войны, жили очень бедно, хлеба было мало. А нас, раненых солдат, кормили очень хорошо. Часто оставался хлеб. Был у нас знакомый мальчонка по имени Ваня. Отец его погиб на фронте, остался он один с матерью. Так вот, мы стали в тумбочке складывать остатки хлеба – сушили сухари, насобирали так целую наволочку. Позвали нашего маленького товарища, он влез через дыру в заборе, и мы вручили ему наволочку. Еще несколько раз мы собирали оставшийся хлеб. Однажды с проверкой ходили по палатам врачи – смотрели, соблюдаются ли чистота и порядок в палатах, заглянули и в тумбочки. Увидели там наши сухари и запретили это дело.

Во время одной из прогулок ко мне подбежала медсестра и сказала, что собирается врачебная комиссия, будут всех осматривать. Вот так врачи этой комиссии присвоили мне вторую группу инвалидности, и я был демобилизован из армии.

Мой военный путь был не столь долог, я узнал войну не только со стороны стрельбы и окопов, я узнал ее лежа на санитарных носилках, в госпиталях и санитарных поездах. Всюду меня окружали герои – такие же, как и я, раненые

русские солдаты, которые не пожалели себя ради спасения нашей Отчизны.

Ноябрь 2009 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказали помощь студентки 2-го курса факультета информационных технологий Ухтинского государственного технического университета

Канеева Марианна Маратовна

и

Калина Марина Викторовна

Пугачева (Зайцева) Анастасия Николаевна

Издавали газету «На врага»

Я родилась 26 декабря 1919 г. в деревне Воскресенское Новокарельского района Тверской области в большой крестьянской семье.

О начале войны я узнала в своей деревне. Это известие ошеломило нас всех. Но тогда еще никто и не думал, сколько горя и несчастья принесет эта война в каждую семью, насколько она окажется долгой и кровопролитной.

Враг молниеносно наступал на Москву со всех сторон, в том числе и с севера, где на его пути была расположена моя родная деревня. Красная Армия отступала, линия фронта была все ближе, и население со страхом и тревогой ожидало прихода немецких захватчиков. Рядом с моей родной деревней рыли окопы. Местные жители оказывали посильную помощь фронту, помогали рыть окопы, и я была в их числе, меня назначили бригадиром.

Началась мобилизация добровольцев на фронт. В то время я работала в редакционной типографии местной газеты села Толмачи. И всех девчат, работавших вместе со мной, записали в добровольцы. Раздумывать было некогда – враг рвался к Москве: уже велись страшные бои за город Ржев, были взяты оккупантами многочисленные города, села и деревни нашей области. Мои родители настойчиво советовали

уезжать вместе с типографией подальше от мест боевых действий. Потеряв на фронтах в первые дни войны двух своих сыновей, они хотели уберечь меня, свою дочь, от ужасов предстоящей оккупации, помочь сохранить мне жизнь. Так я попала в 31-ю армию 3-го Белорусского фронта. Место моего призыва - военкомат села Толмачи, дата - 25 декабря 1941 года.

Недолго немецкие захватчики наступали. Какими бы грандиозными не были планы врагов, но героизм и мужество советских воинов, всего советского народа оказались непреодолимой преградой на их пути. «Велика страна, а отступать некуда – позади Москва!», - об этом помнил каждый воин, каждый гражданин. Наконец настал тот долгожданный день, когда враг был остановлен на подступах к Москве. А затем наша Красная Армия пошла в наступление.

Вместе с армией, находясь всегда около линии фронта, продвигалась и редакция нашей газеты. Мы покинули мои родные места и двинулись в сторону областного города Калинина.

Дальше наш путь пролегал через Смоленск. Перед нами предстал разрушенный врагом город, вернее его руины. Увиденное повергло нас в ужас: от цветущего мирного довоенного города остались одни пепелища, он весь был превращен в развалины. Всюду царили мрак и уныние.

Люди потеряли самое дорогое, что у них было: своих родных и близких. Многие остались без крова. Перед нами простирался мертвый город. Таковым было истинное лицо этой войны.

После освобождения Смоленска Красная Армия продвигалась в сторону немецкой территории через Прибалтику: Латвию и Литву. Дальше наш путь пролегал по территории самой Германии. Дошли мы до немецкого города Кёнигсберг.

Здесь мы видели впервые многие вещи и удивлялись им. Это были и ненатуральные эрзац-продукты, и дорогие предметы домашнего обихода, и хорошие условия проживания немецких семей, значительно превосходящие уровень жизни населения нашей страны.

На протяжении четырех лет я служила наборщицей в редакции газеты «На врага», работала в передвижной

редакционной типографии. Коллектив редакции вместе с работниками типографии составлял около сорока человек. За все время войны сменилось три главных редактора. Сначала главным редактором, возглавлявшим нашу газету, был Михаил Михайлович Эрлих. Хорошо помню фотографа по фамилии Бялый, гранки проверял Яков Арон. Нас было шесть девушек-наборщиц, и я в их числе. Мы набирали тексты статей и заметок буквенными символами на печатном штампе. Затем по штампу печатался очередной номер армейской газеты «На врага». Каждую ночь в лесу при тусклом свете коптилок мы набирали тексты мелкими знаками, а после того, как очередной номер газеты был сверстан и отпечатан, разбирали гранки, рассортировывая буквы по ячейкам. Редакцией также издавались и печатались листовки на немецком языке с призывами к врагу в лице немецкой армии сложить оружие. Их набирали немецким шрифтом, печатали и разбрасывали в тылу врага с самолетов.

Все это происходило близ линии боевых действий, мы часто попадали под артобстрелы, осколки боевых снарядов разлетались в зоне нашей дислокации.

Бойцов на фронте не хватало, из коллектива нашей редакции постоянно забирали мужчин, а взамен присылали женщин и молоденьких девушек. Забрали и нашего главного редактора М. М. Эрлиха. Вскоре после этого он погиб. Похоронен в городе Калинине (ныне Тверь), там же ему установлен памятник.

Жили и работали мы в самой передвижной типографии. Когда случалось расквартировываться близ населенных пунктов, находящихся в прифронтовой полосе, останавливались на ночлег в домах местных жителей. Деревенские люди всегда охотно принимали нас и оказывали всяческую посильную помощь: делились запасами продуктов, поддерживали нас добрым словом, позволяли нам мыться в их русских банях. В перерывах между боями наш командир разрешал нам устраивать танцы и играть на гармошке – ведь все мы были такими молодыми!

В памяти остались истории, связанные с людьми, ставшими для меня за эти годы близкими, людьми, которые в то тяжелое время находились рядом, людьми, жизнь которых трагически оборвалась, и они так и не узнали об окончании

войны, о том, что ждало нашу страну впереди. За время войны я обрела настоящих друзей, в числе которых была моя боевая подруга Зина. С ней мы были очень близки, все делали вместе: и работали, и в редкие часы отдыха писали письма домой. Эта маленькая бойкая девушка навсегда осталась в моей памяти. И невозможно забыть тот день, когда осколок дальнобойного снаряда остановил ее сердце, как умирала она на моих руках.

Печальной оказалась и судьба молоденького пленного немца, которого приставили к нам в качестве переводчика. Он помогал составлять тексты листовок на немецком языке и проверял их. Несмотря на то, что он был немцем, фактически нашим врагом, мы сдружились. Он удивлял нас своими рассказами о Германии, о своей жизни до войны и говорил: «Вот приедем в Германию – я обязательно позову вас всех в гости к моей маме». Но когда наши военные части приблизились к городу Кёнигсбергу, его забрали из редакции и отправили в лагерь военнопленных.

Демобилизовалась я с фронта в сентябре 1945 года и вернулась к мирной жизни, хоть это было и непросто. Больно было возвращаться в разрушенные города и села и начинать жить заново. Приходилось тяжело и много работать, восстанавливать разрушенное.

В 1959 году я с семьей приехала в Коми АССР и в составе экспедиций, осваивающих нефтяные и газовые месторождения края, долго переезжала, кочуя с одной буровой на следующую, пока не осела на постоянное место жительства в городе Ухта.

Награды: орден Отечественной войны II степени; медали «За боевые заслуги» (№650011), «За взятие Кенигсберга» (А №432030), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (Ч №0378264), юбилейные медали.

Ноябрь 2009 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказали помощь студентки 1-го курса архитектурно-строительного факультета Ухтинского государственного технического университета

Теодори Юлия Андреевна

и

Истомина Анна Валентиновна

Пушкин
Петр
Викторович

Целый месяц меня родные оплакивали

Я родился 24 июня 1927 года в колхозе «Чапаев» Кагановического района. Детей в семье было шестеро, четыре сына и две дочери. Я был третьим ребенком в семье. Мать – украинка, отец – русский. Мама работала в колхозе, а отец не работал, он болел желудком. Закончил я всего пять классов. Мы жили бедно. И для того чтобы помочь содержать семью, начал работать с восьми лет. Пошел учеником в сапожную мастерскую, где освоил ремесло за три месяца.

В 1941 году сапожную мастерскую закрыли. А в октябре этого же года на фронт призвали отца и отправили в Ростов-на-Дону копать траншеи. В колхозе, где я жил, было около 120 домов. Я и сейчас по фамилиям могу вспомнить каждого жителя. Наш колхоз был оккупирован румынами. Они очень любили мамалыгу, поэтому солдаты забрали всю кукурузу и уничтожили оставшийся скот. А мы все голодными остались. В 1943 году, как только освободили Кубань, я взял сумку, положил в нее испеченные мамой кукурузные лепешки и пошел босиком на заработки на станцию Албаши, в станицу Староминскую, в колхоз «Ударник». С мая по сентябрь работал пастухом. Жил в коровнике. Заработал шесть мешков пшеницы, мешок муки, три килограмма растительного масла. Таким образом, наша семья не голодала.

В конце июля 1942 года, когда я работал трактористом, нас мобилизовали на угон скота от немецко-фашистских захватчиков с Кубани на Кавказ. Нас было примерно двенадцать мальчишек 1927-го года рождения, а остальные все женщины-доярки. И старшим был Менченко Прокопий Терентьевич. Ему было около семидесяти лет. Так как скота было много, нас распределили по лошадям, а мне досталась кроме лошади еще и телега. В ней была женщина с ребенком трех лет. Мужа у неё не было. Когда налетели немецкие самолеты, начали бомбить скот, сбрасывая бомбы, стреляя из пулеметов, меня ранило в левую ногу. Йода и бинтов не было. Мне веревками перетянули ногу и из бутылки с керосином поливали рану.

Женщина, которая была со мной в телеге, увидела кресты на машине. Она побежала к ним. Догнала, сказала, что наш человек ранен и надо ему помочь. Пришли два врача, сняли меня с телеги и положили на землю. Ножницами обрезали мне кожу и смазали йодом. Потом веревки, перетягивавшие мою ногу, они убрали, намазали какой-то мазутой черной, забинтовали и положили меня обратно на телегу.

Я всю ночь ехал, и только в девять часов утра меня привезли к дому. Мать увидела, что едет повозка с лошадью, выскочила во двор, а за ней сестра и два брата. Занесли меня в комнату, размером, наверное, 25-30 кв. метров (мы построили этот дом в 1939 году). Через пять-шесть дней рана начала загнивать. Матери сказали, что в станице Крупской есть ветеринар, но он и людей лечит. Она нашла лошадь и повезла меня за 30 км к врачу на телеге.

На улице стояла жара. По сторонам телеги прибили четыре палки. Телега длинная, метров пять с половиной, и доски миллиметров шестьдесят толщиной. Концы ткани привязали к палкам, чтобы мне не так сильно пекло. Привезли. Вытащили меня четыре мужика и занесли к этому ветеринару. Помню: комнатка маленькая у него была, кушетка с левой стороны. Они привязали мне веревками руки и ноги. И врач начал чистить рану. Очистил он с первого раза, а потом я потерял сознание. Не помню, как на телеге оказался. А матери он дал два флакончика с лекарством. Оно было желтого цвета и резко пахло. Врач сказал матери, чтобы она брызгала на его

рану и ногу не завязывала. И так я пролежал пять с половиной месяцев. Потом мне сделали один костыль, затем – второй. А в госпиталь меня не взяли, потому что было много раненых.

22 июля 1944 года мне пришла повестка в военкомат. На вокзале эшелон, длинный такой, нас построили перед ним. Шел военком (одна звездочка на погонах была), и называл фамилии: «Пушкин, Балаболкин, выйти из строя». Призывников было там человек 350, и только нам двоим тогда дали бронь на три месяца: пахать в колхозе некому было, а мы имели документы трактористов. На фронт поехали уже в ноябре. Добирались двое суток в вагоне-телятнике, спали на нарах. Помню, в канистрах из-под молока принесли густой вареный салат: капуста, бурак (свекла), картошка, фасоль. У меня ложка была, а тарелки нет, я шапку вывернул и протянул, в нее мне положили две порции. Так мы доехали до Львова.

26 декабря мы прибыли в г. Львов на поезде, а уже из Львова (там не было железной дороги) нас переправляли на автомобилях. Машин 40 было, потому что больше 25 человек там не помещалось. Привезли уже к утру и всех нас отправили в баню, по очереди человек 20 загоняли, брили, стригли и переодевали. После повели в столовую: там покушали кашу, бульон какой-то и стакан чая. Затем нас заселили в сарай, в котором раньше располагалась кавалерия, где уже все убрали, подмели, почистили и построили стеллажи двухъярусные, дали набитый сеном матрац, и наволочки. А нашему 1-му отделению, 4-й роты 2-го батальона 122-го стрелкового полка 69-й стрелковой дивизии досталась верхняя часть, где мы могли спать.

А я в детстве был напуган ужом: шел я по бабушкиному саду, смотрю – птичка, красиво поет. А это змея мне через ногу ползет. Я как посмотрел, как крикнул, а рядом свинья привязана была. Кинулась мне под ноги, я упал. Конечно, испугался, а ночью начались приступы. Я выпрыгивал в окно. Дом одноэтажный был, окошки маленькие. Меня отец возил и в Краснодар, и в Новороссийск, а приступы все продолжались. Помню, привели к какой-то бабушке, она мне горшок на грудь ставила. Это все в бане делалось. Ничего мне так и не вылечили.

Командиром отделения у нас был Пожилов. Я к нему подошел и сказал: «Товарищ сержант, не кладите меня на

вторую полку. Я ночью падаю, бегаю». Он удивился: «Как бегаешь?» Я ему объяснил, а он ответил: «Ничего, упадешь – встанешь». Ночью начался приступ. Я вскочил в полный рост. Справа у нас висели шинели. И когда я упал, то порвал себе ухо. Офицер услышал, что я упал, и сразу прибежал. В соседнем здании был медпункт. Меня туда отвели, йодом рану помазали, забинтовали. Вот такими были первые дни.

13 декабря нас вывели на площадь, похожую на футбольное поле, но никаких скамеек я там не видел. В полку было 3200 человек, в роте – 140. Я служил в 4-й роте. Нас построили, и мы приняли присягу. Потом нас строем отправили в казарму.

15 декабря часов в одиннадцать приказали: «Срочно с оружием на операцию». А какая операция - никто не знает. Когда нас прислали и построили, подошел командир батальона Черкасов Николай. Спрашивает: «Кто может ездить на лошадях?» Я поднял руку. Он отправил на конюшню пригнать две лошади. Конюх помог мне надеть упряжь на животных. Я вывел их, и мы отправились на боевое задание.

Разведка обнаружила скопление войск, которых надо было уничтожить: было несколько полков, движущихся в одном направлении. Мы шли всю ночь. Мне дали две ракетницы зеленого и красного цвета, которые я пристегнул к поясу. Красный цвет означал отдых, а зеленый – движение вперед.

На привале нам дали колбасы, в палец толщиной и пахнущей резиной, а также 16 или 18 сухариков. После обеда мы легли отдыхать, а через 15-20 минут началась стрельба. Первым убили командира роты, затем старшину роты и несколько солдат, чьих фамилий я не знал. Бой длился, примерно, с 9.30 до 20.00.

Когда стрельба закончилась, мы пошли в деревню, до которой было 1,5–2 километра. В ней взяли лошадей с телегами и погрузили на них раненых и убитых. Прошли около 6 километров, опять началась стрельба. Наши начали стрелять. Не разобрались кто перед ними.

Шли мы сутки. Вернулись в город Желково, привезли раненых. Не досчитались только двух человек. Так прошел наш первый бой.

Убитых, которых хоронили в городе Желково, было около 36 человек. Помню, лес такой большой, с левой стороны от города. А вот какой крест там поставили, не помню.

Мой боевой путь проходил: через город Желково (1944 г.), Новгород-Волынский (1944 г.), Каменец-Подольский (1944 г.), Ивано-Франковск (1944 г.). В этих городах мы ликвидировали немецкие войска.

А второй бой, в начале мая 1945 года, у нас был незначительный. Мы не дошли до Кракова и остановились в лесу. Вот я в лесу лежу, а рядом что-то пшикнуло. Поднял голову, смотрю: сидит на дереве «кукушка» (фашист забирался на дерево и стрелял сверху). Я очередью по нему, сначала винтовка упала, а потом он сам. А после боя, когда была перекличка, командир называл мою фамилию: «Пушкин». А один из солдат пошутил: «Его же давно убили», вспомнив А.С. Пушкина. Но Ваня Балаболкин услышал это, меня не заметил и сразу матери написал, что погиб её сын. Целый месяц меня родные оплакивали, а потом мое письмо им пришло. Я его на газетке написал химическим карандашом.

В День Победы мы были на Украине. Прибежал связной и закричал: «Все! Война кончилась!» Некоторые заплакали, некоторые выскочили из казармы и начали стрелять в воздух, а я в этот момент спал. Разбудил меня Ваня Балаболкин и сообщил о Победе.

Демобилизовался по болезни 22 августа 1950 года. Я тогда находился в военно-морском госпитале №1 города Севастополя.

За боевую службу я был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени (№ 2983806).

На войне погиб мой отец в 1943 году в городе Новочеркасске. Обстоятельства гибели неизвестны. В живых остались: мать, братья и сестры.

Когда закончилась война, женился, родились две дочери. После войны служил на Черноморском флоте, попал в авторемонтные мастерские и собирал автомобили, а после демобилизации работал одиннадцать лет на Дальнем Востоке механиком на судах Амурского флота.

В 1961 году с семьей поехал на север, должны были выйти в Ухте, но остановку мы проспали и доехали до Печоры. Там прожили девять месяцев. А потом я узнал, что

Ухта - город газифицированный и там перспектив больше, поэтому переехал. Работал механиком строительных управлений и со временем стал начальником Управления малой механизации, там и трудился до пенсии. За этот период был награжден двумя орденами: Трудового Красного Знамени и орденом «Знак почета», был дважды «серебряным» лауреатом ВДНХ.

Строить Ухту я начал со школы № 1. Дочь Таня пошла в эту школу, а Галя – в третью, а потом в десятую. Во все школы Ухты я подводил электроэнергию, газопровод, водопровод. Вот сейчас из моего окна виден Дом быта «Сервис», а тогда на этом месте были лес и сараи.

Ноябрь 2009 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказали помощь студентки 1-го курса архитектурно-строительного факультета Ухтинского государственного технического университета

Антонова Анастасия Павловна

и

Быкова Инна Игоревна

Использованы материалы Издательского Дома «НЭП».

Размахнин Александр Михайлович

Разведчик на Японской

Я родился 13 декабря 1923 года в Читинской области, в селе Размахнино. Я самый младший в семье. Были ещё два брата, которые тоже служили. Старший брат Размахнин Николай Михайлович - был подполковником, а средний брат Размахнин Георгий Михайлович – лейтенантом. Георгий ещё на Эльбе стоял, до Берлина дошёл. Потом его на восток привезли, он там и остался. Умер в восьмидесятых годах.

Я в 1941 году в техникуме учился, в городе Кяхта. Утром лежал в общежитии, вдруг по радио сообщили о нападении Германии на СССР. Мы, студенты, пошли митинговать, а куда нам ещё деваться? И каждый день потом такие новости нехорошие сообщали: что на нас наступают, что немец продвигается в глубь страны, что мы несем потери. Все начали разъезжаться. Кто к родне, кто подальше от напасти. Я поехал домой. По приезду к родным, был февраль 1942 года, я пошёл в военкомат. Там мне сказали, что дальше я учиться не буду, а пойду в армию. Меня призвали на службу.

Я стал солдатом Красной Армии. Меня направили на военный завод, клепать самолеты. Там мы делали ДБ (дальние бомбардировщики) двухлопастные. Позже, по направлению я попал в Мальту (Иркутская область), это была станция объединения частей. Там проводили курсы молодых бойцов.

После прохождения всех этих курсов, солдат отправляли на фронт.

Приехал я на станцию объединения частей и вначале попал в школу радистов. Потом меня однажды ночью подняли и вызвали в штаб. Я пришел, меня спрашивают: «Как ты на ноги себя чувствуешь?» Я говорю: «Не жалуюсь!» Мне в ответ: «В общем, к нам учиться пойдёшь, в школу диверсантов-разведчиков». Утром меня вызвали и отправили на восток, в Читинскую область, на станцию Атамановка. Я туда приехал. Там у нас сборный пункт был. В батальон собрали диверсантов-разведчиков, а потом эшелоном отправили на запад. Увезли за Иркутск, и оставили нас в лесу. Ни посёлков, ни гражданских людей, никого не было. Жил я там до 1943 года. Нас обучали подрывному делу, разведке: готовили воевать на востоке с японцами. Потом увезли в Монголию и забросили в Чайбалсан, где когда-то воевал сам Жуков. Там нас отправили в разведку. Мы должны были проверить, есть или нет в той местности японские укрепления. По пескам, по барханам проползли - никаких японских укреплений, застав, лагерей не обнаружили. Возвращались обратно тоже без происшествий. Никого не встретили, только мирных монголов, которые жили в юртах.

Но и языков нам, конечно, приходилось брать. Привозили их в штаб, а там уже с ними разбирались не мы.

Начало войны с Японией

Потом нас вывезли оттуда на станцию Борзя, уже 1945 год подходил, и мы тронулись на Аргунь. Восьмого августа друг сказал, что начинается война против японцев, и что наше дело – снять заставы, покрепче сделать переправу через Аргунь и бить врага.

Переправу делали на амфибиях (машины американские). Вечером через Аргунь мы переправились, заставы гранатами забросали, мосты все убрали, а утром уже пошли войска. А нас посадили на амфибии и отправили до Хайлара – укреплённого города в Маньчжурии. Приехали туда и столкнулись с дотами. Какими силами мы взяли эти доты? Сколько наших погибло на той земле.

Там убили моего друга. Он сам из Ленинграда был. Его с семьей эвакуировали на восток, где его в армию и взяли. Мы с ним вместе всё время были, когда служили, а потом его на войне и убили. В дот зашли, он был трёхэтажный, на первом этаже никого не было. Пусто. Доложили, что врага там нет. Туда пошли командир дивизии и начальник штаба, а у японцев, оказывается, казарма замаскированная, ярусом ниже, была, и, когда командир дивизии с начальником штаба туда вошли, их там японцы и расстреляли. Мы этот дот потом зачистили, но командиров уже не вернешь.

Мы еще в этом Хайларе базу захватили. Денег набрали много – я у себя в кабине ими всё обклеил. А когда узнал, что эти деньги там ходят в обороте, стал их отклеивать.

«Шахматная доска»

Мы пошли дальше, как передовые части мы всегда шли вперед. Вышли к Хингану – там был самый большой туннель. Наши казахи, которые в революцию бежали, встречали нас с радостью и благодарностью за освобождение. Японцы их обезоруживали, многих расстреливали и вдоль дорог раскладывали. Все, кого мы встречали, были на нашей стороне. Благодарны нам были за то, что мы пришли. Мы двинулись дальше, стали подходить к Хингану, а там укреплённая линия через этот Хинган. Доты стояли примерно 20-30 метров друг от друга, да еще и в шахматном порядке.

Мы начали подрывать эти доты, но они упорно сопротивлялись. Все вроде затихло. Мы сидели, ничего не ожидали. Вдруг со стороны японцев прилетел снаряд. Воздушной волной перерезало человека, как ножом. Ещё одного осколками убило, а меня там контузило и в правое плечо осколки врезались. До сих пор у меня правое ухо не слышит, а об осколках я до восьмидесятых годов не знал.

Положили в госпиталь, я там полежал, а потом собрался и ушёл обратно, к своим в часть. Не хотелось её терять. Когда вернулся, в дотах, перед Хинганом, убили шофёра. Меня вызвали и говорят: «Садись за водителя». Почему меня? Потому что у нас в училище были курсы машиноведения, но на машине я на практике ещё не ездил. Меня посадили на машину, полную людей, и сказали везти через Хинган, через

горы, причём без тормозов. И что мне делать? И сел. И поехал. Поехал до Маньчжурии. До Цицикара довез, до Харбина – русского города в центре Маньчжурии.

За Цицикаром

Встретились с 1-й танковой дивизией. Чуть-чуть не дошли до Пекина. Послали от своей танковой дивизии разведчиков. Но им не повезло. Их поймали гоминдановцы и всех расстреляли. Командир, когда узнал об этом, сразу же послал туда свои танки. Такого они там натворили. Ужас! Это было уже за Цицикаром, там мы и остановились. Стояли долго.

К нам китайцы со знамёнами шли, просили, чтобы мы не уходили. Делегации приходили, просили, чтобы Маньчжурия за Россией осталась. Японцы обижали их сильно, им только одну десятую урожая оставляли. А мы пришли – почти всё им отдавали. Нас очень хорошо там встречали. А японцы отступили в горы. Потом оголодали там, вернулись все страшно измученные, худые. Мы их всех в плен взяли. Плохого мы им ничего не делали. Я сам с пленными работал. Кормили их, одевали.

Обратно в Союз

В конце 1945 года стали уезжать. Выехали мы на станцию Отпор, ныне – Забайкальск. Далее через границу – в Хайлар, там нам приказали всё оружие, все трофеи оставить. Приехали на границу – а на ней все машины подлежали тщательному осмотру, на присутствие оружия и других запрещенных вещей. У нас ничего не нашли. Итак, мы въехали в Союз: Отпор проехали, Даурию, Борзю и Доцан, где и остановились.

Через некоторое время меня забирают в Читу, к пленным. Они там строили, работали, а у меня машина была специальная, энергию давала, вот я туда и поехал, снабжать электричеством. Работал с ними где-то год, и в 1946 году меня оттуда забрали на сборы командиров батальонов.

Демобилизация

Потом всё кончилось, все разъехались, а я остался с машиной – никому не нужный. Пришёл в штаб, к генералу Самонову, обратился: «Куда машину девать? И самому куда деваться?» Он мне ответил, чтобы я до Атамановки ехал, туда, на базу, сдал машину, а сам направлялся в свою часть. Я так и сделал. Сдал машину, получил расписку, что я её там оставил на хранение, и уехал в Даурию – опять на границу с Маньчжурией. Оттуда в 1947 году демобилизовался. Приехал в Харьков, а там уже и на работу пошёл.

Сначала работал в Свердловской области, в Карбинске, затем приехал на Ярегу на заработки и остался здесь.

Июнь 2009 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказали помощь студенты 1-го курса нефтегазопромыслового факультета Ухтинского государственного технического университета

Подойницын Семен Павлович

и

Керимова Айнура Рагимовна

Резник Григорий Иванович

Война за рулем

Я родился 12 января 1912 года в Ростовской области в селе Романовка Сальского района (тогда это был колхоз имени Чапаева). В 1925 году закончил 4 класса начальной школы.

Семья у нас была многодетная, все работали в колхозе, я был комбайнером-механизатором, убирал хлеб с полей. В партии не состоял, по национальности – русский. Когда пришла война, не было значения: партийный ты или беспартийный и какой ты национальности, шли все, хотели защитить свою страну. О войне узнали, как и все, по радио, никто не ожидал - как гром среди ясного неба.

Взрослые мужчины сразу же были призваны Сальским райвоенкоматом, в том числе и я - 23 июня 1941г.

Июнь, лето, а нам уходить. Дали немного времени попрощаться с родственниками, тогда мы еще толком ничего не понимали, не думали, что уходим надолго. В село приехала военная машина, на которой нас забрали в г. Сальск - в пункт формирования соединения. 25 июня 1941 года я дал военную присягу при 538-м отдельном автомобильном батальоне и был отправлен на Центральный фронт водителем-механиком.

Отступление и оборона

Началась моя военная служба под Москвой: тогда для всех нас это было главным местом на карте нашей Родины, понимали, что от нас многое зависит. Москву отдавать фашистам нельзя было, о себе тогда не думали, главное - отстоять город. В первое время под натиском немцев мы отступали все ближе и ближе к городу, отступление продолжалось до станции Химки, там и остановились. Бои были ожесточенные, но мы выстояли и Москву отстояли. После зимы 41-го ситуация изменилась, и многих из нас перевели на другие фронты. Меня направили в Сталинград, тогда там было жарко, шли тяжелые бои, люди гибли, много бойцов не вернулось со Сталинградских полей, я же уцелел и продолжал воевать. Сталинград переломил немцев, политруки сообщали нам о победах Красной Армии, и теперь мы уже наступали на Воронеж, Курск, освобождали наши города.

Доставка разведчиков

В 1943 г. я участвовал в битве на Курской Дуге и в боях под Прохоровкой. Моя задача заключалась в бесперебойном снабжении наших частей оружием, снарядами, топливом для машин и танков, бойцам же доставлял продукты и все необходимое. Тяжело было: постоянные обстрелы немецких самолетов и артобстрелы, бывало такое, что и бомбили, но старался все довезти до наших ребят.

Приходилось участвовать в опасных заданиях при перевозке наших разведчиков из одной части в другую, названия которых зачастую я не знал ввиду секретности. Одного из таких разведчиков мне было приказано доставить в другую часть. Невзрачный на вид лейтенант, в потёртой грязной шинели и в старых кирзовых сапогах сел ко мне в машину, и мы отправились в его пункт назначения. На одном из постов, на котором нас остановили, встретили высокого крепкого мужчину в звании майора.

Первое, чему я сильно удивился, это то, что офицер отдаёт честь и очень вежлив в разговоре с лейтенантом в грязной шинели. Меня отправили на кухню, накормили, и я

лёг спать. На следующее утро меня уже встретил этот лейтенант и сказал, чтобы я не беспокоился за свою машину, она осмотрена и заправлена бензином, так что можно ехать дальше. Через некоторое время лейтенант попросил остановиться позавтракать. Тут я в очередной раз убедился, что этот лейтенант не простой офицер, потому что его паек, по сравнению с нашим, был намного лучше. Я ему сказал: «Товарищ лейтенант, я не верю вам». Он спросил: «Почему?»

Тогда я объяснил и про майора, и про осмотр, и про паёк. Он засмеялся и сказал: «Молодец, что догадался о том, что я большой начальник в разведке». Невзрачный солдатский вид был прикрытием.

Чем занимался и как звали, он, конечно, не рассказал, а только лишь о том, что учился в штабе, в котором и работает. Вот такой был загадочный лейтенант.

Взятие колокольни

При взятии Курска была одна боевая точка, которую было трудно взять. Немцы заняли церковь, стянули туда свою технику, лёгкую батарею, не давали нашим частям пройти дальше. Наша контрразведка разработала свой план и сумела взять в ночное время немецких разведчиков, послать с ними дезинформацию, благодаря которой нам удалось захватить колокольню и находящуюся там технику. Все это позволило нашим войскам ускорить продвижение вперёд.

Тяжелая доставка

Уже зимой, после того как мы взяли Курск, дороги и подходы к фронту были занесены сугробами, а технике с боеприпасами и пехоте надо было передвигаться на передовую. Нам ничего не оставалось, как самим чистить дороги и освобождать технику, занесенную снегом. На помощь нам было мобилизовано много гражданского населения из Курска, которые расчищали лопатами проезд. Также нам привезли лошадей, а сено в спешке забыли, поэтому голодные лошади грызли машины, которые были заполнены снарядами. Было боязно, но к счастью, ни одна машина не взорвалась. С этими лошадьми надо было как-то

подойти к фронту, но зимой их было хорошо видно, и немцы на самолетах всех перебили.

Помощь учителям

Дорога была завалена убитыми лошадьми, которых приходилось завозить в город на мясокомбинат для дальнейшей их переработки на колбасу, которую потом распределяли по военным частям. Приходилось помогать гражданским голодным учителям, которые знали о том, что мы возим туши убитых лошадей, и просили дать им хоть что-нибудь. Пришлось дать им одну лошадь, благодаря которой, возможно, они остались в живых и не умерли голодной смертью.

Хорошее отношение на войне дорого ценилось: время было жесткое, люди старались быть добрее друг к другу, понимали, что, может, и их родных кто пожалеет, ведь у каждого из нас дома остались семьи.

Во время затишья иногда получалось посмотреть фильмы, приезжали к нам артисты с концертами, хорошо выступали. А в военное время - это как бальзам на душу.

Весточка любимой жене

На войне было тяжело. Сейчас вспоминаю и думаю, откуда силы брались? А ведь жили, мечтали, хотели домой поскорее вернуться. Письма из дома помогали, поддерживали. Всем хотелось одного – победить. Это было главной мечтой.

В 1943 году, после Курска, в силу военных обстоятельств у многих солдат не было возможности написать письмо, приходилось просить своих командиров ответить близким. Одно из таких писем, написанное политруком Байбадаевым моей жене, сохранилось до нашего времени:

«Здравствуйте, уважаемая Екатерина Фёдоровна! За время службы в нашей части ваш муж Резник Григорий Иванович показал себя как образцовый воин Красной Армии, все свои силы отдающий для блага Родины и скорейшего разгрома врага. Командование и наше Советское правительство оценило труды вашего мужа и наградило его медалью «За боевые заслуги». Эта уже вторая награда,

полученная вашим мужем. За отличное выполнение боевых заданий ранее он был награждён медалью «За оборону Сталинграда».

Сообщаю вам о новой награде, полученной вашим мужем, горячо поздравляю вас от имени всего личного состава нашей части с успехом вашего мужа. Мы уверены, что ваш муж не остановится на достигнутых успехах, не зазнается. Он будет работать ещё больше, ещё лучше, чтобы приблизить день нашей окончательной победы над немецко-фашистскими захватчиками. Ваш муж здоров, бодр, и шлёт вам свой горячий привет. Надеемся, что вы, работая в тылу, ответите на успехи вашего мужа новыми достижениями в своем труде, идущем на благо фронта. Ждём от вас ответа на это письмо. По поручению офицеров, сержантов и рядовых военчасти № 51560».

Несчастливая судьба

Вот так всю войну прошел: ушел летом 41-го, а вернулся летом 45-го, уцелел, живым пришел. Мой младший брат, Резник Илья Иванович, был пулемётчиком. Так как он был слишком молодым для армии, он был направлен на курсы животноводства, чтобы знал колхозную систему. Во время учения колхозному делу принесли в школу пулемёт, и военный назначил его изучение. Позднее, при неожиданном нападении врага, Илье и еще одному солдату выдали пулемёт и подвели к немецким позициям. В результате неправильно выбранной позиции пулемёта одного пулемётчика немцы сразу же убили. Переместившись с пулемётом, Илья отбил несколько атак немецкой пехоты. Немцы начали обстрел миномётами. Илья, взяв пулемёт, залез в разбитую танками колею, подполз на нейтральную зону (как учили в школе), поскольку враг такую зону обстреливать не станет из-за возможности попасть в своих солдат. Выбрав хорошую позицию, Илья отбил еще несколько немецких атак. Собрав остатки патронов, брат прострочил вслед немецкой пехоте. Отойдя, в поисках Ильи они начали вести обстрел минами. Сперва - один недолёт снаряда, второй - перелёт, третий справа, четвёртый слева, пятый попал в цель. Взрывом Илье

оторвало ногу и отбросило его в сторону. Впоследствии он скончался.

Старший брат, Резник Василий Иванович, был тяжело ранен в бою под Киевом, умер после войны.

Средний брат, Резник Стефан Иванович был башенным стрелком в танковых войсках. Умер после войны.

Опасный Берлин

Вспоминается конец войны - Берлин. Казалось, что уже ничего не угрожает, но в городе в подвалах и разрушенных домах еще прятались недобитые немецкие солдаты, поэтому нашим ребятам приказано было ходить группами, состявшими из трех-четырех человек. Бывали случаи, когда фашисты нападали и жестоко расправлялись с советскими солдатами. Обидно было погибнуть в конце войны. Мы собирались группой, брали продукты, шли в город и раздавали там продукты нашим военнопленным, освобожденным из лагерей, женщинам, которых угнали на заработки в Германию.

Победа

Об окончании войны узнал 9 мая 1945 года на собрании взвода от политрука. Тогда я видел, как наши солдаты карабкались на Рейхстаг с Красным знаменем: одни падали, залезали другие, и все-таки им удалось водрузить знамя. Это был один из самых лучших и радостных моментов в нашей жизни. Наконец-то кончилась война. Я, как и многие другие солдаты, тоже оставил свою подпись на стенах Рейхстага.

После капитуляции Германии основные части солдат направились в сторону Советского Союза, через Чехословакию и Польшу до Киева. Нашему полку была поручено вывозить советских людей на Родину. Мы сопровождали их, чтобы с ними ничего не случилось, довозили до советской границы, а там уже встречали наши, переправляли через реку, на советскую сторону. И так несколько раз: от Берлина до нашей Родины.

Долгожданное возвращение

Всем хотелось поскорее вернуться домой. После всех успешно выполненных мною заданий по перевозке людей из Германии на Родину 25 сентября 1945 г. я был демобилизован.

Приехал домой ночью, встречали местные учители, раненый шёл на костылях. Подошёл к дому, встретила моя собака Тузик, которая меня и провожала на фронт, на лай собаки выбежала моя жена, счастливая, со слезами на глазах, что вернулся живым домой. Поправившись от военных травм, я поспешил устроиться комбайнером-механизатором в наш колхоз, в котором проработал долгое время!

Был награжден: медалями «За боевые заслуги» (№1281794); «За оборону Сталинграда»; «За взятие Берлина»; «За Победу над Германией» (№0011687); «За оборону Москвы» (№030987); орденом Отечественной войны.

Ноябрь 2009 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Терентьев Владимир Александрович****, студент 1-го курса факультета безотрывного обучения Ухтинского государственного технического университета*

Романченко Леонид Сергеевич

Командир 1-го расчета батареи

Я родился 9 декабря 1925 года в городе Мелитополь Запорожской области. Детство моё проходило как у обычного мальчишки. Закончил два класса, и по семейным обстоятельствам мы с мамой выехали на север, в Коми АО. Причиной тому было то, что моего отца судили и отправили отбывать срок на север.

В то время как раз проходила коллективизация. Он не заплатил налог и вот. Дали ему три года. Срок отец отбывал в Ухте (тогда она называлась поселок Чибью). Когда отца освободили, он, зная какая тяжелая обстановка была на Украине (голод и т. д.), написал маме, чтобы она вместе со мной приехала в Ухту. И мы приехали. Это было в 1933 году.

Я пошел учиться во второй класс. Детей в классе было очень мало. Вскоре убили Кирова, и тем, кто сидел, как и мой отец, запретили выезд. В дополнение ко всему у моей матери забрали паспорт, хотя она и не сидела, и - «никуда ты не уедешь, никуда ты не уйдешь» (так часто повторял мой отец). Отец работал машинистом. Его считали ссыльным, и отдали приказ отбыть из Ухты на 100 километров дальше на север. Предложили в Крутую или в Печору.

Отец на Крутую ехать отказался, поехал в Печору. В Печоре тогда находился совхоз, который обеспечивал

продовольствием Воркуту. И вот так мы оказались в Печоре. Там я ходил в школу. Когда окончил 7 классов, решил поступать в Щельяюрский водный техникум. Это было в 1939-1940 году. Он выпускал штурманов водного, речного судоходства и механиков. Я поступил учиться на судомеханика. Окончил два курса.

В армию меня призвали 14 августа 1942 года. В те годы призывали всех: и старых и молодых. Мне тогда и восемнадцати лет не было. Нас, призывников со второго курса, было 30 человек. Забегу немного вперед: из тридцати человек вернулся я один.

Нас собрали на пароход и повезли. Доплыли до Кожвы. В Кожве тогда только начали ходить поезда, была лагерная система, везде были заключенные, которые строили там железную дорогу, да и вообще строили всё. Нас пересадили на поезд.

После долгого пути оказался я в г. Грязовец, Вологодской области. По распределению попал в роту истребителей танков. Сначала была учебная часть. Учили истреблять танки противотанковой гранатой и бутылкой с зажигательной смесью, а было ещё противотанковое ружье, двухметровое такое, пуля как большой палец.

Я посмотрел и думаю, танк – у него же броня, что сделает эта пулька против танка? Но раз учили – значит, так было нужно. В основном тогда применялись гранаты, два килограмма весом, далеко такую не закинешь. Мы же ещё пацаны совсем!

В чем заключалась работа истребителя танков: я, как охотник, должен пойти впереди нашей пехоты примерно на 50-100 метров, вырыть окоп и сидеть там с гранатами и бутылками с зажигательной смесью. Когда пойдут танки, я должен был их подрывать, не давая им дойти до пехоты. Когда танк пройдет мимо меня, мне необходимо было подниматься из окопа и бежать вслед за ним, бросая гранаты. «Но ведь меня убьют, если я буду бежать за танком» - вот такая мысль мелькала тогда у меня в голове.

И вот моя судьба, а я в нее верю, распорядилась так, что после месяца в учебке нас, семь человек, в том числе и меня, откомандировали в Вологду. Там был курсантский полк, большая казарма на берегу Волги. Здание кирпичное в 4 или 5

этажей. Рота занимала большое помещение, кроме четырехэтажных нар в комнатах не было ничего. Нас было много. В роте служили артиллеристы и минометчики. Меня зачислили в минометчики, опять же, благодаря счастливому случаю.

И снова учеба. Учиться было не сложно. До этого я был немного знаком с автомашинами и тракторами. Я даже успел отучиться на водителя и получить права.

Как-то ночью нас подняли и погрузили в поезд. Куда мы ехали, зачем – никто не знал. Нас привезли на какую-то станцию, и мы пешком отправились в Орловскую область. Тогда это была прифронтовая полоса, но фронт находился далеко от того места, куда мы направлялись. Там формировался 15-й пехотный полк 147-й стрелковой дивизии. Вот туда-то я и был определен.

Дивизия тогда прибыла с Волховского фронта, где была предпринята попытка прорыва блокады Ленинграда. Дивизия понесла большие потери. Часть солдат забрали из других дивизий. Происходило это в марте 1943 года. В каждом полку имелась своя артиллерия, батареи (пушки), минометная батарея 82-мм и 120-мм. Меня определили в тяжелую минометную батарею 120-мм. Командиром батареи был старший лейтенант Печенин, к сожалению, имя и отчество я уже не помню.

В дивизии создали группу корректировщиков огня. На передовой мы должны были смотреть и передавать координаты через телефониста. Занятия проводил сам командир батареи. Это дело очень важное, требует внимательности и точности, поэтому другим офицерам нашу группу он не отдал. Прошел месяц обучения, и меня назначили командиром 1-го расчета батареи, так как с математикой у меня было хорошо, а координаты нужно было быстро просчитывать, чтобы точнее выстрелить. В батарее было 7 расчетов, ну а первый расчет, так сказать, как запевала. Пристрелку всегда делал он. Итак, у меня в подчинении было восемь человек и ездовой. Была у нас конная тяга - минометы на колесах.

В мае или в июне 1943 года наша дивизия двинулась к г. Курску. Предполагалось, что там будут проходить серьезные бои. Вот мы пришли к Курску. Мы были почти окружены

немцами. Ночами пробирались вглубь территории, занятой противником.

Раз немцы потерпели поражение под Сталинградом, то на Курск они бросили все силы, т.е. современные тяжелые «Тигры», «Фердинанды», у которых лобовая сталь была 200 мм. Наше ружье, которое я помнил с обучения в Грязовце для «Фердинанда» и «Тигра» - как «слону дробина».

В общем, зашли мы в самую глубь их территории. Командование говорило, что немцы будут сжимать кольцо окружения, и что мы должны разорвать это кольцо. В последний день перед боем поздно вечером мы встретили солдат, которые как раз снялись с того места, куда нас перебрасывали. Они рассказали, что территория, на которую нас перебрасывают, была уже пристрелена немцами. Они находились в обороне и знали куда стрелять.

Когда мы добрались до места, нас сразу бросили в бой. Ночью нам привезли полторы машины мин. Но у нас очень быстро кончались снаряды. Что собой представлял наш миномет? Это очень опасное для живой силы оружие. Мина при небольшом соприкосновении с землей разрывается на мелкие кусочки, и в радиусе 50 метров все живое как косой косит. А ещё она опасна тем, что она чугунная. Сталь не дает столько осколков, сколько дает чугун. Минометная батарея считалась основной огневой мощью стрелкового полка.

Первый бой для нашей пехоты. Наш батальон насчитывал около 1000 человек. Одним словом, в течение полутора или двух часов батальона не стало. В тот день немцы пошли в контратаку, и мы до прихода другого батальона нашей дивизии сдерживали их огнем. На следующий день нам снова привезли мины, и все повторилось. Били, страшно били!

Ну а потом - Курская дуга. Это война моторов, это танки. Но сам танк не так страшен, как пехота, которая идет под его прикрытием. Только минометы могут её остановить, орудие не может. Мина накрывает сверху и отсекает пехоту от танка. Наша задача как раз состояла в том, чтобы отсечь пехоту от танков. Бои продолжались 50 дней и ночей. 23 августа 1943 г. посчитали днем разгрома вражеских войск на Курской дуге. Мне тогда было 17,5 лет. Самые ужасные воспоминания связаны у меня с этой битвой. Есть такое выражение: «Земля горит!». Она действительно горела! Урожай только сняли,

пшеница еще в снопах, некоторая еще не скошена, и все горит! Земля горит! Ад! Тысячи наших солдат там полегло. Немецкая авиация тогда чувствовала свою силу. Они как на работу каждый день летали. Бомбежки тоже проходили как по расписанию. Случайными были только «Мессершмидты» - они на разведку летали.

После Курской дуги мы двинулись на Украину. По пути мы проходили то место, где Петр I рубил шведов. На военных картах она была обозначена как «Шведская гряда». Как раз на этой гряде оказались немцы. Перед нами встала задача выбить немцев оттуда. Сколько на той гряде воевал Петр I, я не знаю. А вот мы смели врага за 10 часов боя. Рядом с этим местом находились два села – Старые и Новые Буды. Бои шли в этих селах. Мы стояли в селе, а немцы на возвышенности. Их прикрывали танки и авиация. В этом бою при взятии высоты погиб наш командир батареи Печенин. Бой уже закончился. Он обедал в наблюдательном бункере, и перед его окном разорвалась мина.

Продвигаясь по территории Украины с боями за каждое село (названий их я уже и не помню, больших городов у нас на пути не попадалось) мы вышли к Днепру. Это был конец сентября 1943 г. Бои там уже были в разгаре. Немец прижал наших к берегу, просто загнал в воду, потопив большое количество солдат. Днем мы таскали бревна, делали плоты. Организованных переправ не было. И вот кто на чем, минометы - на плотах, солдаты - на бревнах, в общем, за одну ночь дивизия форсировала Днепр. У немцев было преимущество – высокий берег, а мы располагались на низком и ровном. Мы были как на ладони. Местность была полна оврагов, и когда мы шли в атаку, из них немцы открывали огонь по нашим бойцам. Бои были тяжелые, приходилось и отступать. Ночью отступали, днем наступали. Немцы прижимали нас к берегу, но сбросить нас в реку им так и не удалось, мы устояли. Немцы на территорию за Днепром возлагали большие надежды и пытались удержать её любыми силами.

За то время, которое прошло с момента гибели комбата Печенина, сменилось три командира. Сразу же после гибели Печенина, командиром стал молодой лейтенант Глазунов. Печенин старался в села и города не входить, придерживался

окраин, а Глазунов, наоборот, все населенные пункты прочесывал. Вот однажды мы заняли позиции в каком-то селе. Глазунов мне говорит: «Пойдем, подберем огневую позицию для твоего расчета». Отошли мы метров на 200, и вдруг вражеские самолеты! Началась бомбежка! Когда мы вернулись, от моего расчета ничего не осталось. Прямое попадание. Было 7 человек и никого не осталось в живых.

Еще были бои в Житомире. То немцы нас, то мы - немцев. И так несколько раз. Бились с ними как могли, необходимо было удержать дорогу на Киев. На этом служба моя как командира закончилась. А было это так.

Наши, готовясь к предстоящему наступлению, увеличили выпуск танков. А танкистов не хватало. На поля боев были брошены люди, которых набирали из числа водителей и трактористов. И вот под Житомир прибыли группы, собранные из бывших водителей и трактористов. Зачитали списки, а там моя фамилия. Стало понятно, что быть мне теперь танкистом.

Собрали нас около 100 человек. Через два дня построили в каком-то селе. Всем водителям приказали выйти из строя. В общем, так я танкистом и не стал. Нас, шоферов, собрали и забрали у нас красноармейские удостоверения, а выдали удостоверения, на которых было написано: «Сотрудник НКВД».

Я понял, что у нас, в СССР, НКВД было как второе государство. В него входило главное управление шоссейных дорог – ГУШОСДОР. Им во время войны командовал генерал-полковник Павлов. Все дороги считались военными и подчинялись НКВД. Так получилось, что проехал я военными дорогами часть Украины, Молдавию, Румынию, Венгрию и Австрию. Победу я встретил под Веной.

Имею ранение. Пуля попала в горло, порвала гортань. В санчасть пришел сам. Ранение считалось легким. Хирург сказал, что я счастливчик. Еще у меня была контузия. Когда я был водителем, в начале 1944-го г., попал под бомбежку. Бомба разорвалась рядом с автомобилем, меня волной выбило из машины и контузило. Это было на нашей территории. Когда я очнулся, меня подобрали наши. Контузия была легкая, но я долго заикался.

Демобилизовался я в 1947 году в Москве. Демобилизацию проводил генерал-полковник Павлов. После демобилизации некоторое время я работал в Москве. В 1949 году я приехал домой, в Печору. Меня встретили родные – отец и мать.

С 14 октября 1949 года я работал механиком на газоперерабатывающем заводе. На этом заводе я и проработал до выхода на пенсию.

Декабрь 2009 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Зверев Евгений Александрович,*** *студент 1-го курса факультета безотрывного обучения Ухтинского государственного технического университета*

Рязанова (Максимова) Мария Григорьевна

Были мы зенитчиками

Я родилась 3 июня 1923 года в селе Синявка Обрамовского района Воронежской области. Русская. Православная. Состояла в комсомоле, поэтому, наверное, и попала в армию. Из одного класса нас четверо было тех, кто ушел на фронт, и все служили в разных частях.

По радио сказали о начале войны, все вышли на улицу, плакали, мужчин стали забирать в армию. Остались в колхозе одни женщины с детьми да старики. Мы, дети, не понимали, что происходит. О войне нам стали рассказывать деды, да бабушки, объяснили нам, что война – это страшно. Моего отца и двух дядей призвали в армию в августе 1941 года, как только война началась. На момент призыва училась в 8 классе. 2 апреля 1942 года меня взяли в армию.

Начинала свою службу в Воронеже, солдатом, потом в звании ефрейтора была. Когда нас привезли на место, я запомнила Чернявский мост, там бараки стояли. Поселили нас в эти два барака. Это был первый набор женщин и девушек со всей области. После того как мы разместились в бараках, нас стали командиры обучать службе, порядку и уставу. Учили недолго, с неделю, наверное. Учили - как вести себя в армии, различать воинские звания. Долгое время мы были без обмундирования, кто в какой одежде призвался на войну, тот в

такой и был. А потом уж обмундировали нас, в баню сводили, присягу мы приняли.

Попала я сразу же в 183-й полк, зенитный. Зенитчиками мы были. Разместили нас в пятиэтажном здании, а внизу барак стоял – там происходило обучение.

В полку было 15 батарей. Сперва я попала в 15-ю батарею. Работала я разведчиком. Сначала я этого не понимала, нас этому обучали. У нас были альбомы с фотографиями немецких и наших самолётов, какие были во время войны. Как сейчас помню: «Мессершмидт», «Хенкель», «Юнкерс» – это немецкие самолёты; наши: Як, Лаг, Миг. Мы учили их характеристики: какая нагрузка, дальность, экипаж, высота. Были у нас и специальные приборы: бинокль, дальномеры. Мы в приборы цель ловили и уже определяли, какой самолёт, а затем передавали в штаб дивизии. Командир и начальник штаба, в свою очередь, передавали информацию, что разведчики докладывали, на батареи. Там, на батареях, были пушки зенитные. Сами мы не стреляли. Мы стояли по шею в окопах, которые сами рыли. Такой была наша служба.

Потом командира нашего 183-го дивизиона перевели в штаб 374-го полка, туда и мы попали. Взял он с собой человек 15. Там были и старики, и молодые, и мы, девушки. Стариков называли «боепитанцы» – они подвозили снаряды для пушек. Так начиналась моя служба в 183-м полку. В то время мы уже узнали, что такое наша 80-миллиметровая пушка – небольшая, и стреляла она по самолетам. Устанавливали её на крыши домов.

Стояли мы тогда на охране Воронежа, охраняли аэродром, там самолёты строили. И вдруг приказали окапываться. А нам было непонятно, но никто ничего не объяснял, чтобы не расстраивать солдат, тем более мы все ещё такие молодые были. А это, оказывается, немцы стали наступать, а наши отступать по Сталинградской ветке.

В Германии я была в городе Штейнау. Помню, мы жили в небольшом домике на окраине города, там наша часть разместилась. И вдруг старшина заходит, а было темно, и говорит: «Ура! Война закончилась!» И что тут началось! Все шуметь начали, одеяла и подушки кидать друг в друга! Тогда у немцев тепло было, все вышли на балкон, стрельбу начали!

Было это 9 мая. Победу праздновали в Германии, застолье было.

Войну я закончила в Германии и оттуда в 1945 году, в конце августа, нас, девушек и пожилых, отправили домой. До августа не распускали нас, мы службу продолжали нести. Когда война закончилась, маме пришло благодарственное письмо на моё имя.

Когда нас призвали на фронт, мы спрашивали: а зачем стариков-то на фронт? Нам отвечали: будете служить, всё увидите. Служили мы несколько лет, зиму заставали. Старики-то эти и дрова кололи, и маленькие печки-времянки в землянки ставили, чтоб обогреться, и землянки сами копали. У меня даже есть фотография этих стариков.

В 1945 году я пришла домой. Помню, что отправка была организованной. На поезде домой отправили, каждого высаживали в своем городе, провожали нас до дома офицеры и младший состав. Мне от станции 7 километров пешком надо было идти, так меня провожали. Война окончилась, нам подарки дали: продуктовые посылки, по перине дали, по большой подушке девушкам. А ещё меня медалями наградили: «За боевые заслуги», «За победу над Германией». Медалями нас награждали командиры в воинской части.

Из родственников у меня два дядьки погибли, было только извещение об их смерти. А у мужа моего старший брат погиб, не вернулся с фронта.

Ранений у меня не было, была контузия. Случилось это так: немец заметил и стрелять из пушки начал, а разведчики недалеко стояли в окопе, обвал получился, и меня песком привалило. Со мной рядом был командир части нашей, с ним тоже что-то такое случилось. Командир дивизиона у нас был Муравьёв Алексей Алексеевич. Был он сначала в звании майора, а потом подполковником стал. Лежали мы вместе в госпитале в Воронежской области, там какой-то барак стоял, скот раньше держали, и вот там сделали госпиталь, прямо на пол всё расстелили. Поправлялась я долго.

Помню, ехали в Германию, тут уже составом разгрузились по машинам. Ехали-ехали, вдруг назад наши машины с пушками едут, говорят, немцы там, а мы, оказывается, прямо к ним в логово ехали.

Многих наших ребят награждали за отвагу, за то, что самолёты сбивали. Если самолёты сбивали, мы знали, кто у пушек стоял. В боях мы не участвовали. Мы, разведчики, если заметим самолёты, то должны были опознать их и передать информацию о них, откуда летит, с какого курса.

Свободного времени было мало. Почти всё время на посту стояли. Иногда, подальше от фронта, если затишье было, в больших землянках устраивали вечера, праздники. На них играла музыка, танцы были.

В войну ничего хорошего не было. С голоду не умирали, но и поесть вдоволь не могли. Кушали мы супы простые, из дешевых круп, а так хотелось щей с салом! Где была возможность, копали землянки большие под столовые, в помещении ели. А где не было возможности – устраивали полевые кухни, варили в котелках.

Всяким на фронте переболели: и вши заводились от грязи, и чесотка. Если была возможность в каком-то городе искупаться, то хорошо, а то, бывало, по месяцу, по два ходили немытые.

По приезде на Родину вернулась в деревню. Всем, кто служил в армии, председатель колхоза по постановлению выписывал зерно. Всю зиму училась на курсах. Потом стала работать учётчиком в тракторном отряде, потому что на дальнейшую учёбу средств не было. Отец не пришел с фронта, а мачехе тяжело было одной троих детей растить. Никакого извещения о гибели отца не было. Мы два раза писали, нам приходил ответ, что в списках убитых, раненых и без вести пропавших он не числится. Из деревни с мужем мы уехали в 1951 году, в феврале месяце.

Память постоянно возвращает меня к событиям военных лет, и они останутся со мной навсегда.

Ноябрь 2009 года

*В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь **Ворожун Марина Евгеньевна**, студентка 2-го курса факультета экономики и управления Ухтинского государственного технического университета*

Сазонов Михаил Иванович

Было всего три разведчика, и заменить меня было некем

Я родился 30 ноября 1926 г. в республике Казахстан (Кокчетавская область, село Карасево). По национальности я русский, и по вероисповеданию - христианин. В нашем местном сельсовете насчитывалось три русских села и шесть казахских (одно казахское село состояло из трех аулов). В моей семье было семь человек: отец, мать, я, старший брат и три сестры.

Войну я встретил в возрасте 14 лет, учился в шестом классе. Приближение войны чувствовалось всеми. Сообщение ТАСС о том, что передислокация войск Красной Армии не связана с какими-то военными целями, а проводится в связи с улучшением каких-то бытовых условий военнослужащий и их семей, настораживало. Появлялись в печати сообщения о сосредоточении фашистских войск на советско-польской границе. Все это беспокоило людей. И все же была надежда на то, что войну можно предотвратить.

Трагическую весть услышали по радио: Молотов объявил о вероломном нападении фашистской Германии на нашу Родину, великий Советский Союз. Выступление заканчивалось оптимистично: «Враг будет разбит, победа

будет за нами». Народ верил в это, и я иного не мог себе представить.

Уже на следующий день была объявлена всеобщая мобилизация – мой отец ушел служить на фронт. В конце 1942 г. пришла похоронка о его гибели под Вязьмой.

Я был призван в армию 11 ноября 1943 года. По распределению попал в учебно-запасную часть запасного стрелкового полка Кокчетавской области на 6 месяцев. Из этой части через каждые две недели отправляли на фронт по 1500 человек. В мае 1944 года наш полк полностью подняли и переправили к Китайской границе, под Ташкент.

На фронтах Великой Отечественной шли ожесточенные бои за сохранение независимости нашей страны, а оставшимся дома, в тылу, пришлось взять на себя двойную трудовую нагрузку. В сельском хозяйстве к весне 1942 года значительная часть машин и механизмов была направлена на фронт, в результате чего сложилась критическая ситуация.

Дома у меня остались мать и три сестры. Женщины вязали снопы и жали вручную рожь, пшеницу, а дети косили. От голодной смерти нашу семью спасала корова-кормилица, ведь есть было практически нечего. Причем половину удоя молока приходилось отдавать государству в качестве налога.

Летом моя семья собирала траву, сушила, толкла, чтобы добавлять потом в хлеб. Супы варили, в основном, из крапивы и лебеды. Носить тоже было нечего. Приходилось плести лапти из липового лыка и самостоятельно ткать на ткацком станке холст, из которого потом и шили одежду. Этот ткацкий станок называли «стан», он был довольно сложным сооружением, на нем медленно, но прочно создавался холст, длиною тридцать и более метров. Это - итог большой, тяжелой работы…

В июле 1944 года на три месяца попал я под Лугу, в 25-й артиллерийский дивизион. Под Лугой всего стояло два артиллерийских дивизиона: 24-й и 25-й.

Город Луга Ленинградской области был стратегически важным стратегическим объектом. Он был освобожден от немецкой оккупации 12 февраля 1944 года. Окончательно Новгородско-Лужская операция была завершена еще через три дня, так же как и Ленинградско-Новгородская операция в целом. В результате Ленинград был полностью освобожден от

блокады, а почти вся Ленинградская область очищена от оккупантов. Северный вал рухнул. Он так и не спас группу армий «Север» от тяжелого поражения. Достигнутая нашей армией победа открывала путь в Прибалтику.

После расформирования артиллерийского дивизиона по распределению я попал в отряд РГК (Резерва главного командования) 4-го Украинского фронта 38-й армии. РГК под командованием Петрова и Еременко подчинялись Москве (к сожалению, имен командиров уже не припомню). 7 августа 1944 армия 4-го Украинского фронта вступила на территорию Словакии.

У меня воспоминания о войне немногочисленны, что обусловлено, конечно же, возрастом. Одним из самых ярких воспоминаний для меня осталась история о форсировании реки Одер.

Форсировалась река Одер двумя полками. Третья часть личного состава погибла. Немцы пускали танки, отстреливались. Мы всю ночь копали траншеи из мелкого камня, и заняли оборону.

Я говорю:

- Товарищ майор, я пойду за водой.

Он отвечает:

- Давай, неси четыре фляжки.

Я взял автомат и две гранаты, пополз к реке, по нейтральной полосе. Весь вспотел от страха. Кто-то кричит:

- Вернись назад!

Я дохожу до траншеи – не вижу, кто это. Оказалось генерал. Он спрашивает:

- Ты чей?

- Свой. - Я назвал полевую почту.

Генерал сказал:

- Наказать, дать трое суток, снять ремень! (наказание - гауптвахта) Но мой майор не дал меня в обиду: у нас было всего три разведчика, и заменить меня было некем. В общем, на гауптвахте остались без меня.

Сталин приказал командованию 4-го Украинского фронта поддержать восставшую Словакию, но немецкие парашютные дивизии успели быстро захватить Лупковский и Дуклинский перевалы, поэтому прорваться на помощь к повстанцам Красная Армия не смогла. Советской стороне

пришлось ограничиться отправкой самолетов, которые доставляли словакам оружие, продовольствие и боеприпасы.

Мы освобождали большие города в Польше и Чехии, такие как Оломоутс и Моравска Острава (крупный промышленный центр и мощный опорный пункт обороны немцев в Чехословакии). Сначала шла авиация, потом танки и пехота. В Чехии я получил сквозное ранение в левый бок и в ногу.

Уже когда я находился в чешской больнице, услышал, что закончилась война. Но бои еще шли. Надолго я задержался в больнице, не очень быстро шел на поправку. Так до конца и не подлечившись, отправился на службу в Чехословакию. Оттуда меня и направили на Западную Украину охранять первые выборы от «бендеровцев». На Украине я прослужил еще пять лет.

Вернувшись на родину, в город Кокчетав в мае 1950 года, я встретился со своим братом, мамой, сестрами. Старший мой брат в боях не участвовал. На фронте он сопровождал войска НКВД, охранял военные объекты и был награжден медалью «За победу над Германией».

Моя фронтовая служба отмечена 14-ю наградами и 4-мя благодарностям Сталина. В том числе: орденом Отечественной войны 2-й степени (№525838), медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

Октябрь 2009 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказали помощь студентки 1-го курса факультета безотрывного обучения Ухтинского государственного технического университета

Быкова Ольга Юрьевна

и

Канева Ольга Михайловна

Сидоров Виталий Андреевич

Рельсовая война, разведка, захват языков

Я родился 6 февраля 1926 г. в селе Мещерино Плавского района Тульской области в семье учителя. Русский, христианин (православный). С 7 июня 1941 г. член ВЛКСМ. Состоял в коммунистической партии с сентября 1961 г. В мае 1991 г. членство приостановил. В 1942 г. окончил Мещеринскую среднюю школу. В 1954 г. окончил Тульский горный техникум, в 1960 г. - Всесоюзный заочный политехнический институт. По специальности «горный инженер-геолог».

О начале войны узнал 23 июня 1941 года в селе Мещерино, находясь на школьных каникулах. Наше обращение, сельских комсомольцев, о призыве в армию и отправке на фронт Плавский райвоенкомат отклонил, порекомендовав закончить учебу в школе, и заверил: если будет надо - нас призовут. В июне 1942 года я окончил школу. В декабре 1942 года Тульский обком ВКП(б) формировал партизанский отряд им. Чекалина и нас троих комсомольцев из села Мещерино в этот отряд зачислили рядовыми: меня, Серикова Виктора и Елисеева Владимира. Последние погибли в Брянских лесах в сражениях с карателями. Тогда же, в декабре 1942 года в Сталинграде погиб мой брат Сидоров Анатолий Андреевич, 1924 года рождения.

Командиром отряда был Сусликов Пантелей Иванович, комиссаром - Грабовский. Располагался отряд в Белевском районе Тульской области, в селе Елино. Здесь мы в течение месяца проходили обучение подрывному делу, минированию, разведке. Многие из нас совершили по 1 -2 прыжка с парашютом с самолета У-2 (ПО-2), но прыгать в тыл к немцам нам не пришлось. Нас забрасывали этими самолетами ночью с посадкой на площадку, обозначенную кострами. Ранее прибывшие партизаны нашего отряда готовили площадку и встречали самолеты.

Забросили нас в Карачевский район Орловской области (позднее Брянской) в конце января 1943 года в район сожженных деревень Большие и Малые Хатомиричи, Зайцевы дворы (других названий не помню). Отряд наш был скорее разведывательно-диверсионной группой, имел армейскую экипировку и постоянную радиосвязь со штабом 61-й армии генерал-лейтенанта (в 1943 г.) П.А.Белова, где была опергруппа партизанского движения (начальник - майор Бут). Снабжался отряд самолётами, которые, если и не имели площадку для посадки, производили сброску, о чем договаривались по рации. Снабжения от местного населения мы не имели.

Первое время мы жили в старых заброшенных землянках лесорубов, но в конце марта нам пришлось уйти, так как наседали каратели. Вступать в бой с противником без крайней необходимости нам не рекомендовалось, поскольку у отряда были другие задачи: блокирование железной дороги Брянск-Орел в ходе операции «рельсовая война», разведка, захват языков и отправка их в штаб 61-й армии.

С марта 1943 года стали жить в лесу у костра. Полностью отряд не собирался. Группы, если уходили на диверсию, на железную дорогу или за языком, были численностью 5-6 человек, на разведку в 2-3 человека. Обычно на задании находилось 3-4 группы.

Если группа с задания возвращалась, другая группа в тот же день уходила, и так все время: одна группа возвращалась - другая уходила. Каждой группе назначалось конкретное задание и определялось место встречи, куда она должна возвратиться с задания. Здесь ее встречал человек и приводил на базу отряда. С тех пор, когда мы ушли из землянок,

постоянного местонахождения база отряда (командир, комиссар, рация, что-то из боеприпасов и продовольствия и люди, возвратившиеся с задания) не имела. Очень часто место менялось и люди, находившиеся на задании, не знали, где оно находится, поэтому группе и назначалось место встречи. Никакого транспорта в отряде не было. Всё на себе.

В составе отряда я участвовал во многих операциях, в том числе диверсиях на железной дороге Брянск-Орел, часто ходил на разведку для наблюдения за движением немецких войск по дорогам.

Мы подрывали эшелоны, идущие на восток к фронту с немецкими войсками. Подрывали там, где дорога проходит не по насыпи, а в «выемке». Взрыв производился под паровозом, после чего вагоны и платформы с военным грузом врезались друг в друга, и образовывалась большая пробка из скрученного железа. Освободить путь можно было только с применением крана и автогена. На это требовалось время, в течение которого дорога была блокирована, что нам и требовалось. Особенное впечатление создавалось, если в эшелоне были цистерны с горючим.

В начале августа 1943 года район, где находился отряд, был освобождён наступающими советскими войсками, и мы вышли из леса. После десятидневного отпуска, который я провёл дома в селе Мещерино, вернулся в отряд в ту же деревню Елино, где мы находились перед заброской в Брянские леса.

Вскоре, в сентябре, нас на машинах привезли под город Чернигов в деревню Высокинь, откуда в конце сентября на тех же самолётах У-2 забросили в тыл к немцам, в район западнее города Овруч в Белоруссии. 15 октября 1943 года в бою с немцами я был ранен, вывезен самолётом на большую землю и после лечения в госпитале города Льгов Курской области был выписан. Направления в воинскую часть мне не дали, так как возраст был уже непризывной. В середине декабря приехал в Мещерино, где ещё некоторое время долечивался в сельской больнице.

В марте 1944 года Плавским районным комиссариатом был призван в армию и направлен в 5-й отдельный запасной понтонно-мостовой батальон в село Гавриловское Спасского района Рязанской области. Здесь нас учили на реке Оке

наводить понтонные мосты с использованием техники НПП. В течение июня-сентября я учился в школе младших командиров и по окончании получил звание младшего сержанта.

В сентябре 1944 года нас направили на 1-й Украинский фронт, на Сандомирский плацдарм, где мы пополнили 135-й отдельный моторизованный понтонно-мостовой батальон, которым командовал майор Игнатенко. Меня определили в 1-ю роту старшего лейтенанта Героя Советского Союза Дмитриева и назначили командиром отделения. Батальон располагался в деревне Хмелюв, недалеко от польского города Тарнобжег.

В январе 1945 года мы вместе с наступавшими войсками вышли к реке Одер, где в районе города Штейнау навели переправу. Дальше были другие реки, на которых мы наводили переправы: река Бобер, около города Бунцлау, где в 1813 году умер М. И. Кутузов, реки Квейс и Нейссе, около города Герлица, река Шпрее, около города Баутцена. В начале мая мы вышли на реку Эльба в городе Стрела. Здесь мы содержали сохранившийся невзорванным деревянный мост через Эльбу.

9 мая вечером около нас у въезда на мост остановился «Виллис», и из него проезжавший полковник крикнул: «Ребята, война кончилась!» Реакция наша была соответственной: «Ура! Скоро поедем домой!» Ну, и отметили, конечно, соответственно.

Радость наша была преждевременной. За нами пришли машины и повезли нас на юг в Австрию, на реку Дунай, в город Кремс. Здесь мы приняли трофейные понтоны, предназначенные для наведения переправ очень большой грузоподъёмности. Я со своим отделением принял один понтон (их было всего около 10-ти), и мы отплыли самосплавом вниз по Дунаю. На ночь причаливали к берегу у какого-нибудь населённого пункта. Проплывали Вену, Братиславу, Комарно, Будапешт и другие населённые пункты Австрии, Чехословакии, Венгрии, Югославии. В середине сентября в районе устья реки Тисы мы передали понтоны нашим речникам, а сами на ожидавших машинах вернулись в Кремс.

В январе 1946 года наш батальон был расформирован. Солдат, не подлежавших демобилизации, направили в разные

части уже в Советском Союзе, в Москве. Меня в начале февраля направили в 18-й гвардейский пушечный артиллерийский полк в город Дмитров Московской области. Командиром полка был полковник Осинчук, которого в 1948 году сменил полковник Миляков.

В декабре 1946 года полк перевели в город Скопин Рязанской области. В этом полку я довольно быстро освоил специальность вычислителя и был назначен старшим вычислителем штаба полка. Начальником штаба был полковник Мартынчук. Ежегодно полк принимал участие в первомайском и ноябрьском военных парадах в Москве. Я в них участвовал в 1947, 1948 и в 1949 годах. 22 марта 1950 года был демобилизован.

20 мая 1950 года по рекомендации Тульского обкома комсомола я был избран секретарём комитета ВЛКСМ шахты №9 треста Щекинуголь и проработал в этой должности до сентября 1951 года.

1-го сентября 1951 года поступил в Тульский горный техникум на сокращенный курс (после 10 классов школы). 30 декабря 1953 года окончил с отличием техникум, получил квалификацию техника-геологоразведчика и был направлен в трест Мосбассуглегеология, а оттуда в Богородницкую геологоразведочную партию на должность коллектора. В этой партии работал в должности коллектора до марта 1954 года. 4-го марта был отозван в трест и был назначен техником-оператором геофизического отряда тульской геологической партии и направлен на курсы операторов-радиометристов в Киев (Киевский геологоразведочный техникум). По окончании курсов с мая 1954 года работал в составе геофизического отряда на радиометрической ревизии керна скважин в кернохранилищах геологоразведочных партий, а также занимался проверкой на радиоактивность горных выработок шахт комбинатов Тулауголь и Сталиногорскуголь (Новомосковск).

В мае 1960 года по приглашению Ухтинского территориального геологического управления (УТГУ) приехал в город Ухту Коми АССР, и 20 мая 1960 года был назначен начальником специализированной партии по поискам радиоактивных элементов (в основном урана) и по массовым поискам, где осуществлял методическое руководство. В этой должности проработал до выхода на пенсию 5 марта 1990 г.

Награды: орден Отечественной войны 1-й степени № 1857826; медали «За отвагу» (№ 400593,1943г. и № 2314210, 1945г.), «За освобождение Праги», «За победу над Германией», «Ветеран труда», а также юбилейные медали. За трудовые достижения награжден медалью «За заслуги в разведке недр» (2 июня 1982 г.) и знаком «Отличник разведки недр» (№10595, 19 января1976 г.)

Май 2009 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказали помощь студентки 1-го и 3-го курсов факультета информационных технологий Ухтинского государственного технического университета

Жигарева Регина Эдуардовна

и

Сергеева Екатерина Евгеньевна

Суханов Феодосий Иванович

Выйти из окружения через «Долину смерти» - это второе рождение

Я родился 2 мая 1921 года в городе Лальске. По национальности - русский. По вероисповеданию - православный. В Лальске в 1938 году я окончил среднюю школу, получил первое «крещение» самостоятельным трудом в должности инспектора бюджета Лальского района. 15 октября 1940 года был призван на действительную службу в Красную армию.

27 марта 1948 года женился на замечательной девушке - землячке Галине Феодосьевне, работавшей школьной учительницей. Работал в РК ВКП(б) и в Райисполкоме председателем Райплана вплоть до отъезда в Воркуту для продолжения военной службы.

Время свое берет, трудно вспомнить все, что было в жизни. Запомнилось особенно то, что относится к детству и юности, это забыть невозможно.

Мой отец, Суханов Иван Петрович, родился 12 июня 1870 года, умер 20 апреля 1931 года. Я запомнил, что за трое суток до смерти он сказал маме, чтобы пригласила детей для благословления. Благословив брата Петю и меня, сказал: «Вам придется воевать с германцами, не позорьте фамилию, не

попадайте в плен, защищайте Отечество честно. Живите лучше первыми в деревне, чем последними в городе!».

15 октября 1940 года я был призван на службу в Красную Армию в школу младших командиров десантных войск (г. Шауляй, Литва). После её окончания мне присвоили воинское звание старшего сержанта и направили для прохождения службы в Острошицкий городок (Белоруссия), в 477-й стрелковый полк 161-й стрелковой дивизии на должность командира минометного расчета.

Командир полка полковник Г.И. Осетров встретил нас торжественно. Осваивали материальную часть, учились метко стрелять, действовать в различных видах боя в составе расчета. Особое место занимали вопросы по воспитанию у личного состава любви к Родине. Наша 161-я мотострелковая дивизия начала боевые действия против фашистских захватчиков 26 июня 1941 года у стен столицы Советской Белоруссии - Минска, а закончила Великую Отечественную войну в Австрии, в районе Линц-Урфарера.

В день начала войны - 22 июня 1941 года по поводу вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз был проведен митинг, на котором выступил командир дивизии полковник А.И. Михайлов. Мы поклялись защитить свое Отечество.

Фашистская авиация непрерывно бомбила прифронтовые города, дороги и город Минск. Пользуясь внезапностью нападения и значительным превосходством в силах на первом этапе войны, немецко-фашистские войска продвигались вглубь территории Советского Союза. В полосе Западного фронта на Минск наступала группа армии «Центр» в составе 9-й и 4-й полевых армий, 3-й и 2-й танковых групп при поддержке большого количества авиации. Танковые и моторизированные соединения противника прорвали оборону приграничных войск и устремились на восток. Части Красной Армии, проявляя невиданный героизм и самоотверженность, оказывали упорное сопротивление фашистским захватчикам.

Ведя оборонительные бои 161-я и 100-я мотострелковые дивизии, понеся значительные потери, перешли к обороне на рубеже Батуринка - хутор Водица - Валерьяново, но противник наступал крупными силами при поддержке трехсот танков на Острошицкий городок, где мы оборонялись.

Противник, потеряв большое количество танков и живой силы, отошел в район западнее Острошицкого городка.

Это были тяжелые бои. Мы задержали продвижение немецко-фашистских войск к Минску. Неоднократно наши подразделения переходили в контрнаступление. Гитлеровцы упорно сопротивлялись и продолжали наступать. Наши бойцы вели борьбу с танками гранатами, поджигали танки бутылками с горячей смесью. Противник понёс большие потери 27 июня 1941 года, и ему вновь не удалось завладеть Острошицким городком. Атаки немцев следовали одна за другой. Шесть суток подразделение нашего 477-го стрелкового полка, окруженное в районе Острошицкого городка, вело тяжелые бои с противником, и только 3 июля, нанеся удар в северо-восточном направлении, мы вырвались из кольца окружения. Затем несколько дней пробивались на соединение с войсками. Это было первое и тяжелое испытание для всего состава нашего стрелкового полка и дивизии, к тому же не хватало боеприпасов, особенно мин и снарядов, так как расход был лимитирован.

Имея многократное превосходство в силе и средствах, немецко-фашистские войска 28 июня овладели Минском.

Маршал Советского Союза Г.К. Жуков писал: «На ближних подступах к Минску развернулась упорная борьба. Особенно хорошо дрались 64-я, 100-я и 161-я стрелковые дивизии. Они уничтожили более трехсот танков противника и тысячи фашистов».

К утру 29 июня наша 161-я мотострелковая дивизия заняла оборону по левому берегу реки Волма на рубеже населенных пунктов Смольница - Волма - Левсе. Весь день отбивали атаки противника. Немцы, воспользовавшись отступлением наших войск справа, форсировали реку южнее деревни Волма. Наша дивизия, по приказу командующего армией, совершив 45-километровый марш, в назначенный срок 3 июля вышла на реку Березину, и заняла оборону по левому берегу реки Бобр. На Березине взорвали мост.

В этом тяжелом бою на реке Березина я получил первое ранение при обстреле и бомбежке нашего танкового десанта. Нас, шесть человек, волной от сброшенных с самолета бомб смело с танка, в результате чего я получил перелом ребра, и 5 июля вместе с другими ранеными, в числе которых был мой

друг Ваня Хорошев из г. Ростова-на-Дону, был направлен в полевой госпиталь в г. Шклов. Вечером госпиталь был срочно перенаправлен за Днепр под сильным обстрелом артиллерии противника. До сих пор вспоминаю, какую боль испытал.

В августе 1941 года я из госпиталя вновь вернулся в свой полк и вместе с дивизией принял участие в наступательных тяжелых боях с отборными немецкими войсками на Смоленской земле в районе Ельни.

Бои продолжались день и ночь в течение 47 дней. Вместе с солдатами я ощутил на себе всю тяжесть этих боев. Немцы сопротивлялись ожесточенно, неся большие потери в живой силе и технике.

Командуя минометным взводом, попал в тяжелое положение: отходить было некуда, аналогичное положение сложилось и в других взводах. А танки противника шли прямо на наше подразделение! Имея противотанковые гранаты, мы приняли бой. Из шести подбитых танков, я лично подбил два танка. Пятерых фашистов мы взяли в плен. Противник отошел на свои исходные позиции. За этот бой я был награжден первой медалью «За отвагу».

Под командованием генерал-полковника Г.К. Жукова Ельнинский выступ был ликвидирован, противник впервые понес большие потери, а советские солдаты и командиры испытали уверенность, что немецкую армию «можно бить».

До личного состава соединений был доведен приказ Народного комиссара обороны № 308 от 18 сентября 1941 года о преобразовании 100-й, 127-й, 153-й и 161-й стрелковых дивизий в 1-ю, 2-ю, 3-ю и 4-ю гвардейские дивизии. Эти соединения, отмечалось в приказе, в многочисленных боях с гитлеровскими ордами фашисткой Германии показали образцы мужества, отваги, дисциплины и организованности. В трудных условиях борьбы они неоднократно наносили жестокие поражения немецко-фашистским войскам, обратили их в бегство, наводили на них ужас.

В состав 4-й гвардейской стрелковой дивизии входили: 3-й гвардейский стрелковой полк; 8-й гвардейский стрелковой полк; 11-й гвардейский стрелковой полк и 23-й гвардейский артиллерийский полк. Командирам дивизии после гвардии полковника Михайлова был назначен гвардии генерал-майор А.И. Андреев.

Наша дивизия, находясь в резерве, в течение месяца пополнилась личным составом, техникой и, по тревоге вступив в бой, остановила наступление немецких войск на подступах к Москве. В это тяжелое время, в октябре 1941 года, я был принят в члены Всесоюзной Коммунистической партии большевиков вместе с товарищами полка. Для всех нас это было большой честью. Задачу на западном фронте гвардейцы выполнили, и 4-я гвардейская стрелковая дивизия переброшена с Западного фронта на Ленинградский фронт с целью прорыва блокады Ленинграда.

В ноябре месяце 1941 года меня направили на трехмесячные курсы «Выстрел» (Высшие курсы усовершенствования командного состава) в г. Архангельск. По окончанию учебы мне было присвоено воинское звание лейтенанта по специальности - командир минометного подразделения. Я был направлен в расположение Ленинградского фронта вместе с лейтенантами А.А. Саганенко и А.А. Яковлевым.

Из штаба фронта мы были срочно направлены в родную 4-ю гвардейскую стрелковую дивизию, которая вела бои по прорыву блокады Ленинграда. Я получил назначение на должность командира 2-й минометной роты (батареи) в 3-й гвардейский стрелковый полк. Яковлев А.А. - в 8-й гвардейский стрелковый полк, Саганенко А.А. - в 11-й гвардейский стрелковый полк.

Мы принимали участие в митинге по случаю вручения Гвардейского Знамени. Прозвучала команда: «Под Гвардейское Знамя - смирно!» А потом прочитан рапорт 4-й гвардейской стрелковой дивизии.

Командующий Южной группой войск 4-й армии, генерал-лейтенант В.Ф. Яковлев снял чехол со знамени, и шелковое его полотнище с изображением В.И. Ленина заалело перед строем. Он сказал: «Товарищи бойцы и командиры! По поручению Президиума Верховного Совета СССР вручаю вам Гвардейское боевое Красное Знамя. Оно завоевано кровью отважных воинов, отдавших свою жизнь за Родину в боях под Минском, Ельней и других рубежах. Оно воплощает в себе героизм личного состава дивизии и зовет вас на новые подвиги». Гвардии генерал-майор А.И. Андреев принял Гвардейское Знамя, вышел в центр построенных войск

дивизии, опустился на правое колено и поцеловал край знамени. За ним опустились на правое колено все - как один!

В ответной речи командир дивизии произнес Гвардейскую клятву: «Под славным Гвардейским Знаменем будем бороться до полного уничтожения всех фашистских оккупантов, дерзнувших вступить на нашу землю!» И над строем гвардейцев прозвучало: «Клянемся!»

Осажденный Ленинград переживал тяжелые дни. Основную задачу по прорыву блокады выполняли войска Волховского фронта, которые перешли в наступление в первые дни нового 1942 года. Наибольшего успеха добились соединения 2-й Ударной и 59-й армии. 4-я гвардейская дивизия была переброшена на Волховской фронт. Совершив 80-километровый марш, она была передана в состав оперативной группы генерала И.Т. Коровникова с задачей вести наступление, уничтожая противника в глубоко эшелонированном опорном пункте немецкой обороны у Ольховских хуторов, после чего она должна была продолжать наступление в направлении Сенная Кересть - станция Торфяное (в 8 км северо-западнее Чудова).

Мы, лейтенанты, с большими трудностями вместе с санным обозом, доставлявшим боеприпасы, добрались до дивизии. Командир дивизии принял нас так, как положено командиру: нас помыли в бане, выдали новое белье, и усталость как рукой сняло.

По прибытию в полк, начальник штаба полка представил нас солдатам и командирам и пожелал найти обоюдное взаимопонимание. Он напомнил, что лейтенант Ф.И. Суханов - ветеран нашей дивизии, боевое крещение прошел с первых дней войны, в том числе на Смоленской земле, был ранен, успешно закончил учебу на курсах «Выстрел». Я был горд оказанной мне воинской честью.

Во второй декаде марта 1942 года я прибыл в 3-й гвардейский стрелковый полк и вступил в обязанности командира 2-й минометной батареи (роты).

4-я гвардейская стрелковая дивизия и наш 3-й гвардейский стрелковый полк, преодолевая минные поля, продолжали наступление с задачей овладеть Ольховскими хуторами. Местность была лесисто-болотистая. Вдоль дороги Ольховка - Сенная Кересть, по левому берегу р. Кересть,

раскинулось около 50 отдельных дворов. Противник оказывал упорное сопротивление. Почти каждый дом представлял собой опорный пункт, прикрытый минными полями, колючей проволокой и снежными валами, облитыми водой. Добившись незначительных успехов, противник подтянул свежие резервы и предпринял контрнаступление, введя в бой большое количество танков и авиации. В одном из боев бойцы 3-го гвардейского стрелкового полка пропустили танки, отсекли огнем из стрелкового оружия и минометов вражескую пехоту. Противник вновь отступил. Наши артиллеристы так же успешно справлялись с прорвавшимися танками.

Наступление на Ольховские хутора одним 3-м гвардейским стрелковым полком большого успеха не имело. Во избежание ненужных потерь требовалось время для надежного подавления огневых точек противника. Тем временем, противник, учитывая важность данного рубежа на Чудско-Любанском направлении, продолжал подтягивать резервы и предпринимал всё новые и новые контратаки из района Сенной Керести и Ольховских Хуторов против 3-го гвардейского стрелкового полка и других полков нашей дивизии.

Освобождение каждого дома доставалось дорогой ценой. Особо отличились командир нашего 2-го батальона гвардии ст. лейтенант Н.И. Паршин и командир роты гвардии лейтенант А.А. Гранов, которые за один день овладели двумя домами. Смело и решительно действовали разведчики, минометчики. В этом разовом бою было взято в плен пять немцев, в том числе один офицер-танкист.

Бои шли далеко от шоссейных и железных дорог. Растянувшиеся коммуникации, сильные морозы, глубокий снег и бездорожье затрудняли нормальное обеспечение частей боеприпасами, продовольствием. Расход боеприпасов был большой, а подвоз гужевым транспортом не обеспечивал минимум снарядов и мин. Вот почему активность с нашей стороны снижалась, что и использовал противник. К тому же нам стало известно, что противник в районе, западнее Мясного Бора и Любец, в двадцатых числах марта вновь замкнул коридор, и в окружении оказались части 59-й армии и 2-й Ударной армии. Части 59-й армии с целью прорыва кольца

окружения на этом рубеже вели тяжелые бои, которые не затихали ни днем, ни ночью.

Узнали мы и о предательстве бывшего командующего 2-й Ударной армии генерал-лейтенанта Власова, который с небольшой группой охраны в разгар боев сдался в плен немецким разведчикам в одной из деревень, где дислоцировался штаб. Наступающие части 2-й Ударной и 59-й армии были окружены и не смогли выполнить поставленную задачу. Неся потери, наши вынуждены были отойти и занять оборону частично по реке Волхов. Предатель генерал Власов, будучи командующим РОА (Русской освободительной армии) в армии Гитлера, в конце войны был взят в плен и повешен за измену Родине.

Требовалось принимать срочные меры по изменению планов дислокации войск и, соответственно, тактику ведения боевых действий. Срочное создание внутреннего фронта по реке Глушице было возложено на соединение оперативной группы генерала И.Т. Коровникова, в которую входила наша 4-я гвардейская стрелковая дивизия. Эта группа встречным ударом в направлении Ольховка-Мостки содействовала главным силам 59-й армии в прорыве кольца окружения. Для этой цели наш 3-й гвардейский стрелковый полк, приняв боевые участки 8-го и 11-го гвардейских стрелковых полков, продолжал удерживать оборону южнее и западнее Ольховских Хуторов, а 8-ой и 11-й гвардейский стрелковый полк перегруппировались на рубеж р. Глушицы.

25 марта 1942 г. во взаимодействии с войсками, наступающими с запада в районе Мясного бора, мы прорвали кольцо окружения и пробили узкий коридор, через который под огнем противника вновь доставлялись боеприпасы, продовольствие, фураж и, главное, отправлялись в тыл раненные. Бои на участке нашего 3-го гвардейского стрелкового полка не затихали. Обороняться приходилось в очень тяжелых условиях.

В начале апреля температура воздуха резко поднялась, снег быстро таял, образовались озера вешней воды, наступило полное бездорожье. В связи с этим был сокращен продпаек воинам и установлен лимит на расход боеприпасов. Мужественно преодолев все трудности фронтовой обстановки, воины делали все возможное, чтобы удержать свои рубежи.

Слабым солдатам давали березовый сок, а хвойную настойку варили и давали всем. Вываривали конские кости.

21 мая дивизия под огнем противника прошла по узкому коридору и сосредоточилась в лесу у населенного пункта Коломна. Наш 3-й гвардейский стрелковый полк с одним дивизионом 23-го гвардейского артполка из противотанкового дивизиона, находясь в подчинении командующего 2-й Ударной армии, продолжал выполнять боевую задачу по прикрытию вывода больных и раненых через пробитый коридор. Отбивая контратаку за контратакой, корректируя огонь батарей по наступающим войскам, под сильным обстрелом, мы выполнили её.

26 мая 1942 года я получил тяжелую контузию и осколочные ранения в плечо, в голову и в лицо, в сантиметре от правого глаза. Первую помощь оказал гвардии старший сержант связи Козыряцкий Дмитрий Павлович. В данный момент он живет в г. Запорожье. Я очень благодарен командиру моей батареи гвардии лейтенанту Черкашину Николаю Яковлевичу, который, оказав помощь, быстро переправил меня в медсанбат 3-го полка, где военврач 3-го ранга хирург Д.М. Дмитриев извлек осколки, сохранив мне глаз. Учитывая тяжелое состояние на нашем участке фронта и подготовку к выходу из окружения, через неделю я возвратился в свою должность.

По выходе из окружения штаба 4-й дивизии нам была выражена благодарность со стороны коменданта Г.А. Костоломова и начальника штаба дивизии гвардии полковника Бугаева за то, что мы указали более безопасный участок и время, где можно пройти постоянно обстреливаемый противником коридор. Г.А. Костоломов меня спросил: «Гвардии лейтенант, вы ранены?» Я ответил: «Да, но я коммунист, не могу оставить роту». Г.А. Костоломов в своем донесении командиру дивизии написал, что, воспользовавшись советом командира роты гвардии лейтенанта Ф.И. Суханова, мы, к счастью, этот участок преодолели, а главное, без потерь прибыли на Селищенскую переправу через р. Волхов.

Выполнив боевую задачу, в ночь с 5 на 6 июня 1942 года, командир 3-го полка подполковник А.В. Спинко, собрав командиров подразделений, отдал приказ: выходить из

окружения группами. При наличии небольшого заслона, силами автоматной роты и разведвзвода, мы организованно начали отход. Мы понимали, что нам, помимо встречи с противником, предстояло преодолеть много водных преград: Травенский ручей, реки Глушицу и Полисть, незамерзающие торфяные болота, буреломы, лесные чащобы. Решили избегать населенных пунктов и узлов сопротивления противника. Предстояло пройти расстояние свыше 200 км. Двигались самостоятельно, связь с другими группами не поддерживали. Авиация противника господствовала в воздухе. Двигались в основном ночью и в дождливую погоду. 19 и 20 июня дважды встречались с такими же группами 2-й Ударной армии. При движении стрельба продолжалась то сзади, то впереди.

В результате кратковременных боев с противником мы вооружались его автоматами с комплектом боеприпасов, гранатами «огурчиками». В бой вступали только в исключительных случаях, когда нельзя было избежать столкновения. Марш-броски через открытую местность давались очень тяжело, силы были на исходе, питались подножным кормом.

При преодолении торфяного болота (где еще до войны продолжалась заготовка торфа и сохранились уложенные бурты для сушки) из-за усталости мы задержались. Утром мы вновь решили пройти это чертово болото, но появился разведсамолет противника. «Рама» обнаружила нас, и ровно через полчаса прилетели 4 самолета. Бойцы боевого охранения пытались добежать до лесного массива, подвергаясь жестокому обстрелу и бомбежке с самолетов. Тогда мы потеряли троих боевых товарищей. Мы знали, что самолеты противника прилетят снова, и до их прибытия удачно укрылись вблизи узкоколейки в одном из буртов. Убедившись, что самолетов больше нет, мы достигли леса, выставили охрану, сделали привал, похоронили товарищей, а вечером вновь двинулись в путь. Голодные и полуразутые, мы были уверены, что преодолеем все трудности и вновь будем вместе со своими товарищами - гвардейцами.

Мы разделились на две группы, одну из которых возглавил лейтенант Н.С. Ершов. 22 июня 1942 года наш отряд, выходя из окружения в районе населенных пунктов Костелеево, Плотнишно, южнее Грузино, встретился с

солдатами и командирами 23-го артполка 4-й дивизии, о чем было написано в книге «Война, как она есть» автора Н.И. Шендрика. Для всей нашей группы это был праздник и второй день рождения.

Кто видел «Долину смерти» (так бойцы окрестили дорогу Ольховатка - Мясной Бор), тому уж не забыть ее - этот кошмарный путь. Здесь смерть подстерегала на каждом шагу. Выйти из окружения через «Долину смерти» - это второе рождение. Так считали все солдаты и командиры, и это было правдой. В нашем подразделении командиры, солдаты и младшие командиры одинаково питались, с одной кухни, до окружения получали суп, кашу, чай, хлеб и сухари. При ухудшении обстановки с питанием начались проблемы, получали суп (бульон из конины), чай и три сухаря. В период окружения - бульон из 15 граммов муки на человека, еловый отвар и что кто найдет в окружающей местности. При возможности собирали старую клюкву. Мы очень ощущали отсутствие соли.

3-й гвардейский стрелковый полк вышел из окружения обескровленным: он выходил последним, прикрывая выход соединений западной группы 59-й армии. Знамя полка было сохранено. Каждую выходящую из окружения группу или отдельного солдата в полку встречали с большим вниманием, а врачи делали все, чтобы как-то быстрее восстановить их здоровье.

5-го июля 1942 года стало известно, что 4-я гвардейская стрелковая дивизия, в том числе 3-й гвардейский стрелковый полк, получили задачу по ликвидации немецкого плацдарма в районе посёлка Грузино. Была проведена рекогносцировка местности с командирами полков, батальонов, рот. Рекомендовано было провести необходимые наблюдения по выявлению огневых точек противника, чтобы ночью занять исходные позиции для наступления.

Свою минометную роту я расположил на оборудованную огневую позицию у деревни Модня. С 2 часов ночи участвовал в общей артподготовке - израсходовал 300 мин, оставив в резерве 250. И вот от тысяч и тысяч выстрелов застонал лес, впереди взвилось длинной полосой пламя, как огненный вал, и загрохотали взрывы. Казалось, что снаряды сыпались на позиции противника дождем. От увиденного в

душе возникали два чувства: радость и горесть от того, что должно последовать за этим - ранения и гибель сотен тех, кто сейчас пошел в атаку.

Наши новички (необстрелянные пополнения), встретив на своем пути разрывы мин и пулеметные очереди, залегли, еще больше подставив себя под минометный огонь. Поэтому наши успехи в первый день на главном участке были незначительны, зато 2-й батальон овладел отдельной высотой и закрепился на высоте у р. Волхов. Бои по ликвидации плацдарма затянулись. Противник подтянул резервы с целью любой ценой удержать важный плацдарм в стратегическом положении, а разведсамолеты «Рама» все светлое время дня контролировали территорию. Авиация противника господствовала, нанося бомбовые удары с воздуха. Наши штурмовики и истребители могли появиться только в момент, когда кончалась артподготовка и пехота шла в атаку.

В разгар тяжелого боя позиция нашей батареи была засечена разведсамолетами «Рама», и в конце дня 13 июля при очередном налете три бомбардировщика «Юнкерс» сбросили бомбы на позиции нашей батареи. Одна бомба попала в блиндаж, где находились политрук Сушков, заместитель С.А. Васильев, ординарец В.А. Захаров и я. Бомба проломила накат сухих бревен с прослойкой земли в четыре ряда.

Солдаты быстро откопали нас. Каким-то чудом все мы остались живы, получив серьезные контузии, от чего у нас в течение недели болела голова, и шла кровь из ушей. А политрук Ушков спал во время бомбежки с закрытым ртом, поэтому полностью оглох, был отправлен в госпиталь и комиссован. А сколько было опасных обстрелов наблюдательного пункта, откуда приходилось корректировать огонь батареи по позициям противника!

Освободили районный центр Грузино. Однако, нам не удалось взять казармы, построенные когда-то самим Аракчеевым. Толстые, мрачные стены казарм отличались необыкновенной прочностью, как стены каменных церквей в нашей местности. Поэтому не смогли снаряды причинить им заметного вреда.

У немецких солдат был один выбор - отстреливаться или умереть. Отступать у них не было никакой возможности, потому что их расстреливали свои же с западного берега р.

Волхов. К тому же с флангов участки возможной переправы контролировались и обстреливались нашими войсками. Начали действовать штурмовые группы во взаимодействии с танками Т-34, которые постоянно поддерживали повзводно минометы. Минуло уже 10 дней, а каждая ночь проходила без сна: спишь в сутки 2-3 часа, а то и меньше.

20 июля 1942 года в срочном порядке мы передали занимаемый участок 58-й бригаде, а сами пешком пошли на станцию Гряды. Быстро погрузились со всем хозяйством в вагоны и 21 июля отравились по Октябрьской железной дороге. Каждому солдату и офицеру был выдан в пути сухой паек. На остановке люди просили нас: «Сынки, разбейте фашистов, вся надежда на вас!» Мы старались успокоить их, кричали, что обязательно одолеем врага, хотя победа над ним будет еще далеко, и от этого на сердце лежала тяжесть.

Сталинградская битва началась 17 июля 1942 года. Чтобы остановить продвижение немецких войск, 1-я гвардейская армия под командованием генерал-майора К.С. Москаленко 16 августа вступила в сражение на правом берегу Дона, на рубеже Шохин, Дубовой, Сиротинская.

16 августа 1942 года 4-я гвардейская стрелковая дивизия под командованием командира генерала-майора Г.П. Лиленкова в срочном порядке выгрузились на станциях Липки и Иловая и вошла в состав 1-й гвардейской армии. Пытаясь преодолеть сопротивление противника, старавшегося блокировать железную дорогу, идущую в Сталинград, но понеся потери, мы отошли к Дону.

Вместо топких болот, затопленных торфяников Волховского фронта под ногами сыпался песок, скрипела галька, и здесь, в бескрайних голых донских степях, воины прочувствовали недостаток воды! Были сложности в ориентировании, маскировке и укрытии боевого вооружения как от наземного, так и от воздушного противника.

Наш 3-й гвардейский стрелковый полк под командованием подполковника И.З. Захарова в ночь на 28 августа вслед за артподготовкой форсировал Дон и создал плацдарм на участке озер северо-восточнее Хмелевской и хутора Зимовский. Противник оказывал яростное огневое сопротивление, а также следовали беспрерывные контратаки гитлеровцев под прикрытием авиации.

Подразделения нашего 3-го полка и 11-го гвардейского стрелкового полка, преодолевая упорное сопротивление, продолжали теснить противника. Противник подтянул свежие силы и при поддержке 10-ти танков, во время 10-й контратаки, пехота противника вклинилась в боевые порядки 2-го батальона 3-го гвардейского стрелкового полка.

Полки дивизии отбивали контратаки противника, поддерживавшиеся танками и авиацией. В некоторые дни бомбежки авиации были настолько мощными, что первоначально трудно было представить, что мы еще живы. Боеприпасов, мин и снарядов не хватало, местность кругом открытая.

Когда находишься на наблюдательном пункте, ведешь разведку и корректировку огня минометов, возможна смерть или тяжелое ранение в любую минуту, даже кушать не хотелось, не было аппетита. Представьте себе: больных из числа солдат и офицеров не было, организм держался на нервах, а они оказались прочнее стали.

Когда мы получили приказ в ночь на 1-е ноября передать участок обороны вновь прибывшей части, мы считали, что нас отводят на отдых, а получилось наоборот. Изнурительными ночными маршами по 50 км в сутки прибыли в район Сиротинский, получив пополнение, форсировали Дон и заняли оборону на плацдарме возле районного центра Сиротинская.

Прекрасные командиры взводов Н.Я. Черкашин, А.И. Круглов, М.Н. Захарченко и С.А. Васильев вели индивидуальную боевую подготовку, заключавшуюся в обучении солдат владением немецким оружием, винтовками, автоматами, так необходимую в бою. Бойцы моей роты, готовя боеприпасы, распаковали ящик с минами. Обнаружили письмо от работниц завода, выпускающего боеприпасы, Золиной и Басовой: «Мы посылаем вам привет вместе с «конфетами», - писали девушки- угощайте ими проклятого врага. Бейте беспощадно его, где бы он ни появлялся. Мы клянемся давать вам еще больше своей продукции, чтобы быстрее разгромить ненавистного врага». Это письмо переходило из рук в руки. Минометчики, пулеметчики, саперы, артиллеристы и стрелки, прочитав его в дивизионной газете, клялись с честью выполнить наказ тружеников тыла.

В 7 часов 30 минут 19 ноября 1942 года на трех участках прорыва залпы ракетных установок «Катюша» возвестили начало наступления. 3500 орудий, минометов, в том числе и минометы моей роты, один час двадцать минут били по ранее разведанным огневым точкам вражеской обороны на протяжении в общей сложности 28 км. Погода стояла туманная, и это исключило возможность действий авиации. Едва отзвучали последние разрывы, как советские солдаты бросились в атаку. Ровно в 13 часов были введены в действие танковые корпуса, мощным ударам пробившие брешь во вражеской обороне. Вместе с танками в бою принимал участие десант. Противник не выдержал, побежал, бросая оружие и сдаваясь в плен. Подоспевшие на помощь немецкие танковые дивизии были смяты. Мы выполнили первую задачу - тактическая оборона была прорвана. Дикая паника охватила вражеские войска.

20 ноября после мощной артподготовки перешли в наступление войска Сталинградского фронта. В середине дня в прорыв были введены подвижные войска. В Приволжской степи колонны советских танков, сбивая врага, пытавшегося зацепиться за тот или иной рубеж, стали развивать стремительное наступление. В 16 часов 23 ноября свершилось радостное событие, в районе хутора Советского, соединились войска Юго-Западного и Сталинградского фронтов, кольцо окружения вокруг немецкой группировки было замкнуто.

4-я дивизия, участвуя в контрнаступлений по окружению Сталинградской группировки, с боями прошла более 200 км, проявила высокий наступательный порыв и организованность, принимала активное участие в освобождении многих населенных пунктов и города Калача. При освобождении Калача 4-я дивизия была подчинена командующему 5-й танковой армии генералу П.Л. Романенко.

С боями мы овладели ст. Ерицкий, Ближне-мельничный. Противник, при наличии танков, неоднократно переходил в контратаку, но безуспешно. На подступах и при взятии железнодорожного моста моей ротой было израсходовано самое большое количество 82-мм мин, кроме того, мы 800 мин 81-мм, взятых у немцев, тоже пустили по их огневым точкам и пехоте.

Поддержкой авиации противник пытался удержать мост. Этот бой остался в памяти у всех, кто сражался. Вслед за танками подразделения 3-го и 11-го гвардейских стрелковых полков ворвались в траншеи на подступах к мосту, где завязалась рукопашная схватка. Враг не выдержал, преследуя его по пятам, мы вышли к берегу Дона. 3-й гвардейский полк броском, под кинжальным огнем противника, захватил и удержал мост до подхода основных сил. Железнодорожный мост через Дон - это была важная победа. Было получено специальное поздравление всему личному составу полка. Особо отличившиеся были награждены правительственными наградами, часть бойцов - посмертно.

В ночное время при ветреной и снежной погоде мы переправились по льду на правый берег Дона при температуре минус 30 градусов. Проведя разведку, минуя посты, подошли с двух сторон неожиданно для противника, открыли огонь из пулеметов, автоматов, минометов и к утру 1-го января 1943 года овладели станцией Суворовская. Взяли в плен коменданта, 5 офицеров, 40 солдат, 4 танка и несколько автомашин, а лошадей передали местным жителям.

Разведка сообщила что противник готовится прорваться крупными силами из станции Нижнечерской, под прикрытием танков. Мы приступили к оборудованию огневых позиций. Бой разгорелся неожиданно, вначале у соседа, а через час и мы вступили в бой. Было подбито в общей сложности 10 танков. Местность открытая, холодно, противник одет легко, в сапогах на один носок, а у нас на ногах валенки, мы одеты в теплое белье и шинели. Немцы прекратили сопротивление и сдались в плен, раненых немецких солдат отправили в медсанбат, было их более 200 человек.

При подходе к станице Нижнечерской противник встретил нас огнем артиллерии и танков, а также бомбёжкой с «Юнкерсов». После пятисуточного боя противник понес большие потери, станица Нижнечерская была освобождена, противник капитулировал. В Нижнечерской находилась главная база снабжения 6-й немецкой армии. Мы захватили большое количество рождественских посылок, присланных для немецких войск, ведущих бои в Сталинграде, материалы спецпочты, в том числе большое количество разных орденов, освободили важный железнодорожный узел. Склады базы

были взяты под охрану, а с почтой разбиралось спецподразделение. Освободили лагерь военнопленных. Страшно было на них смотреть - глаза и кости, а бараки были подготовлены к взрыву. Это была очередная победа подразделений 5-й Ударной армии.

Всему личному составу 4-й гвардейской стрелковой дивизии за проявленное мужество и стойкость в Сталинградской битве вручили медаль «За оборону Сталинграда». Трудно было представить, что в этой мясорубке я остался жив и сохранил самообладание на следующие бои!

15 января, возобновив наступление, отразив контрудар противника, соединения 5-й Ударной армии вышли к высокому левому берегу Северного Донца. По правому берегу Северского Донца проходила заранее подготовленная оборона противника.

Известно - чем напряженнее бои, тем больше раненых. Таков закон войны. Под ударами войск Южного и Закавказского фронтов во второй половине января враг начал отводить свои войска с северного Кавказа через Ростов, поэтому удержанию рубежа по реке Северный Донец немецкое командование придавало большое значение, на отдельных участках противник переходил в яростные контратаки. Немецкие бомбардировщики были частыми гостями, а местность была чистая, естественных укрытий, кроме балок (рвов) и мелкого кустарника на берегу реки, не было.

Разведчики в ночь на 28 января провели ряд успешных операций по взятию «языка». Гитлеровцы, не имевшие теплого обмундирования, использовали любую возможность, чтобы отсидеться в нетопленных землянках. Этим и решила воспользоваться группа А.Г. Голова. По искрам из трубы обнаружили землянку. Бесшумно сняли часового у землянки, рядовой Я. Закиров бросил в трубу гранату. Внутри глухо раздался взрыв. Оставшихся в живых, пытавшихся выскочить, взяли. Один пленный оказался унтер-офицером 306-й пехотной дивизии немцев. В этом бою при отходе с «языком» погиб смертью храбрых бесстрашный разведчик гвардии лейтенант А.Г. Голов, но пленные были доставлены в штаб. Я друга Сашу Голова хорошо знал, почему и пишу.

7-го февраля наша дивизия перешла в наступление, прорвала оборону противника на участке Михайловский-Крестовский и к исходу 10 февраля вышла на рубеж реки Керчик. Обеспечивая левый фланг армии, 4-я дивизия продолжала наступление с южной стороны города Шахты. Гитлеровцы цеплялись за каждый хутор, горняцкий поселок, пытаясь остановить наступление Гвардейцев. Одновременно правофланговые соединения армии вели бои за Шахты. Общими действиями подразделения 5-й армии освободили г. Шахты и ближайшие поселки. В последующем 4-я дивизия преследовала противника.

Чем ближе подходили подразделения к реке Миус, тем больше усиливалось сопротивление врага. Неоднократные атаки прорвать оборону противника, проходившей по правому берегу реки Миус не увенчивались успехами. Силы были далеко не равными. Против уставших в боях зимнего наступления бойцов 5-й Ударной армии на заранее подготовленных, глубоко эшелонированных позициях, оборонялись свежие силы врага. Отступая, гитлеровские захватчики в дикой злобе истребляли ни в чем неповинных мирных жителей - стариков, женщин, детей, разрушали и сжигали села и города, наносили тяжелый урон промышленности и сельскому хозяйству. Население оккупированных районов восторженно встречало своих освободителей, помогали Советской армии быстрее разгромить ненавистных фашистов и освободить родную землю. В городах, крупных населенных пунктах и селах при освобождении видели ужасы правления гитлеровцев, на специально построенных виселицах висели старики, женщины, а подчас и молодые парни с прикрепленной доской - партизан!

По приказу командующего армией 16 марта 4-я дивизия была выведена во второй эшелон. Она получила задачу оборудовать тыловую армейскую полосу обороны на рубеже Дьяково-Бобриково и 2 апреля вошла в состав вновь созданного из 4-й, 34-й и 40-й гвардейских дивизий 31-го гвардейского корпуса под командованием генерал-майора А.И. Утвенко.

Мое подразделение размещалось на окраине села Бобриково, пополнилось молодыми воинами, некоторое время

проживающими на оккупированной территории. Молодые воины давали гвардейскую клятву отомстить фашистским извергам за совершенные злодеяния, которые они увидели собственными глазами. Проводили учебу с личным составом - 10 часов в день. Снайперское движение приняло широкий размах, в моей роте было подготовлено пять снайперов, на счету М.Салтыкова и М.Бакаева за два месяца соответственно - 17 и 14 уничтоженных гитлеровцев.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 июня 1943 года 4-я гвардейская стрелковая дивизия была награждена ордером Красного Знамени. Вручение дивизии ордена превратилось в волнующий праздник всего личного состава.

17 июля ровно в 6 часов, после мощного артиллерийского минометного и авиационного наступления 31-й гвардейский стрелковый корпус составе главной группировки 5-й Ударной армии прорывал оборону противника на р. Миус у села Дмитриевка.

Находясь на наблюдательном пункте, заметил вспышки выстрелов немецкой артиллерийской батареи на опушке небольшого массива, ведущей огонь по позициям нашего батальона. Измерил расстояние по карте, досягаемое огнем минометов. Пристрелял это место с интервалами, чтобы противник не подозревал, что ведется пристрелка, и дал по телефону команду на батарее пять залпов беглым огнем. Рано утром наш батальон овладел этим районом. Пошел я вместе с ординарцем Мишей Захаровым и с заместителем командира батальона по политчасти с гвардии капитаном Н.П. Яровым и его телохранителями. Пользуясь дождем, преодолели поле, чтобы осмотреть территорию, где находилась огневая позиция противника. Обнаружили 11 человек убитыми и изуродованную технику, два тягача и выведенные из строя три орудия. Вернулись с трофеями: принесли новую стереотрубу, которая мне так была необходима, восемь катушек телефонного кабеля и телефонный аппарат. Этот материал был помещен в дивизионной газете «Боевой товарищ» за подписью заместителя командира батальона по политчасти Н.П. Яровым под заглавием «Минометчики подразделения гвардии старшего лейтенанта Ф.И.Суханова стреляли в цель».

Удивительный народ минометчики: выносливые, закаленные войной, беспредельно храбрые, честные. Во время боя, измотанные до предела, сменив огневые позиции ночью, тут же оборудуют новые, одновременно идут оборудовать наблюдательный пункт. А на заре - снова бой. Постоянно рискуют жизнью.

Тем временем противник подтягивал к участку прорыва все новые и новые резервы. С их подходом соотношение сил изменилось в пользу противника.

С утра 30 июля немецко-фашистское командование, сосредоточив мощный танковый (до 1000 танков) и пехотный кулак в районах западнее и северо-западнее Саур-Могилы и юго-западнее Чистяково, бросило свои войска в контрнаступление, поддержанное крупными силами авиации. Чтобы сохранить силы и средства и занять более выгодный рубеж для обороны, командующий Южным фронтом приказал в ночь на 2 августа отвести войска 5-й Ударной армии на восточный берег реки Миус и занять там прочную оборону.

4-я дивизия в составе войск армии под прикрытием авангардных батальонов оторвалась от противника и без потерь вышла на прежние позиции. Было мне присвоено воинское звание «гвардии капитан», и с 6 августа 1943 года (без моего согласия) я был назначен командиром 2-го батальона 3-го гвардейского стрелкового полка 4-й гвардейской стрелковой дивизии. 6 августа вновь назначенный командир 3-го полка гвардии подполковник В.Лосев представил меня личному составу батальона на окраине села Бобриково, коротко изложив боевую характеристику. Пожелал новых боевых успехов.

10 августа в 4-ю дивизию прибыли командующий фронтом генерал Ф.И. Толбухин, командующий 5-й Ударной армии генерал В.Д. Цветаев, член военного совета армии генерал И.В. Булатов, командир дивизии полковник С.И. Никитин, командир 3-го полка подполковник В. Лосев, а во 2-м батальоне проводилось занятие «действия батальона при прорыве первой линии обороны с естественным препятствием и преследование противника с применением боевого оружия минометной роты». По окончании занятия командующий генерал Ф.И. Толбухин сказал: «Мы сделали вывод, что занятие проведено хорошо. Молодой командир батальона

капитан Суханов успешно справился со своими обязанностями, личный состав действовал уверенно. Прошу командира полка немедленно представить к награждению медалью «За боевые заслуги» командиров расчетов минометной роты за четкое выполнение команд и отличные действия ведения огня».

Командующий всему личному составу батальона и командиру полка и начальнику штаба полка объявил благодарность. Прозвучало громкое: «Служим Советскому Союзу!»

14 августа 4-я дивизия с 32-м гвардейским танковым полком и тремя полками артиллерии получила приказ за день наступления овладеть рубежом Мариновка-Лугенский. Ширина участка прорыва дивизии равнялась 2 км, глубина задачи на первый день - 8,5 км. Соответственно, и мой батальон вместе с другими вышел и занял оборону на исходной позиции.

18 августа 1943 года ровно в 6 часов мощным залпом «Катюш» началась артиллерийская подготовка. В конце ее в воздухе появились прославленные «Илы». Они обрушили на фашистов весь свой бомбовый груз и нанесли удары огнем установок (ракетные снаряды) и пушек. Через 1 час 15 мин. батальоны первого эшелона дивизии, в том числе и мой, перешли в атаку. Уничтожая ожившие огневые точки, прорвали знакомую нам первую позицию обороны и успешно продвигались вперед. Вслед за продвижением подразделений батальона я постоянно менял свой командный пункт и поддерживал связь. Штаб вместе с отделением саперов, медпунктов, хозотделением занимались своими делами. В их обязанность входило обеспечить личный состав питанием и подвозом боеприпасов.

Во второй половине дня овладели Мариновкой и завязали бой за опорный пункт противника западнее села Мариновка. Господствующую высоту взяли. Противник неоднократно переходил в контратаку, неся потери. Продолжая наносить врагу урон на этом рубеже, отбивая контратаки, вели бои до 26 августа. Авиаторы оказывали большую помощь войскам в разгроме противника во время наступления с берегов реки Миус. Они успешно уничтожали вражескую пехоту, танки, артиллерию и минометные батареи.

В небе завязывались жаркие схватки, в которых советские асы выходили победителями, потому что в этом наступлении действовало больше нашей авиации.

Продолжая развивать наступление и отражая контратаки, 4-я дивизия теснила врага, освобождая один населенный пункт за другим. Освободили Первомайское, Болдырево.

Вспоминаю эту жаркую погоду и жаркие дни без сна и отдыха. Не могу представить, сколько времени в сутки я спал и при какой обстановке. Только хорошо запомнил - с освобождением города Снежное подразделения заняли оборону, а я на опушке леса спал 4 часа. Разбудил ординарец Миша Захаров, слышу: «Капитан, капитан, тебя вызывает командир дивизии, машина ждет». И вместе с Захаровым быстро поехали, вместо себя оставил заместителя. Доложил командиру дивизии о прибытии. Приглашенные собрались все. Командир дивизии сообщил: 30 августа освобожден г. Таганрог, на Миусском рубеже была пробита большая брешь, ликвидировать которую гитлеровцы не в состоянии. Командующий фронта армии и корпуса требует, как можно быстрее начать преследование противника, не дать ему закрепиться. С этой целью принято решение: будут наступать три отряда, сформированные из состава 4-й, 34-й и 40-й стрелковых дивизий.

Моя основная группа вела наступление с целью не допустить закрепления противника на отдельных участках. Продвижение можно было бы считать успешным, но авиация противника в светлое время постоянно вела разведывательные полеты и когда нас обнаруживала, обстреливала и бомбила. Спасали нас лесные посадки и балки, которых в Донбассе достаточно. Управление крупным отрядом, находящимся в тылу противника, сильно осложнилось. Командованием было принято решение. Из состава передового отряда был выделен штурмовой механизированный отряд под моим командованием, в задачу которого входило: не ввязываясь в бой с отдельными группами противника и обходя опорные пункты, стремительно подойти к городу Енакиево, внезапной атакой захватить окраину и обеспечить успех действий главным силам передового отряда.

Штурмовой отряд успешно справился с поставленной задачей. Утром 3-го сентября мы ворвались в город Енакиево

и завязали бой с южной стороны. Обходя очаги сопротивления, перерезали пути отступления вражеской колонне и освободили свыше тысячи советских граждан (военнопленных, шахтеров, металлургов), которых фашисты угоняли из города.

В 3 часа 6 сентября ворвались в город Ясиноватая, о чем сообщили по радио командованию, а 7 сентября город был очищен от противника. В 23 часа ворвались на северо-западную окраину города, взяли немалые трофеи, овладели железнодорожной станцией. Водрузили Красное знамя, доложили в штаб дивизии. Ответ был: «Действуйте смелее, поздравляем с успехом».

Разведка доложила, что противник колонной автомашин отступает по нашему пути. Я дал команду группе разведчиков, минометному взводу, двум артпушкам скрытно занять выгодный рубеж и при приближении из засады истребить его живую и боевую технику. Бой провели удачно, взяли две автомашины «Опель», к одной из которых была прицеплена противотанковая пушка, комплект снарядов и две бочки горючего. Двигаясь по полевым дорогам и вдоль посадок, захватили село Октябрь и вышли на дорогу, по которой двигались колонны автомашин и обозы врага, координаты движения противника сообщили по рации. Долго ждать не пришлось - прилетели наши самолеты-штурмовики.

По мере приближения к железной дороге Запорожье-Пологи сопротивление противника стало заметно возрастать. На выгодных рубежах противник оборудовал узлы сопротивления, пришлось больше пользоваться проселочными дорогами, что крепко затруднило продвижение. Днем авиация противника постоянно вела разведку. Вечером и ночью темно. Веду отряд, а сам боюсь, не сбился ли с намеченного пути. Всё кажется, что местность не та, а всё потому, наверное, что стоит неприглядная темень. Немцы, оборонявшие опорные пункты, боялись ночных вылазок русских, освещали местность, пускали с маленьким интервалом ракеты («фейерверки»). Практика показала - немцы очень боялись ночи и леса.

Обойдя населенный пункт Преображенка, восточнее города Орехов, неожиданно для противника, штурмовая группа в ночь на 18 сентября ворвалась в город, попытались сходу проскочить на противоположный берег реки Конка по

мосту, но противник оказался начеку, взорвал мост и обстрелял нас, по-видимому, ждал. Подбито было две автомашины, один солдат был ранен. Однако мы быстро сориентировались, ответили огнем из артиллерийского орудия, миномета и крупнокалиберного пулемета. Противник замолчал. Быстро перегруппировались и вышли из-под обстрела.

И вдруг на одном из зданий, хотя это было ночью, кто-то из бойцов заметил флаг с паучьей свастикой и мигающий огонь на втором этаже каменного красивого здания. Подогнали к зданию машину. Гвардии старшина Тарутин и мой ординарец Миша Захаров сорвали знамя. В этот момент появился немец с висящим на шее автоматом и двумя большими чемоданами в руках. Фашисты, наверное, с нетерпением ждали свой транспорт, чтобы бежать из города, но не удалось, это была немецкая комендатура. Солдата с чемоданами задержали, в них, как потом выяснилось, были важные документы. Во время осмотра помещения завязался бой, семь немецких офицеров было взято в плен, в том числе раненный комендант города, который больше всего интересовал нас, двое немцев было убито.

Решили в районе кирпичного завода переправиться через реку Конка, для этого в колонне направить первым и два немецких «Опеля», а на первой машине закрепить взятое у немцев знамя со свастикой, учитывая время и обстановку, решили, что противник примет за своих и пропустит. Такое предположение сработало, мы без остановки проехали и, на 7 км при въезде на господствующую высоту, разведчики доложили, что обнаружили траншеи, окопы и землянки для солдат.

Оставив автотранспорт, две стрелковые роты с взводом автоматчиков, рассредоточившись, двинулись на высоту. Заняли траншеи, окопы, но неожиданно противник открыл огонь из стрелкового оружия, а через 5-10 минут стал обстреливать из минометов. Эту линию обороны немцы готовили для своих подразделений, которые должны были занять и удерживать господствующий рубеж. Доложив по рации командиру дивизии о положении, получил приказ: «Немедленно займите оборону, будьте готовы к отражению больших сил противника. Любой ценой удержать этот рубеж.

Орудия противотанковые выставьте ближе к переднему краю на участке возможного появления танков. Капитан, направь одну машину с солдатами, чтобы переправу через р. Конка взяли под свою охрану. Утром при появлении наших штурмовиков, дай условные сигналы, чтобы знали занятые вами позиции». Приказ был дан открытым текстом.

19 сентября город Орехов был полностью освобожден, к нам на помощь прибыла оперативная группа во главе с начальником штаба 3-го дивизиона 23-го гвардейского артиллерийского полка гвардии капитаном Березиным и помначсвязи полка гвардии капитаном Лопатиным, которые помогли обеспечить радиосвязь с дивизией и полком.

С каждым днем на данном рубеже бои возрастали, противник нес большие потери, но от задачи вернуть господствующие высоты не отказался. Каждый день по три раза, звонил командир дивизии полка: «Суханов - доложи!» Докладываю: «Держусь, помогите боеприпасами, перевязочными средствами, у меня нет людей, чтобы с конвоем отправить пленных». Ответ: «Ночью вывезем, а их документы отправь при первой возможности».

«Держись»,- таков приказ командующего 5-й Ударной армии генерала В.Д.Цветаева.

На данном стратегически важном рубеже личный состав штурмового отряда задачу выполнил. Совершенный подвиг, во время боевых действий штурмового отряда от г. Снежного до г. Орехов, был высоко оценен командованием. Личный состав был награжден разными правительственными наградами. Участок обороны передали 11-му стрелковому полку 4-й дивизии. Личный состав возвратился по своим подразделениям. А я с двумя стрелковыми ротами и минометной ротой возвратился в свой родной 3-й полк и вновь вступил в свои обязанности командира батальона.

Штаб 3-го гвардейского стрелкового полка понес большие потери в офицерском составе, и я был переведен на должность первого помощника начальника штаба полка. Сдав батальон, приступил к работе в новой должности.

15 ноября 1943 года полком получен приказ командующего 31-го гвардейского стрелкового корпуса о командировании гвардии капитана Ф.И. Суханова на курсы «Выстрел» в группу НО-1 (начальника оперативного отдела

штаба дивизии), срок явки к коменданту города Мариуполь - 20 ноября. Прибыл в указанный срок.

Занятия велись с учётом того, что необходимо знать в должности НО-1 в условиях войны: отработка документации, работа с картой, отработка оформления приказов на оборону, наступление, преследование, передислокацию с учетом приданных средств, организацию подготовки личного состава. Много времени уделялось тактическим вопросам, на местности решаемых ротой, батареей, батальоном, полком, дивизией и приданными средствами. Получили известие: наши форсировали Сиваш, начинаются бои в Крыму.

Считаю, что занятия прошли успешно, по окончании получил утвержденный документ и благодарность от руководства курсов. После учебы был направлен в 34-ю гвардейскую мотострелковую дивизию на должность первого помощника начальника оперативного отдела штаба дивизии. Прибыл утром 25 марта 1944 г. По прибытии в дивизию написал рапорт с просьбой разрешить выехать в 4-ю дивизию, в которой прошел весь боевой путь с начала войны. На рапорте командир дивизии полковник Толстой поставил резолюцию начальнику кадров: «В связи с освобождением Севастополя удовлетворить просьбу гвардии капитана, откомандировать в 4-ю гвардейскую стрелковую дивизию с подтверждением о явке».

Бои по освобождению Крыма, особенно Севастополя, были очень тяжелые. Работать приходилось много. Результаты учебы пошли на пользу. Я не забуду, как 8 мая 1944 г. на высоте Сапун-горы встретился с командиром корпуса генералом П.К. Кошевым. Доложил обстановку и указал, где находится наблюдательный пункт дивизии. Вся ночь прошла в контроле над выполнением подразделениями приказа командования. Вопросов решать приходилось много, радиосвязь и проводная связь работали неустойчиво. Обстрел со стороны противника не прекращался ни днем, ни ночью.

При освобождении потери в личном составе были большие, и я получил ранение средней категории. Задачу по освобождению г. Севастополя дивизия выполнила. По дорогам двигались колонны пленных немецких, румынских солдат с опущенными головами. При вручении документов начальник отдела кадров сказал, что под вечер вылетает самолет со

спецпочтой в штаб 3-го Украинского фронта. Связавшись с посадочной площадкой аэродрома, от начальника получил добро, что они возьмут меня с собой. Срочно выехал на аэродром и утром 11 мая был в штабе 3-го Украинского фронта.

Третий раз прибыл в 4-ю дивизию. Получил направление в штаб, начальник кадров сказал, что тяжелое положение создалось с кадрами у подполковника А.С.Левина, и попросил дать согласие временно поработать первым помощником начальника штаба 3-го гвардейского стрелкового полка, безусловно, я согласился.

В штабе 3-го полка меня встретили очень хорошо, я даже почувствовал, что нахожусь в родных стенах, в окружении надежных друзей и сразу же вошел в обстановку, приступил к работе. Первым делом побывал в батальонах и 2-й минометной роте, где меня приняли с объятиями, со слезами на глазах. Миша Захаров, мой бывший ординарец на Никопольском плацдарме, был тяжело ранен и отправлен в госпиталь, остался без левой руки. Дивизия 15 июня была введена в резерв фронта и сосредоточилась в ненаселенных пунктах, в балках и их отрогах для пополнения личным составом, в основном из Николаевской и Одесской областей. Вместе с частями 31 гвардейского стрелкового корпуса 4-я дивизия проводила плановую подготовку к Ясско-Кишиневской операции.

12 августа дивизия получила боевую задачу: предстояло форсировать старое русло Днестра, прорвать оборону на участке западная окраина Талмаза - группа мельниц (шириной 2,5 км). Работы было много, свободного времени не было. Подготовка приказа, распоряжений, постоянный контроль, доклады в штаб дивизии. Перед передним краем, проходившим на расстоянии 100-150 м от берега старого русла Днестра, были установлены проволочные заграждения, а за ними вся местность минирована. На участке нашего прорыва оборонялись два пехотных батальона 4-й горно-стрелковой дивизии румын.

В ночь на 20 августа, перед началом артиллерийской подготовки, предстояла завершающая работа саперов - проделывание проходов в проволочных заграждениях, что требовало особой осторожности. Для звукового

предупреждения на проволочные заграждения противник развесил колокольчики и пустые консервные банки. Прежде чем начать работу, саперы удаляли сигнализаторы. Мастерство, мужество и отвагу при проделывании проходов в минных полях и проволочных заграждениях продемонстрировали воины саперного подразделения. Группа саперов во главе с ефрейтором В. Жариковым две ночи измеряла глубину старого русла Днестра, ширина которого достигала 60м, и определила три брода, обозначив соответствующей сигнализацией. Руководили работой саперов командир батальона капитан Г.И. Корхов и дивизионный инженер гвардии подполковник Н.Н. Ягодин.

Наступило 20 августа. Рассвело. Стояла тишина, изредка тишину нарушали отдельные взрывы снарядов и пулеметные очереди. Все были в ожидании: и артиллерия, минометы, готовые открыть сокрушительный огонь, и пехотинцы, приготовившиеся рвануться через старицу (старое русло реки).

В 8 часов утра - оглушительный гром «Катюш», орудий и минометов. Началась артиллерийская подготовка, продолжавшаяся 1 час 45 минут. Все цели на переднем крае были окутаны плотным кольцом дыма и пыли. С наблюдательного пункта во время последнего артналета, я увидел, как наши воины в первой траншее по установленному сигналу дружно вышли из окопов. На десантных лодках и вброд они устремились к противоположному берегу и по обозначенным саперами проходам преодолели минные поля врага. По всему правому берегу старицы прокатилось раскатистое «ура», означавшее первый боевой успех.

Первая позиция обороны противника была прорвана. Противник двумя ротами контратаковал при поддержке пяти танков, но успеха не имел, подоспела наша авиация, и прославленные «Илы» ударили по противнику, который понес большие потери, местность была открытая. Бойцы батальона пошли в контратаку. Осознав бессмысленность сопротивления, гитлеровцы стали бросать оружие и сдаваться в плен, из них 20 человек было раненых.

За первый день дивизия и полки выполнили свою задачу: прорвали главную полосу, продвинулись около 10 км и вышли ко второй полосе обороны врага. Перерезана главная дорога противника. Было захвачено 30 орудий, 10 автомашин, 5

различных складов и более 300 пленных солдат и офицеров. Я возвратился вместе с радистом в штаб, в докладной доложил начальнику штаба о действиях батальонов за первый день.

Было получено донесение разведгруппы, которая проникла в тыл противника и в ночь на 21 августа обнаружила колонны танков, мотопехоты и артиллерии, приближающихся ко второй полосе обороны. По скоплениям танков и пехоты ударили «Катюши», и открыла огонь артиллерия.

На рассвете, сдерживая контратаки противника, 3-й полк, вслед за танками 4-го гвардейского механизированного корпуса, перешел в наступление. Решительной атакой овладел противотанковым рвом и ворвался на передний край второй полосы обороны. После кровопролитного боя 3-й батальон гвардии старшего лейтенанта П.Пушкарева принудил гитлеровцев отступить, 8-я стрелковая рота сбила противника с занимаемого рубежа, одна из первых ворвалась в Фештелицу. Командир роты старший лейтенант С. Сакович пал смертью храбрых, командование принял его заместитель по политчасти старший лейтенант Д.К. Окороков. 8-й гвардейский стрелковый полк овладел Ермоклеей, важным опорным пунктом. Оборона противника была прорвана на всю глубину. Бросая вооружение и боевую технику, гитлеровцы отходили на юго-запад.

Во второй половине дня части 4-й дивизии и полки перешли к преследованию, а к исходу его вышли к реке Сарата. За 21 августа дивизия уничтожила свыше 200 солдат и офицеров противника и захватила 26 танков, 23 орудия и много другого вооружения.

В населенных пунктах жители молдавских сел и деревень встречали воинов Советской армии с цветами, предлагали фрукты, овощи. Фактически колонны шли по живому коридору среди людей. К исходу 23 августа 4-я дивизия вышла к реке Ялпуг на участке Кирсова-Бешалма.

Получен приказ командира дивизии полковника К.Д. Парфенова немедленно откомандировать капитана Ф.И. Суханова в штаб дивизии на должность первого помощника начальника оперативного отдела штаба дивизии к полковнику К.В. Забабашкину. 24 августа 1944 года я прибыл в штаб, доложил начальнику штаба дивизии полковнику И.И. Богатенко о прибытии. Он пригласил подполковника К.В.

Забабашкина и сказал ему: «Получаешь подготовленного помощника, желаю вам слаженной работы, обратите внимание на подготовку боевых документов в кратчайшие сроки и качественно».

В этой сложной обстановке преследования, постоянной передислокации подразделений, связанных с ведением боевых действий на отдельных укрепленных узлах сопротивления, в оперативном отделе приходилось работать круглые сутки, не думая о сне. К тому же приходилось выезжать в подразделения, где имелся успех и где создались затруднения. В этой обстановке во время любого выезда, не имея четкой линии фронта, можно заехать к противнику и попасть в плен, а командование корпуса требовало постоянных докладов.

Продолжая наступление, к середине октября части дивизии вышли к реке Тиса и 11 ноября ликвидировали Шольтский плацдарм противника, прорвали оборону между реками Тиса и Дунай, продвигаясь, подошли к внешнему обводу Будапешта.

Я считаю, что проведенные бои в Венгрии, можно сравнить по характеру сопротивления противника с операцией по освобождению Донбасса на Украине. 4-я дивизия продолжала преследование отступающего противника в западном направлении, ведя бои на отдельных укрепленных опорных позициях, включая и городские замки. Дивизия вышла к реке Транзен, западной границе Австрии с Германией, 9 мая 1945 года встретила День победы северо-западнее столицы Австрии, в районе населенных пунктов Гросс-Хайн, Диндорф, Цаггинг, Клейн. Здесь же личный состав торжественно отпраздновал День Победы Советского народа над фашистской Германией!

С окончанием Великой Отечественной войны я продолжил службу в Советской Армии в Южной группе войск в составе 4-й дивизии в должности первого помощника начальника оперативного отдела штаба дивизии. Очень захотелось побывать на Родине, встретиться с Ниной, родными, земляками и русскими девчатами. Из руководства дивизии, корпуса никто об отправке даже слушать не хотел, один ответ: «Не время, надо сейчас больше работать, чтобы в данной обстановке армия сохранила свое боевое лицо». Действительно, за последние три месяца отдельным

подразделениям полков, включая и артиллеристов, приходилось вести бой почти каждую неделю с отдельными немецкими гарнизонами, укрывавшимися в замках или лесах, пытавшихся пробраться к американцам или разбежаться по домам в Западную Германию. При поездках в полки необходимо была бдительность и готовность к любым неожиданностям, особенно при проезде через лесные массивы. Расслабиться времени не было. Занимался разработкой учебных планов по боевой подготовке рядового, сержантского и офицерского состава в полках, батальонах, ротах, дивизионах и батареях.

Штаб размещался в Австрии (Вена, Линц-Урфар), в Венгрии (в городах Бичке, Самботеле, Шапроне) и частично в Чехословакии. В составе группы я с целью ознакомления посетил Берлин и ряд городов Германии.

Когда был в Южной группе войск, мне выпала честь в составе группы офицерского состава на собственном автотранспорте посетить с ответным визитом Францию (февраль-апрель 1946 года). Эта поездка во Францию оставила самые лучшие воспоминания. Маршрут шел из Вены через город Линц по южной части Германии (где не было наших солдат), Швейцарии и Франции - от Марселя до Парижа и обратно тем же маршрутом. Французы встречали очень хорошо, чувствовалось, что они любят русских. Благодарили за разгром немецко-фашистских оккупантов. Находясь в пригороде Марселя, по просьбе француженки, помылись в знаменитой французской бане XVIII века. Организация обслуживания была превосходная.

Вторая группа летала самолетом в Англию, восторга большого не ощутили. Часто стояли туманы, большая влажность в гостинице, приходилось каждое утро гладить утюгом брюки. Англичане вели себя скромно, за все услуги требовали платить, чего мы во Франции не замечали. По приезде в Вену при разборе выяснилось, что у двух групп - два разных впечатления, а в общей сложности поездка была признана хорошей и необходимой в условиях нашей работы. Работа оперативного отдела продолжалась в тех же условиях, согласно утвержденному положению, вплоть до получения приказа о расформировании части.

Перед демобилизацией командир 31-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-майор Бобрук и командир 4-ой дивизии генерал-майор Парфенов пригласили на беседу майоров: И.К. Долина, Ф.И. Суханова, С.М. Смирнова. Они упорно уговаривали нас, чтобы мы дали согласие пойти на годичные курсы по изучению немецкого языка, чтобы свободно общаться с работниками немецких заводов и работать с документацией. По окончании учебы обещали направить на завод по контролю и отправке в СССР части продукции в счет репарации. Беседа продолжалась по часу в течение трех дней. Обещали встретить на границе невесту, устроить проживание в престижном жилье с обеспечением охраны. Желающих не оказалось. Даже майор Долин, который жил вместе с супругой и сыном, не остался. Командующие Бобрук, Цветаев и командир дивизии Парфенов доказывали, что, работая на заводе, мы останемся офицерами Министерства обороны, а по окончании контракта будем зачислены в штат Торгпредства СССР.

Возможно, мы допустили ошибку, но мы все тогда избрали один путь - на Родину. Дивизия получила приказ о расформировании, и я вместе с личным составом и офицерами 25 сентября 1946 года возвратился домой. Шесть тяжелых лет прошли без отдыха. В памяти остались незабываемые дни работы, всегда на моем пути были внимательные руководители, желающие при необходимости помочь.

Я испытал все ужасы войны: горечь поражений, голод, холод и радость Победы над злейшим врагом человечества - гитлеровским фашизмом, расставание и торжественную встречу по прибытии на Родину!

На этом служба в Вооруженных Силах не закончилась. Через четыре года вновь Лальским райвоенкоматом был призван для прохождения службы в Вооруженных Силах. Находился на службе с 15 сентября 1950 года по 30 июня 1954 года в войсках Министерства внутренних дел в Республике Коми в воинском звании майора, в должности начальника планового отдела «Энергоуправления» комбината «Воркутауголь» и «Энергоуправления» в Министерстве угольной промышленности.

Итак, обычная дивизия, сформированная перед Великой Отечественной, прошла многотрудный боевой путь от Минска

до западной границы Австрии с Германией и к концу войны стала овеянной славой 4-й гвардейской стрелковой, дважды Краснознаменной дивизией. Ее части имеют немало боевых заслуг! Вместе с дивизией в основном прошел и мой боевой путь в должности от старшего сержанта до гвардии майора.

За успешные боевые действия на фронтах 19 раз была объявлена благодарность Верховным главнокомандующим маршалом Советского Союза И.В. Сталиным всему личному составу 4-й гвардейской стрелковой дивизии.

Я был награжден четырьмя орденами Отечественной Войны 1-й и 2-й степени, орденом Красной Звезды, медалями: «За отвагу», «За оборону Ленинграда», «За оборону Сталинграда», «за взятие Будапешта», «За взятие Вены», «За победу в Великой Отечественной войне» 1941-1945 гг. и многими юбилейными медалями.

Я счастлив, что, хотя на мою долю выпало много трудностей, на пути моей жизни всегда были исключительно добрые и отзывчивые люди, готовые оказать посильную помощь в любой обстановке. Доверие способно победить и зло. Война - это самое сильное испытание моральных и физических качеств человека, а чтобы эти качества сработали, необходимо доверие и фронтовая дружба, прежде всего от солдата до генерала. И мне посчастливилось быть в таком коллективе, где доверие и честность были всегда на первом месте.

Ноябрь 2009 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказали помощь

Максимов Дмитрий Сергеевич*, студент 1-го курса факультета безотрывного обучения Ухтинского государственного технического университета*

и

Суханов Алексей Владимирович, *системный администратор фирмы «АРМ»*

Сырокваша Михаил Иванович

Первую победу мы праздновали на берегу Балтийского моря, вторую – на берегу Желтого

Я родился 10 октября 1926 года в поселке Честный Брянской области. По национальности - русский, православный, был членом комсомола, состоял в партии.

В 1941 году закончил семилетку, но, в отличие от многих своих одноклассников, которые решили поступать в техникумы, училища или идти на производство, хотел учиться дальше. Но жизнь внесла в мои подростковые мечты свои поправки. Началась война. О её начале я узнал в первые же сутки. На Брянщине враг появился вскоре после вероломного вторжения в пределы нашей страны. Ровно два года мой родной поселок Честный находился под фашистским сапогом.

В сентябре 1943 года призвали в армию. Начал свою ратную жизнь связистом в учебном батальоне, в июне 1944 года закончил службу в учебной части, мне присвоили звание младшего сержанта и в составе 262-й стрелковой дивизии 39-й армии 3-го Белорусского фронта меня отправили на передовую. В это время шли ожесточенные бои на белорусской земле. Наша дивизия была брошена на освобождение Витебска, подходы к которому немцы основательно укрепили. Но наша дивизия со своей задачей

справилась, и 26 июня 1944 город был очищен от немцев. Меня назначили командиром отделения связи.

Боевой путь нашей дивизии проходил через г. Витебск (23-26 июня 1944 г.), г. Швенченляй (8 июля 1944 г.), г. Укмерге (24 июля 1944 г.), г. Ваджгирис (июль 1944г.), г. Смалининкай (июль 1944 г.), Юрбаркас (июль 1944 г.), Расейняй (июль 1944 г.), Каунас (01 августа 1944 г.), Метгетен (апрель 1945 г.), Кенигсберг (6-9 апреля 1945 г.), Фишхаузен (17 апреля 1945 г.).

Бои за город Витебск проходили с 23 июня 1944 года в составе 3-го Белорусского фронта, под командованием генерала И.Д. Черняховского, 39-й армии под командованием генерал-полковника И.И. Людникова.

Наша 262-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора З.Н. Усачева участвовала в окружении и уничтожении витебской группировки врага и в освобождении 26-27 июня 1944 года г. Витебска. Тогда в плен сдалось больше 10 тысяч человек, в том числе генералы Хитер и Гольвитцер. В этих боях я впервые на деле увидел, что такое наши «Катюши». Это действительно грозное оружие, вызывавшее панику в стане врага. Одного хорошего залпа хватало, чтобы оставшиеся в живых фрицы начали сдаваться в плен.

Пройдя Белоруссию, 5-6 июля 1944 года 262-я стрелковая дивизия (командующий генерал-майор З.Н. Усачев) вступила в Литву в составе 84-го стрелкового корпуса 39-й армии (командующий генерал-полковник И.И. Людников) 1-го Прибалтийского фронта (командующий – генерал армии И.Х. Баграмян). 24 июля 1944 г. дивизия освободила г. Швенченеляй.

Город Укмерге мы освобождали 24 июля 1944 года, вновь в составе 3-го Белорусского фронта под командованием генерала И.Д. Черняховского.

Продвигаясь с боями, наша дивизия в составе 39-й армии (командующий генерал-полковник И.И. Людников) 1-го Прибалтийского фронта (командующий генерал армии И.Х. Баграмян) освобождала города и села: Ваджгирис, Смалининкай, Расейняй, Юрбаркас, Каунас и форсировали реку Неман.

Беспрерывные бои под городом Расейняй продолжались 5 дней. Наконец фашисты были сломлены и отброшены. Помогла тогда 43-я армия, вовремя пришедшая на выручку. Но наши потери были огромны. В моём батальоне осталось в строю около 30% солдат.

Как я в тот раз выжил, до сих пор не понимаю. Просто чудо какое-то.

В конце 1944-го наша дивизия вышла к Неману. Перед нами предстала широкая, многоводная река. Командование приказало форсировать Неман с ходу, вслед за отступающими подразделениями немцев. Так как лодок никаких не нашли, пришлось из найденных досок сколотить небольшой плотик. Взяли две короткие доски вместо весел и – вперед. Плывем с товарищем и думаем: «Неужели возможно живыми до того берега добраться?» На таком плотике и на тихом озере плыть небезопасно, а тут сильное течение, и немцы с того берега палят из пулеметов и минометов. А рядом плывут ребята из нашего полка, кто на чём.

Вдруг видим – в связанные бревна, на которых переплавлялись трое бойцов, попала мина. Раненые ребята тонут, но помочь им ни у кого нет возможности, самим нужно быстрее добираться до занятого немцами берега. Наконец добрались до кустиков, высунувшихся из воды. Выбрались на землю и с ходу вступили в бой. Открыли огонь и те, кто вместе с нами переправлялся через Неман. Немного оттеснили немцев.

Ночью через реку наши навели понтонную переправу, по которой прошли танки, самоходки, перетащили пушки, перебросили дополнительно несколько свежих частей пехоты. А рано утром немцы, тоже получив подкрепление, вознамерились столкнуть наших в реку, но, видно, не ожидали, что на занятом накануне плацдарме окажется столько советских войск. Все попытки оказались безуспешны. Остановив немцев, наша дивизия перешла в наступление.

На территории Пруссии шли тяжелейшие бои. Нам неоднократно приходилось сражаться не только с немцами, но и с частями прибалтийских фашистов, а также с власовцами. Причем власовцы дрались очень отчаянно, гибли, но в плен не сдавались. Им терять было нечего.

В апреле 1945 года вышли к стенам Кенигсберга. Немцы трубили, что столица Пруссии никогда не капитулирует, а сил оборонять ее хватит на год и больше. С ходу 11-я и наша 39-я армии взяли город-крепость в петлю.

Город был сильно укреплён. В гарнизоне насчитывалось около 130 тысяч солдат, 4 тысяч орудий и 100 танков. Немцы считали Кенигсберг неприступной крепостью.

Но солдат с винтовками наперевес на штурм не бросили, начали методично обстреливать город и бомбить его. В какой-то момент, неся огромные потери, немцы решили спасти честь гарнизона. Из Кенигсберга вышла большая бронированная колонна и по дороге к городу Пилау смяла и полностью уничтожила охранявший дорогу 945-й полк дивизии в районе усадьбы Ребрякин.

Мне, кстати, недавно довелось побывать в тех местах, в нынешней Калининградской области, где мы громили врага, теряли боевых друзей. На территории усадьбы до сих пор сохранился дом, во дворе которого стоит стелла. На ней сделана надпись: «Здесь насмерть стояли воины Лыкова» Сам полковник Лыков спасся. С отделением автоматчиков он вышел в расположение соседней армии. К несчастью, помощь погибавшему полку пришла слишком поздно. Эта отдельная победа фашистов уже ничего не могла решить.

Штурм города начался 6 апреля 1945 года ударами советской артиллерии, авиации дальнего действия и Балтийского флота. Наша 262-я стрелковая дивизия (командующий генерал-майор З.Н. Усачев) в составе 113-го стрелкового корпуса 39-й армии (командующий генерал-полковник И.И. Людников) сражалась западнее Кенигсберга и 7 апреля заняла г. Метгетен, перерезала шоссейную и железную дороги Кенигсберг-Пиллау.

Осада Кенигсберга длилась менее недели, и «неприступная» крепость пала 9 апреля 1945 года. Сдались в плен 50 тысяч гитлеровцев вместе с командиром крепости генералом Лашем.

Первое легкое ранение в ногу получил в боях на реке Дубиса под городом Расейняй в 1943 году. Второе, уже серьёзное ранение я получил в Восточной Пруссии. Было это в феврале 1945 года. Сидели мы ночью в блиндаже, и вдруг снаряд ударил прямо в угол блиндажа. Я был контужен и

потерял сознание. Меня отправили в госпиталь. Когда пришел в себя, выяснилось, что обе руки у меня сломаны. Через некоторое время врач вынес вердикт, что обе руки срастаются неправильно, и предложил сломать их и наложить гипс заново. Я отказался.

За освобождение Кенигсберга мне вручили орден Красной Звезды и медаль «За взятие Кенигсберга».

Далее наша дивизия прошла через Пилау и заняла город Фишхаузен (ныне Приморск). Здесь теплым майским днем мы получили радостное и долгожданное сообщение о нашей Победе. Кончилась война - счастливый от этой мысли, вместе с товарищами я салютовал длинной очередью из своего автомата ППШ. Но знал ли я тогда, что не пройдёт и четырех месяцев, и я снова буду радоваться победе? Конечно, нет! Я был уверен, что началась совсем другая, мирная жизнь.

Но я ошибался. Через считанные дни после окончания войны с Германией нашу 39-ю армию погрузили в эшелон и повезли на восток. Настроение у нас было приподнятое – на родину возвращаемся! По вагонам прошел слух, что нас везут в Москву для участия в параде. Однако эшелоны скорым ходом проследовали дальше Центральной России, через Урал. И только тогда кто-то, первым додумавшись, сказал вслух: «С японцами воевать будем».

Нашу дивизию выгрузили в Монголии, на станции Тамцак-Булак. И отсюда начался наш беспримерный марш-бросок длиной в 400 километров. Бездорожье, сумасшедшая жара, постоянное мученье от жажды. По дороге не было ни тени от деревьев, в которой можно передохнуть, ни колодцев. Воду изредка подвозили, а отдыхали прямо на земле, когда уже совсем валились с ног. И, наконец, вышли на границу с Манчжурией.

Вскоре СССР объявил войну милитаристской Японии, собравшей у наших рубежей мощную армию. 9 августа наша дивизия, миновав границу, начала переход через Хинганский хребет. Это было еще одно изнурительное испытание: нам в полном снаряжении пришлось преодолеть почти 300 километров по горам, по козьим тропам. Но зато японцы не ожидали, что советские войска преодолеют Большой Хинган. А мы спустились с гор, вышли на равнину и увидели такую картину: по долине мирно пыхтит японский паровоз и тащит с

десяток вагонов. Дали залп по паровозу, он остановился, из вагонов выскочили японцы, как позже оказалось, курсанты военного училища. Они побежали в сторону горы и спрятались в зарослях кукурузы. Но прошло совсем немного времени, и они бросились в атаку безоружные, с одними ножами.

Эта война отличалась от той, которую мы уже прошли. Ударная сила советских танковых частей, артиллерии, авиации намного превосходила мощь японцев. Да и воевать наши уже научились. А вот коварства у нового противника было не занимать. То и дело приходили сообщения, что японские диверсионные отряды вырезали тыловой обоз, полевую кухню, оторвавшуюся от передовых частей, уничтожили медсанчасть.

И бои были порой с восточным «акцентом». Однажды, когда шли колонной, раздалась команда развернуться боевым порядком и отразить атаку. Залегли, смотрим, а на нас несется конница. Причем, кони все до одного белые, как на подбор. Они на нас несутся, саблями машут, аж солнечные блики играют на клинках, а мы смотрим, и никто не стреляет. Уже раздалась команда: «Огонь!» И снова ни одного выстрела. Вдруг кто-то из солдат громко спрашивает: а как же, дескать, лошади? А командир снова: «Огонь!» И буквально за считанные минуты с японской кавалерией было покончено. Лишь 3 лошади остались целы, солдаты поймали их, и они «перешли на службу» в Советскую армию.

Взяв город Мукден, с боями прошли Ляодунский полуостров, расколов Квантунскую армию, и к началу сентября вышли к городу Порт-Артур, в который вступили 3-го сентября. Здесь нас застала весть о том, что Япония подписала акт о безоговорочной капитуляции. Услышав это, мы с криками «Ура!!!» разрядили в небо обоймы своих автоматов. Если первую победу мы праздновали на берегу Балтийского моря, то сейчас – на берегу Желтого. В этот сентябрьский день весь мир ликовал: кончилась Вторая мировая война!

Демобилизовался я 10 октября 1950 года. Вернулся в поселок Честный. Поступил в Брянскую школу машинистов в 1953 году, а в 1956 году меня направили на работу в депо г. Ижма (Сосногорск). Здесь водил поезда, работал

инструктором-машинистом, в 1966 году заочно закончил Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта и, став инженером, 15 лет трудился в Сосногорском отделении дороги заместителем начальника отдела движения. Всего на транспорте я проработал 36 лет.

За участие в войне я был награжден медалями «За победу над Германией», «За победу над Японией», «За отвагу», орденами Отечественной войны 2-й степени и Красной Звезды.

Медаль «За отвагу» № 1997598 я получил за отражение контратаки под городом Рассейняй. В штабе дивизии нас награждал командир 262-й стрелковой дивизии генерал-майор З.Н. Усачев.

Орден «Отечественной Войны II степени» № 29804616. Дата указа – 11 марта 1985 года.

Медаль «За взятие Кенигсберга» № 128038. Приказ от 15 апреля 1945 года.

Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». Указ от 09 мая 1945 года. Награждал командир 262-й стрелковой дивизии генерал-майор З.Н. Усачев.

Медаль «За победу над Японией». Указ от 30 сентября 1945 года. Награждал командир 262-й стрелковой дивизии генерал-майор З.Н. Усачев.

Юбилейный гражданский орден Серебряная Звезда «Общественное признание», медаль Жукова, «Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» и другие юбилейные медали.

Декабрь 2009 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказали помощь

Гранчак Артур Емилиянович, *студент 1-го курса факультета безотрывного обучения Ухтинского государственного технического университета*

и

Потолицын Роман Сергеевич, *студент 1-го курса архитектурно-строительного факультета Ухтинского государственного технического университета*

Тимакова Мария Фёдоровна

Фронтовые будни повара

Я родилась 20 декабря 1925 года в деревне Сарычевке Ново-Деревеньковского района Орловской области в русской семье простых колхозников. Отец, Мигунов Федор Михайлович, работал конюхом, а мать, Мигунова Анна Алексеевна, свинаркой. По вероисповеданию я православная христианка. Поскольку семья наша была очень бедная, и кроме меня было еще две сестры и брат, нужно было как-то зарабатывать на хлеб. Я была самой старшей. Закончив только семь классов средней школы села Мансурово, в 1940 году пошла работать в колхоз «Красный пахарь».

22 июня 1941 года я с мамой и остальными односельчанами, как и в другие дни, работала на поле, полола свеклу. Вдруг мы увидели, как бригадир скачет по всему полю на лошади и кричит: «Война! Война началась! Немец напал!» Нас охватил ужас, все выпало из рук, женщины заплакали и даже завыли.

Началась мобилизация. Сначала призывали всех мужчин. В колхозе остались только женщины и пожилые люди. Школы стали закрывать, а школьников в 1941-1942 годах посылали так же работать в колхоз: чистить дороги для проезда воинских частей, копать окопы. Когда мы узнали, что враг подступил к городу Орлу, вся молодежь вышла на

помощь. Работали в поте лица: копали, таскали, пытались соорудить застройки.

В 1943 году началась мобилизация девушек. Я была призвана в действующую армию 19 июня 1943 года Ново-Деревеньковским военкоматом. Там мне вручили повестку и повезли на сборный пункт вместе с остальными призванными девушками. На сборном пункте нам выдали военное обмундирование, обучили на поваров, мы приняли присягу, и нас распределили по фронтам. Провожать меня пришел весь колхоз, принесли мне большой пакет сухарей и посадили в поезд.

Я была направлена на 1-й Белорусский фронт, в 88-й гвардейский артиллерийский Краснознаменный полк, в штабную батарею поваром. Так началась моя фронтовая жизнь. Помню, меня привезли в Белорусский лес, в часть, я спустилась в землянку, где располагался штаб, там взяли мои документы, поставили меня на учет. Когда вручали походную кухню, сказали: «Вот Вам походная кухня, будете готовить пищу и кормить солдат, вот только чтобы все было вовремя: завтрак, обед, ужин!» Моя задача была накормить вкусной горячей пищей. А это было совсем непросто, ведь постоянно шли бои, гремели выстрелы, кричали люди, запасов не хватало.

Для приготовления пищи нужна вода, а та вода, что брали с собой, быстро кончалась, и воду приходилось черпать консервными банками на дорогах, в колеях, но ни в коем случае нельзя было брать воду в колодцах, так как немцы, уходя, забивали колодцы трупами.

Нельзя жить без воды, но и без соли мы не могли обходиться. Соль заканчивалась, а взять ее было неоткуда. Тогда мы решились пойти по деревням. Приходили в деревни, находили там деревянные бочки, в которых когда-то были соленья, разбирали по дощечкам, и эти дощечки бросали в котел вместе с едой. Соль отходила от дощечек, и пища становилась соленой. Я навсегда запомнила вкус этих супов.

А однажды, в 1944 году, приготовила я завтрак. Попробовала на вкус: не хватает соли. Пришлось бежать в землянку. Прибежала, взяла соль и прямиком обратно. Выбегаю и вижу взрыв. Походную кухню вместе с котлом разнесло, дежурных солдат, стоящих рядом, разорвало на

части, а меня ранило осколками котла. Осколки попали в голову и левую руку. К счастью, наши врачи меня спасли. Осколки удалили и раны зажили. Остались только шрамы и воспоминания.

С ноября 1944-го по май 1945-го воевала на 2-м Белорусском фронте. И здесь мне пришлось тяжело. Шли ожесточенные бои под Брестом. Земля и небо содрогались от взрывов, вокруг ничего не было видно, все горело и было окутано дымом. Уже шло время обеда. Солдаты бежали к кухне. Я, не чувствуя себя от усталости, раздавала еду, как вдруг прогремел страшный взрыв. Землей от взрыва завалило всех солдат и меня в том числе, похоронив заживо.

Три дня мы пролежали без еды и воды, едва хватало воздуха, чтобы не умереть. Нас контузило, поэтому и двигаться мы тоже не могли. Три дня нас искали, но все безуспешно, пока один солдат случайно не увидел под ногой тряпку, копнул, потащил, а это оказалась моя косынка. Он закричал: «Смотрите! Это наш повар здесь! Давайте копать!» Выкопали меня и других солдат. Одни были уже мертвы, других не смогли выходить, и лишь троих удалось спасти. В их числе была я. Никто и не думал, что мы лежим живые, под землей. За то время, пока нас не было, моей маме успели прислать на меня похоронку.

9 мая 1945 года я находилась на территории Германии. Взрывы были слышны все реже и реже. Вдали раздались долгожданные крики: «Конец войне!» Я не поверила своим ушам. Неужели все закончилось? Неужели прошло пять кровопролитных и жестоких лет, и мы остались живы? Неописуемая радость и гордость переполняла нас, все выбегали и обнимали друг друга, а из глаз градом падали слезы.

Всю войну провела в трудных условиях. Но никогда не сдавалась, всегда верила, что все кончится миром. На войне хорошо не бывает. Я готовила и носила пищу в термосах на НП (наблюдательный пункт, разведка), а мне тогда было всего 17 лет. Все указания я всегда выполняла и добросовестно относилась к своему делу, за что меня награждали.

Прошла войну от города Орла до Берлина. 30 июля 1945 года была демобилизована на основании Постановления Верховного Совета СССР от 23 июня 1945 года. 20 августа

1945 принята на учет Ново-Деревеньковским РБК Орловской области. С сентября пошла работать в лесхоз Хомутовского лесничества. Позже пошла работать по старой профессии, поваром в детский сад. Вышла замуж за Тимакова Александра Павловича, участника Великой Отечественной войны. В 1965 году приехала с семьей в Коми АССР, где и живу по настоящее время. Сейчас нахожусь на заслуженном отдыхе.

Я не хочу, чтоб когда-нибудь повторилась военная трагедия, хочу, чтобы радостно смеялись дети, цвели цветы, росли деревья на нашей прекрасной земле, над головой было чистое голубое небо, и воздух не разрывали снаряды.

Награды:

- медаль «За боевые заслуги» б/н. Приказ командования 88-го гвардейского артиллерийского полка № 038/Н от 08.08.1944 г. Вручена 16.12.1985 г.;

- медаль «За боевые заслуги» № 1095921. Приказ командования 88-го гвардейского артиллерийского полка № 25/Н от 31.05.1945 г. Вручена 16.12.1985 г.;

- медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» Удостоверение: серия Ю № 0062584. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 09.05.1945 г. Вручена 02.10.1974 г.;

- медаль «За взятие Кенигсберга» (10.04.1945 г.) Удостоверение: серия АБ № 211253. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 09.05.1945г. Вручена 26.08.1970г;

- медаль «За освобождение Варшавы» (17.01.1945г.) Удостоверение: серия АБ № 212488. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 09.05.1945 г.

- орден Отечественной войны 2-й степени № 5654374. Удостоверение: серия Д № 493255. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11.03.1985 года;

- медаль «Ветеран труда». Указ Президиума Верховного Совета Коми АССР от 25.03.1983 г. Выдана 25.03.1983 г.;

- юбилейные медали.

Ноябрь 2009 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказали помощь студенты 1-го курса архитектурно-строительного факультета Ухтинского государственного технического университета

Галиева Светлана Александровна

и

Филипченко Валерий Игоревич

Токуев Николай Филиппович

В первый день войны и в самом ее конце моя жизнь зависела от слепого случая

Появился на свет я в Рождество Христово – 25 декабря 1918 года по старому стилю, а по новому – 7 января 1919 года в деревне Поташевка Шенкурского района Архангельской области в семье крестьянина – середняка Токуева Филиппа Дмитриевича.

Всё моё детство прошло в родной деревне Поташевской. Когда пришло время идти в школу, отец купил мне букварь, задачник по математике, тетради, пенал, ручки, карандаши. Мать сшила сумку из холста, рубашку и брюки, связала тёплые рукавицы – в общем, обновили всю одежду.

В первый раз я отправился в школу в сопровождении отца. Начальная четырёхлетняя школа находилась в восьмистах метрах от Поташевки. Все четыре года в начальной школе для меня были сродни отдыху. Устные уроки я никогда не готовил дома – легко запоминал и воспроизводил то, что давала на уроке учительница. Домашние задания выполнял только по письму, решению примеров и задач по математике. В свободное время увлекался лыжным спортом, доводилось ездить за кучера (это были настоящие

путешествия – я с радостью выполнял работу). Конечно, не забывал и своё любимое занятие – зимнюю рыбалку.

Закончив четыре класса начальной школы, я поступил в семилетнюю школу, на этот раз далеко от дома – в двадцати километрах, в деревне Погост Верхнепаденьгского сельсовета. Для проживания отец устроил меня в деревне Лосево. В продолжение всех школьных лет я учился с большим желанием, поэтому мог похвастаться отметками. Успешно закончив шестой класс, летом я поступил в распоряжение своего крёстного, который загрузил меня работой в конторе. Учёбу в школе окончил хорошо – в свидетельстве у меня значится всего одна тройка, по русскому языку.

Настало время определиться с дальнейшей учёбой. Выбор пал на Архангельский сельхозтехникум. В 1935 году поступил на гидромелиоративное отделение. Надо было привыкать к самостоятельной работе, делать домашние контрольные работы, чертежи, проекты и рефераты. Учёба в техникуме, в смысле материального положения, была очень трудной. Однако хватило сил и энергии, а больше всего силы воли. Всё пережил, но учёбу не бросил.

Обучаясь на последнем курсе техникума, я решил пойти на курсы топографов при Архангельском областном земельном отделе. Успешно их закончив, получил звание техника-съёмщика и был направлен на работу в Ровдинский район, в Верхнепаденьгский сельсовет. В мае 1939 года г. нас направили в Устьянский район Ростовского сельсовета.

В октябре 1939 года военкомат прислал мне повестку о призыве в Красную Армию. 15 декабря 1939 года мы явились в Шангальский военкомат Архангельской области. Всех специалистов, у которых раньше была «бронь», зачислили в полковую школу артиллерийских частей. Учёба в школе была не из лёгких, с особыми трудностями пришлось столкнуться при изучении военного дела, техники. Первая половина 1940 года прошла в напряжённой учёбе и практических тренировках.

Учёба в полковой школе продолжалась шесть месяцев, после окончания весь личный состав был аттестован, курсантам присвоили звание «сержант» и направили в подразделения полка, батареи, во взвод управления дивизиона для прохождения дальнейшей службы. Я получил назначение

во взвод управления дивизиона полка, где командовал самым маленьким подразделением – отделением. Проводил с красноармейцами, как это принято было говорить, «занятия по боевой, физической подготовке в условиях мирного времени и обстановке, приближенной к военному времени». Через полгода я получил очередное звание «старший сержант» и должность помощника командира взвода.

Первые дни войны

В день, предшествовавший началу Великой Отечественной войны, я вместе с взводом находился в наряде, патрулировал город Лиду. Обстановка была очень спокойной, никаких признаков подготовки к военным действиям не наблюдалось.

Вечером в казарме играли, пели, рассказывали анекдоты, делились впечатлениями, накопленными за прошедший день. Разговор вертелся вокруг предстоящего на городском стадионе 22 июня футбольного матча между командой нашего дивизиона и местными спортсменами. Настроение у всех было веселое. Только после отбоя установилась полная тишина. Ночь началась спокойно, никто не думал, что завтра, 22 июня 1941 года, начнется кровавая бойня, которая затянется на долгие годы.

Ранним утром, вернее, в четыре часа, без объявления войны на город налетело несколько десятков немецких самолётов-бомбардировщиков, которые сбросили несметное количество бомб разных мощностей. Первым делом была разбита железнодорожная станция, в результате чего парализовано движение поездов. Бомбовые удары были нанесены по ряду крупных объектов города. Лида горела от взрывов бомб, дымом пожаров затянуло весь город. Население в панике уходило, кто куда мог, среди поляков было много убитых и раненых.

Гул летящих бомбардировщиков и разрывы бомб соединились в такую какофонию звуков, что не проснуться было невозможно. Мы ринулись к окнам - что там происходит. Мнение было однозначным: началась война.

Наступило затишье. Воспользовавшись этим, мы бегом направились в артиллерийский парк для укрытия

материальной части и автомашин. Пушки и автомашины в парке были установлены, как того требовали условия мирного времени, на подставках, машины не заправлены горючим. Техника не была подготовлена к транспортировке, и мы своими силами начали передвижение в укрытие.

Лес находился в двухстах метрах от парка – за чистым полем. Третьим заходом налетели самолёты – разведчики, бомбежки они не проводили, а вели разведку дислокации войск. Заметили наше перемещение, мы вручную передвигали автомашины своего взвода в лес. Открыли пулеметный огонь.

В тот момент моя жизнь висела на волоске. Как это было? Я залег вниз лицом в неглубокой придорожной канаве. Слышал, как просвистела надо мной пулеметная очередь, поднял голову и увидел на земле, в пяти сантиметрах от головы, ряд пулеметных отверстий крупнокалиберного пулемёта. Тут же подумал: «Родился в рубашке – в первые часы войны остался жив и невредим».

В самое короткое время вся техника была укрыта в лесном массиве. За это время бензовозы заправились автобензином на городской заправке, которая осталась цела после бомбежки.

Немецкие самолеты периодически продолжали наносить бомбовые удары по городу и по движущимся целям, которыми были наши войска. Авиация действовала безнаказанно. Наша зенитная артиллерия вела массированный огонь по самолётам противника, но подбитых самолётов на нашем участке не было. Объяснялось это тем, что русские пушки не доставали высоты, на которой летали немецкие самолёты.

В ночь на 24 июня мне как помощнику командира взвода разведки выделили две автомашины и по отделению личного состава на каждую из них – для проведения разведки местности в восточном направлении (город Лида). Выехали около трех часов ночи. Моя машина шла первой, за ней, не выпуская нас из вида, на расстоянии ста метров – вторая. Двигались в полной темноте со скоростью 40-50 километров, не зажигая фар, чтобы не быть обнаруженными противником. Дорога была изрыта множеством воронок от бомб, сброшенных за прошедшие сутки. В двухстах метрах от города мы наткнулись на глубокую воронку, шофер вовремя заметил ее и объехал. Спустя несколько минут позади нас

раздался взрыв. Стало ясно: что-то случилось со второй машиной.

Так прошли для меня первые сутки Великой Отечественной войны.

Отступление на восток

Обстановка на участке 3-й армии Западного фронта была очень сложной. Связь между воинскими подразделениями была нарушена. Отступающие части не имели данных о нахождении противника.

Фашистские войска стремились окружить и уничтожить наши части. Узкий коридор, по которому армия могла проскочить на восток, с каждым часом сужался. Немецкая авиация наносила по отступающим войскам удар за ударом. Мы теряли материальную часть и личный состав. Наш противотанковый артиллерийский дивизион вместе с другими воинскими частями отходил в направлении Минска.

Недалеко от Минска на колонну неожиданно обрушился шквал огня из пушек и пулеметов, после чего в ход пошли немецкие танки. Порядок отступления был нарушен. Наши пушки бездействовали из-за отсутствия снарядов. Мы были бессильны отразить атаку механизированных немецких войск. Колонна была разбита, личный состав понес большие потери.

В десяти-пятнадцати километрах от Минска мы вновь были встречены артиллерийским и пулемётным огнем противника, а самолеты врага продолжали бомбить наши колонны. Город был окутан дымом от массовых пожаров.

В пути следования неоднократно вступали в бой с мелкими группами немцев, с колоннами вражеских машин, идущих с боеприпасами и продовольствием к передовым немецким частям. При переходе дороги Минск-Могилёв вели ночной бой с охраной колонны вражеских машин. Враг потерял убитыми до 25 солдат и двух офицеров. Были сожжены пять машин с продовольствием. В том бою мы взяли восемь автоматов, боеприпасы к ним, ручные гранаты, пополнили запасы продовольствия. Мы потерь не имели. Заметив приближение следующей колонны машин противника, в бой вступать не стали. Немцы приблизились к месту прошедшего боя, обстреляли из автоматов прилегающие

к шоссе деревья и кустарники, забрали убитых и двинулись в направлении Минска. Было уже заполночь. Ночь прошла тихо и спокойно. Только слышно было, как где-то далеко стреляла артиллерия.

После 80-ти километрового перехода и двух бессонных ночей нам требовалась передышка, поэтому было решено углубиться в лес для безопасности, отдохнуть и сосредоточиться на продолжении намеченного пути, который с каждым днем и часом становился всё труднее и опаснее.

На реке Березине мы встретились с нашими обороняющимися войсками. Вместе с ними заняли оборону на одном из участков. Двое суток мы держали оборону на левом берегу Березины. Противник неоднократно пытался форсировать реку, но получал сокрушительный удар. Немцы несли большие потери в личном составе, лишились пяти танков, которые мы потопили, и еще пяти, которые сожгли. Однако, днем и ночью артиллерия противника обстреливала с правого берега Березины наши оборонительные рубежи.

Советская авиация на данном участке действовала активно, было сбито несколько самолетов противника, хотя не обошлось без собственных потерь. И всё-таки танки и механизированные войска немцев снова оказались в нашем тылу, уничтожая огнем и гусеницами наши оборонительные рубежи на левом берегу Березины. Удержать оборону не удалось: слишком неравны были силы.

Для выхода из окружения было выбрано направление в сторону Сено и далее на восток к Витебску. К Орше мы не пошли, так как туда двигались основные силы немцев. И снова ночные переходы, скрытно от врага, под покровом леса. И снова заходы в мелкие населенные пункты, чтобы расспросить, как лучше пройти незамеченными немцами. Мы, не имеющие достаточного вооружения, в бой вступать могли только с небольшими группами противника. Население оказывало всевозможную помощь – и советами, и продовольствием.

Продвигаться на восток с каждым днем становилось труднее. Немецкие войска разместились почти в каждой деревушке и устанавливали свой порядок. Избирали старост и назначали полицаев, от которых при встрече без оружия не всегда можно было уйти. Двигаться приходилось очень

осторожно: сначала проходила разведка из двух-трех человек, и только потом следовала колонна.

В одной из таких разведок участвовал и я. Переодевшись в крестьянскую одежду, мы, вдвоем – я и Виктор Колзаков, с уздечками на плече с рассветом отправились в путь. Ранним утром вошли в маленькую деревушку, все было тихо, жители спали, немецких войск не наблюдалось. Когда дошли до центра деревни, начался мелкий дождь, мы решили его переждать и укрылись в землянке возле одного дома. Расслабились после ночного перехода и заснули.

Спать, конечно, долго не пришлось: над нашей землянкой послышались ржание лошадей, стук копыт, а следом и разговор немцев. Мы немного струхнули, и давай думать, как выйти из создавшегося положения. Прислушались к разговору, понимали не все, однако о смысле можно было догадаться. Тут мы и вспомнили школьные годы, когда изучали немецкий язык, ох, как он пригодился сейчас. Один из немцев что-то учуял, нагнулся, заглянул в землянку и сказал солдатам, что в землянке прячутся два подростка. Подошел второй немец – буквально на пальцах приказавший нам выйти. Ничего не оставалось делать, как подчиниться. Вышли и жестами стали объяснять, кто мы такие, зачем у нас уздечки и почему мы оказались в землянке. Виду не показали, что понимаем по-немецки.

Фашисты нас не поняли и решили отвести к командиру в штаб, где должен был находиться переводчик. Привели нас к обер-лейтенанту, русского языка он не знал, а переводчика не оказалось. Сколько с нами ни объяснялись, никаких результатов не добились. Зато мы из их разговоров поняли, что они подозревают в нас военных разведчиков и намерены отвести в штаб полка, где наверняка есть переводчик.

В штаб полка, до которого надо было идти в соседнюю деревню за три километра, нас повел ефрейтор, вооруженный пистолетом. За деревней дорога шла полем с разбросанными там и сям мелкими кустарниками. Сначала ефрейтор шел в двух-трех шагах позади нас, потом догнал и пошел между нами. Завел, как мог, разговор о личном, достал из кармана фотографии жены, детей, рассказывал, чем занимался до войны. Но если нам было трудно его понимать, то он вообще не знал русского языка.

Так прошли примерно полпути. Что делать с этим ефрейтором? «Нас он, конечно, не отпустит, - рассуждал по пути Виктор, - а в штабе полка нас ждут пытки, не иначе. Мы не можем открыться, кто мы и зачем здесь оказались. Кроме того, нас ждут товарищи, которые в нас поверили». Решающий момент наступил у ближайших кустов. Мы молниеносно расправляемся с ефрейтором, забираем оружие, документы, его оставляем в кустах, а сами уходим в противоположном направлении, заметая следы – на случай, если немцы будут преследовать нас с собаками. Сложная обстановка требовала от нас заранее планировать дальнейший путь разведки и самой колонны, но чем ближе мы подходили к линии фронта, тем труднее становилось продвижение.

Время было уже осеннее, начались ночные заморозки, подступали холода, на реках появились забереги, то есть ледок у берегов. Возвратившаяся дневная разведка доложила, что дальнейший путь предстоит тяжелый.

Ночью подошли к реке Западная Двина, сориентировались на местности. Справа от того места, где предполагалось форсировать реку, на расстоянии более полукилометра был железнодорожный мост, который усиленно охранялся немцами; слева, примерно в километре, расположена деревушка, где находился на отдыхе немецкий гарнизон. Задача не из легких: вода холодная, у берега – ледок, глубина реки неизвестна, ширина примерно 80 метров. Чтобы справиться, нужен был человек сильный, выносливый, закаленный, убежденный в своих силах и добровольно изъявивший желание пригнать лодку. Все задумались. Есть желающие? Я сирота и в случае моей гибели обо мне плакать некому, кроме товарищей, которым помог в трудную минуту. Подумав и взвесив нехитрые «за» и «против», я согласился переправить лодку. Командир дал «добро», поддержали и все товарищи.

Подготовка к выполнению задания была недолгой. Разделся до трусов – холодный ветерок сразу обжег тело. Растерли всего меня спиртом, сто пятьдесят граммов дали выпить. Разбили ледок возле берега, и я поплыл. Глубина реки была приличной – ногами не доставал до дна. В двадцати метрах от противоположного берега обнаружил, что могу встать, и свободно пошел по дну. Выйдя на берег, осмотрел

лодку, затем нашел маленький шест и столкнул ее в воду – лодка оказалась цела и не протекала. Сел в нее и стал грести шестом. Сначала меня била крупная дрожь, а когда подплыл к берегу, уже не мог пошевелить рукой. Ребята меня снова быстро растерли спиртом, помогли одеться и в первую очередь переправили на левый берег. Вся группа форсировала реку примерно за полтора часа и осталась не замеченной немцами.

После этой переправы я заболел, поднялась температура, и всей группе пришлось остановиться в лесу, чтобы меня вылечить. Прошло около полумесяца, прежде чем здоровье мое нормализовалось, и мы всей колонной смогли двинуться вперед – на восток. К тому времени уже начались холода, снег покрывал землю местами толщиной до 20-30 см. Каждый сделанный нами при передислокации шаг оставлял на снегу следы, давая врагу знать, где мы и сколько нас. В такой ситуации было решено, как можно меньше делать передвижений без надобности и подобрать в глубине леса место для длительной остановки. Такое место было найдено недалеко от станции Западная Двина и вблизи от линии фронта. Отсюда периодически ходили в разведку, о примерном расположении немецких войск и обстановке на фронте узнавали от местных жителей и от немцев, взятых нами в плен. Каждый выход в разведку или за продуктами не обходился без потерь - были убитые и раненые.

Долго находиться в таких условиях не пришлось. Войска 4-й Ударной армии под командованием генерал-полковника Еременко девятого января перешли в наступление в направлении Торопец-Велиж. Навстречу им вышла и наша группа - оставшиеся в живых 18 человек. Мы с ходу пошли с нашими войсками освобождать занятые немцами населенные пункты. Но тут поступил приказ вышестоящего командования, по которому все вышедшие из окружения, как назвали нас - бывшие военные, должны пройти соответствующую проверку в органах. Нас отправили на сборный пункт станции Пено.

На сборном пункте 2-й Резервной армии я был определен на работу по регистрации всех прибывающих или вышедших из окружения, что и делал два месяца.

Сталинград. 1-я гвардейская армия

Летом 1942 года немцы сконцентрировали всю силу удара на Сталинграде и на Кавказе. Они полагали, что такого накала не в состоянии выдержать ни одна человеческая порода. В сентябре 1942 года я перешел в отдел оперативного тыла штаба 1-й гвардейской армии на должность шифровальщика. Обеспечивал оперативную связь с воинскими подразделениями, дивизиями, бригадами, отдельными полками, входящими в состав 1-й гвардейской армии. С повышением в должности мне было присвоено очередное воинское звание «гвардии младший лейтенант».

Немецкие войска вели усиленные боевые действия, применяя крупные механизированные части и авиацию, чтобы ликвидировать правобережный плацдарм, удерживаемый частями 1-й гвардейской армии. Немцам нужен был Сталинград. Атаки нарастали с каждым днем. На отдельных участках противнику удалось форсировать Дон и удерживать небольшие плацдармы. Немецкая авиация беспрерывно наносила бомбовые удары по нашим оборонительным рубежам, тыловым частям и по Сталинграду.

Оборонять правобережный плацдарм нашей армии пришлось продолжительное время.

За выполнение боевых заданий в августе - октябре в штабе 1-й гвардейской армии я был награжден медалью «За боевые заслуги».

1249-й гвардейский истребительно-противотанковый артиллерийский полк

В январе 1944 года мне было присвоено звание лейтенанта. В феврале 1944 года я попросил перевод по специальности и прибыл в приданный фронту 1249-й гвардейский истребительно-противотанковый артиллерийский полк резерва главного командования. Весенняя распутица сковывала маневры войск. Войска шли буквально по колено в воде и мокром снегу. Лошади надрывались и падали. Машины глохли и останавливались. Артиллерия вязла в грязи. С восточной стороны на дороге к Кривому Рогу образовалась пробка немецких машин - они заняли 15-20 километров в

четыре ряда. Задача советский войск, в том числе и нашего полка, - отрезать путь отступления немецких войск на запад – была выполнена, но с большим трудом.

Нам пришлось обходить город Кривой Рог с запада. Двигались в распутицу, полевыми дорогами, на отдельных участках приходилось тащить пушки и машины на волах. Местные старушки качали головами: «Где же вам победить немцев, если они двигаются такой техникой, а вы тащите пушки на волах». Им отвечали: «Посмотрим, бабули, кто победит, а кто оставит технику на ваших дорогах». Так и получилось, мы обошли Кривой Рог с запада, окружили его, взяли в плен немцев вместе с их техникой и освободили город в течение нескольких дней. Наш полк получил название «Криворожский».

Тяжелая угроза сложилась в районе города Хмельницкого: немецкие войска большими силами удерживали город и район вокруг него. Бои ожесточились, продвижение наших войск было остановлено. Командование решило укрепить войска новыми силами. Наш полк срочно перебросили в этот район. За пять дней боев Хмельницкий был освобожден от противника. Фашистские войска понесли большие потери убитыми, ранеными и плененными. На поле сражения осталось громадное количество военной техники.

Наш полк был награжден орденом Богдана Хмельницкого. Дальнейший путь лежал на город Николаев - там велись бои по уничтожению группировки немцев, высадившейся морским десантом. Мы помогали артиллерийским огнем. Задача была выполнена в течение двух дней. Мы вернулись для выполнения Ясско-Кишеневской операции.

Болгария

Войска 3-го Украинского фронта 5-6 сентября переправились через Дунай и заняли участок на границе от Джуржу до Черного моря.

Наш полк по заданию фронта форсировал Дунай в районе Измаила, пересек Румынию и без боев вошел в Болгарию. 9 сентября 1944 года мы вступили в город Пловдив, что в 40-50 километрах от турецкой границы. Население и

болгарские войска встречали нас с возгласами: «Ура!», «Слава Красной Армии!», «Да здравствуют Болгария и Советский Союз!». Всюду крепкие рукопожатия, братские объятия. Так приветствовали советских солдат и офицеров в Болгарии.

В Пловдиве мы остановились на двухнедельный отдых, привели себя и технику в полный порядок. Дружески общались с населением и воинскими частями. 12 сентября 1944 года за образцовое выполнение задания верховного командования в борьбе с фашистскими захватчиками, за освобождение Румынии и Болгарии генералу армии Ф.И. Толбухину было присвоено звание «Маршал Советского Союза».

Освобождение Югославии

В первых числах сентября 1944 года маршал Тито обратился к Советскому Правительству с просьбой о вводе частей Красной Армии в Югославию в помощь народу для быстрейшего освобождения страны от гитлеровских оккупантов. На территории Югославии и Албании в то время были сосредоточены 21 немецкая дивизия, 7 бригад и 25 отдельных полков. Кроме того, несли оккупационную службу 10 болгарских и венгерских дивизий. С этой громадой вели бои партизанские отряды под командованием маршала Тито.

В это время наш полк находился на двухнедельном отдыхе в Болгарии, в городе Пловдиве, после завершения Ясско-Кишеневской операции. 28 сентября передовые соединения 57-й армии 3-го Украинского фронта, в том числе и наш полк, вышли на болгаро-югославскую границу в районе города Видама, восточнее города Наготина.

Осуществляя почетную освободительную миссию, русские войска перешли границу Югославии и вступили в бой с оккупационными войсками. Военные действия развивались успешно. Были освобождены города: Наготин, Нови Сад, Самбор и Белград.

За выполнение боевых заданий в Ясско-Кишеневской операции, освобождение Белграда и спасение знамени полка я был награжден орденом Красной Звезды и медалью «За освобождение Белграда».

Дальнейший путь проходил по территории Венгрии. Особенно ожесточенные бои велись у озера Балатон, городов Надьбайом, Надьканижа и Секешфехервар.

Австрия

В апреле боевые действия советских войск, в том числе и нашего истребительно-противотанкового артиллерийского полка, на территории Венгрии значительно ослабли. В конце месяца полку был дан приказ пленить на территории Австрии отступающую группу, частично вооруженную стрелковым и артиллерийским оружием. При этом было определено двигаться проселочными дорогами с учетом короткого пути перехвата.

Колонна наших войск шла в полной боевой готовности и с большой осторожностью. Во время переезда по открытой местности между перелесками по нашим машинам был открыт огонь из 75-миллиметровой пушки, находившейся на расстоянии до километра. Бронебойный снаряд попал в мою автомашину с правой стороны по ходу движения. Машина вздрогнула, но двигаться продолжала. Оказалось, что снаряд прошел справа, заклинив дверцу с моей стороны, под сиденьем и вышел на противоположную сторону, не повредив бензобака.

Пока мы с шофером рассматривали повреждения, подошла очередная стрелковая батарея и огнем уничтожила вражеский расчет. Колонна была захвачена и разоружена. Потерь с нашей стороны не было. Какое совпадение: и в первый день войны, и в самом ее конце моя жизнь зависела от слепого случая, но оба раза я остался жив и невредим. 4 апреля 1945 года, завершив освобождение Венгрии, мы вышли на границу с Австрией.

Юго-западнее города Грац мы встретились с английскими и американскими войсками. Отошли обратно в Грац и там находились около месяца, разместившись в казармах бывшей австрийской армии. Двигались мы по местам боевых действий в Австрии, Венгрии, около озера Балатон, форсировали Дунай в Будапеште и далее на Бухарест. Конечным пунктом был город Бакэу недалеко от Бухареста. Весь путь полка от Волги до Австрии ознаменовался

множеством побед и сражений на просторах Донбасса, Украины, Молдавии, Болгарии, Югославии, Венгрии и Австрии до самых Восточных Альп.

Апрель 1947 г. был для меня решающим. Началось расформирование полка. В ноябре 1947 г. была расформирована и наша артбригада. Я был демобилизован в звании гвардии старшего лейтенанта и вернулся в Ровдинский районный военкомат Архангельской области.

Моя фронтовая служба отмечена орденом Отечественной войны 1-й степени, орденом Красной Звезды, нагрудными знаками «Гвардия» и «Фронтовик», юбилейными медалями: «Тридцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1942», «Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне», медалями «За взятие Будапешта», «За освобождение Белграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов», «За оборону Сталинграда», «За боевые заслуги».

Июнь 2009 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказали помощь студентки 1-го курса факультета экономики и управления Ухтинского государственного технического университета

Тимушева Елена Ивановна

и

Торопова Алиса Георгиевна

Уваров Александр Иванович

Смотрю на приближающуюся смерть

Я родился 4 ноября 1921 года в Талдомском районе Московской области, где жили мои предки, а теперь живут их потомки. Там я провел детские и отроческие годы, забыть которые невозможно. Перед глазами постоянно мелькают милые сердцу картины красивого и родного села - Николо-Кропотки, что в 8 км от поместья Спас-Угол, где жил М.Е. Салтыков-Щедрин. В семье нас было 12 детей, но к началу Великой Отечественной войны нас осталось семеро: 5 братьев и 2 сестры.

Жили мы, как все обычные деревенские люди. Питались продуктами с огорода, бегали в лес за ягодами и грибами, ловили рыбу. Нас рано приучали к крестьянским делам: лошадью управлять, косить, сушить и ворошить сено, складывать его в кнопы, соху держать, навоз вывозить в поле, пахать, подвозить снопы к молотилке.

Объездил я почти все страны социалистического строя, был в Польше и Германии, в Восточной Пруссии, но нигде не видел мест красивее нашего села. Я горжусь тем, что из нашего прекрасного села в 100 домов вышли: полный кавалер орденов Славы, командир дивизии ракетных войск, главный редактор районной газеты и главный врач г. Талдома, Почетный ветеран-геологоразведчик России.

После окончания 9-го класса в г. Талдоме, под влиянием товарищей и массового патриотического движения молодежи, подал заявление в военное училище. 18 июня 1941 года стал курсантом Вольского военного училища химической защиты Красной Армии, расположенного в поселке Шиханы Саратовской области. В воскресенье 21 июня 1941 года нас хотели отпустить к родителям до начала учебы. Но этому не суждено было сбыться. Ранним утром объявили построение и нам сообщили, что началась война с Германией. Мы приступили к форсированной учебе.

Меня определили в самый низкорослый взвод. Командир наш, младший лейтенант Приходько, был худощав, хороший спортсмен, выносливый. Он не давал нам спуску даже в мелочах. Соблюдая строгость и требовательность к нам, он был справедлив и постоянно заботился о нас. Я не знаю о судьбе моего наставника, но от души благодарю его: «Спасибо, друг!». Вместо 2-х летнего обучения нас подготовили за полгода и в декабре распределили по фронтам. Меня направили в отдельный саперный батальон действующей армии в качестве начальника химической службы в звании младшего лейтенанта.

Первое боевое крещение

В феврале 1942 года наш 1343-й отдельный саперный батальон был переброшен под город Юхнов, расположенный в 200 км юго-западнее Москвы. С мая 1942 года по июнь 1943 года наш батальон участвовал в боях по ликвидации «Демянского котла» у Старой Руссы.

Не оснащенный в должной мере оружием батальон бросили сразу в бой. Капитан батальона К. Иванов приказал мне, выделив одного солдата, доставить в роту, сопровождающую танки, боеприпасы. Заполнив вещмешки патронами и гранатами, мы тронулись в путь. По оврагу вышли к перелеску. Видим невдалеке несколько подбитых наших танков. Людей нет. В 300 метрах виднелась деревня из нескольких домиков. Кто там? Возникло подозрение.

Остановились, присели на корточки, осмотрелись. В это время пехота в маскхалатах, возможно разведчики, стали здесь же сосредотачиваться. Вдруг выстрел, другой, пулемётная

очередь. Мы оказались хорошей мишенью для немцев, так как лежали на склоне небольшого холма. Единственное место, где можно было укрыться от губительного огня – овражек в ста метрах сзади. Вот когда мне пригодилась учёба в военном училище и спортивная подготовка. Быстрый бросок – мгновенное падение, пластунский приём, снова бросок, падение и по-пластунски вперёд или в сторону. Это не позволяло немцам послать пулемётную очередь в цель. Командую солдату держаться рядом. Мы уже были в 10-15 метрах от оврага, когда немцы повели миномётный огонь. Смерть приближалась. Чувствуем, конец. Вдруг миномётный огонь прекратился. Видимо, фрицы решили, что накрыли нас. Действительно, в живых осталось трое: я, солдат и раненый командир взвода. Теперь нам предстояло преодолеть 5-6-метровую полосу до спасительного оврага. Первым через эту полосу перебрался командир взвода. Теперь немцы ещё больше усилили огонь. Солдат оказался не из храбрых, но по моей команде он тоже «прострелил» полосу смерти. Через несколько минут и я выбрал момент для броска в жизнь.

Встреча с родителями

В конце декабря 1943 года наш батальон перебрасывали по железной дороге на 1-й Белорусский фронт. На 2-х недельном переформировании под Москвой в селе Молоди я отпросился у командира на сутки, чтобы навестить родной Талдом. Командир согласился. Город показался мне уютным, на душе радостно. Вечер. Вот и дом. Стучу в дверь. «Кто там?» - по голосу отец. Я сказал, что военный и прошу пустить переночевать. На что он ответил, что не пустит, потому что не знает меня. Я сказал: «Откройте, будем узнавать». Он открыл дверь. При свете луны я сразу узнал близкие мне черты лица. Вошли в дом. Смотрит он на меня с какой-то настороженностью и ожиданием. Я не выдержал и спросил, не узнает ли он меня. Осторожные, отрицательные движения головы и почти шепотом: «Нет». В сердце моем кольнула не то обида, не то сострадание. Неужели война исказила мой облик до неузнаваемости?

И тогда с дрожью в голосе: «Что же ты родного…» - не договорил. «Саша!» - вскрикнул он и бросился в мои объятия.

Услышала мама, бежит из соседней комнаты с маленькой сестренкой на руках. Объятия, поцелуи со слезами радости. Всю ночь мы не смыкали глаз. Какой же штамп поставила на мне война, что родной отец через 2,5 года сына не узнал. По словам родителей, на них смотрел не юнец добродушный, а зрелый мужчина с лицом мужественным и суровым не по годам.

Прием в партию

Перед прорывом нашей армии западнее Ковеля, вечером 17 июля 1944 года, за несколько часов до артподготовки, меня и еще многих товарищей пригласили в березовую рощу. На столе из березовых стволиков лежали партийные документы. Представитель политотдела армии называет мою фамилию. Выхожу. Он вручает кандидатскую карточку в члены ВКП(б), поздравил и пожелал успешно сражаться с врагом, всемерно приближать день разгрома врага. Высказанное доверие заполнило мою душу чувством гордости. Принадлежность к партии обязывала меня быть впереди и если потребуется отдать жизнь во имя победы.

Военная тайна

Война - один из способов решения политических проблем. Тогда, западнее Ковеля, был сконцентрирован необычайной силы военный кулак: 8-й гвардейской армии Чуйкова В.И., 3 танковых, 2 авиационных, 3 артиллерийских, 2 инженерных. После двух часовой артподготовки армии прошли за 2 часа без единого выстрела 7 км. Задача наших действий заключалась в том, чтобы за 10 дней дойти до Варшавы.

Я - командир группы инженерной разведки, старший лейтенант. Имею на руках топокарты, т.е. располагаю некоторыми военными секретами, так как на картах нанесены объекты военного значения. 23 июля 1944 года мы обошли справа Люблин, продвинулись на развилку дорог Варшава-Висла. По дороге встречаемся с группой вооруженных людей. Командую: «Боевая готовность!» Это значит рассредоточиться и замаскироваться - нас нет, но мы есть.

Их около 20 человек. Подозрений нет. Я и сержант направляемся к группе. К нам идут тоже двое. Останавливаемся в нескольких шагах. Спрашиваю: «Кто?» Ответ: «Польские партизаны». Я обратил внимание на оружие. Они сказали, что оружие сбросили англичане. «Какую задачу выполняете?» – продолжаю спрашивать. Слышу, похоже на русское слово: «Застава». Ясно. Показывают нам на свалившийся в овраг танк Т-34. Выходим на развилку. Ловим проходившую машину. Попутчиков спрашиваю: «Вам куда?» Отвечают: «Далеко». Садимся и едем до конца. По дороге не так близко падали три раза бомбы рассеивания. Проходим 6-8 километров - пригород Варшавы. Видим в некоторых местах дым. По ту сторону Вислы идет жаркая перестрелка, слышна стрельба немецких автоматов и какого-то еще оружия, очередь по звуку не знакомая нам. Догадываемся – «английские».

Левый берег Вислы горит, стоит сплошной дым. Мы сели отдохнуть, перекусить, заодно осмыслить все происходящее. Через 2-3 часа слышим голос посыльного разведчика от комбата: «Вот вы где! Вам, товарищ старший лейтенант, письмо». Читаю: «Немедленно поворачивайте обратно, выходите на дорогу к Висле и действуйте согласно заданию». На развилке поймали машину, по-видимому, выполняющую такую же задачу, что и мы. Утром другого дня прибыли на указанное место. Польской группы там не оказалось.

Я рад за своих солдат, которые ни с какими вопросами ко мне не обращались. Что от них требовалось - они делали. У меня появилось подозрение, но я комбату свои догадки не изложил. Как потом стало известно - примерно в последних числах июля в оккупированной немцами Варшаве было поднято восстание Армии Крайова, в рамках разработанного польским эмигрантским правительством плана захвата власти до освобождения советскими войсками. Могли ли мы изменить ситуацию? При создавшейся политической обстановке - нет. Исходя из этого кто я? Я был верен присяге, поэтому молчал. Может поэтому, и наградили меня польской медалью «За Варшаву».

Под разрывами ротативных бомб R-500

Страшно ли воевать? Безусловно. Наверно, нет такого человека, которому все равно: быть или не быть. Один стойко и хладнокровно выполняет свой долг, другой из-за страха паникует, гибнет сам и подставляет товарищей. Страшно, когда предчувствуешь смерть. Пример. Вызывает меня командир батальона и говорит: «Завтра пойдете в разведку под Гдыню, Будете по радио сообщать сведения о противнике». Мы знали, что там непроходимая немецкая оборона, усиленная власовцами. Мы знали, что оттуда не вернемся. Некоторые написали прощальные письма домой, но утром комбат объявил: «Рейд отменяется!» А это означало - мы живы! Мы еще повоюем!

Я тоже боялся, но владел собой. При форсировании Вислы, когда наш батальон наводил переправу, немцы применили ротативные бомбы для уничтожения зенитной батареи, прикрывающей строителей переправы от фашистских «стервятников». В июле-августе 1944 года немцы применили против мест скопления наших войск страшное оружие - это бомбы рассеивания. Что это такое? Вместо взрывчатки корпус авиационной бомбы начинялся небольшими бомбочками (по 1 кг). Этот аппарат подвешивался к скоростному самолету «Фоккевульф-190» и доставлялся к наибольшему скоплению живой силы наших войск. Летчик пилотировал самолет к цели и в нужный момент отключал держаки бомбы, которая, получив ускорение на оптимальной высоте, автоматически раскрывалась, и туча бомб (500 шт.) устремлялась на цель. Полоса поражения составляла порядка 100 х 300м.

Каждая осколочная бомба, взрываясь, несла смерть. Живого места не оставалось. Под такой кромешный ад попал и я, но случайность меня спасла.

Дело было так. Иду по делам к комбату Иванову К., который находился на строительстве переправы через реку Висла. Подхожу к скорострельным зениткам, которые вдруг заработали, звука самолета я не слышал. Стволы зениток направлены на восток. Поднимаю вверх голову и вижу: летит с небольшим наклоном «Фоккевульф-190» и отделяются от него кассеты. Туча смертоносных бомбочек летят на меня и зенитки. Не думая ни о чем, бросаюсь в отрытую зенитчиками

ячейку укрытия, смотрю на приближающуюся смерть. Страха как такового не испытываю, только мозг мой стал работать в смысле безнадежности, т.е. вспомнилось детство, забавы, мать, отец, вся семья, все промелькнуло в какие-то доли секунды. Тарабанящий звук рвущихся бомб - тах, тах, тах и туча сплошной пыли все ближе и ближе. Последняя бомба разрывается в метре от моей головы. Ко мне, ещё не понимающему, что произошло, подбегает зенитчик. «Видел», - говорит. «Да, видел», - отвечаю. Смотрю на левый берег реки и вижу падающий самолет, который тотчас взорвался. «Подпиши акт»,- говорит. Оказывается, им положена премия за сбитый самолет. Говорю ему, что у меня нет печати, она у командира, а он там, на переправе. Пошли туда. Идем. Слышу какой-то звук звенящий, не наших самолетов. Говорю зенитчику: «Немцы летят». Он отвечает: «Нет, с востока, наши». Думаю, зенитчик больше знает. Идем. Несколько шагов сделали.

Видим самолеты, уже вошли в пике. Бросаюсь к воде и падаю на песок. На меня тоже кто-то падает. Мгновенная реакция: сбросить, но срабатывает инстинкт самозащиты, пусть лежит. И вот свистящий вой падающих бомб, влезающий в душу. Ощущение такое, что падают они прямо-прямо тебе в затылок, в самый затылок и все ближе и ближе. Все сильнее и сильнее крутится, совершая на мне вращательные движения сверху лежащий просто ввертывает меня в песок. Страшное как-то сразу кончается. Ничего не вижу, ползу к воде, чутьем нахожу путь, чтобы промыть глаза. Промываю. Смотрю, кто на мне лежал. Никого не вижу, только взъерошенные песчаные ямы. Думаю: «Неужели и я так веду себя при серьезной опасности? Нет, нет, я так себя не веду». Вот таких два страшных случая мне пришлось пережить в какие-то несколько минут. Я расспрашивал других фронтовиков в послевоенные годы, но никто не слышал о таком оружии.

Лицо войны

Неизгладимый след войны оставила во мне встреча со смертельно раненым солдатом в бою под городом Ковель. Здесь немцы ожесточенно сопротивлялись. После шквального

артиллерийского огня пехота пошла в атаку. Взрывом снаряда солдата бросило на землю. Лежит он на пыльном поле, подогнув к животу ноги. Маленький такой, винтовка рядом на полштыка длиннее его. Подбегаю к нему, смотрю под гимнастеркой кровавая масса. Почувствовал, как по моему телу побежали мурашки. Понял, что не жить пареньку. Мне хотелось приободрить его. Говорю, что это не конец. Позвал санитарку. Тоней ее звали. Посмотрела и шепчет мне, что скоро конец ему. Я же приказал ей - перевязать и отправить в тыл. И осталась у солдата надежда, ведь рядом был санитар. 18-летний паренек, как я выяснил у него, родом был из-под Воронежа. Много таких юношей сложили свои головы во имя жизни на Земле.

Навстречу смерти

Январь 1945 г., район реки Нарев на севере Варшавы. Идет наступательная операция наших войск. Фашистские войска упорно сопротивляются, цепляясь за каждый удобный рубеж. На одном участке наступающая пехота попала под плотный пулеметный огонь противника, «цепи» залегли. Наступление шло вдоль важной дороги. Я лежал в 50-60 метрах от дорожного полотна. Вижу, идет по дороге грузовая автомашина со скарбом. Узнал, ведь это наша машина со штабом. Что делать? Если ее не остановить - попадет под пулеметный огонь немцев или, еще хуже, пропустят фашисты и случится страшное. Мной двигала одна мысль - надо остановить ее, подать сигнал опасности. Быстро вскакиваю и вперед на дорогу. Со мной какой-то солдат поднялся и побежал рядом. Почему он поднялся и устремился за мной? Мне до сих пор не понятно. Или он, видя, что я поднялся, побежал вперед и решил, что я двинулся в атаку, или решил сменить позицию, а может тоже увидел машину, и решил ее остановить? Не знаю мотива его поступка.

Бегу и делаю знаки рукой, чтобы разворачивались назад. Выскакиваю на шоссе и вижу, что машина быстро разворачивается. Значит увидели! Сходу падаю на дорогу, и солдат тоже падает. Пулеметы все время «били» по нам. Внимания на пули не обращал, да их и не чувствовал, ибо была одна цель - развернуть машину.

Вот, когда мы упали на дорогу, я почувствовал и воочию увидел огненный шквал и услышал «чокающие» пули. Скорее надо в кювет. Стал ползти, но меня держит полевая сумка, которая зацепилась за убитого солдата. Солдат погиб. Отцепить не могу - пули не дают этого сделать. Стал ползти, подвигая убитого солдата. Он стал, как бы моим прикрытием. Так я и вполз с ним в кювет, где и отцепил свою сумку. Машина благополучно ушла из-под обстрела. Что я ощущал, думал, когда бежал? Я не знаю. Скажу прямо - никакого страха я не испытывал. У меня было одно на уме - скорей развернуть машину. Я был в каком-то порыве. Потом, я в мыслях часто обращался к этому случаю, и мне думалось - почему совершил свой бессмертный подвиг Александр Матросов, закрыв своим телом обстрел наших «цепей» из амбразуры дзота. Видимо он был в таком же, но в более значимом патриотическом порыве.

Ночная схватка

Город Штольп, 8 марта 1945 года. Наступаем мы не на запад, а наоборот, гоним, упорно сопротивляющегося врага, на восток, в сторону Гдыни. Немцы, создав могучую группировку, надеялись приостановить наше движение к реке Одер. На пути в город Штольп, форсировав небольшую речку и захватив восточный берег реки, наша пехота вошла в город и почему-то повернула влево.

Мы, разведгруппа, саперы, переправившись через речку, прошли прямо метров 300. Найдя подходящий дом, сделали остановку, случайно встретившись с двумя русскими девушками пригласили их покушать с нами. Через некоторое время они нам говорят: «Мы сходим, отсюда недалеко, и вернемся». Отпустили мы их. В это время я направил посыльного к комбату, написав, что город Штольп взят, можно продвинуться. Место есть. Комбат почему-то на мое предложение отреагировал быстро и прибыл вместе с несколькими офицерами: заместителем комбата, парторгом, начальником контрразведки «Смерш» и начальником штаба. Мы встретились. Он сразу дал нам боевое задание с указанием маршрута движения.

Дело это было вечером. Девушек, которых мы отпустили, мы так и не дождались. Сели на наш «фаэтон», на котором постоянно перевозили свои вещи, продовольствие и боеприпасы, и решили срезать немного свой маршрут. Двинулись прямо по улице. Проехав метров 300-350, остановились. Вдруг кто-то под узду схватил лошадей (пара выездных). Видим, немец держит лошадей. Оружия при нем нет. Подхожу к нему и спрашиваю: «Что такое?» Из его объяснения я понял, что группа немецких солдат, примерно человек 200, хотят сдаться в плен, но среди них есть эсэсовцы, которые не дают это сделать.

Я своим командую: «Пошли ребята». У лошадей остался один солдат. Пошли. Немец идет впереди. Заходим за угол, на другую улицу. Вдруг перед нами три немца с винтовками, направленных на нас. От неожиданности мы застыли друг перед другом. Опешили. Мы пришли в себя первыми. Подаю команду, и при небольшом единоборстве мы их обезоружили.

Было темно, но различить двигающиеся фигуры было еще можно. Видим, впереди нас на улице передвигаются много немцев-солдат. Я говорю немцу, который нас вел: «Давай говори». Стал он кричать что-то им. Чувствую, что он говорит им не то. Пистолетом ударил его по затылку и говорю: «Денуг». Тут же обращаюсь к старшему сержанту: «Пошли». Но он мне в ответ: «Слушай, старший лейтенант, предлагаю не ходить туда. Они нас там сцапают и нам крышка». «Да, правильно ты мыслишь», - говорю я.

Решили повернуть назад, чтобы отойти на какое-то расстояние и все обдумать. Пошли, конвоируя взятых в плен немцев, я иду последний и под прицелом пистолета держу одного из них. Только мы повернули за угол улицы, как сзади услышали: «Хальт!». Я обернулся и вижу здоровенного немца в белом маскхалате с автоматом. Не успел я сделать выстрела, как раздалась очередь выстрелов старшего сержанта, и немец присел на корточки. В это время я почувствовал удар по голове (надо сказать, что все это произошло в считанные секунды).

Хорошо, что у моей шапки были подняты уши, что уменьшило силу удара. Я из пистолета попытался выстрелить немцу в голову, но пистолет не выстрелил. На какое-то время я был в шоке, потом занес руку, чтобы наотмашь ударить

пистолетом по лицу нападавшему немцу, и ударил. Гляжу, наш солдат схватил немца и борется с ним на земле. Я навел пистолет и сделал выстрел. Вижу, тот в кого я целился одет в серую шинель. У меня волосы под шапкой встали дыбом. Своего убил. Однако у немца рука повисла. Оказывается, я выстрелил когда они перевернулись.

Тем временем справа от нас показались два немца, которые огибают нас, чтобы отрезать нам путь отхода. Раздаются очереди. Они падают. Кто-то бросает гранаты из-за домов, раздаются автоматные очереди. Кричу ребятам: «Стреляйте по домам, по палисадникам, отходим». Говорю Туровскому: «Спасай комбата, пусть уходят». Отстреливаясь, отходим туда откуда вышли.

Оторвались. Мне показалось, что-то быстро комбат там оказался. Он подходит ко мне и спрашивает: «Что случилось?» Отвечаю: «Вот, один немец только остался». Он мне: «Давай я его расстреляю. Дай мне свой пистолет». Пистолет у меня был бельгийский 14-зарядный.

Поворачиваюсь к немцу и вижу у него медаль с надписью «Демянск». Спрашиваю: «Откуда это?» «Гитлер наградил за успешный выход из котла», - отвечает. Под Демьянском была окружена целая армия немцев, которая благополучно улизнула от нас. Говорю немцу: «К стене!» Он спокойно переспросил: «Сюда?» «Да», - говорю. Он подошел к стене, поднял вверх руки, повернулся спиной и стал ждать.

Комбат поднял пистолет, навел - и не смог выстрелить. «Отведи его в соседний штаб», - говорит он мне. Меня поразило мужество и бесстрашие немца. Привел я его в штаб. Полковник позвал переводчика и начал допрашивать его - кто он, и что они делали. Переводчик начал смеяться. Полковник с удивлением ему: «Почему смеешься?» В ответ говорит, что немец ему анекдоты рассказывает. Полковник: «В Могилев его за это!» А потом обращается ко мне: «Вот, старший лейтенант, ты его привел, ты и убирай». Вывел я его на улицу, и около штаба немца не стало.

Как потом выяснилось, эти две девушки, отлучились, чтобы привести немцев и уничтожить нас. Нас отделяло от гибели всего несколько минут. Задержи свое боевое задание комбат на эти минуты, и не было бы этого воспоминания. Об этом я узнал из расследований контрразведки «Смерш».

Домой

Конец войны застал меня на острове Рюген. День Победы встречал в городе Штральзунд 9 мая 1945 года.

Прослужив в Советской армии в составе Северной группы войск в Польше до января 1947 года, демобилизовался в звании старшего лейтенанта запаса. Был награжден медалями «За боевые заслуги», «За освобождение Варшавы», орденом Отечественной войны 2-й степени, медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.» и медалью Польской Народной республики «За Варшаву».

Перед моими глазами до сих пор стоит строй солдат, на лицах которых и безграничная радость, и усталость, и глубокая грусть. Это день расставания с солдатами первой очереди демобилизации. Вот, напротив меня стоит рядовой Куликов, который откопал меня, погребенного заживо взрывом артиллерийского снаряда, и вынес в безопасное место. Смотрим мы друг на друга, и почему-то у каждого из нас непроизвольно текут слезы. И мы не стыдимся их. Чувствуем, что все мы обязаны друг другу. Фронтовая жизнь настолько сблизила нас, что у каждого появилось ощущение такой близости, какая может быть только в семье. Каждый отъезжающий подходит к Боевому Знамени и подносит кумачовое полотнище к своим губам. Он прощается. Я стою в каком-то оцепенении. Мне кажется, что такого торжественного, значимого ритуала я нигде и никогда не встречал.

Июнь 2009 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Зайцев Андрей Николаевич,*** *студент 1-го курса нефтегазопромыслового факультета Ухтинского государственного технического университета*

Ульяновский Николай Иванович

10 мая ночью нас поднимают по тревоге опять воевать

Я родился в 1924 году в Тарновском районе Вологодской области, в деревне Степановская Верхкокшенского сельсовета.

Родители умерли рано, и поэтому я проучился лишь до 5 класса, затем стал заниматься хозяйством. Корову надо было доить, овец поить, дрова колоть и пилить.

Война застала меня на Кубани, в Краснодарском крае, в станице Крымской, где я жил у дальних родственников со стороны отцова деда. Было мне тогда 16 лет.

22 июня всех жителей собрали на площади и объявили, что началась война, а 23 июня приступили к эвакуации. Станица находится в километрах 60-ти от Новороссийска, а его уже бомбили. Самолеты летали, листовки сбрасывали, а там написано: «Казачество, пришла ваша слава. Бейте жидов и коммунистов».

Нас, пацанов, собрали, чтобы эвакуировать коров. Погнали мы их по шляху в сторону соседней станицы Славенской. С нами было два солдата на лошадях. А немцы на мотоциклах впереди нас по шоссе проскочили туда. Мы коров

в станицу пригнали, и они уже там. Мы испугались, а они на нас и внимания не обратили.

Помню, в каски стали молоко доить, смеялись, песни пели. Коровы разбрелись. Солдат, что с нами были, они не видели - те успели скрыться. Нас немцы не тронули, и мы, человек 8 пацанов, решили двигаться на Кавказ по железной дороге. На крышах вагонов ехали, добрые люди нас кормили. Ребята по дороге кто куда разошлись, а я решил домой на север податься и в конце июня добрался до своей деревни. Меня приняли на жилье и на первое время дали два пуда (32 килограмма) муки, мол, парень деревенский, можешь себе хлеб испечь.

Работать стал в леспромхозе «Доровица», лес валить. Тяжело было: я ростом маленький, да и не приучен был к этому делу, а норма была 4 кубометра в день на двоих (лес валили лучковыми пилами по два человека). Потом у меня с напарником одно происшествие вышло - руку я ему нечаянно повредил, и мы с работы убежали. Нас по этому поводу на собрании разбирали, говорили, что мы лоботрясы, чуть ли не враги народа. И решил я после этого случая пойти в военкомат, а тут как раз набор.

Дело-то это было осенью 1942 года. Мне уже в эту пору 17 лет исполнилось. Военкомат располагался в райцентре Тарноге. Это от деревни 30 километров. Нас туда на лошадях отвезли. Народу было 14 человек с нашего сельсовета (всех убило на войне, один я вернулся), да человек 20 из других сельсоветов, в Тарноге еще человек 30 к нам присоединилось новобранцев. Все приехали по повесткам, а у меня не было - я только в сельсовете бумагу написал, чтоб добровольцем на фронт отпустили.

Тут случай произошел. В военкомате медкомиссия всех осматривала, все раздевались. Среди нас был один деревенский дурачок, его все Ваней-волчонком называли. Я хотел идти последним, стеснялся. Передо мной этот дурачок и зашел. И вот подходит он к человеку из комиссии, дергает того за бороду и говорит радостно: «А у тебя бородка как у моего дедушки!»

Этот человек как крикнет на него: «Вон отсюда!» Так тот голый из военкомата и выскочил на улицу с перепугу. Тут моя очередь заходить. Иду, вижу, человек очень рассержен.

- Повестку.
- У меня нет повестки
- А что же ты пришел?
- На фронт хочу.
- Почему?
- А мне жить негде, один болтаюсь. На фронте хоть от меня польза какая-то будет. Может, хоть в обоз возьмут. Я на лошадях умею ездить, - отвечаю ему.

Человек подумал, подумал и говорит: «Ладно, запишем тебя добровольцем». Я обрадовался. Из Тарноги нас повели пешком до станции Конедрино (сейчас Костырево), это около 100 километров. На третий день пути пришли, нас погрузили в «телятники» и повезли в Вологду. Мой двоюродник Николай тоже со мной был. Построили. «Кто комсомольцы?» - спрашивают. Мой двоюродник был комсомольцем. А я ему: «Не говори, что ты комсомолец».

Хотел, чтоб мы вместе были, да и знал я тогда уже, что коммунистов и комсомольцев в самое пекло на фронте отправляют, жалел брата. Он стоит и мнется, а мимо старшина проходит, видит это и говорит: «Что мнешься? Ты же комсомолец».

Брат и вышел из строя. Их потом в баню отвели. Пошли мы на обед, а они из бани возвращаются, и брат ко мне. Схватил меня, ревет как ребенок: «Коля, мы с тобой не встретимся боле».

А я ему: «Ну что ты, елки зеленые».

Но все правильно почувствовал двоюродник. Его убили, как только их часть на фронте оказалась.

Отправили нашу команду в Мурманск, на Северный фронт. По дороге к нам еще людей добавляли, вагоны цепляли, и на каждой станции плач стоял.

Пока ехали, первое боевое крещение приняли. Около Кандалакши налетели «Мессершмидты». Это, скажу я, такая зараза! А состав как раз на вершине сопки был, когда его бомбой разорвало, и передняя часть укатилась на ту сторону сопки, а мы в задней покатились обратно под гору. Двери теплушек повыбивало, и людей из вагонов вышвыривало. Сутки в теплушке просидели, пока пути восстанавливали, и потом опять поехали.

Не доезжая до Мурманска, нас высадили в Кировске и повели куда-то. Шли километра три и видим огромные овощехранилища, и нас туда. Ночью бомбежка, и хотя наружу не пускали, мы выскочили посмотреть. А небо над Мурманском прямо горит, снаряды рвутся, дирижабли висят над городом, интересно.

В Кировске нас обмундировали - выдали шубу, валенки, рукавицы, шапку, подшлемник и другой солдатский скарб. Дали винтовки-трехлинейки. Я стрелять не умел, и когда взял винтовку в руки, не смог снять ее с предохранителя и пожаловался, что мне негодную винтовку дали - на курок нельзя нажать.

После того как приняли присягу, нас пешком повели на фронт. На этом марше я первый раз узнал, что, оказывается, можно идти и спать, да еще сны видеть. Сколько шли - непонятно. Привалы были короткие, по пять минут. Место, куда нас привели, находилось на 52-м километре от Мурманска. Там стояли палатки, куда нас и стали запускать человек по десять, а писари записывали кого куда. Меня спросили: «Куда тебя такого маленького? В разведку пойдешь?»

- Какой я разведчик? Навалится на меня дядя-фриц, что сделаю?

- Дурак, тебе повезло - это артиллерийская разведка.

- А что там делать надо?

- Да в стереотрубу смотреть.

- Пиши.

Трое нас туда попало. Слава Миронюк, Вася Художилов и я. Что с ними стало, не знаю, потерялись на войне. Нас зачислили в истребительный противотанковый артиллерийский полк. Пришел за нами писарь по фамилии Зверев с лыжами. Шли, шли, тут он останавливается посреди чистого поля и говорит: «Все, добрались, лезь в дырку».

- Куда? Тут никакой дырки нет.

- Да ты снег вон тут немного разгреби руками.

Темно, непонятно. Разгребаю и чувствую - теплом потянуло. Что такое? А земля же в тех краях как камень, копать ее нельзя, так блиндажи и землянки делали следующим способом: закладывали взрывчатку и рвали. Образовавшуюся яму накрывали плащ-палатками, а каркас делали из шестов.

Сверху блиндаж заносило снегом, и там можно было худо-бедно жить.

Так вот. Откопал лаз, пролез внутрь. Там маленький костерчик горит из тола, дров то нет, и над ним, согнувшись, сидят солдаты 6 человек. Они на меня посмотрели, спрашивают:

- Пополнение?

- Да.

Они снова согнулись над костерчиком и дремать. У них, оказывается, самый сон был - им перед моим приходом по 100 граммов спирта выдали. Я говорю громко: «Так вы меня принимаете? Или я от вас уйду».

Один встает (как оказалось, командир орудия Алексей Бацанов, царство ему небесное, хороший был человек, его в 1943 году убило) и говорит: «Ну, привыкай к нам».

Стал приживаться. Познакомился с орудием. Это была 76-миллиметровая пушка 1939 года выпуска. Дальность стрельбы её 13 километров, и поэтому стреляли мы с закрытых позиций. Орудия уже заранее были пристреляны. Много огневых точек подавили. Но мы далеко от них были. Нам только прицел дают да сообщают, попали или нет. Когда не могли поразить цель со своих позиций, орудие выдвигали на прямую наводку. Ночью расчет тащил пушку поближе к передовой на лямках. После того как цель была поражена, надо было очень быстро успеть убрать орудие с передовой, потому что немцы могли прицелиться и уничтожить пушку. Они по нам тоже хорошо стреляли. У них «рама» висела над нашими позициями и корректировала огонь.

После стрельбы самое дрянное дело было банить (чистить) ствол орудия. Брали специально сделанные чурочки и шестом проталкивали сквозь ствол. Всем расчетом колотили, руки отбивали.

Весной 1943 года нас сменила гаубичная артиллерия, а нашу часть сняли с позиций и перебросили под Петрозаводск в Карелию. Потом под Москву в Коломну. Записали в резерв главного командования (РГК). Дали новые орудия. Точнее, те же самые 76-милиметровые, только модернизированные. Пушки таскали английские бронетранспортеры на резиновом ходу. Экипировали хорошо.

Июль, 1943 год. Куда везут - не говорят. Одним словом, попали мы на воронежское направление. Возили нас по всему фронту: только в одном месте устроились – поехали в другое. Вот очередной раз нас ночью подняли, и мы стали выдвигаться на новые позиции. Приехали, окопались, натянули маскировочные сетки. Это было в районе Прохоровки, но мы потом об этом узнали. А так нам никто ничего не объяснял. Есть приказ, и его надо выполнить. Устроились - надо отдохнуть, а в 4 часа утра налетели немецкие самолеты.

Стояла жара, и марево было, как туман, а они кроме бомб еще стали сбрасывать какие-то дымовые шашки очень едучие. Пехоте на передовой дали команду «Газы!» А потом пошли танки. Пехота стала отступать, бегут, орут: «Танки! Танки!» Мы тоже с позиций стали сниматься. Неразбериха случилась полная. Получилось, что немцы уже вперед нас проскочили, а мы за ними вроде как отступаем. Мы потом отвернули в сторону и стали занимать позиции.

Танки пошли на Прохоровку, а мы в тылу вроде как оказались. Потом немецкую пехоту отсекли от танков, а тех встретили наши Т-34, и орудия второго эшелона по ним бить стали. Немцы давай назад, а тут мы. Все снаряды постреляли. На наш полк (16 орудий) потом засчитали 9 подбитых немецких танков. Нам самим некогда было смотреть, попал - не попал, надо было стрелять, стрелять и все время прямой наводкой. Стреляли обычно в гусеницу, а если танк бок подставлял – радовались, ведь тогда били наверняка.

Потом смотрели поле боя – страшное зрелище. Танк на танке, горят, люди горят. Смрад стоит страшный. За этот бой меня представили к ордену Красной Звезды, который я получил уже в 1945 году в Германии. За что? А я наводчиком был, а когда командира убило, стал за него.

На фронте самое страшное не когда бой идет – тогда как ненормальный становишься, ни о чем не думаешь, только стреляешь, а потом, когда видишь своих товарищей убитых, все тело дрожь пробивает, ужасно страшно становится. Соседнюю 3-ю батарею вместе с расчетом танки уничтожили полностью, а у нас только командира вот убило.

После сражения под Прохоровкой нас перебросили на 1-й Украинский фронт. При форсировании нашими войсками

Днепра мы вели артподготовку с закрытых позиций под Дарницей. Потом была Западная Украина, Буковина, Польша.

Войну закончил в Чехословакии. Я тогда уже старшим сержантом был. 9 мая все празднуют Победу, нам форму парадную выдали, а 10 мая ночью нас поднимают по тревоге опять воевать. Снова орудия расчехлили, позиции построили. И дают нам прицел – Карловы Вары. Там остались власовцы и немецкие части, танки были. Слышим – по громкоговорителям им сдаться предлагают. Несколько раз предлагали, а они по нам огонь открыли. Ну, мы и ответили из всех стволов, и «Катюши» по ним саданули. Вот после этого боя война для нас закончилась. Я потом ездил по путевке в Чехословакию в 1971 году и спросил про Карловы Вары у гида. Я говорю, что по нему стрелял в 45-м, а гид говорит: «Вы - варвары, уничтожили Карловы Вары».

Мне повезло – за всю войну я получил только одну контузию. И хотя контузия оказалась легкой, из-за нее мне на родину прислали похоронку. Это было на Украине в 1944, под Волочийском. В заводской трубе засели немецкие снайпера и не давали головы поднять пехоте. Наше орудие туда и перебросили трубу, эту уничтожить. Тут, как на грех, на наблюдательном пункте, откуда корректировали огонь артиллерии, вышла из строя рация, батареи сели. Командир мне говорит: «Ты же шустрый, давай, отнеси им батареи». А я что, везде же лез, да и комсомольцем был.

Взял батареи, пошел на наблюдательный пункт. Иду, слышу, кричат: «Танки!» А потом и сам их увидел. Надо прятаться, а куда? Хотел в канаву, а смотрю, по ней пули щелкают, я и лег, где стоял, и все, дальше ничего не помню. Очнулся, когда меня на носилках несли. Лечился в больнице города Злочева. Пролежал недолго, около 2-х недель.

Демобилизовался я в 1946 году и приехал на Кубань обратно в станицу Крымскую. Там небольшой лагерь был для пленных немцев. Их было 150 человек. Они работали на лесосеке, готовили дрова для котельных. Мне говорят: «Хорошо, что ты приехал, а то у нас командир взвода охраны запил. Давай, принимай командование взводом». А взвод состоит из 8 девчонок.

С немцами общался нормально, злобы на них не было. К тому же я в артиллерии был - мы их мало видели. Да уж и

злоба после Победы отошла. Ну, приду к ним, строго спрошу: «Warum sitzen?» («Почему сидите?»). Они тоже молодые, разговаривают охотно, меня подковыривают, я их. Большинство о жизни говорили. Они тоже к нам хорошо относились.

Особенно подружился с одним австрийцем, Алоиз его звали. Он до войны в Москве учился и по-русски хорошо говорил. Помню только, один немец, он парикмахером был, злобу на нас держал. Так я приду к нему бриться и боюсь - вдруг бритвой по горлу полоснет. А больше парикмахеров в станице не было. Пленных кормили лучше, чем нас. Я иногда заходил к ним покушать. У нас штат был: я, 8 девушек, повариха и двое рабочих, так нас кукурузой кормили. Я их еще так, без охраны, отпускал в лес, где они всякую травку-муравку собирали и потом ее готовили вкусно.

Потом, в 1946 году, их отправили домой, и я остался не у дел. Выучился на киномеханика и опять поехал в Вологодскую область. Устроился я на работу киномехаником в Тарноге. Ездил на кинопередвижке (машина, на которой был установлен киноаппарат) по деревням, показывал кино.

Перед началом каждого сеанса нам давали специальную брошюрку читать перед теми, кто кино пришел смотреть, о достижениях нашей промышленности и сельского хозяйства.

Приехал я как-то кино показывать в деревню Верхний Спас. Читаю им эту самую книжечку, а мужички говорят: «Ты нам давай не читай, мы сами это все знаем. Расскажи лучше, что ты там, за границей, видел, когда на войне был? Как там народ живет?» А я еще выпивший был, взял да и говорю: «Хуже, чем вы, нигде не живут». А перед сеансом еще с завклубом повздорил. Тот обвинил меня в том, что я деньги от продажи билетов присваиваю, и обещал на меня заявление написать. А его не любили в деревне.

Я когда ребятам про этот случай рассказал, они ему темную устроили. Он на меня бумагу написал про это, да еще добавил, что я против власти советской агитирую. Одно к одному получилось. Вот ведь бывает, язык режет человека хуже ножа. Через несколько дней пошел я товарища провожать в аэропорт в Тарноге. Он в Вологду летел, а я ему задание дал ролик привезти для аппарата, а то старый стал

пленку резать. Он ушел в аэропорт, а ко мне два мужчины в плащах подошли и спрашивают:

- Вы куда летите?

- Никуда не лечу, провожаю товарища.

Они мне руки раз назад, в наручники и в самолет. Сначала в Вологду, а потом в Ростов Ярославский. Судили по статье 58-10 (шпионаж). Нас пятеро было. Четверым дали смертную казнь, а мне 10 лет.

Следователь попался бывший фронтовик и научил. Говорит: «Ты все расскажи, как было и все признай». Я во всем и признался. Дали десять лет, лишили воинского звания и наград. Было это в 1947 году.

Отсидел 2,5 года в Воркуте на Халмер-Ю, а потом меня помиловали. Сестра помогла, Мария. Она врач была хороший и коммунистка, 22 года в Китае проработала, и муж-китаец тоже коммунистом был. Ездила в Москву, за меня хлопотала, и в 1950 году меня помиловали.

Остался здесь, на севере. Где только не работал. И в геологоразведывательной партии, на буровых, на УЭМЗе, 17 лет отработал в «Теплосетях» и в 1996 году вышел на пенсию.

Пробовал вернуть награды и воинское звание. Делал запросы в архив раз 5 еще при Советской власти. Ответили, что в таких случаях, как у меня, награды и звания не возвращают. Ладно, не за награды воевали. Главное, что победили, что живой вернулся.

Октябрь 2009 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказали помощь

Кониченко Дмитрий Сергеевич, *студент 1-го курса нефтегазопромыслового факультета Ухтинского государственного технического университета*

и

Карпов Евгений Евгеньевич, *журналист Издательского Дома «НЭП».*

Уляшев Михаил Егорович

После этого боя нас осталось семеро. Но плацдарм удержан

Я родился 19 октября 1919 года в селе Вольдино Усть-Куломского района Коми АССР, в семье крестьянина-середняка. После семилетней школы и краткосрочных курсов учителей начальных школ в августе 1936 года начал работать учителем в школах Усть-Усинского района Коми АССР и проработал до 1940 года. Одновременно учился заочно в педучилище (окончил его уже после демобилизации из рядов Советской армии в 1946 году).

В 1940 году был призван в Красную Армию. В период войны служил на разных фронтах. Вначале на Карельском, а потом на 2-м Белорусском, воевал в должностях младшего командного состава в артиллерийских частях. В 1940 году служил в Заполярье в гаубичном артиллерийском полку 14-й стрелковой дивизии, прикрывавшем границу протяженностью 8-10 км. Это был самый северный участок западной границы нашей страны.

На северной границе уже можно было догадаться о скором наступлении немцев, поскольку в Лапландии еще в январе 1941 года высадились фашистские войска. Через некоторое время немцы стали посылать разведчиков в

пограничные районы. Участились диверсионные акции. Так, например, в апреле немцы запустили на Кольский полуостров небольшое стадо оленей, зараженных сибирской язвой. К счастью, диверсия была вовремя обнаружена, оленей отстрелили, местное население и стада не пострадали.

18 июня через границу пролетел первый бомбардировщик. Летел очень низко, и наши зенитчики дали два предупредительных выстрела. А в ночь на 19 июня прозвучал сигнал тревоги – проводили боевые стрельбы, было приказано взять с собой все необходимое для многодневных учений вдали от расположения полка. Необычным было то, что на каждое орудие выдавали боекомплекты по 20 снарядов. Это вызвало у солдат настороженность. После этой ночи наша пехота и зенитчики расположились вдоль всей границы.

В три часа утра 22 июня полк подняли, объявив о нападении фашистской Германии на СССР. В первую неделю после официального объявления войны мы практически не воевали – погода не позволяла: шел мелкий моросящий дождь и стоял густой туман. На каменистых сопках бойцы заняли оборону. Враг долго ждать себя не заставил. В воздухе стали появляться вражеские самолеты, которые нещадно обстреливали дивизию. Вышли из строя гаубичные батареи и зенитно-пулеметные точки, погибли многие бойцы.

Наиболее ожесточенные бои развернулись при попытке немецкого корпуса «Норвегия» захватить Мурманск, но русские моряки Северного флота отстояли территорию. Дивизия прикрывала границу. Немцы пытались стремительным наступлением захватить наши порты и военно-морские базы. Шли тяжелые сражения в районе реки Западная Лица.

Для боёв на суше из моряков Северного флота было сформировано несколько отрядов морской пехоты. Вместе с пограничниками и стрелковыми дивизиями мы пресекли первые попытки горно-стрелкового корпуса немецко-фашистских войск захватить Мурманск и Полярный. Весной 1942 года войска Карельского фронта при взаимодействии с кораблями, береговой артиллерией и воздушными силами Северного флота провели наступательную операцию, чтобы сорвать наступление фашистов на Мурманск. Перед 14-й армией Карельского фронта была поставлена задача прорвать

вражескую оборону южнее Мотовского залива. Но войска, выступавшие от реки Западная Лица (35 километров восточнее Петсамо), не смогли прорвать вражескую оборону.

Несмотря на неудачу, активные действия Карельского фронта и Северного флота сковали значительные силы врага, вынудили перейти к обороне на мурманском направлении. В этих оборонительных боях я был контужен, однако после выздоровления снова вернулся на 2-й Белорусский фронт и продолжил службу в должностях младшего командного состава в артиллерийских частях.

Часть, в которой довелось мне быть, с 1943 года с ожесточенными, но победоносными боями пошла на Запад. Шаг за шагом, километр за километром освобождали мы выстрадавшую землю Ленинградской области, Белоруссии, Украины. Среди многочисленных сражений помнятся ожесточенные бои по освобождению городов Старой Руссы, Рославля, Минска, Каунаса, Риги, Мемеля (Клайпеды), Кенигсберга, Житомира и других. Дивизия на своем пути с боями форсировала реки Березину, Днепр, Неман.

Из боевых эпизодов. Вот один из них. Гитлеровцы предпринимают ожесточенные контратаки, чтобы хотя бы ненадолго отсрочить свою гибель, не дать возможность Советской армии развернуть боевые действия на территории Германии. Получен приказ о занятии плацдарма на Западном берегу реки Неман с целью обеспечения форсирования основных сил нашей дивизии через реку.

Под покровом ночи около 80 человек переправляются на намеченный рубеж за рекой. Укрепляемся и даем сигнал к переправе. Сначала все шло успешно. Но неожиданно, ведя огонь на ходу, на нас пошли 12 немецких танков и бронетранспортеров с пехотой. Сдерживаем натиск. Выходят из строя «сорокопятка», 76-миллиметровая пушка, 2 противотанковых ружья, миномет; кончаются пулеметные патроны. Редеют наши ряды.

Подкрепление и технику ждать неоткуда. Нас поддерживают артиллеристы с восточного берега. 9 или 8 танков и бронетранспортеров противника подбиты, один из них подбиваем гранатой. Враг не выдержал и отступил. После этого боя нас осталось семеро. Но плацдарм удержан. Началась массовая переправа войск.

Известие о Победе я получил, когда находился на датском острове Борнхольн. За личное участие в сражениях был награжден орденом Красной Звезды, двумя медалями "За боевые заслуги", а так же медалями "За оборону Советского Заполярья", "За Победу над Германией" и юбилейными наградами.

После демобилизации с 1946 по 1950 год работал в школах Кожвинского района, а с 1950 года в партийных органах. В 1951-1953 годах учился в Коми в областной двухгодичной партийной школе, которую окончил с отличием. Окончил также заочную Высшую партийную школу при ЦК КПСС, где основными учебными дисциплинами были история КПСС, философия и политическая экономия. С 1953 года работал в Усть-Усинском райкоме КПСС заведующим отделом пропаганды и агитации и вторым секретарем.

В 1959 году район был упразднен, и меня направили в Печорский горком КПСС, где работал лектором, заведующим отделом пропаганды и агитации, а потом секретарем по идеологической работе.

В 1962 году в связи с острым желудочным заболеванием (в результате частых и длительных командировок), после неоднократных просьб, получил перевод в Печорское речное училище, где работал завучем и вел занятия по обществознанию. Кроме того, по совместительству работал с заочниками Ленинградского водного института, преподавал историю КПСС. С 1967 года работал старшим преподавателем кафедры истории КПСС Ухтинского индустриального института (ныне – Ухтинский государственный технический университет). Помимо учебной работы, занимался просветительской деятельностью. За мирный труд награжден орденом «Знак почета». Как глава семьи воспитал двух дочерей – Надежду Михайловну и Веру Михайловну, обе – кандидаты технических наук, доценты Ухтинского государственного технического университета. В 1999 году защитил кандидатскую диссертацию внук Михаил Александрович, а в 2004 году - второй внук Василий Вячеславович.

Сентябрь 2009 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказали помощь студентки 1 курса факультета экономики и управления Ухтинского государственного технического университета

Дьяконова Анна Александровна

и

Маркова Екатерина Сергеевна

Фиронов Георгий Федорович

Буду жить и стану врачом

Я родился 30 апреля 1924 года в деревне Крутой Лог Курской области Новооскольского района. Мама и папа - крестьяне, работали на благо народа, приоритет отдавали, нам, детям. В 1925 году мы переехали в город. Отец отправлял меня летом в колхоз – не отдыхать, а работать. Авторитет отца, участника Гражданской войны, был для нас, а нас в семье было пятеро (я, три брата и сестра), непререкаем. Тогда, в счастливые 30-е годы, я увлекался спортом и играл в футбол за сборную Нового Оскола, участвовал в соревнованиях по бегу и лыжным гонкам. А между делом мечтал об авиации.

Год 1941-й стал для нашей семьи памятным вдвойне: весной скоропостижно скончался отец. Воспаление легких, осложненное менингитом. Врачи Новооскольской городской больницы ничем не смогли помочь. Личное горе заглушила надвинувшаяся общая беда.

В июне 1941 года мы играли в футбол на нашем новом стадионе. И вдруг зазвучал голос Левитана - внезапно пришла весть о войне. Мы затаили дыхание, все вокруг притихло. Мы все в один миг внутренне собрались и будто повзрослели.

Мне на тот момент едва исполнилось 17 лет, даже не удалось закончить 9 классов. Я и мои товарищи стали проситься на фронт, ежедневно штурмуя военкомат, но нас

вместе с учителями отправили в колхоз на уборку урожая. Урожай собирали до первого снега, работая всегда с печалью, слушали по радио вести о войне. Мы отдавали все силы труду, чтоб облегчить победу.

Я добровольно вступил в 126-й отдельный зенитный дивизион, оборонявший город, а через неделю под Воронежем я получил ранение в голову осколком от разорвавшегося снаряда, после этого попал в госпиталь. Врачи сказали, что с таким ранением служить в действующей армии нельзя. Когда меня выписали из госпиталя, я отправился к сестре в Казахстан. Там, недолго думая, пришел в военкомат. О ранении умолчал, благодаря чему был отправлен в Ташкентское пулеметно-минометное училище.

А весной 1943 года наша дивизия была направлена на формирование в воинскую часть, а после формирования заняли оборону в районе Курско-Орловской дуги. Я был претендентом на офицерское звание. Несколько месяцев наш взвод находился на передовой.

С 5 июля по 30 августа лишь только ночью была тишина, а так все время шли непрерывные сражения с участием танковых войск, артиллерии, пехоты, авиации, но даже ночью было не до сна, мы помогали перевозить снаряжение и продукты питания. На наш фронт приезжал сам маршал Жуков. Своим присутствием он вселял надежду на скорую Победу. Я помню, что тогда дней пять-шесть мы отступали по ночам, а потом начиналось наступление наших войск и изгнание противника, нашей целью было вымотать его силы.

Я бился за Орел и Белгород, но за несколько дней до их освобождения 30 июля 1943 года получил тяжелое ранение пулей в ногу и попал в госпиталь. Когда я пришел в себя, то увидел рядом стонущего солдата, у которого не было ног. Тогда я осознал, что сам лишился ноги. Это было тяжелое потрясение: в 19 лет стать инвалидом.

Передо мной встал вопрос: «Как жить дальше?» Даже за жизнь не хотелось бороться. А потом в госпитале увидел людей, таких же, как я, увидел, как они радуются жизни, и решил, что буду жить и стану врачом. После этого пошел на поправку. В госпитале я провел девять месяцев и выписался по собственной настойчивой просьбе. В мае 1944 года был демобилизован на инвалидность.

О Победе я узнал в родном Новом Осколе. Мы следили за новостями по радио. Ждали весть о Победе. 9 Мая 1945 года все люди вышли на площадь и плакали от радости, много слез было о тех, кто не вернулся, радость была за тех, кто остался в живых, радость оттого, что весь этот ужас закончился. Это было невероятное счастье оттого, что мы отстояли и победили. Мы гордились величием нашего народа и величие нашей страны, страны Сталина.

В 1946 году я, не закончивший девять классов, хотел учиться дальше. Стал искать вечернюю школу и добрался до Калининграда, от которого почти ничего не осталось. Нашел квартиру за 5-6 км от школы. Через некоторое время позвонил товарищ, живший в Латвии, и сообщил, что та школа, которую я ищу, находится напротив его дома. Я решил ехать к нему.

Приехав, поступил в школу и нашел работу, но выдержать 8 часовой рабочий день и занятия в школе было очень трудно. Сначала испугался, что я не смогу совмещать работу с учебой, но потом, поняв, что на войне были трудности намного сильнее, я научился совмещать работу с учебой. Так, не пропуская занятий, закончил 10 классов. Так как врачи вернули меня к жизни, я в благодарность решил стать врачом и помогать людям. После этого я старался не думать о своей инвалидности и во всем стремился быть наравне с другими.

В 1949 году поступил в Курский медицинский институт, в единственный в то время лечебный факультет. В 1955 году с отличием его окончил, стал врачом широкого профиля, и в августе 1955 года прибыл в Ухтинский район. Несколько лет я работал в Войвожской больнице. В 1971 году меня переводят в Ухту и назначают главным врачом городской поликлиники №1. В 1976 году я был назначен главным врачом городской больницы, что расположена в сосновом бору поселка Сангородок. Будучи ее главным врачом почти 22 года, много внимания уделял обходам: сегодня был невропатологом, завтра – терапевтом, послезавтра – хирургом. Все силы и знания свои и коллектива отдавали улучшению стационарной помощи, внедрению новых методов в диагностике и лечении больных во имя счастья и здоровья нашего населения.

После долгих стараний я все-таки добился открытия в Ухте Республиканского центра микрохирургии глаза, водогрязелечебницы.

В 1997 году, распрощавшись со своим коллективом, я перешел на работу в Управление здравоохранения города Ухты. Здесь в должности главного специалиста я курирую особую категорию граждан: ветеранов войны и труда, блокадников, узников концлагерей, афганцев, чернобыльцев, участников локальных конфликтов.

В 2005 году меня пригласили принять участие в главном параде Победы на Красной площади. Там пытался найти свою дивизию, но никого так и не смог найти.

Сейчас я живу в Ухте. У меня богатое наследие: три дочери, три внучки и четыре внука, есть правнуки. Но вспоминаю годы войны, и до сих пор наворачиваются слёзы на глаза.

Награды, звания:

- медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941- 1945 гг.» (1945 г.);
- орден Отечественной войны 1-й степени;
- юбилейные медали;
- медаль «За трудовую доблесть» (1966 г.);
- медаль «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» (1970 г.);
- орден Октябрьской революции (1971 г.);
- звание «Заслуженный врач Коми АССР» (1974 г.);
- значок «Отличнику здравоохранения» (1975 г.);
- медаль «Ветеран Труда»;
- звание «Заслуженный врач РСФСР» (1981 г.);
- Золотая медаль Советского Комитета защиты мира;
- звание «Почетный гражданин города Ухты» (1993 г.);
- Золотая медаль Российского Фонда защиты мира (1994г.);
- медаль И.И. Мечникова Российской Академии естественных наук;
- звание «Ухтинец века» (2000 г.);
- медаль «За воспитание студентов» (2004 г.);
- орден «Заслуженный сотрудник СГА» (2004 г.);
- знак «За заслуги перед Ухтой» (2009 г.).

Ноябрь 2009 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказали помощь студентки 1-го курса архитектурно-строительного факультета Ухтинского государственного технического университета

Рочева Илона Олеговна

и

Марченко Ирина Витальевна

Хлызов Пётр Васильевич

На груди остался лишь легкий синяк от пули

Я родился 16 сентября 1924 года в деревне Чернышевской Ленского района Архангельской области. По национальности - русский.

В детстве, сколько себя помню, всегда хотелось есть. Воспитывался я в многодетной крестьянской семье, в которой росло пятеро ребятишек. Школы у нас в деревне не было, я учился в начальной школе деревни Рябовская (до четвертого класса), которая находилась в двух километрах от нашей деревни. Потом, до седьмого класса, в школе Тесовой (которой сейчас нет), находившейся в шести километрах от деревни. Единственную работу, за которую платили деньги, можно было найти только на молевом сплаве в Литвино. Туда я и пошел работать, окончив семь классов.

О войне узнал спустя три дня после ее начала. Это сообщение не произвело на меня ошеломляющего впечатления: мне казалось, что это событие где-то далеко. Однако немного позднее осознание масштабов войны произошло в деревне: началась массовая мобилизация мужчин и техники из колхоза, нервозная суетливость людей, проводы с залихватскими песнями под гармонь, перемежаемыми рыданиями.

Тогда, в 1941 году, деревня наша проводила на фронт старшее поколение. Родные, друзья выходили из дома со слезами на глазах, зная, куда они идут и что такое война. А солдаты шли с улыбкой на лицах, снимая страх родных за свою судьбу. Но что у них было на сердце - один Бог знает. Невозможно без боли в сердце описать, как уходили люди на фронт, расставаясь с домом, семьей, детьми и думая о том, вернутся ли они когда-нибудь назад и увидят ли своих близких. Воздух наполнялся воплем, а страдания эхом отражались в воздухе.

В конце 1942 года я окончил курсы шоферов. До меня очередь призыва дошла лишь в 1943 году, так как ростом я был мал. Повестка в военкомат пришла зимой, да еще и с опозданием.

Дома особых проводов не устраивали: мама собрала мне котомку с сухарями, и проводили до околицы. Впереди меня ждала долгая дорога на лошади (60 километров) до сборного пункта. Там нас, новобранцев, определили в Молотовск (сейчас Северодвинск) в 12-й запасной артиллерийский полк. Здесь, на острове Ягры, мы выгружали американские теплоходы с продовольствием.

Потом, в числе таких же новобранцев, я был определен в Архангельск на курсы шоферов. Там нам выдали удостоверение шофера и поездом через Вологду направили под Горький, в Гороховецкие военные лагеря около Нижнего Новгорода. Здесь при 562-м минометном полку была сформирована автоколонна, и я стал одним из водителей «полуторок».

Перевозили мы все, что только было можно: орудия и боеприпасы, полевую кухню, солдат, и даже 120-миллиметровые минометы. Было невероятно тяжело не только из-за нервного напряжения, ежеминутной угрозы смерти, но и просто-напросто физически. Это был каторжный, но добровольный труд. Не каждый выдерживал нагрузки. С питанием всю войну дело обстояло плохо: солдаты недоедали почти всегда, в жарких боях целыми днями подчас глотка чего-то горячего, а то и просто куска хлеба не имели.

Да, тяжело было бойцам. Действительно, продержаться в боях месяц-другой, не быть убитым или раненым, было делом практически невероятным. Затем мы направились в

Молдавию. Там мы потеряли нашего начальника штаба. Дело было так: мы стояли в обороне, и начальник вел занятия; вдруг, откуда ни возьмись, снаряд полетел в тополь и убил начальника штаба, а нас чудесным образом не задело. Мы очень сожалели о такой потере. Похоронили его в Тирасполе и отправились дальше.

Также на войне погибли два моих двоюродных брата: Хлызов Иван Степанович, который погиб обороняя Брестскую крепость, и Хлызов Анатолий Иванович. За время войны я хорошо общался с Койгородцевым, Цветковым и Олешковым Иваном Андреевичем, но, к моему глубокому сожалению, он погиб.

И вновь возвращаюсь к воспоминаниям о службе. На войне я пережил мгновение, когда испугался так, как потом не пугался за всю оставшуюся жизнь, это случилось недалеко от Днестра, между Кицкань и Бендеры. Так вот, стояли мы, разговаривали, и вдруг что–то свистнуло. Послышался легкий стук о землю: оказывается, шальная «пуля-дура» вылетела. Я даже не почувствовал того, что она пробила мне шинель и рубашку, а мои товарищи увидели дырку в шинели, и на груди остался лишь легкий синяк от пули. Удивляюсь и по сей день, почему судьба была ко мне так милостива.

Победу мы встретили в Болгарии. Ее ждали долгих четыре года, и вот она пришла. Россия одержала победу в войне над фашистской Германией. И душа наша, несмотря на все горести и утраты, ликовала от счастья. Победа! Наша Победа! Это нельзя передать словами, можно только прочувствовать сердцем. Об этом дне хорошо поется в песне «День Победы». Эта песня – живая мысль народа, в которой выражается вся горечь войны и радость победы.

В Болгарии вместе со своим полком я находился целых два года, и за это время совершенно незнакомая мне страна стала почти родной. Я изъездил ее вдоль и поперек, хорошо ориентировался почти в каждом населенном пункте, не говоря уже о городах, я свободно говорил по-болгарски. Демобилизовался я из Болгарии в Молдавию в 1946 году, а из Молдавии - в родную архангельскую деревню в 1947 году. После войны я уехал в Сыктывкар и поступил в Лесной техникум. Закончил его с отличием. В 1958 году Лесной

техникум перебазировался в Ухту, и мы с женой Эмилией Никитичной переехали туда же.

После войны я долгое время не садился за руль автомобиля, потому что сразу накатывали воспоминания, а перед глазами стояло военное бездорожье. Позже, когда повзрослели дети, и у нас появилась возможность приобрести «жигулёнок», жена настояла: кто-то же должен в семье водить машину, чтобы возить семью на дачу. На том и порешили.

Сегодня же у вечного огня вспоминаются погибшие однополчане, отдельные имена и фамилии уже забылись, даже некоторые лица стерлись из памяти – ведь это было так давно. Но все же это была наша молодость, пусть грозовая, военная, страшная. Я был водителем, и машины того времени теперь кажутся смешными на фоне современных, мощных и комфортабельных. Но они верой и правдой служили нам, приближали Победу.

На памятной плите Шипкинского перевала, который идет от села Шипкино в Болгарии написано стихотворение, строки которого до сих пор остаются в моем сердце:

Вдали от русской матери земли,
Здесь пали Вы за честь отчизны милой.
Вы клятву верности России принесли
И сохранили верность до могилы.
Вас не сдержали грозные валы,
Без страха шли вы в бой святой и правый,
Спокойно спите русские орлы,
Потомки чтут и множат вашу славу.
Отчизна нам безмерно дорога,
И мы прошли по дедовскому следу,
Чтобы уничтожить лютого врага
И утвердить достойную победу.

Награды: медали «За отвагу», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «20 лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», « 50 лет Вооруженных Сил СССР», «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина», знак «25 лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», медали «30 лет победы в Великой

Отечественной войне 1941-1945 гг.», «60 лет Вооруженных Сил СССР», знак «За отличные успехи в средне-специальном образовании», медаль «Ветеран труда», орден Отечественной войны 2-й степени, «40 лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «60 лет Вооруженных Сил СССР», звание «Заслуженный работник науки и культуры Коми АССР».

Декабрь 2009 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказали помощь студентки 1-го курса архитектурно-строительного факультета Ухтинского государственного технического университета

Забелина Яна Олеговна

и

Сухарева Анна Сергеевна

.

Худяев Борис Николаевич

На защите Северной столицы

Я родился 3 октября 1923 г. в Сыктывкаре. Был обычным ребёнком: учился в общеобразовательной школе, параллельно - в детской художественной школе, дёргал за косички девочку Катю (но о ней - позже). В 1939 году окончил школу. А потом наступил 1941 год.

Меньше чем через месяц после того, как знаменитый диктор Левитан объявил по радио о начале войны, я добровольно вступил в ряды Красной Армии. Начинал участвовать в боевых действиях добровольцем.

Из «столицы Севера» в бой за северную столицу

Я ушёл добровольцем на фронт, когда мне было уже 18. На протяжении трёх лет я, коренной житель Коми, защищал Ленинград от гитлеровцев. Трижды был ранен. Но, видимо, мне везло. Многих моих однополчан ранило намного серьёзнее. Эта война оставила мне жизнь и "подарила" три ордена и четыре боевые медали. Но тогда я не знал, что Великая Отечественная повлияет и на мой выбор профессии после Победы.

Первый бой и контузия

Когда меня везли в Вологодское военно-инженерное училище, я понятия не имел, что судьба практически на всю войну свяжет меня с Ленинградом. Так получилось, что в училище мы опоздали: там уже начались занятия и были укомплектованы все подразделения. Меня в числе 10-12 человек направили в Ленинград. Так я первый раз оказался в Казацких казармах, городском призывном пункте.

После того, как нас, ничего не знающих о войне мальчишек, распределили по воинским частям, я попал в десантную роту 42-го танкового полка, где мне сразу выдали винтовку, гранаты, патроны, противогаз, малую саперную лопатку, то есть полностью обмундировали. После этого начались занятия по боевой и строевой подготовке, инженерному делу, изучению устава. Эту школу я, как и многие другие, окончил экстерном – за 10 дней.

В июле 1941 года шли сильные бои в Прибалтике, немцы успешно продвигались к северной столице, несмотря на то, что Красная Армия оказывала упорное сопротивление. Гитлеровцам удалось там пройти: в Прибалтике много националистов, которые их поддерживали.

Роту из 78 человек, в составе которой был я, бросили в небольшой населённый пункт между Нарвой и Кингисеппом. Мы заняли оборону на опушке леса, ближе к шоссейной дороге, наша задача была ее перекрыть. В это время бои шли в Нарве и под ней. Мы вырыли окопы и сделали блиндажи, танки оставили в лесу.

Уже на второй день произошёл первый бой. Немецкая механизированная группа (на мотоциклах и бронированных автомашинах) стала прорываться к Кингисеппу по этой дороге. Наши приняли бой, атакующую группу противника заставили отступить, и на этом сражение прекратилось. После этого немцы открыли миномётный обстрел русских позиций. Длился он не долго. Однако уже часа через четыре начался сильный артиллерийский миномётный налёт, после которого немцы под прикрытием на 300 метров растянутых по фронту танков пошли в наступление. Но им вновь пришлось отступить…

Ночь прошла более или менее спокойно, а семь утра начался миномётный обстрел. Прилетели немецкие «Юнкерсы» и начали бомбить наши позиции. Потом под прикрытием танков пошла немецкая пехота. На помощь нам пришёл артиллерийский дивизион. Всё чего добились немцы - на 200 метров приблизились к позиции красноармейцев.

В этот же день во время второго налёта «Юнкерсов» меня впервые ранило. Я и ещё четверо солдат находились в одном из блиндажей, в край которого попала бомба. Блиндаж обвалился. Один человек погиб, четырёх ранило. Меня контузило. Из носа и ушей шла кровь, глаза засыпало землёй, я ничего не видел. Кто-то из фляжки на руку налил воду, чтоб я умылся, но это не помогло.

На бортовом «газике», который подвозил снаряды, раненых отвезли в Пушкин, в полевой госпиталь. Оттуда – в Ленинград.

Блокада

В госпитале я узнал, что немцы прорвались в Криково, оттуда пошли на Ломоносов, а потом неожиданно оказались в Урицке, а это уже почти Ленинград.

На лечении в госпитале я пробыл ровно десять дней, объём крови быстро восстановился, но с глазами и со слухом оставались некоторые затруднения. Меня направили в Казацкие казармы (опять!), а через пять дней я попал в 34-й отдельный батальон сапёров-миноискателей. Мы изучали мины (противопехотные, противотанковые, «лягушки»), нас учили, как правильно их заряжать, разряжать, маскировать. К тому времени мы начали строить вокруг Ленинграда линию обороны.

Зима 1941-1942 гг. оказалась самой тяжёлой. Хорошо помню, стояли сильные морозы, солдаты находились на посту не больше 30 минут. Правда, одевали нас хорошо: ватные брюки, телогрейки, валенки, шапки-ушанки, тёплое нижнее бельё. С питанием было хуже (с 4 сентября 1941 года Ленинград уже был в блокаде). Кушали утром и вечером жидкий суп из концентратов. Ходили полуголодные. Хлеб давали по 800 граммов в сутки, когда были на передовой, и по 400 граммов, когда уходили на отдых.

Так продолжалось до 18 января 1943 года. Тогда советские войска впервые прорвали блокаду в районе 6-го посёлка. Войска Ленинградского и Волховского полков встретились. Мы же оставались в районе Арбузово, где блокаду прорвать ещё не удалось, немцы там хорошо укрепились и успели подтянуть резервы.

При переправе на Невский пятачок меня ранило в спину. Осколок пробил толстый кожаный ремень и упёрся между двумя позвонками. Я почувствовал боль, только когда стал двигаться. Медсестра подошла, спросила, что со мной, я объяснил. В землянку заполз, снял полушубок, она начала смотреть, сказала: «Тебе повезло», аккуратно пинцетом вытащила осколок, залила йодом и заклеила пластырем. В госпиталь я не пошёл. Зажило за неделю.

Разведка и противопехотная мина

В августе 1943 года меня перевели в разведку. Задание наблюдать за обороной гитлеровцев я, будучи в группе прикрытия, получил 17 августа. Через три дня группы захвата и прикрытия пошли брать «языка». Ребята задание выполнили, схватили немца, кляп ему воткнули и потащили к себе. Гитлеровцы опомнились только когда наши были уже у себя в траншее. Я до неё не дополз метров 30-40 и нарвался на противопехотную мину.

У немцев были ротные миномёты. Это ещё та гадость, страшное дело. Небольшие мины (15-20 сантиметров), которые бьют точно. Их осколки летят не вверх, а параллельно земле, за счёт чего у них большой радиус поражения. Скорострельность их ротных миномётов была высокой. Раздался взрыв, меня отбросило. Боли не почувствовал, только подумал, что, наверное, оторвало ноги. Меня нашли мой товарищ Ваня Агейков и медсестра Дуся. Успокоили, что ноги на месте, и оттащили в безопасное место. Отправили на операцию в госпиталь, где я провёл пять месяцев, из которых 30 дней лёжа, 90 – на костылях, а оставшееся время проходил с палочкой.

После выписки меня направили сначала в запасной полк выздоравливающих, потом в 275-ю истребительную авиационную дивизию. Вскоре я оказался в Эстонии в 191-м

полку, потом в 14-м гвардейском укладывал парашюты, после чего, наконец, был переведён в город Хаапсалу в штаб на должность помощника дежурного офицера командного пункта дивизии. Там я прослужил до середины марта 1946 года.

Профессия – синоптик

Затем, как особо отличившегося, меня отправили учиться в Московское военно-авиационное училище связи. После его окончания я стал военным синоптиком.

Ненадолго вернувшись в родной Сыктывкар, я женился на той самой девочке Кате, которую некогда дёргал за косы. Вскоре, по распределению молодых, меня отправили на Камчатку. Дорога дальняя была, трудная. Плыли из Владивостока на корабле, мою жену, Екатерину Худяеву, всю дорогу тошнило.

На Камчатке нас ждали «избушки на курьих ножках». Однако жили очень хорошо, дружно, растили дочь Машу, икру красную прямо ложками ели. После шести лет жизни на Камчатке нас отправили в Туркмению, а затем на Украину, в Молдавию.

А потом мне надоела кочевая жизнь, я уволился из армии. Вернувшись в Сыктывкар, работал в ДОСААФе командиром-инструктором, обучал снайперскому делу ребят-призывников (сам мог поразить чайное блюдце на расстоянии 300-350 метров). Потом работал в отделе кадров сыктывкарской отдельной аэрогруппы, после чего мне предложили должность начальника штаба ухтинского отряда. С тех пор моя жизнь связана с «жемчужиной Севера», несмотря на то, что впоследствии мы с супругой долго жили в эстонском городе Тарту.

Мы уехали оттуда в середине 1990-х, потому что к русским местные жители стали относиться совсем плохо. Уже более 10 лет мы живём в Ухте, гордимся успехами дочери, внучек, правнуков. И всегда с радостью ждём их в гости.

Награжден: орденами Боевого Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны 1-ой степени, медалью «За отвагу», медалью Жукова, 2 медалями «За боевые заслуги», медалью 300 лет Ленинграду и др.

Июнь 2009 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказали помощь

Бажуков Владимир Николаевич*, студент 1-го курса нефтегазопромыслового факультета Ухтинского государственного технического университета*

и

Морозова Эльнара Фархадовна*, журналист Издательского Дома «НЭП»*

Чураков Александр Митрофанович

Рискуя жизнью давать связь

Я родился 4 декабря 1925 года в деревне Мерзляки Кирово-Чепецкого района Кировской области. Национальность – русский.

С января 1943 года по июнь 1945 года был членом ВЛКСМ. С июня 1945 года по 1991 год – член КПСС. В настоящее время беспартийный, член президиума Ухтинского городского совета ветеранов (пенсионеров) войны и труда, вооруженных сил и правоохранительных органов. До войны, в 1940 году, закончил 7 классов неполной средней школы и начал работать в колхозе на общих работах по месту жительства. Жили вдвоем с матерью. Отец умер в 1932 году. Старший брат проходил в армии срочную службу.

Узнал о начале войны 22 июня 1941 года, находясь в своей деревне. Известие о начале войны привез на лошади посыльный из сельского совета депутатов трудящихся, в день, когда жители деревни отмечали местный праздник «Мольба». Я в это время работал колхозником, мне шел 16-й год.

В декабре 1941 года решением правления колхоза был направлен на учебу в школу фабрично-заводского обучения (ФЗО), которая находилась в городе Кирове и готовила мастеров по специальности «столяр». Закончил учебу в школе ФЗО в июне 1942 года, получил специальность столяра и был

оставлен работать в школе помощником мастера производственного обучения. В этой должности работал до конца декабря 1942 года.

24 декабря 1942 года по собственному заявлению был призван в Орджоникидзевское военное училище связи, которое в то время располагалось в семи километрах от города Пензы. Здесь я проходил обучение до июня 1943 года. В связи с напряженной обстановкой на фронтах Великой Отечественной войны, в частности, на Орловско-Курской дуге, большинство курсантов были отчислены из училища и направлены в различные воинские подразделения. Меня направили для дальнейшего прохождения воинской службы в Горьковскую военную школу радиоспециалистов. За три месяца обучения получил специальность радиста радиостанций средней мощности с присвоением воинского звания «ефрейтор». В сентябре 1943 года в числе других курсантов школы был направлен в действующую армию.

В первых числах октября 1943 года прибыл в 5-й гвардейский Зимовниковский механизированной корпус, входящий в состав 5-й танковой армии, располагавшийся недалеко от г. Харькова, и был зачислен радистом минометного батальона. Командиром батальона был капитан Петров, командиром бригады – полковник Носков, командиром корпуса – генерал-майор Ермаков, командующий 2-м Украинским фронтом – маршал И.С. Конев.

С октября 1943 года по 9 мая 1945 года в составе этого корпуса служил радистом минометного батальона. Участвуя в сражениях корпуса, прошел от Харькова до Берлина и Праги. Наша часть принимала участие в освобождении Украины, в форсировании Днепра, в окружении и разгроме немецких войск в районе Корсунь-Шевченковского, в боях на территории Польши, в форсировании Одера, в окружении Берлина, в разгроме немецкой армии под командованием Венка, рвавшейся на помощь Берлину, и в освобождении Праги. Корпус, в котором мне пришлось пройти боевой путь, несколько раз выходил из районов боевых сражений для пополнения личного состава и боевой техники. В моей памяти не остались точные даты этих выходов, не запомнились и названия населенных пунктов, через которые пришлось пройти.

Моя непосредственная служба в действующей армии началась в Полтаве в первых числах октября 1943 года, когда я прибыл в минометный батальон. Там мне объявили, что я буду обслуживать радиостанцию типа «РБ» (радиостанция батальонная) в должности радиста, осуществлять связь батальона с вышестоящим подразделением – 11-ой бригадой. Начальником радиостанции был сержант Виктор Пониткин, который ознакомил меня с правилами обслуживания радиостанции и моими обязанностями.

Корпус продвигался с боями местного значения к Днепру, который мы форсировали в районе Мишурина Рога в середине октября, и сразу после форсирования двинулся в направлении Кривого Рога. В двадцатых числа октября, не доходя до Кривого Рога километров 35-40, корпус был остановлен превосходящими силами противника, в результате боевых действий понес большие потери в личном составе и в боевой технике и вынужден был отступить.

У нас была сильно повреждена радиостанция. Из восемнадцати минометов батальона осталось целыми всего шесть.

В конце октября корпус был выведен на пополнение. После месячного перерыва, в ноябре, корпус вышел в район города Кировограда на линию фронта и приступил к военной операции по освобождению Украины в составе 5-й танковой армии под командованием генерала Ротмистрова. С боями, продвигаясь на запад, освобождая населенные пункты, неся потери личного состава, в конце января 1944 года мы узнали, что находимся в районе Корсунь-Шевченковской группировки немецких войск. Непосредственно у Иван-города.

Период ноября-января был очень тяжелым испытанием для всего личного состава, участвующего в этом наступлении. Осенне-зимняя погода: дожди, заморозки, бездорожье, а также окопы, обстрелы, бомбежки. Все это сильно отразилось на здоровье и самочувствии. Наша радиостанция, которая была повреждена в боях под Кривым Рогом, оказалась недействующей, а другой нам не дали. Нам, радистам, пришлось выполнять обязанности телефонистов: прокладывать телефонные линии и устранять повреждения под обстрелом противника в любую погоду и в любое время суток – рискуя жизнью.

В районе Иван-города наша 11-я гвардейская бригада, в том числе и минометный батальон, находилась до полной ликвидации окруженной группировки немецких войск. В связи с большой потерей личного состава мотострелковые батальоны пополнялись военнослужащими из других подразделений бригады. Я, в их числе, был направлен во 2-й мотострелковый батальон в качестве телефониста, где и выполнял эти обязанности до конца февраля.

Во время этих боев я был контужен. Снаряд попал в соседний окоп. Меня полностью засыпало землей, в результате этого я продолжительное время плохо слышал. От своих обязанностей не был освобожден.

В боях на этом участке было несколько случаев, когда я оказывался в трудных ситуациях. При прокладке телефонной линии к наблюдательному пункту мы попали под обстрел передовых позиций немцев. В результате был убит командир разведвзвода и два разведчика, мне посчастливилось остаться невредимым. Был такой случай: при сматывании провода телефонной линии я был замечен немцами и по мне открыли пулеметно-автоматный обстрел. И тут мне повезло, я, двигаясь по-пластунски, смог вытянуть и смотать провод. Провод был все время в дефиците. Опасно было ходить на устранение повреждений в ночное время. У нас было два случая, когда телефонисты уходили и не возвращались, и днем их на линии не обнаруживали.

После завершения боевых действий в районе Корсунь-Шевченковска наш корпус продолжал проводить боевые операции по освобождению правобережной Украины.

В марте корпус вышел на отдых и пополнение своих рядов и техники. Наша 11-я бригада расположилась в населенном пункте Бинское. И только в октябре 5-й корпус продолжил свой боевой путь уже на территории Польши, в составе 4-го Украинского фронта под командованием генерала Петрова. Корпус вел наступление на Сандомирском направлении. Я продолжал выполнять обязанности радиста, у нас в батальоне к этому времени появилась радиостанция, которая располагалась в автомашине. Конечно же, во время сражений с радиостанцией на плечах приходилось выходить на наблюдательные пункты. Были обстрелы, бомбежки,

трудности продвижения на наблюдательные пункты и пребывания там.

Больше запомнились бои на Берлинском направлении, в форсировании Одера в апреле. В этой кампании наш корпус входил в состав 1-го Украинского фронта под командованием маршала Конева. Во время боев я остался один на радиостанции. Старший радист Снегирев был ранен и отправлен в госпиталь, начальник радиостанции Пониткин был назначен командиром взвода связи в связи с ранением командира взвода лейтенанта Гунько. Мне был дан в помощники освобожденный из плена (бывший радист), который не мог самостоятельно обслуживать радиостанцию из-за отсутствия необходимого опыта. Поэтому до самого окончания войны мне отдыхать приходилось только урывками.

Одер наш корпус форсировал в первых числах апреля. Сразу же завязались жестокие бои на Зееловских высотах. К южным окраинам Берлина корпус подошел 27 апреля и сразу же был направлен на юг, на встречу немецких войск под командованием генерала Венка, двигающихся на помощь Берлину. В боях на Берлинском направлении и с армией Венка наш взвод связи общей численностью 24 человека понес потери убитыми – 3 человека, ранеными – 11 человек. В сражениях с армией Венка, находясь на наблюдательном пункте, располагавшимся на чердаке дома, при попадании снаряда в крышу, были ранены 2 телефониста.

6 мая корпус был направлен на помощь Праге, где тоже были жестокие бои, и 7 мая мы встретились с немецкими войсками.

8 мая корпус подошел к Праге. На этом для меня война закончилась. Минометчики, в том числе и я, в Прагу не входили. Нашей 11-й гвардейской механизированной бригаде за участие в боях по окружению Берлина было присвоено наименование «Берлинская».

После 9 мая наш корпус находился недалеко от Праги до июня 1945 года. Занимались пленением власовцев. В конце мая или начале июня корпус на своем транспорте через Германию и Польшу прибыл на Украину в район Львова. Там мы находились до ноября 1945 года, проводили операции по

ликвидации бандеровских банд. В памяти не осталось наименований населенных пунктов и дат.

Войну я закончил в должности старшего радиста в воинском звании младшего сержанта. В начале ноября 1945 года корпус погрузился в железнодорожные вагоны и в том же месяце прибыл на станцию Мары Туркменской республики, где я и прослужил до марта 1950 года. Демобилизовался в звании старшины, в должности начальника радиостанции. После военной службы продолжительное время исполнял обязанности командира взвода связи.

Демобилизовавшись, поехал в Киргизию, город Нарын, где устроился на работу в должности начальника связи областного управления водного хозяйства. Были переезды и перемещения по службе в республике Киргизии.

В 1960 году заочно закончил Ташкентский политехникум связи по специальности радиотехника. В 1961 году с семьей переехал на постоянное местожительство на север, в город Воркуту. В 1967 году был переведен с повышением по должности в город Ухту, где и проживаю в настоящее время.

Награжден:

- орденом Красной Звезды, Б № 114746, № 2831379;
- медалью «За отвагу», А № 070729, № 2580446 20.11.46 г.;
- медалью «За взятие Берлина», Б № 111019, 28 мая 1946 г.;
- медалью «За освобождение Праги» А № 201897, 28 мая 1946 г.;
- орденом Отечественной войны второй степени № 4788630, 14.03.85 г.;
- медалью Жукова А № 0020606 19.02.1996 г.;
- 12 юбилейными медалями.

Награды за трудовую деятельность:

- орден Трудового Красного Знамени, №566685, указ от 20.11.1971 г.;
- медаль «Ветеран труда» от 4 мая 1981 г.;
- медаль «100 лет со дня рождения В.И. Ленина» от 2 апреля 1970 года.

Награды за боевые подвиги мне были вручены в послевоенный период во время службы в армии командиром 11-й гвардейской Берлинской, орденов Кутузова и Богдана

Хмельницкого бригады, гвардии полковником Носковым, в которой я прошел боевой путь и в которой служил в послевоенный период до марта 1950 года.

Орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За взятие Берлина» и «За освобождение Праги» я был удостоен за заслуги, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками при выполнении возложенных на меня обязанностей, о которых я писал на предыдущих страницах.

В войне погибли мои родственники: дядя Федор Глызин 1907 г. рождения; дядя Степан - 1898 г.рождения; двоюродный брат Николай Шатунов - 1923 г.рождения.

Вернулись живыми: мой старший брат Василий (1920 года рождения, с двумя ранениями, инвалидом 2-й группы, сержант, награжден медалями «За отвагу» и «За победу над Германией», умер в 1998 году); двоюродные братья: Михаил Шатунов (1925 года рождения, награжден медалями «За отвагу» и «За победу над Японией», умер в 1981г.), Александр Лялин (1927 года рождения, награжден медалью «За боевые заслуги» и медалью «За победу над Японией», умер в 2004 году), Василий Чураков (1918 года рождения, награжден орденом Красной Звезды, медалью «За победу над Германией», умер в 1992 году), Виктор Чураков (1920 года рождения, награжден орденами Отечественной войны и Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги» и «За победу над Германией», майор, умер в 1997 году); дяди: Евлампий Гырдымов (1910 года рождения, награжден орденом Отечественной войны, медалями «За боевые заслуги» и «За победу над Германией», воинское звание майор, умер в 1975 году), Федор Лялин (1895 года рождения, награжден медалями «За отвагу» и «За победу над Германией», умер в 1977 г.), Алексей Шаклеин (1905 года рождения, награжден орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу» и «За победу над Германией», умер в 1974 году).

Других данных о погибших и вернувшихся после войны не имею. Со многими из родственников до войны и после войны встречаться не приходилось, так как жили в разных местах. Из вернувшихся с войны родственников в живых сегодня никого нет.

После выхода на пенсию в 1982 году начал заниматься общественной работой. Был избран председателем совета

ветеранов конторы связи ОАО «Ухтанефтегазгеология». После ее ликвидации был избран председателем совета ветеранов ОАО «Ухтанефтегазгеология». В настоящее время являюсь членом президиума городского совета ветеранов. Принимаю участие в работе по патриотическому воспитанию молодежи.

Апрель 2009 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказали помощь студентки 1-го курса факультета экономики и управления Ухтинского государственного технического университета.

Скуднова Ирина Александровна

и

Долгодворова Кристина Александровна

Шарагин Михаил Агафонович

Моя самоходка была назначена головной

Я родился 14 июня 1923 года в д. Городок Петелинского района Рязанской области. По национальности - русский. До войны окончил 9 классов средней школы, после чего проработал год в колхозе. О начале войны я узнал по радио.

Меня призвали в армию 29 октября 1941 года. Я был направлен на учебу в пехотную полковую школу в городе Арзамасе.

По окончании школы мне присвоили звание сержанта и оставили в штате этой школы в должности командира отделения. Успел произвести только один выпуск младших командиров. На втором выпуске всех штатных командиров отправили в город Горький, где формировалась 69-я танковая бригада. В состав мотострелкового батальона этой бригады была включена впервые созданная так называемая танкодесантная рота. Состояла она исключительно из младших командиров. Я был назначен командиром отделения. А дальше - фронт.

25 августа 1942 г. 69-я танковая бригада прибыла под Сталинград в район деревни Ерзовка. Танковые батальоны включились в дела боевые, а танкодесантная рота у комбрига подполковника Агафонова, видимо, была на особом положении. Нас приберегали для более серьезных дел.

Дважды рота отражала атаки немцев, а 18 сентября 1942 года участвовала в наступлении. Там мне удалось уничтожить одного фрица-пулеметчика, подорвав его гранатой РГ-42 прямо в окопе. Танковая бригада понесла значительные потери и была отведена на пополнение. Затем ее перебросили к Дону. Велась подготовка к Сталинградскому сражению, и меня назначили командиром пулеметного взвода. Но за 9 дней до сражения меня с фронта откомандировали в Чкаловское танковое училище самоходной артиллерии, которое я окончил в 1944 году 12 февраля, с общей оценкой «отлично». Мне было присвоено звание «младший лейтенант», и в должности командира самоходки СУ-76 я был отправлен на фронт. Нас было 10 «младших» на целых две батареи.

В конце апреля 1944 года прибыли в действующую армию, в район города Ковель. Направили нас на пополнение 12-й самоходной артиллерийской бригады 69-й армии 1-го Белорусского фронта. В первые дни прибытия на фронт где-то недалеко от реки Турья, в районе населенных пунктов Кустичи и Дулибы, состоялся огневой бой с противником, окончившийся для моего экипажа благополучно.

В вышеупомянутой бригаде воевал до окончания Великой Отечественной войны. Принимал участие в трех последних фронтовых операциях: «Багратион», Висло-Одерской и завершающей Берлинской.

Был награжден двумя орденами. Потерял три самоходки. Из экипажа самоходки двое были убиты: механик-водитель и заряжающий; тяжело ранен второй механик и легко третий. Получил два легких ранения, не выбывая из строя. По окончании Великой Отечественной войны переведён в танкисты, назначен командиром танкового взвода танков Т-34-85 и переведён в 91-й гвардейский полк 28-й гвардейской механизированной дивизии. Каждый фронтовой боевой эпизод – рассказ отдельный.

Под Ерзовкой

В первых числах сентября 1942 года 6-я немецкая армия клином через деревню Ерзовка подошла к Волге и отрезала Сталинград. 18 сентября из района балки Солдатская нашим войскам дали приказ этот клин отрезать. И я принимал участие

в этом деле, но уже как автоматчик. Нас подняли по тревоге, где-то немцы прорвались к нашим позициям.

Пошли мы от балки до балки, по полю. Немцы стреляют, пули свистят, но никого не задели.

Подбежали к небольшому оврагу, смотрю, а впереди деревня, пригляделся, а это танки взорванные, поле сражения. Это была нейтральная полоса, а немцы среди этих танков засели и вели обстрел наших позиций из минометов. Вот я в этом овраге с другими бойцами сидел, оборона у нас «жидкая», один станковый пулемет и нас несколько человек. Двое, из нашей роты, были бывалыми вояками, несколько раз принимали участия в боях. Вот они все время прятались, не высовывались, мы брали пример с них.

Два человека встали за пулемет, один такой здоровый, а другой маленький, подносчик патронов. Начали вести ответный огонь. Я высунулся и сижу, смотрю, мне вояки кричат, чтобы я пригнулся, а я то что, смотрел ведь фильм про Чапаева, он там от пуль не прятался. Как у меня под носом пули в землю вошли, песок отлетел и мне все лицо исцарапал. После этого я стал осознавать опасность и начал пригибаться. Потом наше укрытие стали обстреливать из минометов. Мы немедленно пригнулись, но снаряд попал в овраг. Подносчик, бедняга, только подлетел с раскинутыми в стороны руками и упал, ему, оказывается, оторвало обе ноги, он бледный, полуживой лежит и молчит. Но немцев позже прогнали, хотя они и укрепились там неплохо.

На плацдарме за Вислой

Июнь 1944 года. Фронтовая операция под кодовым названием «Багратион». Польша. Плацдарм за Вислой.

Немцы предприняли попытку сбросить русских с плацдарма и немного потеснили наши первые подразделения и вышли в соприкосновение со второй линией нашей обороны, где находилась самоходная артиллерийская батарея, в которой я воевал в составе командира самоходки СУ-76.

Непонятная обстановка сложилась – бой затих, но впереди нет ни наших, ни немцев. Я находился на правом фланге батареи. До ближайшей самоходки не менее трехсот метров. Справа своих тоже нет (точнее, я их не вижу). Кроме

экипажа, с нами было два автоматчика. Готовимся к обороне. Самоходка в капонире, выкопано несколько одиночных окопов недалеко от самоходки. Наводчика отправил к автоматчикам для усиления круговой обороны. У орудия я остался с заряжающим. Через какое-то время впереди, но далеко справа, я увидел цепочку передвигающихся немецких солдат. Они двигались к косогору, чтобы обойти нас справа. У горки собралась уже небольшая группа, но немцы все продолжали подходить.

Надо стрелять, но орудие не повернуть на цель, так как она в узком капонире. Я кричу на механика-водителя и требую любым способом развернуть самоходку в сторону цели. Видимо, с божьей помощью это удалось сделать. Открываю беглый огонь, и после четырех выстрелов выждали, когда рассеется дым и будет видна наша «работа». Когда дым рассеялся, мы увидели итоги нашей «работы». На том месте, где толпились немцы, теперь валялись убитые. Остальных не видно. Произвел еще насколько выстрелов по тем местам, где могли укрыться немцы. Потом просидели всю ночь в ожидании атаки немцев, но она так и не произошла.

В середине следующего дня с автоматчиком по фамилии Фридман, сползали к тому месту, по которому вели огонь. Там валялись 12 трупов. При этом 8 или 9 были уничтожены первым снарядом, угодившим прямо в толпу, а остальные трое или четверо погибли после, от других снарядов.

Находка

Когда мы приехали на фронт, 1 мая 1944 года, нас послали провести разведку боем. Моя самоходка с еще несколькими поехали вперед. Завязался бой. Ничего непонятно. Где свои? Где чужие? Куда стреляем? Все в дыму, кругом взрывы. Мы постреляли, слышу команду «назад». Мы развернулись и поехали обратно. Две самоходки фрицы подбили, а одна самоходка завязла в грязи, выехать не получалось. Тогда экипаж этой машины вылез и побежал в лес. Когда в июне началось генеральное наступление, техники пошли осматривать местность может где-нибудь можно что-нибудь снять с самоходок. Вот они и нашли эту целую самоходку, поставили в нее аккумулятор, она завелась.

Экипаж самоходки судили. Младшего лейтенанта Коновалова разжаловали в рядовые и отправили в штрафной батальон. Он при бегстве с самоходки кинул в нее гранату, но она ничего не повредила. Судили только Коновалова, остальным никаких предъявлений не было.

Таран

Впервые в жизни видел, под Сталинградом, таран самолета «Юнкерса» нашим летчиком. Летела туча «Юнкерсов», бомбить летели, как только сбросили бомбовый груз, давай назад, а им на перехват полетели наши истребители. Завязался бой. Наш, значит, заходит на немца сзади – стреляет, не попал, видно, еще раз зашел – опять не попал, а потом смотрю, заходит третий раз, но уже не стреляет, а снизу, под хвост, подлетает и прямо носом таранит в хвост. «Юнкерс» пролетел немного еще и вниз начал падать, и наш самолет за ним, так на землю и упали грудой металла. Но летчики успели, конечно, катапультироваться, вижу, как несколько черных точек вниз падают…

Еще был случай, на моих глазах сбили наш самолет-истребитель. Летит, а за ним черная полоса дыма; летчик выпрыгнул, а парашют не раскрывается, видно, был повреждён, стропы скрутились, и парашют не разворачивается. Летчик так и упал на землю, разбился, конечно.

Танк «Мамонт»

Май 1945 года. Наша бригада некоторое время базировалась недалеко от городка Цоссен, в двадцати километрах от Берлина. Наш батальон был размещен в местечке, называемом «штамплагерь». Это ряд одноэтажных зданий барачного типа с высокими остроконечными крышами из железобетона толщиной 25-30 см. В бараках обширные помещения. В каждом помещении стояли огромные сейфы по размеру железнодорожных контейнеров. Все контейнеры были вскрыты нашими военными. На территории «штамплагеря» на глубине 3-5 метров находились штреки с бетонным креплением. По одну сторону штрека устроены большие

камеры (размером 6х8х4 метра), в которых на специальных стеллажах хранились архивные материалы, с которыми работали советские специалисты. Дальше этих комнат, работавшие там люди, меня не пускали.

В сосновом лесу, недалеко от бараков, стоял огромный танк, доселе невиданный. Танк был взорван. Разрушено трансмиссионное отделение. Сорванная взрывом башня со спаренными пушками воткнулась в землю, а другой стороной башня опиралась на танк. С танком работали советские специалисты. Они снимали внутренние детали и укладывали их в ящики. Эти ребята близко к танку меня не подпускали, но я поспрашивал их о нем. Узнал следующее: танк назывался «Мамонт». Всего за войну немцы выпустили три таких танка. Где два других неизвестно. Танк «Мамонт» - передвижная крепость, весом более 120 тонн. В башне спаренные пушки, 120 мм и 75-мм калибра, 2 пулемёта. Ширина гусеницы 110 см. Каждую гусеницу тянет свой мотор фирмы «Maybach». Танки нигде не применялись, так как не было мостов, которые могли бы выдержать его вес.

Первая награда

Висло-Одерская фронтовая операция 1-го Белорусского фронта началась 14 января 1945 года с плацдарма за рекой Висла. На третий или четвертый день наступления первому самоходному артиллерийскому отделению батальона 12-й самоходной артиллерийской бригады 69-й армии было приказано выйти в прорыв с задачей (мне так помнится) перекрыть Радомско-Варшавское шоссе. Моя самоходка была назначена головной. Начальник штаба батальона капитан Васин кратко ознакомил меня с поставленной задачей и маршрутом движения. Маршрут пролегал по заснеженной местности, минуя населенные пункты. Вел самоходку сам начальник штаба батальона капитан Васин. Колонна самоходок в количестве 19 штук с десантом на борту шла по нашему следу.

Перед рассветом достигли заданного района. За ночь было пройдено большое расстояние (100-150 км, точно не знаю). Возникла необходимость произвести пешую разведку в сторону дороги, которую надо было перекрыть батальону.

Начальник штаба, я и откуда–то появившийся с нами старшина приступили к выполнению задания.

Не без происшествий мы вплотную приблизились к дороге со стороны леса. Дорога была переполнена массой машин, подвод, саней и прочих видов транспорта. Преобладали военные. Я высказал начальнику штаба свое мнение о том, что в данный момент надо развернуть батальон и ударить по немцам. Сразу получил ответ: «Одна нога тут, другая там. Доложи комбату обстановку. Он примет решение». Побежал назад по нашему следу. Отбежав метров 200-300, я увидел двух немецких солдат, следовавших в том же направлении, в котором двигался я. Я принял решение идти на сближение с намерением взять в плен или уничтожить. Когда приблизился на расстоянии 70-80 метров, побежал в открытую на немцев. Приблизившись к ним на 7-10 метров, крикнул: «Хенде хох». Заставил сбросить с плеч автоматы и втоптал их в снег. Опять же не без приключений доставил пленных к самоходке. Меня встретил экипаж, и в это же время вернулись разведчики: начальник штаба Васин и старшина. Передав им пленных, взобрался на самоходку перекусить. Осматривая окрестности по горизонту, я увидел, что от населенного пункта в нашу сторону движется большая колонна немецких солдат (не менее полка, решил я). Немедленно сообщил об увиденном. Первым к батареям рванул заместитель командира батальона по политчасти майор Иванов. Словом, немецкой колонне была устроена засада, и она была полностью уничтожена и пленена. На моей памяти такие цифры: пленных - 34, а всего уничтожено около 450 солдат. Наши потери – один тяжелораненый.

Самого себя мне хвалить нельзя. Однако не утерпел, чтобы себя не похвалить. Успех этой операции обеспечен только моими действиями, то есть успешное проведение разведки, пленение двух матерых фрицев, своевременное обнаружение колонны немецкой пехоты.

За эту операцию я был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени и получил очередное воинское звание «лейтенант». Начальник штаба батальона капитан Васин был награжден орденом Боевого Красного Знамени. По моему мнению, это заслуженная награда. Он мастерски выполнил ночной рейд по снежной целине, по

бездорожью. На высоком уровне провел разведку. Командир батальона майор Фокин был награжден орденом Суворова 3-й степени.

Были другие награждения. Бригаде было присвоено звание Радомской. Быть может, кто из 12-й САБРКОК прочитает эти строки и вспомнит это операцию.

Хорошо мы относились к пленным

На вопрос, как наши войска относились к мирному населению противника, я отвечу так: главный агитатор Илья Эренбург - он писал все эти призывы, вплоть до того, что бейте, убивайте, мстите. Вот такое и было на войне. Взяли первую немецкую деревню. Ну, народ наш разный. Стоит поленница дров, надо ж её поджечь или свалить, зайти в дом и все разбить. Остановились мы в этой деревушке у богатого хозяина. Жена его, старушка, все ходила и рыдала. Ну, а кто-то из наших пошел и застрелил их собаку. Зачем, не знаю. Эта старушка там чуть с ума не сошла. Иду я и слышу, что кто-то где-то плачет. Пошел на разведку. У немцев все чердаки приспособлены для проживания, вот на этом чердаке я и застал одного негодяя. Залез я на чердак и вижу: сидят там две девушки, у одной из них ребенок на руках, и старый, бледный старик, а наш старший сержант отбирает ребенка у девушки, отдает его старику и пытается его выгнать. Я этого старшего сержанта спрашиваю:

- Тебе чего здесь надо?

- Иди, куда шел!

После этого ответа я достал свое табельное оружие, и сунул ему в лицо. Меня такая злость взяла. Я готов был его там и застрелить. Ну, в общем, я его оттуда отпустил. Я всегда старался относиться хорошо к мирному населению, они-то нам ничего не сделали.

Хорошо мы относились и к пленным. Вот один случай. Когда было наступление на Берлин. Идем мы в наступление, а по дороге нам навстречу идет фриц. Его, главное, никто не останавливает, не стреляет. Мы к нему подошли, а он кричит: «Плен! Плен!» Ну, раз «Плен!», значит, иди. И никто его не тронул, а он идет себе и идет.

А однажды со мной был такой случай. Ночью наша колонна самоходок продвигалась к Одеру. Моя самоходка была в распоряжении начальника штаба. Остановились мы, начальник штаба вызывает меня к себе. Показывает мне карту и говорит, чтобы я узнал, находится ли кто-нибудь в доме на поле. Можно туда ехать или нет? Может, там засада? Ну, думаю, и задали задачку. Пристрелят там меня фрицы, и дело с концом. Поехали мы на самоходке. И мой механик, не знаю как, умудрился съехать в овраг. Думаю, что он испугался и специально съехал. Мы застряли и начали пытаться выбраться. Смотрю, едет начальник штаба. Посмеялся над нами и поехал дальше. Домик этот осмотрели без нас. Утром стоим, вдалеке идут три человека. Подошли ближе, а это мужчина, женщина и ребенок. Ночью был заморозок, а эта женщина в одних босоножках. Мужчина с большим синяком под глазом. Мы с ними поговорили. Узнали, что мужчину немецкие летчики избили, а они сами, идут в тыл. Ну, мы их отпустили.

Дня через два-три дня меня послали в штаб бригады, зачем, не помню. Я в штаб сходил, возвращаюсь обратно. Но пошел другой тропой, карта ведь есть, да и местность я хорошо выучил. Иду, значит, смотрю - впереди дощатый сарай. А оттуда какой-то звук, прислушался - кто-то плачет. Я притаился, достал пистолет, а любопытство берет. Кто там? Чего там? У сарая окна забиты. Я все ближе, ближе к нему. Подошел к двери, а оттуда доносится детский голос, и еще кто-то быстро, быстро говорит, по-немецки. Я ничего не понимаю, что они там говорят. Стою, жду. Думаю: «Была, не была!». Если заметили - пристрелят, нет - то я их в плен возьму. Я в дверь влетел, а там та женщина с ребенком. Женщина лежит на кровати, накрыта одеялом. Это та женщина с ребенком, которая нам встретилась недавно. Мальчишка как заорал, кинулся к женщине, а она что-то говорит, говорит, показывает себе пальцем в рот. Я понял, что она просит есть. Я их успокоил, поговорил с ними, узнал, что муж ее пошел узнавать дальнейшую дорогу. А мальчик от нее не отходит. Она показывает ему, чтобы он одеяло откинул. Одеяло распахнули, а там у нее черные ноги, все обмороженные. Сама она худая-худая. И все пальцем себе в рот и все говорит: «Эссен. Эссен».

Я сходил в свое расположение. Мы с ребятами собрали поесть: кулек сахара, буханку хлеба и две банки консервов, пошел обратно. Пришел, консервы открыл, этот парнишка схватил банку и сует ее матери, а она ругается, видимо, и заставляет его самого есть. Он так жадно ел, бедный, наверно, давно ему не приходилось кушать. Я вторую банку открыл и ушел. Прошло несколько дней, думаю, схожу, посмотрю, что с ними там. Пришел, а там эта женщина лежит мертвая, закрыта одеялом, мальчишки нет, наверное, с отцом ушел. Вот такой случай был.

Был случай

Висло-Одерская операция завершена. На фронте «тишина». Наша 12-я самоходная артбригада базировалась в лесном массиве недалеко от гор. В то время по лесам скрывались мелкие группы немецких солдат: особой опасности они не представляли. Однако, что у них на уме?

Я и мои сослуживцы, заместитель командира батареи лейтенант Ваня Зелов и наводчик Су-76 старший сержант Витя Матвеев, ради любопытства решили заглянуть вглубь лесного массива, а лес - крупная сосна, вооружившись одним ППШ, одной трофейной винтовкой и табельным карманным оружием пошли по выбранному маршруту.

Через некоторое время впереди показался сосновый молодняк. Приблизившись на незначительное расстояние, я заметил над кустами дым. Насторожился. Просигналил ребятам, чтобы приближались ко мне. Из кустов слышались странные звуки. Стало понятно, что там кто-то есть. Я стал осторожно раздвигать лапник и увидел, что на полянке, буквально в 10-12 метрах от меня, три немецких солдата что-то варили на костре. Недалеко от них четвертый солдат обдирал дикую козу. Вдруг немцы у костра засуетились, закрутили головами. Не раздумывая, я вскинул автомат и дал по немцам длинную очередь. Три немца упали, а четвертый успел убежать, так как почему-то автомат перестал стрелять (позже понял, что в затворную коробку попала ветка лапника). Я выхватил наган и побежал к упавшим у костра солдатам, один из них начал подниматься, но я выстрелил прямо в него.

По лесу шум, крик и треск - мы стреляем по немцам, а они от нас бегут. Нам ничего больше не оставалось, как припустить в противоположном направлении, мы ведь в «самоволку» ушли. Об этом случае долго молчал.

Второе награждение

Для меня самым памятным событием в Великой Отечественной войне явилась первая неделя Берлинской операции, начавшаяся 16 апреля 1945 года, а именно день 16 апреля. Прорыв обороны на Берлинском направлении проводился в темное время суток при освещении немецкой линии обороны мощными прожекторами. Наш самоходный артбатальон в этот момент находился на плацдарме у города Франкфурт (что на Одере) вблизи железнодорожной станции Лебус.

В период артподготовки был убит мой механик-водитель Федя Таран. В это же время и я получил маленький осколок, он и сейчас во мне. Новым водителем назначили Колю Щенникова. 18 апреля во время наступления моя самоходка подорвалась на фугасе. Взрывом проломило днище, разорвало один двигатель и оторвало спинку сиденья водителя. Водитель был легко ранен в голову. Меня переместили на другую самоходку. 21 апреля в бою за деревню Аренсдорф машина была подбита. Экипаж укрылся в березовой роще. Недалеко от нас сгорела самоходка, а командир ее погиб. Неприятель методично обстреливал рощу. При одном из выстрелов был убит мой заряжающий. 24 апреля пересадили на третью самоходку. В тот же день наш батальон самоходок выступил в город Фюрстенвальде, что юго-восточнее Берлина на реке Шпрее.

Где-то слева гремел бой. На мотоцикле к моей самоходке подкатил начальник штаба батальона капитан Васин и приказал во главе нашей батареи отправиться на помощь нашим, которых теснили немцы. К тому времени в батарее оставались две самоходки (две СУ-76 я потерял, а в третьей сгорел командир батареи старший лейтенант Мезенцев). Отыскав вторую самоходку, которой командовал лейтенант Костенко, и, передав приказ начальника штаба, я приступил к его выполнению.

Маршрут нашего движения к месту боя пролегал через лесную дорогу около химзавода. Путь был недолог, и через несколько минут я был на месте, а мой напарник лейтенант Костенко отстал. Оборону держал взвод автоматчиков. К нам приближались немцы, перебегая от дерева к дереву. Я открыл по ним огонь из пушки. Неожиданно наши автоматчики побежали назад. Оказывается, немцы обошли нас с левого фланга, выпрыгивая из окон полуразрушенного барака, и заходили к нам в тыл, скрываясь в лесной чаще.

Нам ничего не оставалось, как развернуться и следовать за автоматчиками. Во время разворота сели днищем на бровку дороги, и пришлось выпрыгнуть из самоходки и смотреть, в чем дело, чтобы принять верное решение для выхода из сложившейся ситуации. Несколько пуль цокнуло по броне. К счастью, мы удачно встали, и ни одна пуля никого не задела. Но уходить нам предстояло мимо кустов, где могли быть немцы. Подъезжая к этим кустам, я дал длинную очередь из автомата; проскочили без помех. К тому времени на площадке у химзавода были установлены орудия. Там же находилась отставшая от меня самоходка лейтенанта Костенко. Не успел я отчитать его за непослушание, как подъехал капитан Васин и приказал следовать за ним.

Прибыли к месту сбора всего батальона. Там командир батальона майор Фокин лично указал позицию каждой самоходке. Мне было приказано держать оборону у водонапорной башни при входе в город. Из укрытия я осмотрел прилегающую местность. В 120-150 метрах от нас был замаскирован немецкий «тигр», обращенный бортом в нашу сторону. Я принял решение: выруливаем из укрытия (из-за башни) на дорогу, производим два выстрела подкалиберными снарядами по танку и возвращаемся за укрытие. Так и сделали. Как только мы возвратились за башню, немцы открыли по ней огонь из многих орудий, по-видимому, танковых. Мы были вынуждены покинуть это место и отойти влево.

Выбрал место, откуда хорошо просматривались подходы к городу и железнодорожная насыпь, через которую небольшими группами перебегали немцы. Открыл огонь по этой насыпи, выстрелив раз десять. Потом, присмотревшись к прилегающей местности, поросшей высокой травой и

кустарником, увидел, что все кусты просто забиты солдатами. В этот же момент я открыл огонь по этим скоплениям, положив, не сомневаюсь, не один десяток немцев.

Метров в ста от меня вела огонь СУ-76 лейтенанта Костенко. В кого они стреляли, я не знаю. Увлекшись своей работой, мы едва не проглядели, что немцы уже приблизились к нам и находятся уже на расстоянии 15-20 метров, выглядывая из-за крутого спуска. Момент промедления - и нас спалят «фаустники». Небольшая группа автоматчиков, оборонявшаяся правее нас, оставила свои позиции и отошла назад. Я тоже дал приказ отходить. Во время движения посмотрел в сторону водонапорной башни, и увидел там тот самый «тигр», по которому мы стреляли, поворачивающий в нашу сторону орудие. У меня в голове промелькнула мысль: «Промаха не будет, только не в бензобак». Расстояние между нами не менее 150 метров. Продолжаем отползать. Признаюсь, я сильно испугался.

Не знаю, что нас спасло, но немцы дважды промахнулись, а мы укрылись за кирпичным сараем. Успокоились. У нас оставалось шесть бронебойных и три осколочных снаряда. Я решил использовать осколочные, и как только выехали из-за сарая, сразу же получили по правой гусенице. Гусеницу надо было восстанавливать. Из Су-76 начал вылезать механик, и как только он положил руку на лобовую броню, в самоходку попал очередной снаряд, и водителю оторвало по локоть левую руку. Мы вытянули водителя из люка, отвели за сарай, оказав соответствующую помощь. Пока я накладывал шину из ножа и ножен, он плакал и просил его застрелить.

Потом пришла помощь, заработали беглым огнем десятки минометов, мы были спасены.

Этим эпизодом закончилась Великая Отечественная война для моей бригады и для меня лично. За этот бой я был награжден орденом Красной Звезды.

В этом бою механик-водитель Су-76, которой командовал лейтенант Костенко, в самый сложный для него момент остался в самоходке один. Не растерялся. Сменив позицию, он перебрался к орудию, и, работая и наводчиком, и заряжающим, продолжал вести огонь по наступающему противнику до окончания боя.

Хотелось бы поделиться еще одним воспоминанием о том, что старший сын И.В. Сталина Яков попал в плен к немцам и бесследно исчез, общеизвестный факт. О том, что других известий о нем не имеется - несправедливо.

В сентябре 1942 года я находился на фронте под Сталинградом, в районе деревни Ерзовка. В этом районе буквально все было завалено немецкими листовками с призывами к советским солдатам сдаваться в плен. На одной из листовок, размером с тетрадный лист, были изображены два советских солдата, которые пилили дрова. Солдаты выглядели прилично, одеты в длинные шинели без погон, оба смотрели на фотографа. Под снимком была примерно такая надпись: «Вот они - сын Сталина Яков Джугашвили и племянник Молотова Василий Кокорин поняли несправедливость своих родителей и сдались в плен». Что-то еще было написано, но что - не помню. Таких листовок было много. Не может быть, чтобы такие листовки никто не видел, и они не были сохранены для истории.

Июнь 2009 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказали помощь студенты 1-го курса нефтегазопромыслового факультета Ухтинского государственного технического университета.

Калинин Станислав Александрович

и

Михайлов Никита Игоревич

Шевцов Леонид Александрович

Сейф достали со дна реки, он оказался очень ценным

Я родился 6 июня 1926 года в деревне Ковшово Мстиславского района Могилевской области Белорусской ССР.

Когда началась Великая Отечественная война, в 1941 году, я только закончил седьмой класс. Разве я мог тогда подумать о том, что война так круто поменяет не только мою жизнь, но и жизни таких же людей, как и я.

Война! Боже, какое страшное это слово! Все дальше и дальше уходит от нас тот роковой период жизни. Те, ужасно прожитые, в постоянном ожидании смерти, годы. И то постоянное чувство голода. В те моменты мы думали, что это была самая страшная и самая последняя война в истории нашей Родины. Любой был готов отдать всё самое ценное для него - это Жизнь! Ради светлой победы, ради мира на земле и ради счастья человеческого.

Иногда по ночам не могу заснуть, память настойчиво возвращает меня в те страшные и далёкие годы войны. Вспоминаю до мелочей лица ушедших в вечность друзей-однополчан. Вспоминаю слёзы матерей и детей. Вспоминаю те страшные картины - мертвых людей. Вспоминаю боль от

ранений. И всё это опять прокручивается в моей голове как киноплёнка.

С 1941 года до августа 1943 года Белоруссия находилась под оккупацией немцев. Над деревнями в те годы стоял сладковатый, уже устоявшийся запах горелого мяса. Тогда этот запах воспринимали как запах смерти. Когда немцы отступали, они жгли деревни и убивали их жителей. В те моменты наша семья пряталась в погребе. По ночам я выводил корову попастись.

И вот одной такой ночью, по просьбе отца, я вышел выпустить корову из сарая в огород. И тут неожиданно появился немец. Он забрал меня с собой и повёл вверх к концу деревни, где уже находились согнанные жители нашей деревни, человек 15. Все стояли и тряслись. Стояли молча, но их глаза кричали и молили о пощаде. А немцы курили и ухмылялись, бурча себе под нос какие-то непонятные для нас слова. Они прикладами и пинками подняли нас с земли и погнали по дороге. Сами поехали за нами на машинах.

Дорога была размыта от дождей, и скоро машины начали одна за другой буксовать. Немцы приказали тем, кто был постарше, вытаскивать машины, а мне один офицер сунул нести какой-то железный ящик, только потом я узнал, что это был полевой сейф. В то время я еще мог физически тащить врученный мне ящик. Вскоре мы дошли до реки, стали переходить мост, и я вспомнил, как часто до войны мы с мальчишками бегали к этой речке рыбачить. В тот момент я больше всего на свете захотел вернуться в то прекрасное мирное время. И ещё я вспомнил, что под мостом было очень сильное течение. И в тот же момент в моей голове возник план побега: я в один миг бросил сейф в воду и сиганул следом за ним.

Я старался нырнуть как можно глубже, чтобы немцы подумали, что я утонул. Сначала вслед за мной ударила автоматная очередь, а потом за мной в воду бросился фашист. Но его чудом унесло вниз по течению. А я в тот момент под водой подплыл под опору моста и схватился за куст. Было очень страшно и холодно, но я старался держаться изо всех сил. Я боялся даже пошевелиться. Руки словно приросли к кусту. Я просидел под мостом до вечера. Немцы, видимо,

подумали, что я утонул, и ушли. Но вылезать из воды я все же не решался.

Вдруг я услышал тихие голоса, прислушался и понял, что говорят по-русски. Это были наши разведчики. Неужели мои мучения закончились!? Я, что было сил, закричал, и солдаты помогли мне выбраться на берег. Зуб на зуб у меня не попадал, но я был так счастлив, что спасся. Очень часто я потом вспоминал эту речку и моё чудесное спасение.

Разведчики рассказали мне, что освободили нашу деревню, но, к сожалению, большинство жителей погибло. Я рассказал разведчикам о железном ящике, затем показал то место, куда его бросил. Вскоре сейф достали со дна реки, он оказался очень ценным. За проявление героизма и находчивости мне дали настоящее военное обмундирование.

В 1943 году меня вместе с другими ребятами отправили рыть окопы, а в январе 1944 года я был призван в действующую армию. С января по март 1944 года служил в 59-м артиллерийском запасном полку, расквартированном в лесах Смоленской области около станции Сухиничи.

Однажды к нам приехали командиры с фронта, нас всех построили и спросили, кто хочет добровольцем отправиться на фронт. Я тут же вызвался ехать на передовую. Вечером погрузили нас в вагоны и повезли в Белоруссию, в район города Брест, где я попал в 55-й артиллерийский полк разведчиком. Так страшно сбылась детская мечта мальчишки - стать разведчиком.

До самого окончания войны я прослужил в рядах невидимого фронта. Многих боевых товарищей и друзей я обрёл и потерял на войне. Командиром у нас был Самарин Анатолий. До сих пор вспоминаю этого человека с теплотой и благодарностью. Про таких, как он, пишут – отец солдатам. Нашего командира убили в Восточной Пруссии. Война была безжалостна ко всем, а особенно к молодым и умным.

Наш 55-й полк был в составе 61-й стрелковой дивизии 3-го Белорусского фронта. После освобождения Белоруссии наш полк освобождал Восточную Пруссию. После этого, где я только не воевал, какие города только не повидал. Я принимал участие в освобождении таких городов, как Цынтин, Вальтер-Кемен, Гумбинин, Кёнигсберг. Особенно запомнились бои за Кёнигсберг. Город был окружён рвами с водой, немцы

защищались ожесточенно. Это был своего рода последний оплот фашизма – ворота на Берлин.

Здесь, под Кёнигсбергом, был убит командующий фронта Черняховский. Я как артиллерийский разведчик засекал немецкие цели и передавал в штаб дивизиона. Чувство окончания войны заставляло сражаться нас с особой жестокостью и напором. Смерть за смерть. Невероятная злость исходила от русских солдат к фашистам! И, конечно, все рвались в Берлин.

Пройдя тяжёлый путь, с боями мы дошли до Берлина. Мы были в 100 метрах от Рейхстага. В те моменты я видел радость и слёзы в глазах солдат, с трудом победивших врага, и ликование на улицах Берлина. 9 мая 1945 года я встретил в Берлине, мне было всего 19 лет.

После окончания войны наш полк вернулся в Белоруссию, в город Лунинец. Я закончил курсы учебного артиллерийского дивизиона в звании сержанта. В 1946 году вошёл в 257-ю артиллерийскую бригаду, которая переехала в Северную Осетию в город Орджоникидзе. В воинской части №37271 я был командиром отделения артиллерийской разведки. В те моменты моей жизни я особо часто вспоминал командира нашего дивизиона Самарина Анатолия. Я вспоминал его умение руководить и брал с него пример. Мой военный опыт пригодился и в мирное время. С 1949 по 1951 года служил сверхсрочно в воинской части №20639. В августе 1951 года я был отправлен в запас и остался жить в Северной Осетии.

В 1958 году завербовался на работу на Север, в Коми АССР. Так Коми Республика стала для меня вторым домом, каким и остаётся до сегодняшнего дня. Стал работать электромонтёром в Войвожском промысловом управлении. Военные специальности сменил на мирные трудовые будни. Время было не из лёгких. В 1961 году поступил в Дзержинский химико-механический техникум. Учился заочно и закончил его в июне 1966 года. В 1965 году переехал жить в посёлок Шудаяг, где и живу до сегодняшнего дня. Позднее работал долгие годы на Ухтинской птицефабрике инженером-электриком, вплоть до выхода на пенсию в 1986 году.

Я прожил долгую и порой очень тяжёлую жизнь. Моя биография, опалённая с детских лет огнём войны. Дай Бог,

чтобы люди больше никогда не познали весь тот ужас, все тяготы военной жизни, той крови и голода, охвативший нашу Родину в 40-е годы. Я всё же счастлив, что был в тяжёлое для моей страны время рядом с ней, защищал её, делил все тяготы и невзгоды с моей и нашей Родиной! И Родина высоко оценила мои заслуги. Я был награжден медалями «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга», медалями «За взятие Берлина» (1 мая 1946 года) и «За победу над Германией»; орденом Отечественной войны 2-й степени; медалью «За освобождение Восточной Пруссии».

Ноябрь 2009 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказали помощь студентки 1-го курса нефтегазопромыслового факультета Ухтинского государственного технического университета.

Самичева Кристина Сергеевна

и

Терентьева Ирина Константиновна

Шишмакова (Садырина) Анастасия Николаевна

Моей задачей было перевязывать раненых прямо на поле боя

Я родилась в деревне Садырины Котельнического района Кировской области 22 апреля 1924 года. Семья у нас была большая: детей 9 человек. В то время жили большими семьями, не то, что сейчас! После окончания Молотниковской неполной средней школы, было это примерно в 1939 году, я поступила в Котельническую фельдшерско-акушерскую школу (так раньше назывались медицинские училища) города Котельнич Кировской области. Причиной моего выбора стала болезнь матери.

Когда началась война, я перешла уже на 3 курс фельдшерско-акушерской школы. Училась на акушерском отделении. Как только началась война, нашу школу закрыли, а всех учащихся перевели доучиваться в город Яранск. А меня перевели в город Киров, потому что там жила сестра матери. Учёбу нашу сократили на один год, выпустили сразу после 3 курса в 1942 году.

В последний год учебы я жила у тёти. Та, в своё время, жила с двумя дочерьми и мужем. Тётя работала портнихой, во время войны она шила на дому солдатское бельё. Помимо учёбы, надо было помогать ей. Мы, студенты, проходили

практику в Кировской областной больнице, куда каждую ночь прибывали поезда из блокадного Ленинграда. Больных клали и в палаты, и в коридоры, места катастрофически не хватало. Люди (и дети, и взрослые разных возрастов) были сильно истощены. До утра в больнице доживали немногие. В первую очередь умирали те, кто по дороге, на станциях, находил что-нибудь съестное и запихивал себе в рот без разбора. А им, в первые дни после голода, можно было есть только жидкую пищу, и то совсем немного.

После окончания фельдшерско-акушерской школы меня направили на работу в детскую поликлинику. Я до сих пор помню заведующую отделением – Щербакову Антонину Ивановну, которая сама была эвакуирована из Ленинграда. Она была очень хорошим специалистом, многому нас научила. И человеком была очень добрым, отзывчивым.

В 1943 году умер наш папа. С большим трудом мне пришлось перевестись на работу в город Котельнич, чтобы быть ближе к матери, которая часто болела, и к сёстрам. Устроилась медсестрой в туберкулёзное отделение районной больницы (туберкулёз тогда был очень тяжёлой и неизлечимой болезнью, и в любой момент я рисковала заразиться).

4 февраля 1944 года мне пришла повестка на фронт. Вместе со мной призвали ещё двух медсестёр – Валю Токаеву и Лиду Косолапову. С Валей нас отправили в одну часть. Путь был долгим.

Сначала ехали до Москвы, ночь просидели на Ярославском вокзале. Перед нами выступала настоящая балерина - это очень запомнилось, потому, как до этого никаких артистов видеть не приходилось. Утром посадили в другой состав и повезли в город Ржев. По дороге состав неоднократно бомбили, вот тогда-то я и оказалась в первый раз под бомбёжкой.

На пересыльном пункте станции Ржев нам дали номер нашей полевой почты и части, и пошли мы её искать. К ночи добрались до указателя нашей части и переночевали в палатке, где какой-то мальчишка лет одиннадцати (сыновей полка в те времена много было) растопил необычную для нас печку, сделанную из бочки. Он предложил нам согреться и переночевать там до рассвета.

С рассветом мы собрались снова идти искать свою часть, и, к нашему счастью, мальчишка знал её точное расположение, так что не пришлось нам вновь мерзнуть в февральскую стужу. Как только мы добрались до части, нас накормили и определили в полковой санпункт. А вечером того же дня меня отправили в разведку. Даже форму ещё не выдали! Так и пошла: в лёгкой жакетке, валенках и шали.

Ночью с разведчиками доползли до нейтральной полосы, где меня и оставили, а сами ушли к немцам. Я должна была ждать их и оказать медицинскую помощь, если кого-то из них ранит. Как вспомню ту свою первую ночь на фронте, аж дрожь пробирает. Жутко. Кругом темнота, вся земля и снег изрыты снарядами, холодно и очень страшно. Страшно ещё оттого, что предупредили: можно нарваться на немцев, которые тоже посылают своих разведчиков на нашу сторону.

К счастью, разведчики вернулись, а заодно прихватили с собой «языка», раненых не было. На второй день старшина повёл нас с Валей в штаб полка ставить на вещевое и денежное довольствие. По дороге туда нас обстреляли. Помню: «Ложись!», а мы ничего не понимаем, вцепились в него и тянем за рукава в разные стороны. Сержант и нас заставить лечь не может, и сам упасть не может тоже. Как живы остались, до сих пор не понимаю! Направили нас с Валей служить в разные полки: её в танковый, а меня в санчасть 1187-й стрелкового полка 381-й Ленинградской Краснознамённой стрелковой дивизии. Полк находился в то время на переформировании, так как понёс огромные потери в битве под Ржевом. Я стояла на карауле, охраняла медицинские палатки. Пробыла в этом полку совсем немного. Как раз в то время убрали женщин из пехоты, после приказа Сталина (в пехоте всегда были самые большие потери).

9 мая 1944 перевели на службу санинструктором первого дивизиона 935-го артиллерийского полка той же дивизии. В том полку было три дивизиона, в каждом по одному санинструктору. У нас в двух дивизионах были девушки, а в одном - парень фельдшер. Воинское звание у меня вначале было «красноармеец-санинструктор», со 2 июля 1944 года – старший сержант, а с сентября - старшина медицинской службы. Ещё была комсоргом своего дивизиона.

В моём дивизионе сначала других девушек не было, уже позднее прислали девушку-радистку. Жили мы с ней в двухместной палатке. А в нашем дивизионе солдаты разных национальностей были: русские, украинцы, грузины, таджики, узбеки. Но конфликтов не было, никто ни за кого не прятался.

Старшина дивизиона был очень хороший, бывший учитель из Сибири, лет 40-50-ти. Солдаты, в основном, тоже были хорошие и скромные. Раздобыли мне сапоги 41-го размера. Ножка у меня маленькая - 36-го, а выдавали 43. Вываливалась я из таких сапог, было очень тяжело, когда шли в атаку, надо бежать быстро за солдатами, а я спотыкаюсь. Но приспособилась я, набивала голенища сапог и рукава гимнастёрки бинтами, перевязочного материала надо было много, а места в сумке не хватало. Моей задачей было перевязывать раненых прямо на поле боя. И перевязывала, и вытаскивала, потому что санитары не успевали. Раненых отправляли в особые пункты сбора раненых, которые были недалеко от передовой. Уже там раненых сортировали по видам тяжести ранения, отправляли в медсанбаты, которые были в каждой дивизии.

Однажды, во время боя ранило командиров дивизиона и батареи. Я их перевязала, дотащила до траншеи, а уже потом их перенесли в пункт сбора раненых санитары. Я пошла за санитарами по траншее и увидела недалеко сарай, сколоченный из новых досок. Оттуда доносились стоны, вопли.

Я зашла. Сарай был полон раненых солдат. Кого-то сюда принесли санитары, кто-то сам дополз. Все просили помощи. Многие были очень тяжело ранены и умирали на глазах. Я взяла себя в руки и принялась перевязывать. Перевязывала до тех пор, пока не закончились бинты. А когда опомнилась, уже и темно было. Послали взвод разведчиков меня искать. Немало мне досталось от командира, когда меня нашли.

Полк часто вставал на переформирование (почти после каждого боя), так как очень много солдат погибало. На переформировании я учила солдат самих оказывать первую помощь при ранении. Командиры менялись очень часто, потому что, в основном, они были главной целью немецких снайперов. Позднее, на Карельском фронте, снайперов у

немцев было много, и отстреливали не только командиров, но и простых солдат.

Полк участвовал в боях под Ржевом, потом были Невель, Великие Луки. Из Великих Лук мы шли пешком до Ленинграда, в основном по ночам. Уставали, засыпали на ходу. Держали друг друга под руки, чтобы не упасть, если уснёшь на ходу. Пеших марш-бросков было много. На машинах стали перевозить только в самом конце войны. После освобождения Ленинграда, дивизия освобождала Карелию, Выборг, Прибалтику, Кенигсберг. Потом была Польша (Гданьск, Гдыня и др.). Менялось много названий фронтов: 2-й Белорусский, Ленинградский, Карельский.

Очень тяжёлые бои были на линии Маннергейма. Запомнился один бой. Перед его началом полк стоял в лесу. А когда бой закончился, на этом месте не осталось ни одного целого дерева, одни пеньки.

Эпизодов, когда я могла погибнуть, было очень много. Например, однажды мы сидели в маленьком окопчике, больше похожем на могилу, вчетвером на корточках, упираясь друг в друга коленями, обедали. И вдруг началась бомбёжка! Рядом разорвался снаряд. В нашем окопе одного убило, двоих ранило. А я одна цела осталась, только котелок осколком пробило. Этот котелок ещё долго в семье хранился. А потом я отдала его в музей никелевого завода города Реж Свердловской области, где жила с 1963 года.

Ещё один случай, произошедший в самом конце войны, весной 1945 года. Мы стояли в Германии на какой-то поляне. Готовились к тяжёлому бою, ожидали много раненых, поэтому предварительно набивали соломой матрацы, чтобы было больше лежачих мест. Сидели в палатке (у нас были большие медицинские палатки), а на улице пригревало весеннее тёплое солнышко. Я предложила подружке перейти набивать матрацы на улице. А подруга не хотела, говорила, что доделать осталось совсем немного. Но я настояла. И как только мы ушли от палатки – в неё, прямой наводкой, попал снаряд. Все, кто там остался - погибли. Подруга потом всё время благодарила меня, что я её от смерти верной спасла. А спасала и оберегала меня, наверное, маминка (так мы называли свою маму), которая за меня день и ночь молилась. Много раз соседки находили её в обмороке где-то на улице, во дворе, у

колодца. Ведь меня, единственную из девушек на округу, на фронт забрали. И ужасно страшно было очень часто. У меня перед атакой всегда сильно зубы болели, всё лицо распухало.

Ранений много всяких повидала. Сейчас стоит перед глазами солдат, мальчишка совсем, с тяжёлым ранением живота. У него весь живот разорвало, кишки на землю вывалились. А он, бедняга, в шоке, боли ещё не почувствовал, обратно их заправляет. И в глазах стоит вопрос и надежда. Но куда там, не спасли его, конечно.

Или вот ещё один эпизод. В одном из первых моих боёв бежим мы, значит, за пехотой, раненым помощь оказываем, перетаскиваем их в траншеи или в воронки. И вдруг я натыкаюсь на солдата, у которого ногу оторвало, а оторвало не полностью, а так, что ботинок висит на одном тоненьком клочке кожи. Мне надо эту кожу перерезать, кровотечение остановить и ногу забинтовать. А мне страшно, молоденькая, совсем без опыта. Не могу и всё заставить себя отрезать эту уже мёртвую ногу. Реву. Хорошо, рядом санинструктор Вася Дикий из соседнего дивизиона оказался. Обругал меня, отстриг кожу и выбросил ногу вместе с ботинком. А дальше я уже сама справилась: обработала рану и забинтовала ногу.

Осенью 1944 года я сама получила осколочное ранение в левую голень и попала на лечение в дивизионный медсанбат. Когда нога зажила, оставили служить тут же. Этот медсанбат тоже рядом с передовой находился. И там бомбёжки часто были. На карауле по очереди стояли. Приходилось мне и в операционной ассистировать. А я крови очень боялась. Пока в фельдшерско-акушерской школе училась, не раз в обморок падала в операционных или в перевязочных. И на фронте, пока не привыкла, тоже обмороки случались. В самом начале, когда в медсанбат попала, хирург заставил ассистировать при ампутации ноги у одного раненого, потому что гангрена начиналась. Приспособлений-то и оборудования специального не было. И вместо наркоза спирт внутривенно вводили. Мне было приказано встать на табурет и держать ногу повыше. Больше ничего не помню. Как только врач начал кость перепиливать, я с табурета и упала в обморок.

Уже в конце войны наш медсанбат чуть не попал к немцам, которые окружение прорвали. Пришел приказ вооружить всех медиков и раненых, кто мог оружие держать.

Я вызвалась на входе в здание стоять. Думала: «Пусть лучше сразу убьют, а к немцам не попаду». Обошлось, не пустили к нам немцев.

День Победы был очень теплым и солнечным. А такой зеленой травы я никогда больше не видела. Все обнимались, плакали и смеялись одновременно.

После окончания войны сразу не демобилизовали, т.к. больных и раненых нужно было долечивать. Направили служить в госпиталь, который стоял где-то в Германии (или в Польше?). В марте 1946 года дали отпуск на 2 недели (есть фотография с мамой, фотографировались в Котельниче, когда мама ходила провожать меня из отпуска). Еще есть фотографии в госпитале, но все сделаны после войны, когда солдаты находили трофейные фотоаппараты и фотографировали.

Демобилизовали только в июле 1946 года.

Муж, Шишмаков Анатолий Васильевич (умер в 1994 году), не любил вспоминать о войне. Он мой ровесник, из соседней деревни. В одной школе учились. Призвали в армию в 1942 г., закончил командирские курсы в Кирове. На фронте с 1943 года был. Служил офицером связи, командиром взвода автоматчиков. Крови и смертей много повидал. Был награжден орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За победу над Германией» и другими. В конце 1944 г. под Прагой тяжело ранило в ногу. Хотели ампутировать. Отправили в госпиталь в Свердловск. Спас какой-то старый профессор-хирург, эвакуированный из Ленинграда. Пожалел 19-летнего парня, у которого брат с фронта тоже без одной ноги вернулся. Сделал сложнейшую операцию на костях голени и коленном суставе, удалил одну из костей голени. Всю жизнь эта нога болела, часто воспалялась.

В 1946 году я с фронта вернулась, он за мной ухаживать начал. Вскоре и поженились. А потом муж рассказывал, как искал меня на фронте во время войны в белорусских болотах. Ему мать написала, что Тася Садырина из его школы (мы учились в параллельных классах) тоже на фронте и номер моей части. Оказалось, что где-то близко. Но найти землячку он не успел, наша часть уже снялась и ушла.

Сейчас уже всего отчетливо не вспомнишь. Да во время войны рядовым бойцам никто и не говорил, где находимся,

какой фронт, куда передвигаемся. После войны уже военную литературу читали, сопоставляли по названиям населенных пунктов, по фамилиям командиров. Тогда военные события лучше понимать стали. А мне, деревенской девчонке, мало что в жизни ещё повидавшей, было во время призыва всего-то 19 лет.

Жаль, что поздно стали наши воспоминания записывать. Ещё год назад я многое помнила и смогла бы рассказать. А сейчас, после инсульта, многое забылось.

Есть боевые награды (медали, благодарности командования). Не все, может, и получены, так как части переформировывали, нас перебрасывали с места на место:

- медаль «За отвагу» – 15.06.1944 г (№ 1224202, приказ №999);

- медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» – № 0244517 (вручили только в 1947 году);

- медаль «За боевые заслуги»;

- благодарности Верховного Главнокомандующего, Маршала Советского Союза т. Сталина, объявленные за боевые действия в борьбе против немецко-фашистских войск (записана в Красноармейской книжке командиром 457 ОМСБ капитаном Пересунько, № полевой почты 21421):

за прорыв долговременной обороны на Карельском перешейке – 11.06.1944 г.;

за прорыв линии Маннергейма и взятие города Выборг.

благодарность Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза т. Сталина (приказ Верховного Главнокомандующего от 10.02.45 г № 271) за участие в боях за овладение немецким городом Эльбинг;

юбилейные медали.

Ноябрь 2009 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказали помощь студентки 1-го курса нефтегазопромыслового факультета Ухтинского государственного технического университета

Кузнецова Светлана Васильевна

и

Канева Нина Игоревна

.

Щанников Михаил Ильич

Минометчик

Я родился 12 ноября 1923 года в деревне Козлы Судаковского сельского совета Тоншаевского района Горьковской области. Русский. Состоял в комсомольской организации, был членом КПСС. До войны, в 1936 году, окончил начальную школу (4 класса). В 1940 окончил ФЗО. В армию призвали в 1942 году, 27 августа. Из райвоенкомата отправили в город Горький.

Я был мал ростом (1 м 50 см) и весом 50 кг. Из Горького всех малорослых, нас было 42 человека, отправили в город Ижевск в учебный батальон. Там я учился на минометчика.

Это было осенью 1942 года, месяц не запомнил. Нас обмундировали, как настоящих солдат, во все новое и повезли на фронт. По дороге мы читали информацию о событиях на фронтах. Была сложная обстановка под Сталинградом, и мы догадывались, что нас везут туда. Но неожиданно в Саранске нас задержали надолго. Даже стали водить на горячие обеды в городскую столовую каждый день.

Сопровождал нас младший лейтенант, хорошо запомнилась фамилия – Газарьян. Он не стеснялся пинка дать или ударить любого солдата, особенно когда выводил из вагона на обед в столовую. А потом выдали сухой поек, назывался он «на путь следования» (на дорогу). Стояли мы в

Саранске, в тупике, 28 суток. Мы уже думали, может, какое вредительство, а оказывается, нас везли на Сталинградскую битву.

На политинформации сообщили, что в Сталинграде генерал Паулюс взят в плен, а может, убит, память стала плохая, забыл. Но повезли нас в том направлении, миновали Сталинград. Дальше ехали тихо, потому что шпалы и рельсы были уложены наспех. Так нас провезли еще километров 200. Дальше шли пешим строем, не помню сколько.

Дошли до передовой, заняли позиции, окопались. Петрова, одного нашего товарища, много раз предупреждали, чтобы он не высовывался из окопа, и все-таки он получил ранение. Нам с Беляковым приказали отнести его к месту, откуда забирают раненых. Только мы положили Петрова у стены разбитого здания, как послышались выстрелы с немецкой стороны. Я кинулся к траншее, и то ли от взрывной волны, то ли с испугу, оказался в землянке лежащим на полу. А это оказалась землянка командира нашего полка. Его в это время стриг солдат. Командир полка спросил, не ранило ли меня, и приказал еще одному солдату, чтобы мне налили кружку чая и дали кусок сахара. А когда я напился чая, приказал мне идти в часть.

Вот так, в составе Южного фронта, я начал свой боевой путь. 18 августа 1943 года наши войска перешли в наступление на Донбасском направлении. Прорвав мощную оборону противника на реке Миус, 8 сентября овладели Донецком, а к 22 сентября вышли к рекам Днепр и Молочная. Я запомнил страшную картину. Впереди идут немцы – пехота, выше локтя завернуты рукава, за ними идут танки, за танками еще пехота, а над танками низко летят самолеты.

В наших подразделениях, я так понял, началась паника. Ни о какой переправе я не слышал. Правда, мы, минометчики, шли чуточку позади пехоты. «Чуточка» эта могла быть не меньше полукилометра. Смотрю – передние ряды пехоты дают задний ход, ну, рванул и я, почувствовав окружение. Из вещмешка кусок хлеба достал, разломил, чтобы поместилось в карманы. Позади недалеко оставалась деревушка Степановка, а может, Александровка. Не запомнились эти названия. Вот на эту деревушку и был приказ отступать.

Я догнал своего товарища Кухарева, потом нас догнал

Белокопытов. Он из Кировский области, мы ехали с ним в одном вагоне из Ижевска на фронт. Он говорил, что мы с ним почти земляки, что он родом из Горьковской области. Когда он нас догнал, рядом было кукурузное поле и лужа грязной воды. Белокопытов нагнулся попить, а мы с Кухаревым вошли в кукурузу и больше его не видели. Значит, нас спасла кукуруза. Кухарев остался в окружении. А нас отвели на формировку.

Опять сформировали 3-ю стрелковую дивизию. Командир дивизии был осетин, генерал-майор. Фамилию не запомнил. Я служил в 9-м батальоне, в 3-й минометной роте. В дивизии были еще 5-й и 13-й полки. Командиром нашего полка был майор Доцко. Начальник штаба – майор Богучаров. Кажется, так.

20 октября 1943 года. Южный фронт был переименован в 4-й Украинский, его войска в течение октября-ноября сумели освободить почти всю Северную Таврию. 8 апреля 1944 года войска 4-го Украинского фронта во взаимодействии с Черноморским флотом и крымскими партизанами нанесли удар по крымской группировке врага. Прорвав хорошо укрепленную, глубоко эшелонированную оборону на Перекопском перешейке, Сиваше и под Керчью, войска 4-го Украинского фронта и отдельной Приморской армии устремились в глубину Крымского полуострова и вскоре подошли к укрепленным позициям противника под Севастополем.

Получив жестокое поражение и потеряв почти весь Крым, вражеское командование решило удержать хотя бы Севастопольский плацдарм, куда отошли остатки крымской группировки.

В итоге, в ходе Крымской операции 100 тысяч немецких солдат и офицеров были уничтожены или взяты в плен. Десятки тысяч гитлеровцев, пытавшихся эвакуироваться на судах и транспортах, нашли свою могилу на дне Черного моря. Почти вся боевая техника врага осталась в наших руках. Советские войска полностью освободили Крым и вернули Черноморскому флоту его главную базу – Севастополь.

И так мы шли дальше, освобождая Украину от фашистов. Сталинская область, Амвросевский район. Из этого района много новобранцев пришло к нам в пополнение. Ко

мне в минометный расчет прибыл Николай Тимофеевич Солашенко. Мы с ним освобождали Крым. А потом ушли своим ходом освобождать Литву. Там в составе 9-го гвардейского стрелкового полка я принял участие в белорусской операции, которая началась 23 июня 1944 года. В ней участвовали войска нескольких фронтов. Почти одновременными ударами на пяти участках наши войска прорвали оборону противника в 500-километровой полосе и за первый шесть дней продвинулись на 120-150 км.

В ходе дальнейшего наступления советские войска освободили всю Белоруссию и большую часть Литовской ССР. 17 августа 1944 года передовые части вышли к границам Восточной Пруссии.

В боях в районе Шауляя минометный взвод поддерживал наступление стрелкового батальона. Когда бойцы батальона залегли под сильным огнем, командир батальона поставил перед нами задачу: уничтожить пулеметы противника, поддержать огнем наступление батальона, решительно подавлять вновь выявленные огневые средства врага. Приказ был выполнен. Мы из своих минометов уничтожили два пулемета противника.

Стрелковый батальон поднялся в атаку и устремился вперед. Командир батальона остался доволен нашим огнем, а мне сказал, что я буду представлен к правительственной награде за точное попадание во вражеские орудия. Но через несколько дней, 27 августа 1944 года, я был ранен. Попал в один полевой госпиталь, другой и, наконец, оказался в городе Витебске. Малость подлечили, и опять на фронт – уже разведчиком.

Зимой 1945 к нам перебежал немец, оказался тоже разведчиком. Свой побег объяснял тем, что он совершил четыре преступления, больше там оставаться нельзя, говорил он. Позже его забрали в особый отдел. Наша рота называлась отдельная 42-я моторазведрота. Никакого «мото», только шесть лошадей и две брички. Вот я ими и рулил. А для разведчика я оказался «слаб в коленках», как говорится.

Войну я закончил на западе, Курляндская группировка была прижата к Балтийскому морю. 13 мая, пока выводили пленных, мы были на страже. Берлин взяли, а они не сдавались до последнего часа. 13 мая всю группировку вывели

из окружения. Нас вывели в город Клайпеду. Начали формировать полки, дивизии.

Пришел приказ часть войск направить на восточный фронт, то есть на войну с Японией. Я думаю: придется проехать весь Советский Союз с запада до востока. Но в первую партию я не попал. Оказалось, что в этом же полку служит начальник штаба бывшего нашего полка. Он проверял построенных к отправлению. Дошел до меня, приказал выйти из строя, идти в часть. Вскоре второй набор, я опять в строю. Теперь уж он в часть не стал меня отправлять. Так я поехал воевать с «япошкой».

Привезли нас в Комсомольск – и войне конец. Еще сколько-то подержали в сопках – горах Комсомольска, и переправили на пароме через пролив в порт Ванино для отправки на Сахалин и на Курилы. Плыли Татарским проливом. Большой товарный пароход «Уэлен», на верхней палубе половину укачало. Я с трудом вытерпел, да и то потому, что был в середине палубы. Нашу часть оставили на острове Сахалин. Вот тут я и дослуживал. Там впервые испытал и полет в самолете на учебно-тренировочных занятиях.

Демобилизовался в феврале 1947 года. Домой добирались тоже морем, с ледоколом, грузовым пароходом, в трюмах. Домой спешили к Пасхе с двумя кировскими солдатами. Ехали даже на подножках иногда, а паровозы топили-то углем. Сажа из трубы валила столбом и оставалась на наших шинелях. От Кирова ехал один. С последней остановки шел пешком до поселка Бурелом. Тогда там не было станции, а с Бурелома мне еще топать 20 километров до нашей деревни, которая называлась Козлы.

Вскоре устроился работать в Верхне-Унжемское лесничество. Более 20 лет отдал лесному хозяйству. Долгое время был лесником, а последние годы – мастером лесного дела.

Награжден нагрудным знаком «За сбережение и приумножение лесных богатств РСФСР». Кроме того, имею нагрудный знак «20 лет службы в государственной охране». Понимая, что без соответствующих знаний трудно вести лесное хозяйство, в 1971 году в возрасте 47 лет успешно закончил Марийскую лесотехническую школу.

Занимаясь мирным трудом, я и не подозревал, что меня ищет награда за ратный подвиг. И вот спустя 30 лет награда все же нашла меня. Оказалось, что я был награжден орденом Славы 3-й степени. А уже в 1983 году вышел на пенсию. За годы войны получил медаль «За отвагу» в 1943 году. Был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени.

Воспитал двух сыновей и двух дочек. Дочки уже обе на пенсии. Три внука, три внучки, пять правнуков пока.

Награды: медаль «За отвагу» № 833324, 25 марта 1945 года, орден Славы № 771985, орден Отечественной войны № 729673, две благодарности: «За отличные боевые действия при прорыве сильно укрепленной обороны» на Перекопском перешейке, «За отличные боевые действия при овладении важным опорным пунктом обороны немцев на Черном море на побережье Крыма, город и порт Евпатория». Приказ от 13 апреля 1944 года Верховного главнокомандующего маршала Советского Союза товарища Сталина.

Есть и в мирном труде заработанные награды. Награжден знаком «За сбережение и приумножение лесных богатств» 15 сентября 1963 года и 10 июля 1964 года № 856. Награжден знаком «За долголетнюю безупречную службу в государственной лесной охране» 28 июля 1966 года № 139; от 24 ноября 1972 года № 425; от 6 сентября 1983 года № 321 за 30 лет.

Погибшие родственники:

Пленкин Алексей Егорович, 1921 года рождения. Пленкин Максим Егорович, 1923 года рождения, призван Тоншаевским райвоенкоматом Горьковской области. Двоюродный брат Щанников Дмитрий Николаевич, 1923 года рождения, призван Тоншаевским райвоенкоматом Горьковской области, танковые войска, офицер. Щанников Конан Максимович (дядя), призван Тоншаевским райвоенкоматом Горьковской области, погиб в начале войны. Шулятьев Михаил Иванович, дядя, призван Тоншаевским райвоенкоматом Горьковской области, погиб в 1942 году. Щанников Зот Максимович, дядя, призван Тоншаевским райвоенкоматом Горьковской области, погиб на войне.

Ноябрь 2009 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказали помощь студентки 1-го курса факультета экономики и управления Ухтинского государственного технического университета

Демченко Наталья Сергеевна

и

Ярошинская Анастасия Витальевна

Оргкомитет по изданию 13-го тома мемуаров

в составе:

Руководителя Оргкомитета – Президента Академии исторических наук Шоля Евгения Ивановича;
членов Оргкомитета от Академии исторических наук – Дементьева Василия Дмитриевича, Луценко Виктора Николаевича, Пакина Евгения Михайловича, Пархоменко Владимира Ивановича, Шиманкина Владимира Васильевича, Шишкина Николая Константиновича;
членов Оргкомитета от Ассоциации Героев России – Брайко Петра Евсеевича, Кравцова Бориса Васильевича, Рунова Бориса Александровича;
членов Оргкомитета от Всероссийской общественной организации ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов – Карабанова Дмитрия Ивановича, Балагурова Алексея Кузьмича, Черкасова Николая Павловича, Азарова Виктора Яковлевича;
члена Оргкомитета от Московской общественной организации ветеранов войны – Слухая Ивана Андреевича;
членов Оргкомитета от города Ухты - Леканова Эдуарда Васильевича, Цхадая Николая Денисовича, Виричевой Ии Георгиевны, Свиридова Василия Ивановича

выражает благодарность за участие в организации подготовки рукописей воспоминаний:

преподавателям Ухтинского государственного технического университета - заведующему кафедрой истории и культуры Кустышеву Андрею Николаевичу, доценту Бубличенко Владимиру Николаевичу, старшим преподавателям Беляевой Оксане Игоревне, Шемиченко Татьяне Ивановне и Юрченко Виталию Вячеславовичу, технику Корнет Татьяне Анатольевне, а также президенту корпорации «НЭП» Алексееву Дмитрию Артемьевичу и ведущему программисту группы мультимедиа технологий ИВЦ Данилюку Сергею Леонидовичу

выражает благодарность за помощь в создании макета настоящего тома:

редакторам Лидяевой Наталии Игоревне и Федуловой Татьяне Михайловне

выражает благодарность за финансирование издания настоящего тома:

генеральному директору ООО «Газпром трансгаз Ухта», депутату Государственного Совета Республики Коми
Захарову Анатолию Алексеевичу

Мемуары

От солдата до генерала
Воспоминания о войне

Том 13

Редакторы: Лидяева Н.И., Федулова Т.М.
Компьютерная верстка: Лидяева Н.И., Федулова Т.М.

ИБ№424

Подписано в печать 01.04.10. Формат 60x84/16. Печать офсетная.
Бумага офсетная № 1. Печ. л. 31,25 Тираж 1000 экз. Заказ № 4462
Академия исторических наук
125080, г. Москва, ул. Панфилова, д. 20, корп. 2.
Отпечатано с готового оригинал-макета в ФГУП
«Производственно-издательский комбинат ВИНИТИ»,
140010, Московская обл., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, 403.
Тел. 554-21-86

ISSN 1818-6688 ISBN 9785903076208